

**Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социально-политических исследований
Российской академии наук
(ИСПИ РАН)**

на правах рукописи

Шажева Наталья Анатольевна

**Политизация гендерных отношений в процессе преобразования
российского общества
(на материале Северного Кавказа)**

**Специальность 23.00.02 - Политические институты, процессы и
технологии.**

Диссертация

на соискание ученой степени доктора политических наук

Москва - 2015

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Эволюция гендерной политической и социальной активности	27
П. 1.1. Гендерные отношения и женская политическая и социальная активность	27
П.1.2. Презентативные формы становления, развития и политизации женского движения	38
П.1.3. Основные этапы развития различных форм женской политической и социальной активности	56
П. 1.4. Секторальное гендерное пространство как мировоззренческое ядро гендерных структур и его политическое значение	77
Глава 2. Гендерные отношения в традиционном обществе и механизмы их политизации	97
П. 2.1. Роль и функции гендерных стереотипов в патерналистских этнических обществах	97
П. 2.2. Развитие форм женской социально-политической активности	117
П.2.3. Социально-политические процессы в системе гендерной активности в годы советской модернизации	141
П.2.4. Особенности женской социально-политической активности в Кабардино-Балкарской Республике	160
Глава 3. Влияние нового социально-экономического контекста 90-х годов XX века на особенности политизации гендерных отношений	185
П. 3.1. Экономические и политические детерминанты ментальных трансформаций патерналистских обществ	185
П.3.2. Механизмы изменения нормативного этнического поведения женского населения и его политизация	220
Глава 4. Политический контекст кризиса этнического гендерного	

сознания	263
П.4.1. Кризис этнической идентичности в современных условиях трансформации	261
П. 4.2. Политическая роль адаптивных компонентов в структуре гендерного секторального пространства	282
Глава 5. Альтернативные формы женской социально-политической активности на современном этапе	305
П.5.1. Трансформация общественных процессов в контексте эволюции женской социально-политической активности	305
П.5.2. Влияние гендерного фактора на развитие и политизацию этнокультурного сепаратизма	319
П.5.3. Политические аспекты гендерной парадигмы в конфессиональном пространстве	339
Заключение	358
Библиография	363
Приложение	406

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Современное состояние политизации этнического самосознания является объектом пристального внимания политологов, социологов, футурологов (ряд можно продолжить) и связано это с явлением, получившим название «рост национального самосознания».

Социальная трансформация всего российского общества в системах ценностных ориентаций представителей национальных меньшинств проходит в условиях явного недостатка институтов, выполняющих интегральные функции, в пределах дихотомии "этнос - государство". И относится это ко всем этносам Российской Федерации, включая – и русский народ, однако в самой острой форме это наблюдается относительно тех сообществ, которые первоначально не были ориентированы на западное ментальное пространство. Это выглядит еще более очевидным в условиях, когда процессы развития страны, зафиксированные в ключевых направлениях внутренней и внешней (экономической и социокультурной) политики, непосредственным перспективным результатом своим имеет все большее ее сближение в цивилизационном отношении с Европой, с миром, определяемым как "западная демократия".

Все социокультурные и социоструктурные изменения российского общества конца XX – начала XXI вв., либо, проходящие путь естественного эволюционного развития, либо определяемые государством, развиваются в рамках стандартов европейской культуры и приобретают свою актуальность в контексте европейских ценностей. Таким образом, они способствуют социальной адаптации лишь той части российского социума, которая и двадцать, и тридцать лет назад была готова к восприятию норм и канонов западной демократии.

Некорректная государственная политика, основанная на в выборе возможных направлений развития цивилизации российского общества приводит к формированию областей потенциальной конфликтности различных уровней и направлений – от отклоняющегося поведения отдельных социальных страт,

конфликтогенный потенциал которых, в ходе углубления и расширения процессов социокультурных трансформаций по образцу западного общества, переходит из латентной фазы в открытую.

И в этих условиях гендерные системы традиционных сообществ, отмеченные определенной бинарностью в том смысле, что, будучи ответственными за социальную адаптацию последующих поколений, они одновременно функционируют в качестве своеобразных институтов этнического социоструктурного и социокультурного воспроизводства, т.е., де факто они и способствуют эволюционным изменениям, в т.ч., особенно в политической сфере и, в это же время, резистентны по отношению ко всем видам модернизации традиционного этнического общества.

В этом отношении функционирование гендерных институтов в современных условиях характеризуется высокой степенью вероятности нерегулярных флуктуаций, которые для Российской Федерации имеют большое значение и приобретают особую значимость. Вопросы самого различного характера, начиная с большинства аспектов реализации нормативно-правовой ориентации современного российского общества до значимых компонентов национальной политики России тесно связаны с ними.

Процессы преобразования российского общества сопровождаются трансформацией гендерных отношений и их политизацией. Появляются различного рода конфликтные ситуации, которые выражаются в поведенческом несоответствии ценностям доминирующей национальной культуры. Некоторые формы гендерного поведения, имеющего место в традиционном обществе, заметно уходят на второй план. В итоге повышается уровень реального, в том числе политического статуса женщин, включенности их в политическую сферу. Отмечается нестабильность институтов брака. Роль ментальных стереотипов мужской части населения нивелируется, кроме того не редко наблюдается его уход от решения текущих проблем в область нефункциональных сублимативных проявлений – алкоголизм, наркоманию, массовую люмпинизацию.

Современные процессы трансформации общества обнажают глубинные механизмы его взаимодействия с социальными слоями и группами различного типа сознания (западного и восточного), что приводит к постепенному повышению этнического, этнополитического и этноконфессионального факторов вплоть до «столкновения цивилизаций» [1], что и непосредственно, и опосредованно влияет на роль женщины в сфере политических отношений.

Вступление человечества в эру постиндустриального общества, изменило отношение женщин к процессу социальной стратификации и в первую очередь к ее главному компоненту – обеспечению социальной защищенности семьи. В то же время стандартная идеология гендерных отношений в Российской Федерации не претерпела каких-либо значимых изменений и, в принципе, находится на том же самом этапе развития, который имел место в советский период. На самом деле, факторы дальнейшего ухудшения явлений демографического, морального и этического характера косвенно влияют на ситуацию в политических и других областях жизнедеятельности и являются дисбалансом между нефункциональной в наше время социальной иерархией в гендерной сфере и возросшей социально-политической активностью женщин.

Изучение основных тенденций эволюции, политизации гендерных институтов и альтернативных форм женской социально-политической активности – актуальная проблема политизации и социализации женщин, осознания ими своей новой роли в семье и обществе.

Рассмотрение политической наукой трансформационных процессов в гендерной сфере их общего и особенного в широком историческом диапазоне становится чрезвычайно востребованным и применительно к большинству регионов Российской Федерации. В этой связи первостепенное значение приобретает составляющая женской социально-политической активности, а именно – оптимизация стихийных и часто нежелательных политических последствий трансформации гендерных процессов формирующегося демократического общества. В настоящее время, женская социально-

политическая активность представляет собой стремление к целенаправленной адаптации, которая возникает на уровне функциональной роли семьи и роли женщины.

В связи с этим проблемы изучения эволюционных форм женской социально-политической активности в традиционных этнических сообществах представляются тем полем исследования, где могут быть выявлены основные тренды и формы эволюции женского самосознания, гендерное взаимодействие, являющееся гарантом социальной стабильности и консолидации социума.

Кроме того, актуальность диссертационного исследования обусловлена недостатком работ, касающихся влияния системы традиционных гендерных взаимоотношений на развитие ситуации в северокавказском регионе, а также тем, что на сегодняшний день модель межэтнического взаимодействия, даже столь характерная и значимая для Северного Кавказа, как институт взаимной коррелированности феминистских и патерналистских механизмов этнической идентификации и рекреации, является мало исследованной областью. Это, в условиях сегодняшней экономической и социально-политической ситуации в России, представляется одной из самых актуальных тем научного поиска.

Степень научной разработанности проблемы.

Тема диссертационного исследования находится на стыке ряда гуманитарных наук, в т.ч. политологии, социологии, культурологии, конфликтологии, политической экономии.

Гендерные системы, формы женской социально-политической активности, также как и история мирового женского движения отмечены высокой степенью изученности и, несмотря на довольно небольшой временной интервал существования современного социально-экономического и политического континуума, мы полагаем, что первоначальной точкой его формирования является конец 80-х – начало 90-х годов XX века. Хотя количество исследований, посвященных тем или иным сторонам актуализации потенциала женской социально-политической активности в обществе достаточно велико, в то же

время считаем необходимым отметить, что число работ, принадлежащих перу российских (советских) исследователей не так уж много.

Работы таких ученых, как Р.Г. Яновского, С.Г. Айвазовой, Н.М. Римашевской, М.Г. Котовской, Н.А. Шведовой, Т.А. Мельниковой, Т.В. Карадже, М.В. Фирсова, Е.И. Холостовой, Л.Т. Шенелевой, О.А. Хасбулатовой, М.Е. Баскаковой, Е.А. Баллаевой, Е.Р. Ярской-Смирновой [2] составляют золотой фонд гендерных исследований в широком политическом и социально-политическом аспектах. Многие из них изучают участие женщины в управлении государством. Это – чрезвычайно важная проблема, но она не исчерпывает весь комплекс политических аспектов трансформации гендерных отношений в условиях модернизации российского общества.

Исследованию основных тенденций развития общественно-политических процессов, технологии принятия решений, обеспечивающей широкое представительство различных социальных страт в политическом процессе посвящены работы ведущих теоретиков-политологов, философов, социологов М. Вебера, Ю. Хабермаса, Р. Дарендорфа, Э. Гидденса, Т. Гоббса, Г.Ф. Гегеля, Дж. Локка, А. Тойнби, К. Поппера, П. Сорокина [3].

Анализу специфики взаимодействия государства и общества, проблемам их взаимодействия в политическом процессе, посвящены труды таких ведущих зарубежных исследователей как П. Бурдьё, К. Маркса, Э. Дюркгейма, Т. Парсонса, И. Гофмана, З. Фрейда, Г. Зиммеля, Г. Спенсера, М. Хайдеггера, Дж. Коэна, Р. Патнэма, Ф. Шмиттера.

Исследованию традиционного общества посвящены работы Л. Дюмона, Ф. Ницше, К. Шмитта, М. Элиаде, О. Шпенглера и др.

Вполне закономерно, что труды современных российских политологов, философов и социологов общетеоретического плана в том или ином аспекте касались гендерной проблематики и вопросов изучения политической трансформации постсоветского периода. В этом ряду находятся работы Г.В. Осипова, Н.Н. Моисеева, Л.Л. Рыбаковского, С.В. Рогачева, В.Г. Афанасьева, И.В.

Бестужева-Лады, В.П. Култыгина, В.С. Агеева, М.Д. Валовой, Л.Е. Ильичевой, В.Я. Гельмана, Р.Р. Галлямова, Н.В. Досиной и других [4].

Большой интерес представляют работы, появившиеся в последние годы – И.Н. Калабихиной, Т. Г. Клименковой, И. К. Жеребкиной, Н. Л. Пушкаревой [5].

Определению гендерных социально-политических индикаторов, основной целью которых является исследование социального неравенства мужчин и женщин относятся работы С.М. Поповой, С.М. Шахрая, А.А. Яника [6].

Значимыми для разработки общей концепции диссертации явились теоретико-методологические разработки, затрагивающие проблемы взаимовлияния гендерного, национального и политического дискурсов (О.В. Рябов, И. С. Кон) [7].

Особую группу работ представляют исследования роли мужественности в политических процессах: Е. А. Здравомысловой, А. А. Темкиной, И. С. Кона, И. И. Новиковой, А.Л. Салагаева, О. В. Шабуровой [8].

Изучению социально-политической активности в гендерном измерении посвящены работы О.А. Хасбулатовой, М.Е. Баскаковой, Е.А. Баллаевой, М.А. Бутаевой, Н.М. Римашевской, Е.А. Здравомысловой, Л.Т. Шинелевой, А.А. Темкиной, О.Г. Овчаровой, Л.С. Ржанициной, М.В. Тарасовой, Н.А. Шведовой, С.Г. Айвазовой, Е.Р. Ярской-Смирновой и др. [9].

К исследованию вопроса, касающегося национальной специфики гендерных проявлений относятся работы Н.Л. Пушкаревой, Е.И. Горошко [10].

Проблемам оценки трансформационных моделей в процессе модернизации традиционного общества, которые позволяют изучить вопросы гендерной асимметрии на различных уровнях (глобальном, региональном, локальном), посвящены работы отечественных исследователей В.А. Тишкова, В.В. Шелохаева, К.С. Гаджиева, С.Г. Кара-Мурзы, Л.Н. Гумилева, М.М. Лебедевой, М.Н. Гринева, А.И. Юрьева [11] и др.

Специфике гендерных представлений на политическое поведение посвящены исследования С.Г. Айвазовой, Е.Р. Ярской-Смирновой и др.

Для нашей работы чрезвычайно важным является анализ статусного положения женщин в традиционных обществах Северного Кавказа, особенностей менталитета, этнокультурных традиций, которые и сегодня достаточно сильны, для того, чтобы существенно изменить гендерные отношения в северокавказском регионе. И к таким исследованиям относятся работы: Х.М. Думанова, С.Х. Мафедзева, М.А. Бутаевой, М.А. Текуевой, Л.Х. Сабанчиевой, И.И. Маремшаовой и др [12].

Тем не менее, несмотря на значительный объем литературы, посвященной гендерной проблематике, работ, рассматривающих процесс модернизации традиционного общества, специфические проблемы этнических обществ, исследующих уникальность тех или иных черт внутриэтнической социальной структуры, иначе говоря – ориентированных на этническое своеобразие, крайне недостаточно. Представленная на защиту диссертация в определенной мере восполняет этот дефицит.

Объект исследования – политизация гендерных отношений.¹

Предмет исследования – политизация гендерных отношений на Северном Кавказе в процессе преобразования российского общества.

Цель диссертационного исследования: на основе комплексного социально-политологического исследования определить развивающиеся и доминирующие общие и специфические тренды политизации гендерных отношений в условиях новой российской экономической и политической реальности. Выявить специфику общего и особенного в трансформации процессов участия женщин в общественно-политической жизни северокавказского региона. Предложить механизмы, формы и методы повышения эффективности женского движения региона.

¹Термин политизация гендерных отношений трактуется в диссертации как возможность и способность активного, равноправного, легитимного участия женского сообщества в политической и других сферах жизнедеятельности общества, выступающая как одна из важных политических доминант цивилизационных отношений.

Задачи исследования:

- выявить в историческом контексте общие и особенные факторы, влияющие на политическую трансформацию традиционного общества и гендерного сознания;

- на основе результатов диссертационного исследования определить наиболее значимые и зарождающиеся тренды политизации гендерных отношений в процессе преобразования традиционного общества;

‣ определить влияние различных экономических, социальных, политических факторов трансформации общественной жизни на политизацию различных форм и аспектов гендерных отношений;

- систематизировать опыт основных форм женской социально-политической активности; раскрыть общее и особенное в детерминантах эволюции женской социально-политической активности в региональном социуме;

- обобщить опыт участия женщин в организованных и латентных формах в процессе преобразования традиционного общества и их влияние на политизацию гендерных отношений;

‣ проанализировать механизмы, в т.ч. политические, реализации женского влияния на социум в пределах традиционных, либо условно традиционных этнических сообществ и определить дальнейшие направления их политизации;

‣ определить влияние религиозных факторов на становление этнического изоляционизма и радикальных моделей этнической самоидентификации.

Основная гипотеза исследования: В условиях дальнейшей модернизации общественных процессов в мире, стране и регионе будет возрастать уровень политизации гендерных отношений, а вместе с ним и политическая роль женщин, их влияние на все стороны жизни общества, в т.ч. участия в процессе управления. Наряду с общим политическим трендом будут усиливаться специфические особенности, связанные с историческим прошлым и настоящим различных регионов. Предполагается, что в условиях преобразования традиционного общества и трансформации гендерных отношений особое значение может иметь

возрастание роли и статуса женщин в семье и обществе, в силу чего можно ожидать появление открытых или скрытых этнических и социально-политических конфликтных ситуаций.

Теоретико-методологической основой исследования являются идеи о социальной обусловленности общественных эволюционных движений, положения, касающиеся основных исследований гендера о характере его влияния на человеческое общество (П. Сорокин), а также концепт важности гендерного фактора в политической модернизации общества, разработанные ведущими отечественными и зарубежными учеными.

Для современного этапа политического процесса исключительное значение имеют классические работы В. Парето, Г. Моска, П. Михелеса, Р. Дарендорфа, И.А. Ильина, Б.Н. Чичерина, М.Я. Островского.

В плане общей концептуальной оценки дисциплин о человеческом обществе нам представляется важным поливекторный ситуативный подход, получивший свою завершённую форму в трудах М. Вебера – о социальной организации в виде сложного агрегатированного образования и ее функционировании как целостной взаимодействующей системы.

Разработке методологии исследования также способствовали идеи Дж. Батлер, Е. Косовски-Седжевик, В. Брайсон (теория гендерной идентичности), Г. Зиммеля, У. Штейнбега (концепция функционирования гендерных стереотипов), Т.В. Беданс (психология гендерных отношений), Д. Бернарда, Б. Фридан, С. Де Бовуар, К. Миллет (концепция неравенства полов в экономическом, политическом и социокультурном измерениях), У. Томаса, Л. Уайта, Дж. Мердока, Э. Гидденса (теория социальной адаптации), Ж. Гурвича, Г. Адорно (теория социальных систем), П. Сорокина (теория социальной мобильности), Л.В. Сажиной, М.Г. Горлач (гендерная концепция), Л. Иригаре, Р. Брайдогги (проблематизация женской субъективности), Н. Фрейджер, Дж. Батлер, В.Брайсон, И. Жеребкиной, Л. Попковой (политическая теория феминизма), И. Кона, М. Кауфмана, Р. Коннела (исследования маскулинности), В. Клеина (концепция маргинальности женщин),

Г.В. Осипова (теоретические основы научного управления обществом), Л.М. Дробижевой (изучение этноконфессиональных факторов), Э.Д. Кисриева (роль религии в идеологическом пространстве России).

Рассматривая гендерные системы и роль женщины в традиционных этнических обществах, мы придерживались цивилизационного, институционального и системно-аналитического гендерного подходов, подразумевая при этом тотальный характер патернализма народов региона, его презентативную актуализированность, как в рамках внутрисемейных отношений, так и экстраполированность на все сферы жизни – даже в современных условиях кризиса маскулинных стереотипов и поведенческих норм «мужчины-воина», «мужчины-защитника». Кроме того основными научно-исследовательскими методами явились:

- структурно-функциональное измерение;
- экспертные, мониторинговые интервью;
- географический и этнологический методы пространственной и национальной преемственности;
- контент-анализ;
- дискриптивные и корреляционные характеристики.

Эмпирическая база исследования представлена широким спектром наблюдений за развитием политизации гендерных отношений в современном региональном социуме, которые обнаруживают глубинные социальные изменения, скрытые от повседневного взгляда различными устойчивыми идеологическими дискурсами. Эмпирической базой выдвинутых теоретических положений и практических рекомендаций стали результаты вторичного анализа общероссийских исследований, а также социологических исследований, проведенных автором среди населения в территориально-административных районах Кабардино-Балкарской Республики, в частности:

- Социологическое исследование по изучению электоральной активности женщин КБР. Исследования проводились с 1995-го по 2008 г. Опрошено 700

женщин, в возрасте от 25 до 60 лет. Признаки репрезентации: пол, возраст, образование, сфера занятости, пространственная локализация. (Руководитель Н.А. Шаожева.)

- Глубинные интервью, проведенные в 1999-2010 годах (n=1400). (Руководитель Н.А. Шаожева.) Эмпирический объект - жители Кабардино-Балкарии в возрасте от 18 до 70 лет. Выборка квотная по признаку – пол, возраст, образование респондентов. Исследования посвящены изучению влияния трансформационных процессов российского общества на гендерные взаимоотношения в традиционном обществе; выявляется степень адаптированности гендерных систем в условиях экономического кризиса; определяются механизмы нормативного этнического поведения в современных условиях; гендерный фактор в социально-экономическом и политическом развитии региона.

- Экспресс-опрос по выявлению данных, касающихся отношения к исламу в молодежной среде г. Нальчика. (Руководитель Н.А.Шаожева.) Опросы проведены в 1998, 2008 и 2011 гг. Выборочная совокупность: 350 – 400 человек. Признаки репрезентации: пол, образование, сфера занятости.

- Выявление мотивационных и целевых установок современного студенчества стал возможен благодаря применению двух «мягких» методов социологического исследования. Ими стали включенное наблюдение моделей повседневного поведения участников образовательного процесса в вузе (на примере Кабардино-Балкарского государственного университета и Кабардино-Балкарской государственной сельскохозяйственной академии) и ряд нестандартизированных интервью с участниками образовательного процесса (школьники (n = 200), студенты (n = 300), преподаватели (n=300)). Опрос был проведен в 2011 г. (Руководитель Н.А. Шаожева.)

В диссертационной работе использованы также материалы общероссийских исследований, контент-анализ документов предвыборных компаний в органы местного самоуправления населенных пунктов Кабардино-Балкарии; материалы

архивов КБР, данные текущих архивов министерств и ведомств республики, личных архивов; данных Управления федеральной службы статистики по КБР; наблюдения автора, касающиеся функционирования женских общественных организаций и консолидированных групп; публикации в научных, специфических и ведомственных журналах, а также в периодической печати.

Совокупность эмпирических данных по Кабардино-Балкарии в достаточной степени репрезентирует и позволяет типизировать основные тенденции трансформационных процессов в гендерной сфере в отношении других субъектов Российской Федерации, прежде всего Северного Кавказа.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в следующем:

1. Выявлены основные тренды влияния складывающейся принципиально новой социально-политической ситуации в мире и в России на политизацию гендерных отношений и социально-политические последствия этого процесса.

2. Сделан вывод о динамике и весьма значительном преобразовании традиционных обществ, сопровождающееся трансформацией гендерных отношений и усилением, в свою очередь, их политизации, в т.ч. повышением роли, статуса, легитимности и социально-политической активности женщин в социуме и их противоречивого влияния на политику.

3. Определена степень различия «общего» и «особенного» в политизации женского коллективного и индивидуального сознания в трансформирующемся традиционном обществе и его отражение в политизации гендерных отношений в регионе.

4. Уточнены политические, экономические, социальные, этнические детерминанты развития форм женской социально-политической активности и изменение статусного положения женщины в обществе и смена их на разных этапах общественного развития на Северном Кавказе, в т.ч. в Кабардино-Балкарии.

5. Выявлены основные параметры особого института традиционных

обществ, находящегося в переходной стадии своего развития – секторального гендерного пространства, внутри которого формируются определенные позиции женщин (политизация). Иными словами, это локализованное в семейном кругу женское влияние, распространяющееся на различные сектора жизнедеятельности.

6. Определено прямое и опосредованное влияние новой социально-политической реальности в стране и регионе на социальные и психологические механизмы функционирования секторального гендерного пространства в условиях деструкции патерналистских этнических обществ Северного Кавказа.

7. Обобщен опыт реализации женской социально-политической активности в политическом и этнополитическом аспекте, рассматриваемый на современном этапе в качестве основного показателя развития политизации женщин в современном региональном социуме.

8. Выявлены механизмы конфессионального изоляционизма, и показана их ключевая роль в политизации гендерных отношений.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Изменение основополагающих доминант социально-политической реальности на Северном Кавказе существенно влияет на динамику политизации гендерных отношений, делая их все более сложными, динамичными и часто плохо предсказуемыми.

2. Повышение гендерной активности в современном северокавказском обществе привело к возрастанию политической и общественной роли женщин.

3. Ослабление вертикали власти и единого правового пространства РФ способствовало потере традиционными институтами своего идеологического влияния в регионах страны, что позволяет определенным консолидированным социальным группам, а в ряде случаев и органам власти, идти на дальнейшую фрагментацию зон функционирования общества, с фактическим переходом к образованию во многом автономных социально-идеологических сообществ.

4. Социально-политическая и идеологическая устойчивость автономных социальных сообществ настолько невелика, что доминирующее влияние в них

захватывают уже и мелкие группы. Наличие взаимоисключающих или даже слабоконфликтных интересов различных социальных и этнических групп в подобной ситуации и при ослаблении стабилизирующего влияния традиционных гендерных систем чревато развитием открытого конфликта, получающего, либо межнациональную, либо конфессиональную окраску.

5. Происходит многоаспектное включение политики в сферу общих и специфических интересов женщин на всех уровнях, начиная от уровня внутригосударственного управления до внутрисемейного. В связи с чем, для традиционных обществ характерным является распространение женского влияния на социум часто в скрытых, внешне не выраженных формах.

Особый институт традиционных обществ - секторальное гендерное пространство – фактически берет на себя, с одной стороны, формирование и развитие политического потенциала женщин, с другой стороны, повышение их статуса во внутрисемейных отношениях, как следствие, латентного влияния женщин на поведение мужчин, с третьей стороны, продуцирование адаптивных архетипов мотивации и социального поведения в сознании подрастающего поколения – базовых гендерных комплексов. Происходит социализация индивидуума в условиях разрушения традиционных ценностей, что получает все большую политическую акцентировку.

Возникает и укрепляется ментальная дихотомия «свой-чужой», имеющая, как правило, четко выраженную национальную, а не моральную окраску.

6. Политически значимо то, что практика социальных гендерных отношений изменилась, а стереотипные представления, сложившиеся в традиционном обществе, во многом остались устойчивыми. В этом выражается расхождение между живучестью стереотипных представлений и реальностью, что отражается и на политизации гендерных отношений.

7. При доминировании национального подхода инонациональное влияние воспринимается как культурная агрессия, направленная на уничтожение традиционных систем общежития. Изменение моделей сексуального поведения

гендерные системы традиционных этносов воспринимают как прямую угрозу базовой целеполагающей репродуктивной роли женщины.

8. Адаптивная тактика женщин в условиях изменения стандартов женского поведения приводит к активизации женщин в сфере ортодоксальных политических и религиозных норм. Развивается процесс обесценивания традиционных нравственных представлений и приоритетов. Этническая среда народов Северного Кавказа реагирует на все эти явления политической и этнической радикализацией и формированием альтернативных социальных пространств, в которых новационные нормы поведения невозможны (исламизация населения). Гендерные системы при этом выполняют функции механизма инициации указанных процессов.

Теоретическая значимость работы.

Исследование раскрывает специфические закономерности общего процесса политизации общественных, в том числе гендерных отношений на Северном Кавказе. Выявлены устойчивые тенденции функционирования институтов этнического социокультурного и социоструктурного воспроизводства, подходы к гармонизации как внутренней, так и внешней политики государства. Можно с полной уверенностью говорить о том, что гендерные взаимоотношения являются важной частью политических отношений, политических эволюционных движений современной цивилизации.

Результаты исследования помогают выявить теоретико-методологические аспекты механизмов продолжающейся деструкции патерналистских систем и латентную феминизацию этносов, при этом основной акцент делался на моментах становления ее различных видов как специфического проявления социальных отношений.

Практическая значимость исследования видится в возможности использования его выводов и практических рекомендаций в деле формирования основных направлений деятельности государственных органов и общественных организаций, как страны, так и регионов в сфере социальной политики.

Положения диссертационного исследования будут полезными при разработке федеральных и региональных программ противодействия распространению экстремистских и радикальных движений.

Положения и выводы, сформулированные в диссертации, представляют ценность для политологических и социологических исследований. Кроме того, они также могут быть использованы в разработке курсов по политологии, социологии, гендерологии и конфликтологии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Хантингтон, С. Политический порядок в меняющихся обществах [Текст] / С. Хантингтон. - М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 480 с.
2. Яновский Р.Г. Личность, культура, общество: глобальные изменения на пороге Третьего тысячелетия [Текст]/Р.Г. Яновский//Личность, культура, общество. – 1999.- № 1(1). – Т. 1. – С. 6-21; Айвазова, С.Г. Женщины и общество. Гендерное измерение политического процесса в России [Текст] / С.Г. Айвазова. - М.: ИСПИРАН, 1997. – 321 с.; она же: Женское движение в России: традиции и современность [Текст] / С.Г. Айвазова//Общественные науки и современность. - 1995. - № 2. – С. 121-130; она же: Идейные истоки женского движения в России [Текст] / С.Г. Айвазова//Общественные науки и современность. - 1991. - № 4. – С. 125-133; Карадже, Т.В. Политическая философия [Текст] / Т.В. Карадже. – М.: Мысль, 2007. – 234 с.; Котовская, М.Г. Гендерные очерки: история, современность, факты [Текст] / М.Г. Котовская. – М.: ИЭА РАН, 2004. – 264 с.; Разорвать круг молчания...О насилии в отношении женщин [Текст] /под ред. и предисл. Н.М. Римашевской. – М.: КомКнига, 2005. – 353 с.; Римашевская, Н.М. Гендерные стереотипы и логика социальных отношений [Текст] / Н.М. Римашевская//Гендерные стереотипы с современной России/отв. ред. Назарова И.Б., Лобза Е.В. – М.: МАКС Пресс, 2007. – С. 7-24; Гендерные стереотипы в меняющемся обществе. Опыт комплексного социального исследования [Текст] / ред.-сост. Н.М. Римашевская, Л.Г. Луныкова. – М.: Наука, 2009. – 245 с.; Права женщин и институты гендерного равенства в регионах России [Текст] / отв. ред. Н.М. Римашевская, О.А. Воронина, Е.А. Баллаева. – М.: МАКС Пресс, 2010. – 421 с.; Шведова, Н.А. Просто о сложном: гендерное просвещение [Электронный ресурс] / Н.А. Шведова. - Режим доступа: <http://>

- www.owl.ru/win/books/easygender/shved.htm.; Шведова, Н.А. Экономическое и политическое положение американских женщин [Текст] / Н.А. Шведова//США и Канада: экономика, политика, культура. - 2007.- № 11. – С. 43-56; Мельникова, Т.А. Женское движение в России: традиции и инновации [Текст] / Т.А. Мельникова. – М.: Мысль, 2000. – 186 с.; она же: Женское движение в политических процессах современного общества [Текст] / Т.А. Мельникова. – М.: Симс, 1999. – 186 с.; Фирсов, М.В. Введение в теоретические основы социальной работы [Текст] / М.В. Фирсов. – Москва: Институт практической психологии; Воронеж: Модэк, 1997. – 192 с.; Холостова, Е.И. Генезис социальной работы в России [Текст] / Е.И. Холостова. - М.:«Дашков и К», 2012.- 232 с.; Хасбулатова, О. А. Опыт и традиции женского движения в России (1860-1917)[Текст] / О.А. Хасбулатова. - Иваново, Ивановский гос. универ-т, 1994. – 136 с.; Гендерное неравенство в современной России сквозь призму статистики [Текст] / отв. ред. М.Е. Баскакова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 336 с.; Гендер и глобализация: теория и практика международного женского движения [Текст] / под общей редакцией Е. А. Баллаевой.- М.: Мысль, 2003. – 267 с.; Ярская-Смирнова, Е. Р. Советская социальная политика и повседневность, 1940 – 1980-е гг. [Текст] / Е. Р. Ярская-Смирнова, П. А. Романов, Н. В. Лебина//Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940 – 1985 гг.- М.: Наука, 2007. – С. 124-167.
3. Попер, К. Открытое общество и его враги в 2 т. [Текст] / К. Попер. - М.: Феникс, 1992.- Т. 1. - 485 с. Т. 2. – 528 с.; Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма. Избранные произведения [Текст] / М. Вебер/ Пер. с нем./Сост., общ.ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайденко. — М.: Прогресс, 1990. — 808 с.; Гидденс, Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации [Текст] /Э. Гидденс. - М.: Академический проект, 2005.- 528 с.; Гидденс Э. Ускользящий мир: как

- глобализация меняет нашу жизнь [Текст] / Э. Гидденс. Пер. с англ. М.Л. Коробочкина. – М.: Весь мир, 2004. – 116 с.; Хабермас, Ю. Вовлечение другого: Очерки политической теории [Текст] / Пер. с нем. Ю. С. Медведева; под ред. Д. А. Скляднева. — М.: Наука, 2001. — 417 с.; Тойнби, А.Дж. Цивилизация перед судом истории [Текст] /А. Дж. Тойнби.– М.: Айрис Пресс, 2003. – 589 с.
4. Осипов, Г.В. Социология и социализм [Текст] / Г.В. Осипов. – М.: Наука, 1990. – 339 с.; Моисеев, Н.Н. Человек. Среда. Общество [Текст] / Н.Н. Моисеев. - М.: Политиздат, 1982. – 240 с.; Рыбаковский, Л.Л. Демографическое будущее России [Текст] / Л.Л. Рыбаковский. - М.: Права человека, 2001. – 51 с.; его же: Стабилизация численности населения России (возможности и направления демографической политики) [Текст] / Л.Л. Рыбаковский – М.: Изд-во ЦСПИ РАН, 2001. – 262 с.; его же: Стратегия демографического развития России [Текст] / Л.Л. Рыбаковский. - М.: Стратегия, 2005. – 154 с.; его же: Демографическое развитие России в XXI веке [Текст] /Л.Л. Рыбаковский. - М.: Наука, 2009. – 231 с.; Рогачев С.В. Государство в постиндустриальном модернизационном процессе [Текст] / С.В. Рогачев // Финансовая экономика. – 2012.- № 1. – С. 84-90; Афанасьев, В.Г. Общество: системность, познание и управление [Текст] / В.Г. Афанасьев. - М.: Политиздат, 1982. – 432 с.; Бестужев-Лада, И.В. Прогнозное обоснование социальных нововведений [Текст] / И.В. Бестужев-Лада. - М.: Букинист, 1993. – 221 с.; Култыгин, В.П. Феминизм в современной мировой социологической теории [Текст] / В.П. Култыгин. – М.: ИСПИ РАН, 2005. – 187 с.; Агеев, В.С. Психологические и социальные функции полоролевых стереотипов [Текст] / В.С. Агеев//Вопросы психологии. - 1987. - № 2. – С. 95-101; Валовая М.Д. Государственное управление и идеология: врозь нельзя вместе [Текст] / М.Д. Валовая//Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2012. – Т. 5.

- № 2. – С. 95-98; Галлямов, Р.Р. Политические элиты российских республик: особенности трансформации в постсоветский период [Текст] / Р.Р. Галлямов//Полис. - 1998. - №2. – 56-71; Ильичева Л.Е. Диалог бизнеса и власти в условиях российской модернизации [Текст] / Л.Е. Ильичева//Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2012. - № 10 (10). – С. 44-47; Досина, Н.В. Политическое участие граждан России на рубеже XX - XXI веков: гендерная стратегия: дис... док. политич. наук: 23.00.02. – Москва, 2004. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/politicheskoe-uchastie-grazhdan-rossii-na-rubezhe-xx-xxi-vekov-gendernaya-strategiya>.
5. Пушкарева, Н.Л. Женщина в русской семье: динамика социокультурных изменений X - начала XIX вв. [Текст] / Н.Л. Пушкарева. - М.: Мысль, 1997. – 232 с.; Жеребкина, И.К. Женское. Политическое. Бессознательное [Текст] / И.К. Жеребкина. – Харьков: МИСИ, 1997. – 201 с.; Клименкова, Т.Г. Женщина как феномен культуры [Текст] / Т.Г. Клименкова. - М.: Преображение, 1996.- 201 с.; Калабихина, И.Н. Социальный пол и проблемы населения [Текст] / И.Н. Калабихина. - М.: «Менеджер», 1995. – 149 с.
 6. Попова, С.М. Измерения прогресса [Текст] / С.М. Попова, С.М. Шахрай, А.А. Яник. – М.: Наука, 2010. – 342 с.
 7. Кон, И.С. Мужчина в меняющемся мире [Текст] / Кон И.С. - М.: Время, 2009. - 1015 с.; Рябов О.В. Матушка-Русь: Опыт гендерного анализа национальной идентичности России в отечественной и западной историософии [Текст] / О.В. Рябов. – М.: Ладомир, 2001. – 202 с.
 8. Темкина, А. А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России [Текст] / А.А. Темкина, А.П. Ротрих//Социологические исследования. - 2002. - №11. - С. 7-15; Шабурова, О. В. Мужик не суетится, или пиво с характером [Текст] / О.В. Шабурова//О муже(N)ственности/Сост А. Ушакин.– М.: НЛЮ, 2002. – С.

- 23-78; Новикова, И.И. T/RUS не играет в хоккей, или Как сжечь флаг, когда кончились памятники? [Текст] / И.И. Новикова//О муже(N)ственности. М.: Мысль, 2002. – С. 123-156; Салагаев, А.Л. Насилие в молодежных группировках как способ конструирования маскулинности [Текст] /А.Л. Салагаев, А.В. Шашкин//Журнал социологии и социальной антропологии. – Т. V. - №1. - 2002. – С. 151-160.
9. Овчарова, О.Г. Гендерная асимметрия и политика [Текст] / О.Г. Овчарова. – Саратов: Саратовской государственной академии права, 2007. – 279 с.; Тарасова, М.В. Гендерные стереотипы на рынке труда на рубеже веков: социологический анализ [Текст] / М.В. Тарасова. – Ростов н/Д: ВНИИЭИН, 2008. – 194 с.; Бутаева, М.А. Инновационный потенциал как фактор социально-политической трансформации: гендерный аспект (на примере Республики Дагестан) [Текст] / М.А. Бутаева. – Москва: Изд-во РГСУ, 2012. - 250 с.; Айвазова, С.Г Женщины и общество. Гендерное измерение политического процесса в России [Текст] / С. Г. Айвазова. - М.: Наука, 1997. – 321 с.; Хасбулатова, О. А. Опыт и традиции женского движения в России (1860-1917) [Текст] /О.А. Хасбулатова. – Иваново: Ивановский гос. унив-т, 1994. – 136 с.; Гендерное неравенство в современной России сквозь призму статистики [Текст] / отв. ред. М.Е. Баскакова. – М.; Мысль, 2004. – 336 с.; Гендер и глобализация: теория и практика международного женского движения [Текст] / под общей редакцией Е. Баллаевой.- М.: Мысль, 2003. – 267 с.; Шинелева, Л.Т. Женщина и общество [Текст] /Л.Т. Шинелева. - М.: Политиздат, 1990. – 175 с.; Ржаницина, Л.С. Концепция женской занятости [Текст] / ВТК под руководством Л. С. Ржаницыной / Институт экономики РАН. М.: Институт экономики РАН, 1994. – 341 с.; Шведова, Н.А. Экономическое и политическое положение американских женщин [Текст] / Н.А. Шведова//США и Канада: экономика, политика, культура. - 2007.- № 11. –

- С. 43-56; Темкина А. Советские гендерных контракты и их трансформация в современной России [Текст] / А. Темкина, А. Ротрих//Социологические исследования. - 2002. - №11. - С. 7-15;
- Национальные проекты и реформы 2000-х годов: модернизация социальной политики [Текст] / под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой, М. Ворона. - М.: Вариант, ЦСПГИ, 2009. – 224 с.
10. Пушкарева, Н.Л. Историческая феминология и гендерный подход в исторических исследованиях [Текст] / Н.Л. Пушкарева. - М.: Деловой мир, 1998. – 88 с.; Горошко, Е.И. Языковое сознание: гендерная парадигма [Текст] / Е.И. Горошко. – Харьков: ИД "ИНЖЕК, 2007. – 437 с.
11. Тишков, В.А. Очерки теории и политики этничности в России [Текст] / В.А. Тишков. – М.: «Русский мир», 1997. – 532 с.; Северный Кавказ в национальной стратегии России [Текст] / под ред. В.А. Тишкова. – М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2008. –264 с.; Гаджиев, К.С. Этнонациональная и геополитическая идентичность Кавказа [Текст] / К.С. Гаджиев. – LambertAcademicPublishing. 2011 – 531 с.; Кара-Мурза, С.Г. Европоцентризм – эдипов комплекс интеллигенции [Текст] / С.Г. Кара-Мурза. – М.: Эксмо, 2002. – 256 с.; Лебедева, М.М. Мировая политика [Текст] / М.М. Лебедева. – М.: Аспект Пресс, 2007.–365 с.
12. Думанов, Х.М. Социальная структура кабардинцев в нормах адата [Текст] / Х.М. Думанов. – Нальчик: Эльбрус, 1990. – 260 с.; Текуева, М.А. Гендер как социокультурный конструкт адыгского общества [Текст] / М.А. Текуева. – Нальчик: Изд-во КБГУ, 2006; Бутаева, М.А. Инновационный потенциал как фактор социально-политической трансформации: гендерный аспект (на примере Республики Дагестан) [Текст] / М.А. Бутаева. – Москва: Изд-во РГСУ, 2012. - 250 с.; Маремшаова, И.И. Штрихи к портрету северокавказской женщины [Текст] / И.И. Маремшаова/Центральная Азия и Кавказ. – 2003. - № 1. –

111-129; Мафедзев, С.Х. Межпоколенная трансмиссия традиционной культуры адыгов [Текст] // С.Х. Мафедзев. – Нальчик: Эль-Фа, 1992. – 187 с.; Сабанчиева, Л.Х. Гендерные отношения в традиционной культуре кабардинцев (вторая половина XVI – 60-е годы XIX вв.). Автореф. Дис. на соиск. ученой ст. канд. ист. н.: Спец. 07.00.07 [Кабард-Балкар. гос. ун-т им. Х.М. Бербекова]. – Нальчик, 2003. – 26 с.

ГЛАВА I. Эволюция гендерной политической и социальной активности

П.1.1 Гендерные отношения и женская политическая и социальная активность

Осмысляя вопросы, касающиеся гендерных процессов, формирования, развития и функционирования гендерных институтов, роли гендерных стереотипов в этнической рекреации, форм женской социально-политической активности в национально-традиционных сообществах Северного Кавказа, прежде всего, необходимо указать на то, что, само понятие гендера нуждается в некотором уточнении, что и вытекает из всего хода наших рассуждений.

Несмотря на огромное количество исследований в этой области, на несомненную научную популярность и даже «модность» данного сектора исследований, обзор существующей литературы не дает ответа на вопрос об эргономике самого феномена гендерных взаимоотношений и их внутренней ориентации. Проблема эта, несомненно, скорее относящаяся к философии политической и социологической наук, нами никоим образом не решалась, мы лишь констатируем, что в представленной нами работе гендер понимается как система не модальных, а векторальных отношений, она совершенно не изотропична; гендерные отношения в нашем понимании – прежде всего отношения, определяемые позицией женщины к мужчине; отношение мужчины к женщине в системе носят характер, определяемый генеральным вектором института гендера.

Чем объясняется наша позиция? Очевидно, что гендерные взаимоотношения, зародившись во времена примитивных видов Homo, явились основой полового отбора в общей структуре эволюции человека как

биологического вида. Более того, по мнению ряда ученых, именно векторальный их характер изначально обеспечивал сохранность генофонда популяции [1]. С учетом некоторых особенностей поведения высших приматов, к которым относится и человек [2], понятно, что приоритет в эволюционном отборе принадлежал женской половине человечества, характер же формирования женских социальных предпочтений, их эстетических приоритетов гарантировали генетическое однообразие вида.

Кроме того, в условиях полигамии именно по женской линии сохраняется положительный признак повышения цефализации и интеллекта, так как совершенно не обязательно, что наиболее умный мужчина будет доминирующим и, соответственно – постоянным отцом потомства.

При актуализации в процессе антропосоциогенеза групповых форм естественного отбора и угасании роли полового – роль женского элемента в эволюции человека еще более возрастает [3, с. 70].

Поэтому мы считаем, что наше понимание векторального характера гендерных взаимоотношений вполне соответствует их изначальной природе и функциям женщины в общей структуре человека как биологического и политического и социального феномена. Деструктивные изменения в сознании и ролевой функции современного мужчины в последние два-три десятилетия никоим образом не изменили базовых гендерных соотношений, из чего мы и исходили при выстраивании своей линии рассуждений.

В диссертационном исследовании вводится понятие секторального гендерного пространства. Мы исходили из наличия двух форм женского влияния на жизнь социума – презентативной, распространяющей женскую активность, в т.ч. и политическую на социально значимые институты, проявляющуюся, в первом приближении, для стороннего наблюдателя, и субстратную, локализованную в традиционных биопопуляционных и половых областях функционирования, грубо говоря – в сфере интимных отношений и в кругу семьи и ближайших родственников.

Для традиционного патерналистского общества, в параметральные черты которого полностью вписываются этнические сообщества Северного Кавказа, характерно доминирование субстратных форм женской социально-политической активности при практически полном отсутствии презентативных ее видов. Маркерные проявления ритуальной активности женщин (например, в процессе похорон), либо акцентуация ее особого статусного положения в этнической среде в традиционном праве народов региона ситуации не меняют. Действительно, обычай эскортирования, к слову, встреченной на дороге женщины, имеет прямое отношение не столько к безопасности горянки, сколько повышает адаптивный ресурс патерналистского сообщества в условиях отсутствия выделенных силовых структур общества и при наличии института кровной мести, как одного из основополагающих в организации этнического бытия народов Северного Кавказа.

Поэтому, в контексте традиционных патерналистских сообществ наблюдается субстратная социально-политическая деятельность женщин, которая преимущественно ограничена рамками семьи. Однако, определенный этап политического и социально-экономического развития региона влечет за собой и быстрые трансформации патерналистских институтов, что в конечном итоге приводит к драматической ситуации в сфере мужской идентичности, а для национальных маскулинных сообществ - к изменениям этнической идентификации [4].

Можно привести множество примеров подобного рода. Для Северного Кавказа весьма показательным является мгновенный (в течение жизни одного поколения) переход от стереотипов военно-феодалного мужского поведения к, если можно так выразиться, военно-гражданским, связанным с установлением на территории региона нормативно-правового режима Российской империи. Абречество и наездничество, практика набегов на соседей и казачьи линии, бывшие до начала XIX века показателем социального благополучия задействованных в соответствующих мероприятиях лиц, в середине

позапрошлого столетия уже, как правило, носили вынужденный характер и свидетельствовали о плохом материальном положении участников.

Такие же колебания параметров мужской состоятельности от образа мужчины-воина к другим ипостасям, вплоть до мужчины-торговца, мужчины-законопослушного труженика мы имеем в других культурно-этнических ареалах – конец арабской экспансии VII-X веков ознаменовался практическим исчезновением классического типа мужчины-воина и, фактически во всех военных конфликтах периода распада халифата этнические арабы в военных действиях принимали весьма ограниченное участие. Аналогичная картина известна из истории галлов, норманских народов, ближайший к нам по времени пример – перипетии судьбы казачества юга России уже в советское время.

Однако для традиционных патерналистских обществ идентификация в рамках воинского кодекса была практически тождественна этнической идентификации. Распад единого ментального пространства воинской идентификации означал де факто дезинтеграцию и гибель существующих систем национального самосознания. При этом в нормальном режиме существования традиционных патерналистских сообществ гендерные системы в продуктивном плане занимаются воспроизведением и легитимизацией самого себя в серверной форме.

В условиях изменения мужских поведенческих и аксиологических стандартов воспроизведение этнических стереотипов в их маскулинном варианте продолжается в пространстве гендерных систем. Именно они – в результате комплекса причин, который можно охарактеризовать как резистентно-инерционный – берут на себя функцию реабилитации и рекреации традиционных патерналистских, соответственно – национально-идентификационных институтов этноса.

Возникает сложная неравновесная система био-социальных и социальных взаимоотношений, в общем контексте которых именно гендерные институты продуцируют поведенческие, оценочные и мотивационные стандарты, в

соответствии с которыми женщина оказывается в ассиметричном подчиненном положении. Это пограничное состояние, что политически важно, еще одним немаловажным результатом имеет скрытое повышение уровня самосознания женщин, чья реальная роль в обществе неуклонно возрастает, а официальный статус остается неизменным.

В конце концов, не имея потенциалов для кардинальной ломки существующих стандартов для перевода своего ресурса активности в политическую и социальную сферу, женщина традиционного общества формирует особое поле своего приоритетного положения. Находясь внутри семьи, она начинает активно вмешиваться в те области, вторжение в которые еще недавно были для нее под запретом. Если субстратные формы женской активности предполагали ее участие (речь идет о традиционных этнических сообществах Северного Кавказа) лишь в процессе воспитания девочек, обеспечении жизненно необходимым мужских членов семьи и поддержании родственных отношений по женской линии – предпочтительно связи с родственницами мужа, – то в переходный период гендерной этнической рекреативности женщина начинает вмешиваться практически во все сферы жизни, визуально оставаясь при этом в кругу семьи.

Таким образом, формируется особое пространство проявления и реализации женской социально-политической активности. Будучи запертой в границах ближайшего родственного окружения, женская активность, тем не менее, совершает перманентные интервенции в сферы политического, социального, материального, родственных взаимоотношений в ранее табуированных секторах. Особое значение имеет то обстоятельство, что в переходный период в сферу действия гендерных систем включаются именно социально-адаптивные компоненты. Таким образом, женское влияние актуализируется в семейной ячейке, однако распространяется, либо теоретически может распространиться, на любые сферы функционирования социума опосредованно – влияя на поведение членов семьи, формируя у них определенные позиции по отношению ко всему, что лежит в «большом мире». Картина в буквальном смысле слова представляет

собой детерминирующее распространение локализованного в семейном кругу женского влияния по различным секторам жизнедеятельности – почему, собственно, мы и назвали данный феномен «секторальным гендерным пространством». Определение основных черт социально-политического эффекта секторального гендерного влияния можно считать вторым базовым положением резюмирующего характера нашей работы.

С формулировкой «секторальное гендерное пространство» естественным и закономерным образом связано понятие базового гендерного комплекса. В диссертационной работе под ним подразумевается система стандартных ожидаемых реакций личности на внешние раздражители на том уровне организации индивидуума, который можно считать фундаментальным в отношении конкретного человека. Это, естественно, не врожденные «архетипы» Августина Блаженного, но это те константные нормалы, с которыми личность соотносит все свои поступки и душевные движения на протяжении всего существования. Базовый гендерный комплекс формируется в первые годы жизни человека, включает в себя основные концепты типа «хорошо - плохо», «можно - нельзя», «красиво - уродливо» и т.д. Аксиоматична его тотальная зависимость от состояния и характера функционирования секторального гендерного пространства. Особый момент в понимании сути базовых гендерных комплексов применительно к Северному Кавказу – они не могут предполагаться вне уже сформировавшихся объемов секторального гендерного пространства. Любые сомнения по этому поводу разрешает тот факт, что в ортодоксальных патерналистских сообществах региона, в крайних вариантах педагогических моделей женщины были попросту отстранены от воспитания мальчиков, мать не видела своих сыновей до момента их совершеннолетия, супруга аталыка (воспитателя) фактически выполняла функции обеспечения; девочки же в горских семьях воспроизводили жизнь собственных матерей, никак не реализуясь за пределами семьи.

Рассматривая этапы развития секторального гендерного пространства в условиях Северного Кавказа, мы выделяем следующие:

1. Нулевой – время полноценно функционирующего патерналистского этнического общества, основные институты которого детерминированы поведенческими, оценочными, мотивационными, морально-этическими комплексами воинского типа. У разных народов региона верхняя граница его простирается в промежутке между концом XVIII-началом XIX веков и до советского периода.

2. Государственно-инициированный. Системы хозяйствования отдельно взятой семьи в аутентичных сообществах практически не претерпели изменений с приходом советской власти, однако всемерное развитие презентативных форм женской активности способствовало накоплению диспропорции между естественным положением женщины и ее теоретически открывавшимися возможностями. Кроме того, эта стадия характеризуется латентной маргинализацией женщин и активным формированием потенциальных секторов гендерного пространства.

3. Переходный. Начало этапа совпадает с перестроечными процессами, с потерей мужчинами роли основного кормильца и социального коммутанта горской семьи. Женщина начинает осознавать себя в качестве основной хранительницы семейных ценностей и институтов этнической идентификации, что имеет как прямое, так и опосредованное влияние на ее политическую роль.

4. Радикально-этнический. Начало этапа можно соотнести с окончательным развалом социально-экономических институтов жизнеобеспечения, порожденных и работавших в СССР.

Основным содержанием скореллированных эволюцией секторального гендерного пространства развития базовых гендерных комплексов можно считать

постепенное замещение и вытеснение из их состава морально-этических составляющих, чье место в общем объеме комплексов неизменно занимали социально-адаптивные компоненты.

Процесс этот был социально и экономически детерминирован и соответствовал общей репродуктивной стратегии гендерных институтов в целом. Основным направлением трансформации адаптивных подсистем базовых гендерных комплексов были и являются постепенный отход от модальности коллективного порядка к индивидуализму ввиду большей потенциальной мобильности отдельно взятой личности в сравнении с аттрактивными группами и сообществами.

Явление замещения морально-этических компонент на адаптивно-рациональные резко усиливается в постсоветское время, так как вся система несемейной педагогики СССР зиждилась на понятиях и концептах коллективизма и общности интересов и интенсивно поддерживала общегуманитарные концепты в общественном сознании. С развалом государства ситуация меняется. В традиционных обществах Северного Кавказа семейное воспитание, точнее, положение гендерных систем оказывается в точке бифуркационного изменения. Если раньше (реально, либо номинально) функция этнической репродуктивности – в смысле этнической аутентичности морально-этических констант – была полностью независима от социальной и экономической среды в силу предполагаемой абсолютности значения лидера-мужчины и формировалась в базовых гендерных комплексах априори, то теперь после денонсации патримониальной самодостаточности мужа и отца неблагоприятные изменения окружающего мира ставят под угрозу саму репродуктивную функцию семьи. В этой ситуации формируются системы гендерного воспроизведения этничности, но уже с ярко выраженным адаптивным качеством. Женщина окончательно берет на себя функции подготовки подрастающего поколения к будущей жизни, производя автоматическую рокировку в смысле значимости социальной адаптированности ребенка и его этнической (морально-этической) состоятельности.

Для традиционных обществ Северного Кавказа крайне важным является то обстоятельство, что все эти процессы протекают в условиях остаточного-инерционного, но весьма сильного воздействия институтов патерналистского характера. Гендерные системы, в силу этого обстоятельства, культивируют этничность как последнюю инстанцию мужской и коллективной модальности. Происходит неизбежная подмена общего «Мы» на более узкое «Мы-этнос» при приоритетности интересов индивидуального плана. В политическом аспекте рекреация традиционных этнических поведенческих моделей приобретает демонстративное качество, что еще более усиливается в условиях скрытой и открытой маргинализации женской части этнических сообществ.

Масштабные подвижки информационной среды гарантируют проникновение в общественное сознание и иных моделей женского поведения. Гендерные системы Северного Кавказа встают перед угрозой потери наиболее фундаментальной функции – репродуктивности, причем уже на биологическом уровне, так как альтернативные модели поведения, усиленно пропагандируемые в средствах массовой информации, предлагают мужской части населения выбор между традиционными формами женской сексуальности, требующими соответственного социального, экономического и поведенческого эскортирования, и новыми – практически лишенными подобных запросов, что в условиях полной или почти полной несостоятельности мужчин – оперантов социума – придает им особую привлекательность.

Дилемма этнической рекреации и адаптации к новым условиям гендерного институирования в значительном количестве случаев решается радикально. Любые культурные интрузии начинают восприниматься как открытая угроза репродуктивной функции женщины в традиционном обществе, носители инокультурной и иноповеденческой традиции komponуются в образ врага – с одной стороны. С другой – несостоятельность социально-материального концепта традиционного этнического мужчины в условиях хаотичного рынка снимается

простым отрицанием необходимости этой состоятельности путем выбора аскетичных стандартов жизни как наиболее достойных.

Переход в область конфессионального мироустройства облегчается еще и тем, что ислам за последние три века весьма прочно укрепился на Северном Кавказе, концепты морали и этики этнического происхождения практически совпадают с религиозными аналогами, рациональная же, гибкая в определенных составляющих идеология ислама вполне удовлетворяет и национальные элиты – стремление к материальной обеспеченности в шариате не осуждается.

Таким образом, мусульманство, изначально получившее развитие в мужской среде, становится идеальным прибежищем для гендерных систем Северного Кавказа. Маргинализированный их сектор видит в исламе средство самореабилитации и визуального возврата к поведенческой этничности, аутентичная часть воспринимает религию как средство самозащиты и сохранения репродуктивной функции – как на этническом уровне, так и на биологическом. И, начиная с конца 90-х годов прошлого века, начинается массовый приток женщин в мусульманские уммы, уже к началу нового тысячелетия количество перерастает в качество и возникает – сначала теоретическая, а затем и реальная – возможность значимой переориентации части женщин, исповедующих ислам, в направлении радикальных политических установок.

При этом современная российская действительность не предлагает никаких альтернатив женщинам традиционных обществ. Продолжающаяся деградация патерналистских систем общежития поддерживает женщин в их этнорекреативных устремлениях, латентная феминизация этносов продолжается. В то же время вал агрессивной сексуальности западного типа, норм и стандартов женского поведения уже накрыл общество через неконтролируемые каналы современных средств массовой информации и, прежде всего – через планетарные компьютерные сети. Женщины Кавказа ощущают эти моральные интервенции, прежде всего, как угрозу своему репродуктивному назначению, и в отсутствии других возможностей они будут бороться с этими явлениями путем

культивирования тех форм человеческого общежития, в среде которых новые виды сексуального поведения неприемлемы.

II. 1.2. Презентативные формы становления, развития и политизации женского движения

Гендерные взаимоотношения можно с полным правом отнести к области базовой детерминации любых эволюционных движений человеческой цивилизации. Они имеют прямое отношение ко всем сферам осознания человеческого разума вообще, научного мышления в частности: «Половая дифференциация и сексуальное поведение – универсальные явления, изучением которых занимаются все науки о человеке и обществе» [5, с. 25]. Причина очевидна: базовая биосоциальная и половая основа парадигмы общества вообще, при этом воспринимаемый в качестве сциентологического объекта «...гендер является комплексным механизмом – технологией, которая определяет субъект как мужской или женский в процессе нормативности и регулирования того, кем должен стать человек в соответствии с ожиданиями» [6, с. 31]. Невзирая на сугубую патерналистскую направленность генеральных векторов развития общества на протяжении последних тысячелетий, любая попытка игнорировать воздействие гендерных систем даже на наиболее маскулинные формы человеческого общежития выглядит сомнительной. Естественно, многообразие видов мужской политической и социальной активности, обусловленное интегрированностью мужчины фактически во все виды жизнедеятельности, с точки зрения современного развитого общества не идет ни в какое сравнение с допустимой гендерной, точнее с женской активностью – невзирая на значительное, зачастую эпатажное внедрение женщин в ранее недоступные сферы. Само по себе это явление носит определенно выраженный негативный характер – прежде всего с биосоциальной точки зрения: «...политика искоренения религиозно-нравственных норм поведения привела в результате к широкому

распространению такого социального явления, как ограничение числа детей в семье, вплоть до отказа от их рождения» [7, с. 75]. Однако само появление альтернативных зон полового замещения – в сущности, за последние два века – сегодня позволяет нам с достаточной долей уверенности вычленить два основных типа женской социально-политической активности. Во-первых, это латентные формы воздействия гендерных институтов на социум, имеющие место, по всей видимости, со времен стадного образа жизни наших далеких предков и локализованные в области семейных и матримониальных взаимоотношений (хотя, по мнению М. Фуко, окончательное оформление гендера в современном понимании, т.е. комплекса организации общества, включающего систему вертикальных взаимоотношений, произошло намного позже – уже в XVII веке [8, с. 103]), а, во-вторых, это те проявления женской активности, которые направлены во вне семьи и ближайших родственников, должныствующие проявить и закрепить роль женщины как презентанта вполне определенных и значимых социальных страт.

Эти презентативные формы женской социально-политической активности, существующие, как уже говорилось, последние полтора-два века, детерминированные изменением политического и социально-экономического континуума, в процессе своей эволюции приобрели вид вычлененных по половому признаку общественных движений.

Вопросы становления женского движения во всех его формах естественным образом переплетаются с целым комплексом проблем социальной, культурной, общецивилизационной направленности развития общества вообще, т.е. имеют, прежде всего, маркерный характер.

История женского движения за рубежом началом своим имела практическую и теоретическую деятельность общественных деятелей конца XVIII века, и, в сущности, борьба женщин за равенство прав с мужчинами выступала в

качестве составляющей общего стремления окрепшей буржуазии к политическому доминированию.

Фактически процесс политической и социальной активизации женщин можно увязать с ремесленным производством феодальной эпохи, то есть с товарным производством, присущим буржуазному строю. Как правило, к началу XVIII века корпоративные Уложения предусматривали допуск в ряды гильдий только мужчин. Женщинам оставался лишь надомный труд, но до появления первых крупных фабричных производств эта сфера деятельности еще могла каким-то образом поддерживать видимость социальной функциональности и социального статуса женщины если не в обществе, то, по крайней мере, хотя бы в семье.

Однако с ростом технической оснащённости жизненное пространство женщины-хозяйки, женщины-надомницы неуклонно сужалось. Как пишет Э.Сюллеро: «...В Англии, Фландрии и во Франции конец женскому кустарному производству на дому положили прядильные и ткацкие машины Вокансона, усовершенствованные Картрайтом... в 1767 году Харгривс изобрел машину... само название которой говорит о том, чье место она заняла... прядла одновременно восемь нитей. Позднее Аркрайт и Кромптон изобрели прядильные машины на 100, 200 и даже 1000 шпук. Трое рабочих могли теперь выполнять работу пятисот прядильщиц. Прядильщицы потеряли свой заработок [9, с. 36]».

Ситуация на рынке труда в середине XVIII века развивается таким образом, что, убедившись в несостоятельности надомного труда, женщины вынуждены поступать на работу на промышленные предприятия, соглашаясь при этом на крайне низкие, по сравнению с мужчинами, заработки. Речь фактически шла о регламентированном ограничении роли и статуса женщины в промышленном производстве, в обеспечении семьи и, соответственно, ее общественного положения в целом.

Утверждать, что подобное положение женщины каким-либо образом противоречило объективным требованиям нового типа ведения хозяйства или

идеологии товарного производства значило бы грешить против истины. Поэтому мы можем утверждать, что процесс раскрепощения женщины и начало борьбы за ее права реальной политической и экономической поддержки, по всей видимости, не имели и берут свое начало в чисто гуманитарной пассионарной деятельности отдельных личностей.

Еще в 1789 году секретарь французской Академии наук Ж.-А. Кондорсе напечатал статью «О допуске женщин к гражданским правам», основной мыслью которой было доказательство целесообразности предоставления женщинам комплекса политических свобод и прав, главным из которых для Кондорсе было право участия в выборах [10, с. 131].

Французская революция инициировала процессы политической и социальной активизации женщин и привнесла в женское движение новую ноту, придавшую ему некое радикальное звучание. Одна из первых поборниц равноправия женщин Олимпия де Гуж в 1791 году представила Конвенту «Декларацию прав женщин и гражданок». Будучи в общих чертах солидарной с Кондорсе, де Гуж, впервые в истории феминизма, подняла вопрос не только о политическом и социальном равенстве с мужчинами, но и о равенстве полов в биологическом смысле этого слова. Не затрагивая вопрос нравственной и поведенческой тождественности мужчины и женщины напрямую, мадам де Гуж была явной поборницей эмансипации женщин в крайних формах этого явления, и основные положения ее Декларации стали краеугольным камнем дальнейшего развития феминизма в самых жестких его формах [11]. В этом смысле появление «Декларации прав женщин и гражданок» знаменовало собой первое разделение общего потока женского движения Запада на две большие ветви, сохранившие свои приоритеты и в наши дни – вне зависимости от их принадлежности и тяготения к тем или иным идеологическим течениям.

В 1792 году Мэри Уолстонкрафт - английская писательница и публицист - издала книгу «Защита прав женщин». Суть положений книги также утверждение биологического равенства мужчин и женщин. Новым в выступлении

Уолстонкрафт было стремление автора к политологическому и социологическому анализу истории оформления половой иерархии и утверждение идентичности интеллектуальных, эмоциональных и нравственных возможностей и потенций женщин и мужчин при доминирующем негативном влиянии на женщин реальных социальных условий их общественного бытия [12, с. 132]. Уолстонкрафт, ко всему прочему, была одним из первых авторов в истории мирового феминизма, решившихся высказать крамольнейшую по тем временам мысль об идентичности половых запросов женщин и мужчин: «...не полагают ли они, будто брачный период охватывает всю продолжительность человеческой жизни? Женщина, которую обучили только угождать, скоро обнаружит, что все ее прелести мимолетны, как солнечный луч, и неспособны бесконечно и изо дня в день воспламенять сердце мужчины... Откуда тогда взять сил для душевного покоя, как возродить к жизни уснувшие возможности? А может, более резонно ожидать, что женщина примется ублажать других мужчин? И в вихре чувств, возбуждаемая мыслью о новых завоеваниях, она попытается забыть свои уязвленные любовь и гордость?..

Теперь поговорим о женщинах, находящихся в плену принципов и предрассудков. Такие женщины с неподдельным отвращением отшатнутся от любовной интриги...»[13, с. 30] - комментарии, как говорится, излишни.

Исконное биологическое равенство мужчин и женщин к середине XIX века уже не обсуждалось, для теоретиков женского движения оно стало как бы естественным постулатом. Своеобразным завершением теоретических разработок начального этапа становления феминизма стала доктрина Стюарта Милля, согласно которой политическое, социальное и биологическое равенство полов признавалось монолитным нерасчленимым условием полноценного развития не только женщины, но и общества в целом. Милль преодолевал наметившуюся оппозицию биологического – соответственно морально-нравственную и поведенческую ориентацию радикального крыла женского движения - с социально-умеренным путем постулирования воздействия реальных правовых,

производственных и этических условий существования женщины не только на ее поведенческие стереотипы и социальную ориентацию, но и на, так сказать, естественно-биологические параметры. Согласно его наблюдениям, тотальная подчиненность женщины мужчине «...есть явление в высшей степени искусственное, результат насильственного стеснения некоторых сторон и неестественного возбуждения других»[14, с. 52].

Как на начальных этапах становления женского движения, так и в наше время естественно-биологическая направленность женской социально-политической активности представляет из себя значимую часть феминизма в целом. Однако собственно в вопросах увеличения ресурсов социальной активности или возможной функциональности в традиционно «мужских» сферах – политика, наука, общественная жизнь - это направление феминизма особой роли не сыграло. Общественная значимость женского движения всегда была связана с более «умеренным» его крылом, окончательно оформившимся уже в XIX веке и ориентированном на достижение правового равенства с мужчинами в рамках тех конституционных и этических систем, которые можно с полным правом охарактеризовать как классические буржуазные.

Как пишет Н.А. Киселева: «Буржуазно-демократическое женское движение, возникшее вместе с приходом буржуазии к власти, выдвинуло требование распространения на женщин буржуазных демократических свобод и было направлено против остатков средневековья и крепостничества, которые буржуазное государство сохранило и закрепило в своих законах по отношению к женщине...» [15, с. 8].

Ориентированное на борьбу с пережитками социальных норм добуржуазной генерации, женское движение, таким образом, на первых этапах своего становления может быть охарактеризовано как тип социально-политической активности *пассионарного* вида, когда основной идеологической установкой является борьба за *фактическое вхождение в уже существующие системы социальной и экономической деятельности общества*, а сама женская социально-

политическая активность во всех видах реализуется в деятельности отдельных личностей.

Само собой разумеется, что четкую границу между пассионарными и последующими формами женского движения провести невозможно. Пассионарии женской социально-политической активности в определенном смысле представляются выразителями идеологических тенденций сформировавшихся социальных групп, с присущей им экономической атрибутикой, а потому уловить момент перехода женского движения в новую эволюционную фазу возможно лишь в самом общем виде. Речь идет о том этапе развития женского движения, когда *главной целью стала экономическая, социальная и правовая адаптация женщин в рамках реально существующей системы общественных взаимоотношений*. Движителем этого типа женской социально-политической активности становятся объективные потребности социально значимой женской части населения, выражением которых являются сформулированная идеология организованных групп. Считаем возможным охарактеризовать эту стадию развития женского движения как *естественно-эволюционную*.

Естественно, что первые ростки политически социально-приемлемых форм женского движения Западной Европы, равно как и США, получили свое становление на почве борьбы за равные избирательные права. Именно борьба за избирательное право стало тем консолидирующим моментом, который сплотил ряды женщин и в достаточно хаотичном потоке спонтанного протеста помог вычленению и структуризации социального феминизма. Движение женщин за свои права изначально было надклассовым, а к началу XX века монолитность его стала такова, что, даже, невзирая на сильнейшие противоречия, раздиравшие социалистические партии Европы, в вопросе предоставления прав женщинам мнения были едины: «Вопрос о женском избирательном праве почти не вызвал споров на конгрессе. Нашлась только одна англичанка из крайне оппортунистического английского «Фабрианского общества», которая попробовала защищать допустимость социалистической борьбы за ограниченное

избирательное право женщин, т.е. не всеобщее, а цензовое. Фабианка осталась совсем одинокой...» [16, с. 69 - 70].

Суфражистское движение (борьба женщин за предоставление им избирательного права) приблизительно на полвека становится главным направлением мирового феминизма. Борьба за избирательное право, как правило, соотносилась с требованиями женщин в области образования. Зародившись в качестве общегуманитарного движения, борьба за права женщин вскоре приобретает новое звучание. Связано это с тем, что уже к началу XVIII века уровень технического развития общества и требования информационной среды как Западной Европы, так и США стали настолько высоки, что неразвитая система общего образования уже не соответствовала эпохе. В элитарных слоях общества особое значение приобретает подготовленность молодого поколения к той политической и социальной роли, которую отпрыски высших сословий должны играть в самостоятельной жизни. Прогрессивные деятельницы женского движения прекрасно отдают себе отчет в том, что общий социальный статус, культурный и образовательный уровень женщины-матери, женщины - воспитательницы не просто раритетная ценность семейного порядка, но и залог будущего процветания поколений, идущих на смену отцам. Особенно четко это проявилось в США, где жизненное пространство было относительно свободным и от личных качеств индивидуума, действительно, во многом зависела его карьера и социальное благополучие.

В США первые требования о предоставлении женщинам равных прав с мужчинами соотносятся с годами войны за независимость (1775-1783). В 1776 году, во время обсуждения конституции, жена сенатора Адамса – будущего президента страны – писала: «Если будущая конституция не уделит женщинам должного внимания, мы решились на восстание и не считаем себя обязанными повиноваться законам, которые не гарантируют за нами ни одного голоса и никакого заступничества наших интересов» [17, с. 133]. Абигайль Адамс не считала возможным становление мощного государства вне высокого

образовательного уровня женщин и в качестве основного требования, помимо всеобщего избирательного права, выдвигала тезис об обязательном женском образовании. При этом тон ее писем к мужу был достаточно тверд, и в письмах она выказывала непреклонную убежденность в неизбежности изменений в положении женщины: «...Но надо тебе помнить, что деспотическая власть, подобно всякой твердыне, может быть сокрушена. И как бы мудро ни звучали твои законы и слова, в нас достанет силы самим не только освободиться, но и подчинить себе своих властителей и, не прибегая к насилию, свергнуть ваше многовековое скрепленное законом господство»[18, с. 23].

Суфражистское движение являлось центральным компонентом мирового феминизма на протяжении практически всей первой половины XIX века. Можно считать, что к середине XIX столетия движение за равные избирательные права женщин и мужчин прошло стадии своего становления не только идеологического, но и организационного. Например, в США женское движение вступило во вторую половину XIX века уже структурированным: «1848 год по праву считается датой рождения организованного движения женщин в США. В этом году в Сенека-Фоллз (близ Нью-Йорка) состоялся первый съезд поборниц женского равноправия. На нем был принят программный документ «Декларация прав женщин», в котором все женщины требовали уравнивания их в правах с мужчинами на основе природного равенства всех людей, а также потому, что власть правительства должна основываться на согласии всех управляемых»[19, с.134]. Аналогичные документы и организации были созданы деятельницами феминистского движения практически во всех странах Западной Европы и в феминистских организациях Голландии и Дании; например, в уставных положениях было четко определено, что целями их является не разрушение института брака или полная нивелировка поведенческих стереотипов женщин и мужчин, а лишь достижение правового и социального равенства, главным признаком коих феминистки умеренного толка видели избирательное право и доступ к образованию [20, с. 23-48].

Размежевание с радикальными направлениями феминизма, закрепленное документально, имело под собой веские основания: «К началу XX века стало очевидно, что критика радикальными представительницами женского движения семьи и брака ведет к тому, что общество перестает рассматривать это движение как новую социальную силу, все больше видя в нем разрушителя моральных устоев и ценностей. В этих условиях в самом движении возобладали сторонницы компромисса во главе с Кэрри Чепмен Кэтт и Джейн Адамс. Феминистское движение все более приобретает форму суфражистского движения за избирательные права для женщин.

В период подъема прогрессистских идей и движений в США избранная суфражистками новая стратегия принесла свои плоды. Их требование предоставить право голоса женщинам в целях гуманизации системы управления страной совпало в общих чертах с идеями реформ, борьбы с коррупцией, засильем трестов, выдвинутых прогрессистами. В результате введение всеобщего избирательного права заняло видное место в списке предлагавшихся реформ» [21, с. 135]. К сказанному лишь добавим, что даже в начале второй половины XIX века речь уже шла не только о частичной потере социальной базы феминистского движения по причине радикальных выступлений сторонниц «тотального» равенства мужчин и женщин, но и об определенном кризисе комплекса идеологических доктрин буржуазии в целом. Суфражистское же движение, едва успев оформиться организационно, столкнулось с сильнейшим противодействием стабилизировавшихся систем управления западных стран со всей присущей им атрибутикой – от эталонов и норм поведения до эстетических моделей.

Новая волна феминизма XIX века связана с началом деятельности социалистических партий Западной Европы. Однако говорить о какой-либо самостоятельности женского движения в рамках транснациональных социалистических объединений не приходится. Так же, как и полвека назад, деятели буржуазно-демократического направления рассматривали женскую составляющую борьбы за демократию как один из малосамостоятельных

компонентов общих политических эволюций, лидеры социалистических и либерально-социалистических движений воспринимали феминизм в качестве вспомогательного компонента для достижения целей стратегического плана. С возрастанием же роли и влияния в международном рабочем движении организаций коммунистической ориентации, с присущей им жесткостью внутренней дисциплины и системы взаимного подчинения интересов, специфические проблемы женской половины общества оставались как бы в стороне и лишь номинально оговаривались в программных документах объединяющих структур.

Существует целый ряд свидетельств, указывающих на сугубо утилитарный подход лидеров европейского социализма к женскому вопросу. Исходя из соображений целесообразности проблемы женского движения, статуса и положения женщины в обществе могли быть отодвинуты с авансцены, а иногда и вовсе умалчивались: «В комиссии возникло интересное разногласие по этому поводу. Австрийцы... оправдывали свою тактику в борьбе за всеобщее избирательное право мужчин: ради завоевания этого права они сочли удобным не выдвигать в агитации на первый план требование избирательных прав и для женщин...» [22, с. 70] - эта позиция, по свидетельству В.И. Ленина, вызвала жесткую критику со стороны К. Цеткин, что, в конце концов, возымело свое действие: «Вместе с тем конгресс... недвусмысленно заявил, что социалистические партии в своей борьбе за избирательное право должны выставлять и отстаивать принципиальное требование женского избирательного права...» [23, с. 70].

Таким образом, в среде, характеризующейся господством какой-либо одной идеологии, формируется новый тип женского движения, цели и задачи которого полностью навязываются извне, а само *женское движение выполняет однозначно серверные функции по отношению к доминирующим идеологическим школам и учениям; женские организации при этом становятся презентативными спутниками политических партий.* Подобный тип женской социально-

политическую активность можно выделить как особую стадиальную форму – *спутниковое женское движение*.

Старый багаж требований и идеологического содержания женского движения требовал обновления – даже чисто в популистских целях. Поэтому именно с деятельностью Первого и Второго Интернационалов можно связать появление в списке идеологических и целевых установок женского движения вопросов об охране материнства и смягчением условий труда женщин: «Вполне закономерно, что рабочий класс, социал-демократы пытались найти способ разрешения конфликта между наемным трудом женщины на производстве и материнством. Вопрос этот был поднят на I съезде Интернационала в конце 60-х годов XIX века.

Много усилий прилагали трудящиеся, чтобы государство законодательно откликнулось на эту проблему. Но лишь в 1878 году был установлен обязательный восьминедельный отдых для рожениц-работниц... Это произошло в Швейцарии. А вот начало государственному больничному страхованию рожениц положила Германия (1883)» [24, с. 19].

Детальный же анализ этой проблемы по праву принадлежит Ф.Энгельсу, не раз касавшегося ситуации, складывающейся в социально-инверсивной семье, ставшей к середине XIX века обычным явлением для Западной Европы: «Во многих случаях работа женщины на фабрике не разрушает семью полностью, но ставит ее на голову. Жена зарабатывает на всю семью, а муж сидит дома, смотрит за детьми, убирает, стряпает... Незамужним женщинам, выросшим на фабрике, приходится не лучше, чем замужним. Само собой понятно, что девушка, с девяти лет работающая на фабрике, не могла обучиться домашним работам, и вследствие этого все фабричные работницы совершенно неопытны в этом отношении и не в состоянии вести домашнее хозяйство..., а о том, как обходиться с маленькими детьми, они и понятия не имеют» [25, с. 375-377].

Все же не будет преувеличением сказать, что в принципе ситуация в развитых странах Европы играла, так сказать, «на руку» левым политическим

партиям. Развал традиционных семейных институтов, высокая степень люмпенизации общества, в целом, и женщин, в частности, были теми факторами, которые и обеспечили широкую социальную базу самым радикальным в политическом смысле элементам революционного движения Европы, персональный список которого включает немалое количество женских имен.

Анализ трудов классиков коммунизма дает нам четкое представление о той роли, которая отводилась феминизму в международном коммунистическом движении. Согласно доктрине коммунистического интернационализма, революционный потенциал феминизма должен был быть использован как чисто классовое и вненациональное явление, причем без учета специфических гендерно значимых составляющих общего комплекса проблем женщин Европы и России. Во всяком случае, у В.И. Ленина любые попытки увязать женскую проблематику с сугубо национальной вызывали резкое неприятие: «Идейная декларация «левых» от имени нескольких стран имела бы гигантское значение (конечно, не в духе цеткинской пошлости, проведенной ею на женской конференции в Берне). Цеткин *обошла (разрядка автора)* вопрос об осуждении социал-шовинизма!!...» [26, с. 95]. Нелишне будет напомнить в этой связи, что позиция К. Цеткин – в принципе выдержанная в духе революционного социализма – включала в себя в качестве составной части и положения, связанные с проблемами семьи и ее национальной специфики, что, собственно говоря, и вызвало гнев вождя мирового пролетариата.

На рубеже XIX и XX веков ситуация сложилась таким образом, что женское движение в самых разнообразных формах развивалось в России по западноевропейским образцам и моделям. Более того, так или иначе на русской почве феминизм зачастую принимал свои радикальные формы – как в смысле принадлежности к левым политическим партиям, так и в смысле радикализма гендерных, в т.ч. и политических требований представительниц русского феминизма.

Однако, полностью признать прямую проекцию феминизма Европы на

Россию было бы большой политической ошибкой.

Женское движение, вернее, неорганизованные формы женской политической и социальной активности в России имеют свою многовековую историю. Общественная благотворительность в России получила распространение еще в домонгольский период, и нет нужды доказывать, что это была одна из немногих сфер жизнедеятельности общества, где женщины традиционно играли если и не доминирующую, то, по крайней мере, значительную роль, где формировались черты общественного лидера, в дальнейшем трансформирующегося в политического.

Историки традиционно выделяют три периода становления различных благотворительных обществ и форм работы в дореволюционной России:

- 1) «нищелюбие» (IX - середина XVIII века);
- 2) основание государственного призрения (от 60-х годов XVIII века до реформ 1861 года);
- 3) либерализация социальной политики и передача основных функций государственного призрения земскому самоуправлению (60-е годы XIX века - до 1917 года).

Классик русской исторической науки Н.М. Карамзин в курсе лекций по русской истории указывал на то, что человеколюбие у русских было то же, что нищелюбие. Благотворительность считалась нужной не столько для благотворимых, сколько для благотворящих - для их нравственного совершенствования и как средство для обеспечения хорошего будущего в загробной жизни [27, с. 208-236]. И он же констатировал исключительную роль женщин в развитии благотворительности на Руси.

Благотворительность долгое время была практически единственной сферой реализации социальной активности женщин в России, но, надо признать, что благотворительность и опека над «сырыми и убогими» была неотъемлемой частью внутренней гуманитарной политики Российского государства на всем протяжении его истории.

Екатерина II, являющаяся последовательницей петровских начинаний, учредила специальные «приказы общественного призрения», в функции которых среди прочего входило создание богаделен для мужского и женского пола - убогих, увечных и престарелых. Кроме того, были организованы Филантропическое общество, Общество благотворения, Комитет о раненых (после 1812 года), Комитет призрения заслуженных гражданских чиновников и другие структуры и женщины в них играли существенную роль не только, как рядовые члены обществ и простые исполнительницы, но иногда занимая ключевые посты во внутренней иерархии данных обществ.

Традиционно для России, ее культуры была характерна большая самостоятельность, независимость женщины, нежели для большинства стран Европы. Русская юридическая традиция предполагала фактическое равенство имущественных прав мужа и жены [28, с. 52-68]. Поэтому и благотворительность, во всех ее формах, и меценатство были присущи женской части населения дореволюционной России не в меньшей степени, чем мужской. Как пишет О.Н. Каменчук: «...женская благотворительность и женское меценатство существовали, несмотря ни на что... основной статьей дохода были обычные членские взносы... По ним можно судить и о степени зажиточности ряда семей российских провинциальных буржуа, и о возможности женщин из данного социального слоя довольно вольно... распоряжаться своими средствами. Любопытно, что даже в тех благотворительных комитетах, которыми руководили мужчины, женщины составляли едва ли не большинство в списке жертвователей...»[29, с. 264].

В определенном смысле во второй половине XIX века женщины России оказались в положении женщин Западной Европы, полностью лишенных возможности получать полноценное образование или участвовать в общественной жизни «Проблемы эмансипации женщин занимали умы не только деятелей отечественной культуры. Ей всемерно поспешествовали и способствовали российские ученые, озабоченные судьбой, будущим державы. Благодаря их

усилиям женщинам удалось пробить путь к образованию. Но уже в 1863 году, как известно, университетский устав закрыл для женщин доступ в университеты...» [30, с. 17].

Тем не менее, традиционно статус русской женщины был весьма высок. Период запрета на женское образование в царской России был короток – уже в 1878 году был создан первый женский университет – Высшие женские (Бестужевские) курсы [31, с. 17].

Деятельность различных обществ с преимущественным влиянием и участием в них женщин была столь значима в условиях России, что политическая обусловленность женской составляющей во всех общественно-значимых явлениях была бесспорна настолько, что позволила некоторым исследователям констатировать иницилирующее воздействие на российское общество в период его выхода из идеологического и духовного кризиса конца XIX века именно женского движения: «Российское государство оказалось настолько тяжелым, что задавило собой и общество и индивида. В таких условиях затягивался процесс личностной автономизации не только женщин, но и мужчин. Вот почему и женская и мужская часть передового российского общества с равным вниманием отнеслась к распространению в России идей женского равноправия.

Генератором этой трансформации с полным правом можно считать женское движение, возникшее в середине XIX века. Благодаря активности и напору женских организаций уже в начале XX века российское общество признает за женщинами право на высшее образование, на труд в общественном хозяйстве... » [32, с. 32].

Другим свидетельством структурной и онтологической развитости женского движения, женского сознания в России служит тот факт, что участие женщин в революционной деятельности, даже в такой жестко регламентированной организации, как РСДРП(б), требовало постоянной коррекции и купирования нежелательных с точки зрения большевистских лидеров процессов верификации требований и целевых установок женской части

революционного движения. Вообще позиция лидеров коммунистического движения в данном вопросе была однозначна: допускалась лишь борьба за классовые права женщин, все, что имело какую-либо связь с сугубо женскими вопросами гендерного плана, обсуждению просто-напросто не подлежало: «Одно мнение должен высказать уже сейчас:

П.3 – «требование (женское) свободы любви» советую вовсе выкинуть.

Это, выходит, действительно, не пролетарское, а буржуазное требование» [33, с. 51].

Тем не менее, женское движение представляло ту силу, с которой приходилось считаться всем политическим партиям начала XX века, и программные документы, определявшие стратегию и тактику социалистов, четко зафиксировали заинтересованность вождей российского пролетариата в использовании этой силы [34, с. 62].

Помимо политически ориентированных, формы и структуры женской социально-политической активности уже к середине XIX века в Европе и начале XX века в России приобрели видимый характер. Речь идет, конечно же, о вхождении женщин в науку, искусство, их участии в государственно-манифестационных мероприятиях – крупных спортивных состязаниях, акциях агитационной и декларативной направленности, типа участие женщин в конных и автомобильных переходах, демонстрации авиатехники и т.п. В более общих чертах этот процесс можно охарактеризовать как трансформацию мотивных стандартов российской женщины, приближение ее к открытым моделям переживания, мотивации и чувствования: «...способность к реализации собственного независимого наслаждения, которая в конечном итоге и обусловила ту конфигурацию женской «страсти» в русской культуре и истории, о которой Достоевский и Лакан лишь могли мечтать и которая стала европейским канонем восприятия русских женщин в культуре конца XIX – начала XX века» [35, с. 171].

Однако, организованное женское движение как важнейшая форма женской социально-политической активности продолжало оставаться манифестационными

суррогатами реальных политических партий и течений, выполняя по отношению к ним, как уже говорилось, сугубо серверные, сателлитные функции.

II.1.3. Основные этапы развития различных форм женской политической и социальной активности

Естественной областью женской жизнедеятельности и функционирования были и остаются внутрисемейные и внутриродственные взаимоотношения. Даже в условиях современного общества, при наличии многочисленных воспитательных и образовательных учреждений, в сверхмаргинализированной среде информационного хаоса и перенасыщения, роль традиционных гендерных институтов в деле формирования политически и социально активной и самодостаточной личности переоценить невозможно.

Историко-генетический анализ проблем морали и нравственности, формирование моральной культуры личности рассматривается в современной науке в контексте политического, философского, педагогического, психологического знания и становится все более ясным, что содержание и сущностные характеристики моральной культуры личности в специфической социокультурной ситуации настоящего, неотделимы от основных дефиниций гендера.

Анализ вопроса свидетельствует о том, что на всех этапах развития человеческого общества моральная культура была в эпицентре внимания гендерных систем. Ю.Хабермас трактует это в категориях семьи и мелких популяций вообще, но, в принципе, мысль его понятна: «Укорененные в коммуникативном действии и закрепленные в традиции обязанности сами по себе не выходят за границы семьи, рода, города или нации» [36, с. 110]. При этом мораль в течение всего существования человеческих цивилизаций была общей программой общества. Именно историко-генетический аспект проблемы нравственности и моральной культуры подтверждает возникновение морали как формы общественного сознания и регулятора человеческого поведения,

своеобразного адаптирующего начала, исходной точкой кристаллизации которого является интегративная система гендерного воспитания.

Гендерные системы по ходу жизнедеятельности личности закладывают основные направления дальнейшего ее развития, на которые уже накладываются определенные сегменты, отвечающие за функционирование индивидуума в социуме.

Данные базовые черты присутствуют в системе жизнедеятельности гендера в комплексном виде, они взаимно детерминированы и гарантируют, во-первых, комфортное существование членов семьи на первых этапах жизненного пути, а во – вторых, наличие необходимого минимума знаний во всех возможных областях дальнейшего вероятного функционирования личности. Это своеобразный органичный конгломерат, ориентированный на огромное множество потенций личности – от морально-этических, до идейно-политических, и его полифункциональность напрямую связана с полифункциональностью гендерных систем. Возможность же однозначного имплантирования требуемого комплекса потенций обеспечивается априори самим первичным характером гендерного воздействия.

В гендерный базисный комплекс естественным образом входят исходные моральные концепты добро, вера, любовь, совесть и тому подобное, признание принципиальной абсолютности моральных требований, необходимости внутреннего морального императива – то есть гендерный базовый комплекс выступает в роли «механизма, при помощи которого ребенок одновременно должен и может интернализировать системы ценностей более высокого порядка, чем те, которые могут быть ограничены исключительно... рамками семьи» [37, с. 100].

Гендерные системы как системы морально-этической направленности изначально весьма консервативны, ортодоксальны в своей жесткости. Воспринимая систему нравственных императивов как фундамент поведенческих нормалей, они закономерно проецируют последние на базисные комплексы. Здесь

же на уровне гендерного воспитания закладываются основы культурной и этнической идентичности.

Таким образом, базисные гендерные комплексы могут рассматриваться как интегрированное качество культурно маркированной личности, в которой представлены смыслы ее культурного бытия, отображенные в идеальных представлениях о моральных ценностях, моральных чувствах и высоконравственном поведении.

Итак, структура субстратных проявлений гендера включает знание о моральных ценностях, нормы морали, культурные стереотипы, а в случаях национальной адаптированности гендерных систем и национальную маркированность. То есть, гендерный базовый комплекс, в принципе, предусматривает формирование политически этнически обозначенного отношения к миру и обществу.

Совершенно особая роль субстратных проявлений женской социально-политической активности наблюдается в таком конституционально важном секторе социума, как межпоколенное общение и межпоколенная трансляция этнической идентификации.

Системы гендерного регулирования в этом вопросе охватывают как этническую трансляцию семейно-генеалогического порядка, так и социально-историческую. Политически важно, что это приобретает особое значение в процессах коллективных идентификаций в условиях дезинтеграции. Именно гендерные системы обеспечивают сходство нормативных идентификационных признаков в рамках различных поколений, что обусловлено наличием феномена межпоколенной передачи систем ценностно-нормативных установок. Эта передача происходит на уровне взаимодействия поколения родителей и поколения их детей, т.е. в рамках гендерных систем.

Однако параметры трансляции этноидентификационных и межпоколенных дефиниций неоднородны для различных гендерных систем. Мы ведем речь о том, что и в традиционных этнических сообществах, и в маргинальных группах

объектом гендерной трансляции становятся идентификационные императивы. Базисные гендерные комплексы, развивающиеся в конформной среде, характеризуются стремлением субъектов перейти от локального уровня национальной идентичности к более обобщенному уровню идентичности культурной, или, точнее, даже социо-культурной. И наоборот, ортодоксальные модели женской нормативности сопутствуют явлению устойчивой этнической и поколенной трансляции с тенденцией переноса значимых для нее свойств национальной идентичности на более обобщенный уровень идентичности.

Вместе с тем по содержанию объекты идентичности различных систем базисного воспитания отличаются тем, что для маргинализированной части этноса понятие национального и социального есть два отдельных, принципиально отличных по содержанию объекта. В то же время в среде традиционного женского поведения этнические дифференцы между культурным единством и этническим менее значимы, так как традиционные этномаркированные системы гендерной трансляции не ощущают разницы между национальным сообществом и сообществом культурным с имплантированным в него национальным содержанием. Этот факт, как мы увидим ниже, играет особую политическую роль в формировании, развитии и течении конфликтов самого различного толка.

Аксиологический аспект имплицитирования гендерных базисных комплексов в современное ментальное пространство напрямую зависит от тех средовых требований, которые сегодня мы можем определять как политические, социально-экономические, реже – этнические и в некоторых случаях как конфессиональные.

Это определяет еще одно направление деятельности субстратных форм гендерного функционирования – социализационно-адаптивное. Социальная природа индивида благодаря коммуникации, межличностному общению в пределах семейной группы и концепты «свой» - «чужой» призваны обеспечить целостность и стабильность личности в процессе ее социально-экономического становления вне пределов семьи. Отсюда особая роль гендерного поведения

женщины в идентификации культурного, социально-экономического и этноконфессионального пространства.

В условиях полиэтнизма и особой жесткости гендерных поведенческих стереотипов, лежащих в сфере морального, проистекающей отсюда стабильности гендерных базовых ценностей, латентные формы женской социально-политической активности приобретают особое значение. Именно они во многом ответственны за корректность межэтнических и межконфессиональных взаимодействий. И если субстратные формы женской социально-политической активности не претерпевали изменений адаптивного характера, то такие территории, как Северный Кавказ, неизбежно превращаются в арену бесконечных конфликтов.

Определяя основные этапы развития субстратных форм женской политической активности, иначе говоря, этномаркированных гендерных систем, в регионе, мы считаем возможным определить, по крайней мере, несколько основных стадий этого развития.

Первый этап функционирования субстратных форм женской социально-политической активности связан с патриархальным этническим самосознанием народов, населяющих Северный Кавказ, и подразумевает латентные формы политической и социальной активности лишь в матримониальных отношениях, так как женщины не принимали участия в этническом воспитании мальчиков – благодаря институту аталычества (а он имел место у большинства народов Северного Кавказа) базовые гендерные комплексы во многих случаях были лишены возможности идентификации личности по признаку «свой» - «чужой» в этнической сфере.

Второй этап - национальная система гендерных взаимоотношений закономерно включила в себя этнические дефиниции после закрепления на территории Северного Кавказа институтов государственности Российской империи, однако и в этом случае, подразумевая переход гендерных систем на новую стадию развития, мы должны предполагать, что собственно этнические

параметры идентификации вновь не играли столь существенного значения, как и конфессиональные. И, судя по всему, подобная ситуация сохранялась вплоть до середины 20-х – начала 30-х годов прошлого столетия, когда благодаря усилиям государства в области идеологии стало возможным говорить о потере этнической аутентичности в сфере гендера, как таковой. Период с середины 20-х по конец 80-х годов прошлого века допустимо считать третьим этапным состоянием гендерных систем – ситуация переходного типа, неоднократно описываемая в исследованиях, и зиждущаяся прежде всего на экономических основаниях: «Усиление экономической роли жены в городской семье происходит далеко не бесконфликтно. Если раньше решения в семье принимал только муж, то теперь он вынужден советоваться с женой. И хотя внешне, на людях, все остается как бы по-прежнему: муж – лидер, глава семьи, а жена покорно следует за ним, – изменение семейных ролей сказывается на традиционных семейно-брачных отношениях, как бы размывая их изнутри...»[38, с. 102].

Содержанием последней на сегодняшний день стадии развития гендерных взаимоотношений и субстратных форм женской социально-политической активности стал сложный комплекс явлений и тенденций, расшифровка которого требует некоторой детализации.

Этническая идентификация и межпоколенная трансляция не единственные функции женщины в синхронии национального развития. С утратой функций этнического определения системы гендерного воспитания полностью концентрируются на проблемах адаптации к актуальным политическим и социальным условиям существования, то есть политизации.

Этот момент нам представляется наиболее существенным в осознании политической роли и значения гендера в возможных конструктивных и деструктивных коллизиях развития социума, становлении политической роли женщины, женских организаций и объединений.

Потенциал гендерных систем политизации и перспективной адаптации безгранично широк и предлагает самые разнообразные критерии определения

социализационных форм, кристаллизующихся в незнакомых социокультурных условиях.

Институты семейного, женского воспитания закладывают основы индивидуальной и тотально-групповой политизации и социализации, а также простой адаптационной и сложной инновационной формы социализации. С учетом темпоральных изменений это может быть традиционная и модернизированная адаптация в зависимости от того, во взаимодействии с какими объектами, явлениями и процессами осуществляется формирование личности – определенные речевые, социальные и информационные виды социализации и политизации. Иначе говоря, гендерные базисные комплексы в условиях деструкции этнических составляющих приобретают истинную адаптивную всеохватность, компенсируя тем самым потерю своей функциональной значимости на ярусе этнических идентификаций.

Естественно, новая социальная среда обуславливает распространение новых форм адаптации. Если их становление происходит на фоне кардинальных общественных сдвигов, в частности, при наблюдаемой тенденции распространения маргинальных поведенческих норм императивными доминантами адаптационных концептов становятся сугубо рациональные, точнее актуально целесообразные мотивации поведения. То есть изъятие этнических компонент из гендерных базовых комплексов, закономерно приводит к исчезновению из них концептов морального и аморального поведения и уже на уровне семейного воспитания, на уровне воздействия субстратных гендерных систем формируются маргинальные структуры с ярко выраженным приматом рациональности.

Это явление наблюдается во всех сферах жизнедеятельности современных обществ, в том числе постсоветских. Еще раз отметим, что подобные адаптивные установки присущи, прежде всего, внетрансляционным группам, маргинальное поведение которых в определенной степени является отображением потенциальной способности к социальному творчеству и социально-политической

активности. В отсутствии межпоколенных стандартов в современных социальных условиях маргинализация становится одним из механизмов адаптации молодежи к новой политической и социокультурной ситуации в обществе.

Итак, переход от политизации этнообозначенного типа к новым формам социокультурной и политической детерминации личности осуществляется благодаря распространению жизненных стратегий самореализации, индифферентных по отношению к моральным императивам.

Сегодня, очевидно, что трансформация мотивации социальных отношений в процессе политизации и социализации, реализация базисных гендерных комплексов адаптивного типа в системе семейных отношений - это острейшая общественная проблема, нерешенность которой чревата самыми неожиданными и масштабными политическими и социальными потрясениями. Попытки ее решения в современном научном сообществе концентрируются в рамках разнообразных концепций коммуникации. Панацеей от значимых деструктивных движений социума видится концептуализация воспитания как коммуникативного действия.

Некоторые современные политологические и социологические доктрины вообще определяют социализацию как единственный результат всего процесса воспитания, видя ее основную функцию в привлечении индивидов к пространству «коллективного сознания». Под социализированной личностью при этом подразумевается человек, чьи морально-нравственные императивы полностью лежат в границах потребностей общества, тем более – в границах нормативно-правового пространства этого общества. Отсюда целью воспитания и развития индивида видится формирование в нем сугубо социальных качеств, которые хорошо вписываются в парадигму современного общества.

Дефицит морального содержания процесса воспитания в подобных концепциях предлагается преодолевать положением, в соответствии с которым мораль признается базовым, исходным элементом системы воспитания. Видимое противоречие между адаптивной направленностью социализации и

императивным характером любых моральных посылов современная политология предлагает снимать, акцентируя внимание на добровольных началах восприятия моральных концептов.

Действенность социальных регуляторов личностного поведения в современном обществе определяется не только и не столько принудительностью, сколько желательностью, привлекательностью для индивидов, т.е. акцентируется необходимость реформирования воспитания в синхронии с реформированием всего общества, дабы адаптационная составляющая воспитательных систем соответствовала актуальным политическим и социальным заказам.

Все эти положения современной политологии и социологии абсолютно справедливы, когда речь идет о коллизиях политического, социального и культурного порядков. Более того – с конца 80-х – начала 90-х годов прошлого века концепции социализационных функций и онтологии адаптивности базовых гендерных комплексов приобрели особое значение именно в Российской Федерации.

Ведь главным государственно-политически значимым компонентом данных теоретических положений является концепция политической и социальной солидарности, поскольку современное российское общество – это общество без новых устоявшихся институтов интеграции, отмеченное явным недостатком согласия и сплоченности. Ситуация видимым образом продолжает развиваться в худшую сторону: идет процесс поляризации в области жизнеобеспеченности семей, увеличения дистанции между образовательными цензами социальных групп, ресурсами политических и социальных перспектив представителей этих групп. В этих условиях важное (если не первое) значение среди факторов, содействующих интеграции общества, современные политологические и социологические доктрины видят в системах воспитания, в идеале функции которых видятся в формировании ценностей и норм, соответствующего характера.

Однако, совершенно очевидно, что трансформационные процессы в

современном российском обществе, обусловленные ими дезинтегративность традиционных институтов, индивидуализация общественного сознания, существенные изменения парадигмы образовательной системы на всех уровнях, начиная с гендерного, в частности актуализация субъектно-субъектных отношений между участниками воспитательного процесса в семье, обществе, школе, делают недостаточными теоретические обоснования решения проблемы лишь в границах адаптивных концепций.

В поисках дополнительных теоретических концептов, которые раскрывали бы сущность и механизмы воспитания в новых политических и социокультурных условиях, современная политология и социология практически переносит основной акцент научного интереса на общественные системы воспитания, игнорируя гендерные базисные комплексы. Создалась парадоксальная ситуация, когда такой сциентологический объект, как «гендер», вызывает живейший интерес участников научного процесса, в его поле проходят многочисленные научные конференции, издаются сотни и тысячи работ, а базовые, субстратные функции гендера в социуме игнорируются либо переносятся в другие сектора организации современного человечества.

Закономерно, что вне гендерных комплексов адаптации, в среде общественных систем политизации особое значение принадлежит концепту коммуникативного действия, доминантной целью которого является некий идеал консолидации, когда основой политических и социальных решений становится свободное согласие участников для достижения общих результатов в определенной ситуации.

При этом подразумевается, что навыки коммуникативного действия личностей будут содействовать не только их индивидуальному развитию, в частности приобретению качеств толерантной личности, но и существенно отразится на характеристиках современного общества в целом, обеспечит становление отношений взаимопонимания и согласия между субъектами социального общежития. Последнее достигается также благодаря не

принудительной социализации, возможной в результате неискаженной коммуникации, коммуникативного взаимодействия личности с социальной средой; осознанию, как личностью, так и обществом необходимости всестороннего развития способностей и потенций человека. Считается, что при современных условиях именно неискаженная, непринудительная, свободная коммуникация должна быть сущностью воспитательного процесса всех уровней. То есть процесс воспитания личности в новых политических и социокультурных условиях определяется как коммуникативное действие – такое взаимодействие его основных субъектов, которое предусматривает координацию, согласование их целей и задач в достижении общего результата – формирования свободной, толерантной и ответственной личности.

Конкретно под коммуникативными действиями понимаются те формы коммуникативного взаимодействия между членами социума, которые направлены на формирование умений и навыков личности как субъекта профессиональной, правовой, политической, общественной сфер жизнедеятельности общества. Понятие «этнического», в сущности, исключено из современных доктрин адаптивной политизации.

Исключение из сферы внимания такого сектора как базисные гендерные комплексы, соотносится с тем, что в условиях политической и социокультурной трансформации, в частности институализации новых форм политизации, социализации и воспитания, изменяются не только характеристики личности, но и системы, эту личность формирующие.

Априори принимается постулат значительной мобильности гендерных комплексов, что предполагает адекватное их изменение в общем эволюционировании общества. Между тем системы гендера, базовые гендерные комплексы и модели гендерного субстратного влияния на социум весьма инертны даже в маргинализированном обществе. Как отмечает А. Антонов: «Со второй половины XX века наше общество продолжало эксплуатировать остатки ценностно-нравственного капитала семейности, доставшегося в наследство еще с

досоветского времени» [39, с. 149]. Ведя же речь об этнических сообществах, тем более, о национальных в условиях полиэтничности и доминирующего инокультурного влияния, как это имеет место на Северном Кавказе, мы должны признать, что парадигма политических и социальных проявлений гендера проявляет значительную устойчивость и сопротивляемость цивилизационному давлению, а в некоторых социальных группах – в виде реакции на активное инокультурное давление – дифференциальные признаки гендерных систем адаптации радикализируются и приобретают ортодоксальный характер.

Наши исследования показали, что в базовые гендерные комплексы естественным образом входят несколько областей перспективного функционирования личности, независимо от уровня маргинализации и деструктурированности общества. На уровне первичного гендерно-обусловленного формирования они включают в себя фундаментальные положения и сектора детерминации индивидуальности, четко определяющие статус личности в обществе. Это в первую очередь, относится к таким показателям, как аксиологические критерии и ценностная мотивация поведения личности.

Личности, находящиеся в сфере влияния определенной гендерной системы, могут восприниматься как специфическая социально-демографическая и национальная группа с определенным общественным положением, ролью и статусом, члены которой отличаются общностью интересов, субкультурой, образом жизни и высоким уровнем аттрактивности, в конфликтных ситуациях (в случаях конфликта с внешней средой) идентифицирующаяся как хартийная. Изменения в содержании основных элементов субъективного мира гендерных групп фактически зависят лишь от эволюций внутригендерных соотношений.

Анализ показывает, что динамические характеристики ценностных предпочтений членов подобных групп (в сущности – матери, ее детей и ближайшего околосемейного окружения) имеют теснейшую связь со сферой потребностей человека и, следовательно, до определенного возраста члена группы

не зависят от нормативов и стандартов общества и непосредственно касаются лишь мотивов активности индивида, в том числе в коммуникативной сфере.

Результаты эмпирических исследований демонстрируют слабо проявляющуюся двойственность в сознании членов гендерных групп, в структуре которой изначально представлены традиционные концепты, а именно такие понятия как "здоровье", "семейное благосостояние", "благосостояние", "личная свобода", "внутрисемейные отношения".

Наряду с этим имеют место моменты модернизации основных гендерных комплексов, которые проявляются в их функциональных ориентациях, не затрагивая рост современных ценностей, таких как, готовность пренебречь нормами общежития, нестандартное поведение в смысле целевых установок, предприимчивость, и т.д.).

В результате исследования современных аксиологических доминантных признаков гендера как одного из главных особенностей показана определенная гегемония традиционных форм социального взаимодействия, которые не позволяют компромиссы относительно членов групп.

Даже в такой, в социальном отношении ориентированной сфере, как политические и социальные перспективы индивида, основные гендерные комплексы по своей природе в большей степени консервативны и находят свое отражение в идеях и факторах жизненного успеха, преобладающее значение среди которых имеют идеи собственного интеллекта и способностей.

Современный аксиологический дискурс, выраженный в моделях мотивации и адаптивных секторах гендерных систем, не очень примечателен, члены традиционных гендерных групп практически не думают о своей будущей деятельности, желании и необходимости гарантировать себе профессиональную карьеру.

В гендерных группах не обращено внимание к побуждениям и реальной структуре форм досуга. В первую очередь, осознается функции рекреации моральных и этических компонентов взаимодействия группы, которые

базируются в большинстве случаев на традиционных пассивных формах досуга.

Закрытость гендерных базовых комплексов, которые изначально сосредоточены только на адаптивных сторонах формирования индивидуальности (моральная и этическая мотивация служит специфической посреднической связью с "большим миром", потому что у морали и этики нет параметров стратификации возраста в их структуре), становятся причиной инфантильности индивидуальности.

Анализ эмоциональных компонентов субъективного мира членов подобных групп, которые находятся в периоде перехода к независимому существованию, характеризуется наличием тревожных компонентов в их значительной части, которые обусловлены их зависимым финансовым положением и неуверенностью в отношении перспектив политизации и адаптации вне зависимости от моральной и этической составляющей.

Это было выявлено путем анкетирования – оценки молодых людей, живущих в городах, относительно успешных в жизни. И эти данные очень показательны: только каждый пятый респондент подчеркнул, что он вполне удовлетворен жизнью.

Этот параметр, к слову, также не является показателем социального порядка. Базовые гендерные комплексы в качестве обязательной составляющей несут определённую сумму ожиданий, связанных с материально-бытовыми условиями жизни и социальным статусом лидеров гендерных групп. В соответствии с этими ожиданиями (а отнюдь не в рамках реального положения экономической среды) и ведут себя члены гендерных групп. Так, по Кабардино-Балкарии большинство современного студенчества принадлежит к обеспеченным слоям населения (60% опрошенных в целом по вузам, 52% в КБГУ – данные за 2002 год) [40]. Наиболее высокий материальный уровень наблюдается среди студентов, учащихся на бюджетных местах по престижным и особо престижным специальностям.

По данным экспертных и анкетных опросов [41] можно сделать вывод

о том, что имеет место связь между финансовым положением студентов и их дополнительной занятостью (работа на стороне): больше всего тех, кто зарабатывает дополнительно среди обеспеченных студентов; среди тех, кто причислил себя к малообеспеченным стратам около половины даже не думают о возможном дополнительном доходе. Заключение, которые можно сделать, исходя из этих фактов, неблагоприятны: наблюдается очевидный разрыв между реальным потенциалом, семейной ориентацией и возможностью общественных структур, ответственных за формирование личности. В любом случае система высшего образования ликвидирует различия между мотивами и целями молодых людей, полученных ими в семье, а только углубляет их.

Таким образом, лишенная универсализма моральных и этических компонентов, система гендерного формирования индивидуальности первоначально закладывает в детях основу будущего разностатусного самоощущения, а альтернативные структуры образования, начиная со средней школы, радикализируют и усиливают это дифференцирование.

Вторым моментом в смысле функционирования базовых гендерных комплексов без этнической стратегии обозначения видится стратегия и тактика коммуникации. Это также адаптивные компоненты личностного сознания, но включающие в себя существование индивидуальности в границах дихотомии «свой» - «чужие», и поэтому не всегда акцентируемые на лояльности.

Базовые гендерные комплексы в соответствии с возможными вариантами коммуникации могут содержать в себе различные модели общения: конфликтные, подчинения, кооперативные и т.д.

Традиционные этнические гендерные группы на Северном Кавказе в своих внутренних взаимосвязях не были сосредоточены на том, чтобы реализовывать дальнейшее продвижение своих членов (в определенной форме это могло выражаться только в форме аталычества). В остаточной форме этот комплекс методов формирования индивидуальности привел к очень проблемной ситуации. По сей день значительная часть представителей старших поколений как часть

гендерных групп не склонна прислушиваться к предложениям, пожеланиям младших, к выработке консенсуса.

При развивающейся маргинализации этнических сообществ, отсутствии моральных и этических императивов этот стиль поведения вызывает недовольство младших представителей, которое кроме того, приводит к трансформации стереотипов конфликта в базовых гендерных комплексах. Связь между моральным содержанием коммуникативных стереотипов, нарушением трансляционных процессов и конфликтами замечена давно: («...в силу... внутренней соотнесенности с мягкой убеждающей силой оснований моральные обязательства в социологическом аспекте представляются альтернативой другим способам разрешения конфликтов, не ориентированным на достижение взаимопонимания» [42, с. 53].

Те гендерные системы, которые не являются этнически обозначенными, проходят определенный путь адаптации и зачастую формируют конфликтогенные модели поведения.

Самое неприятное заключается в том, что формы субстратной женской социально-политической активности в условиях разрушения традиционных этнических ценностей также претерпевают определенные изменения.

Любой период кардинальных изменений в общественной и политической жизни в отношении функционирования гендерных комплексов и форм субстратной женской активности рассматривается как процесс интенсивного формирования новых вариантов организации гендерных отношений. Одним из такого рода явлений является активный взаимный обмен концептуальной информацией между ранее изолированными гендерными системами, что, в принципе, вызвано потребностью расширения ряда адаптивных стандартов в условиях новых параметров социальной среды. В этом отношении женская сублимативная активность все больше концентрируется на ассимиляции этих стандартов, в свою очередь моральные и этические компоненты основных гендерных комплексов значительно сужают пространства своего существования.

Они не могут соответственно реагировать на изменения, происходящие внутри и вне гендера.

В разнополярной этической и эстетической окружающей среде, в постоянных движениях этого фона, гендерные институты субстратной женской деятельности переориентированы на такие адаптивные инструменты и методы как индивидуальный подход, учет возраста и личные особенности каждого члена гендерной группы. Сокращение негативных факторов при переходе его от одного статуса в другой, введения корректировок в зависимости от фактических политических, экономических и идеологических требований общества, гарантия продвижения членов групп, протезирование их социальных предпочтений – все это конечная цель в формировании индивидуальности, способной к мобильному маневрированию в современном обществе без ограничивающего влияния нравственных императивов.

Последнее в целом может быть воспринято как факторы, которые нарушают эффективную адаптивную деятельность гендерных систем в сегодняшних политических и социально-экономических условиях, которые сопровождаются формированием доминантных признаков политического, экономического и социально-статусного плана.

Необходимо признать, что современные формы субстратной женской активности, потеряв функции этнической идентификации, значительно политизировались, потенциал их влияния все меньше направлен на внутрисемейные отношения. Соответственно основные гендерные комплексы определяют существование тех компонентов, которые в полной мере отвечают требованиям времени в смысле политических и социальных составляющих.

В современных условиях формирования такой индивидуальности предусматривает индивидуально ориентированное влияние, нацеленное на развитие тех сторон человека, которые помогут ему взаимодействовать не только с миром культурных ценностей, но будут способствовать развитию его специфических характеристик и, соответственно, и помогут нахождению его

жизненной ниши. В то же время личное гендерное влияние не может быть реализовано на основе гуманизации и моральных составляющих, потому что этика и нравы – понятия универсальные и всесторонние, игнорирующие отдельные качества.

Вступление гендерных систем традиционных этнических сообществ Северного Кавказа в четвертую фазу своего развития во многом характеризуется этими обстоятельствами.

В условиях трансформационных изменений конца XX веков, скорости этих изменений, социальная среда поставила задачи такого уровня жизненной необходимости, которые не могли получить соответствующий ответ в моральном и этическом контексте – по крайней мере, вследствие его значительной инертности и естественного консерватизма для адаптивных компонентов гендерных систем. Явления, имеющие место в национальной среде, могут быть характеризованы, с точки зрения гендерного статуса, как переход основных гендерных комплексов к дезинтегрированности – независимо от степени их маргинализованности или этнической стабильности. Другими словами, адаптивной ориентации базовых гендерных комплексов соответствовали базовые этнически обозначимые гендерные концепты, в которых, однако, сегменты морального и этического плана и социализационного были разведены на концептуальные области – «свой»-«чужой».

Это неизбежный процесс объединения традиционных сообществ, который в процессе развития цивилизации и постепенно заменяет этические регуляторы нормативно-правовыми. Однако, для этнических сообществ Северного Кавказа – области с очень твердой системой национальных идей и норм общественной жизни – ситуация оказалась катастрофической в области трансляционных отношений, особенно примечательных на фоне акцентированного патернализма, который потерял прежний статус в течение чрезвычайно сжатых сроков.

Главное противоречие маргинальных обществ – поколенное, будучи частным проявлением более глубокого противоречия между жесткой социальной

средой и этически обусловленной системой отношений.

Данные эмпирических исследований, проведенных в 90-х годах прошлого века в Кабардино-Балкарской Республике, показывают, что наблюдается четкий разрыв между целевыми установками представителей различных поколений – ситуация в высшей степени характерная для «секулярных» [43, с. 57] обществ. Различная онтологическая направленность поведения и мотивации сводит на нет возможности перспективы коммуникативного взаимодействия. При этом гендерные системы – жесткие в своем отношении к социуму и изменениям внешней среды, но, весьма толерантные в своем внутреннем функционировании – начинают воспринимать дисфункции трансляционного плана в качестве нормы.

Различные структурные элементы гендерных систем ориентируются на различные цели и принципы мотивации. Это еще больше разделяет субъекты, относящиеся к семейному и далее – национальному пространству и еще значительно уменьшает возможности их коммуникативного взаимодействия.

Современные формы субстратной женской социально-политической активности реализуются, в первую очередь, в процессах формирования базовых гендерных комплексов и первоначально конструируют твердое оппозиционное скореллированное воздействие, которое, переходит в еще более агрессивных формах на понятия и явления социокультурной среды.

Сегодня у представителей различных поколенных страт отсутствует мотивация коммуникативного взаимодействия. Ожидания молодых членов гендерных систем локализованы в области реализации социальные функции, их старшие представители, вследствие связанных наследственных факторов, вынуждены принимать социальные успехи детей и внуков как сублимативный результат, удовлетворяющий их педагогические усилия.

Таким образом, субстратные формы женской социально-политической активности на современном этапе развития традиционных этнических сообществ на Северном Кавказе становятся генерационной базой нескольких негативных процессов.

Во-первых, они поддерживают и существенно инициируют полную замену комплекса моральных и этических компонентов этнических гендерных систем на социализационные. Во-вторых, через них происходит трансляция этой замены от семейных групп в общее пространство. В – третьих, и с точки зрения накопления конфликтного потенциала общества, это самое важное – гендерные системы традиционных этнических сообществ в условиях политических и социальных преобразований производят и мировоззренческую дуальность, реализованную в понятиях «свой»-«чужой».

В устойчивых маргинализованных обществах подобные функции гендерных систем легитимизированны. Таким образом, ресурсы женской социально-политической активности реализуются в условиях развитого юридического, социального, экономического и культурного пространства. Теоретически женская социально-политическая активность распространяется на все сферы жизни. Однако, в границах традиционных сообществ, находящихся в переходной стадии развития, презентативные формы женской активности находятся в удручающем состоянии, потому как преобладают субстратные формы гендерного влияния на социум.

Кардинальные изменения в гендерных системах приводят к формированию специфического типа женской социально-политической активности. Локализуясь в пределах гендера, они, тем не менее, все более ориентированы на адаптивные, социализационные функции. Находясь под влиянием остаточных принципов патерналистской организации общества, политический потенциал женской активности изолируется в узком секторе внутрисемейных отношений, но в нем приобретает векторную направленность как всестороннее социальное явление. Таким образом, происходит формирование специальной схемы скрытого воздействия гендерного фактора на все функционально значимые области социума, включая политические. Первоначально ограниченный концептом моральных и этических взаимодействий, вопросами поколенной трансляции, поведенческой и мотивационной направленности, женская социально-

политическая активность начинает вмешиваться во все или почти все стороны внутрисемейной, а через нее – общественной жизни, включая политическую. В глубине традиционных патерналистских этнических сообществ зарождается особый тип детерминирования общественных явлений – секторальное женское влияние. Оно, как было уже сказано, закрыто в пределах семьи и гендера, но приобретает полифункциональность и мультиориентацию.

П.1.4. Секторальное гендерное пространство как мировоззренческое ядро гендерных структур и его политическое значение

Феномен секторального гендерного воздействия на социум характеризуется своей неявностью. Суть его негативного воздействия обусловлена неравноправностью социального и политического фактического положения женщины в семье и обществе, приводящей к эффекту социального отчуждения ввиду дискриминационных ограничений. Женщина не может реализовать свой природный потенциал и на подсознательном уровне ощущает социум как нечто если не чуждое, то агрессивное – с одной стороны, а с другой, пытается проецировать собственные социальные ожидания на своих детей, членов своей семьи и ближайшее окружение. В визуальных представлениях оно может восприниматься как некий объем взаимоотношений, находящийся в глубине внутрисемейного поля и доминантно взаимодействующий со всеми областями его функционирования. География секторального гендерного пространства весьма достоверно определена Г.Зиммелем, правда, под другим обозначением: «...дом... играет... двойную категориальную роль. Он, с одной стороны, момент в жизни тех, кто с ним связан, кто своими личными, религиозными, деловыми и духовными интересами... выходит за рамки «дома» и строит свою жизнь из него и этих интересов; с другой стороны, дом – особый вид формирования всех содержаний жизни; нет интересов, выгод или потерь внешних и внутренних... нет затрагиваемой индивидами области, которая бы вместе со всеми остальными не входила бы в единый в своем роде синтез дома, не присутствовала бы как-то в нем. Дом – это часть жизни и вместе с тем особый способ соединять, отражать. Формировать всю жизнь. Свершение этого является великим культурным деянием женщины» [44, с.257].

Хотя Г. Зиммель постулировал понятие «дома» ввиду норм взаимоотношений развитой демократии, исходя из соображений здравого смысла, мы приходим к выводу, что, в сущности, секторальное гендерное пространство («дом») может формироваться лишь в условиях реальной дискриминации женщин – явления весьма характерного для подавляющего большинства традиционных этнических обществ.

На сегодняшний день гендерная демократия определяется как система волеизъявления женщин и мужчин, равных в возможностях и правах, законодательно закрепленных и реально обеспеченных в политико-правовых принципах, действиях, строительстве общественных и государственных структур.

Принципы гендерного равенства закреплены во многих международных документах, в частности в Всеобщей декларации прав человека (1948), Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (1979), Декларации ООН об искоренении насилия в отношении женщин (1993) и многих других. Последние пятнадцать лет развития – после четвертой Всемирной конференции по проблемам женщин – гендера как сциентологического и социально-политического объекта приложения сил международной общественности ознаменовались видимыми и масштабными подвижками в области информационного обеспечения женщин и создания режима благоприятствования в секторе высоких технологий. Отставание в этих областях было до недавнего времени значимой проблемой в деле искоренения женской дискриминации: «В последних международных документах признается существование в новых коммуникационных технологиях скрытой предвзятости в отношении женщин, и в качестве важнейших задач информационного общества называются такие задачи, как обучение женщин навыкам владения информационными технологиями, рост их компетентности и расширение для них доступа к новым технологиям и их использованию» [45, с. 12].

Однако наиболее острой проблемой, инициирующей нежелательные трансформации гендерных систем, как в западных, так и в постсоветских

государствах, является противоречие между правовыми декларациями равенства женщин и реальным ее статусом – тем более острое, что в границах описания некоторыми концепциями биофизиологические различия между полами вовсе не являются непреодолимыми в социальной стратификации индивидуумов: «...современными представителями антропологии человеческое поведение рассматривается не как жесткое, инстинктивное и генетически детерминированное, а как сложная и высокоспециализированная палитра функциональных и высокопластичных решений, эволюционировавших и активирующихся при неразрывном взаимодействии наследственности и среды» [46, с. 125]. Понятие мобильности социополовых страт присутствует во многих современных исследованиях.

По сути дела, секторальное гендерное пространство формируется, исходя из возможных направлений приложения женской активности при официальной доступности этих направлений и затруднений или невозможности свободного развития женской части общества в этих направлениях. Эргономическая генерационная база секторального гендерного пространства – инерционный потенциал коллективного сознания общества. Даже освобожденная женщина продолжает какое-то время (в поколенных измерениях) социальную реализацию в секторальном гендерном пространстве, более того, снятие границ при наличии ментальной инерции приводит к неизбежной экстраполяции ядра секторального объема, сферы интимных отношений – на окружающий мир, на внешнее окружение, а затем, быть может, осознания всего внешнего пространства в качестве суррогата секторального. Сказанное подтверждается тем, что в случаях официальной отмены всех видов ограничений на женскую социально-политическую активность вовне первоначально прорывается в основном сексуальная ее составляющая, черед подвижек в таких областях, как наука, управление, искусство, приходит позже. Деятельность А. Коллонтай в этом смысле весьма иллюстративна: «Сексуальная свобода была объявлена политическим достижением новой власти, ее пропаганда велась под звучным

лозунгом «Дорогу крылатому Эросу!», провозглашенным Александрой Коллонтай – признанным теоретиком правящей партии в женском вопросе... Став... заведующей женотделом ЦК РКП(б), она получила хорошую возможность для популяризации собственных взглядов – не просто свободной, но сверхсвободной любви... Развивая свою концепцию после революции, Коллонтай приходит к выводу о необходимости разрушения семьи... Одновременно ею вводится в оборот замечательное понятие – «половой коммунизм» [47, с.105].

Сама А. Коллонтай обосновывала принципы свободной любви достаточно просто, на основе принятых большевиками идеологием, утверждая, что свободная любовь «соответствует той норме общения между полами, которую установит коллективистское общество» [48, с. 45]. На самом деле, суть проблемы, по - видимому, в том, что женщина формирует секторальное гендерное пространство в условиях жесткого давления извне, из недоступных патерналистскому обществу – ввиду биосоциальных причин – компонентов.

Определение границ секторального пространства происходит помимо воли женщины, диктатом среды, но саму эту территорию женское сознание считает полностью своим, причем центральное ядро секторального пространства, как уже говорилось, сфера интимных, сексуальных отношений. В случаях изменений границ допустимых реализаций женщины секторальное пространство, естественно, стремится к заполнению новых объемов. В традиционных этнических сообществах патерналистского толка эта проблема не стоит ввиду официального отсутствия перспективных векторов приложения ресурсов женской активности, что всегда вызывало скрытый или открытый протест, имеющий и политическую составляющую.

В этом смысле даже та составляющая субстратной женской активности, которая постепенно замещает все остальные компоненты в рамках гендерных систем – адаптивно-социализационная, зачастую не находит себе достойного применения в социуме. Невзирая на все подвижки современного российского общества, уровень женского участия в его жизни остается недостаточным для

выхода из положения секторального воздействия. Основные параметры социального «легитимизированного» гендерного влияния остаются в пределах тех значений, которые были заданы еще в годы существования СССР. Практика же партийных и государственных органов того периода предусматривала именно представительные функции женщин в соответствующих областях общественной жизни и не более того.

Искусственно создавалась ситуация, при которой представительство женщин было достаточным для создания условий психологической переориентации гендерных систем от традиционных к маргинальным. В то же время факты успешного продвижения женщин по вертикали социального положения имели прецедентный характер, что необратимым образом усиливало деструкционные изменения уже в рамках маргинализированной семьи. Это в полной мере относилось к советскому обществу в целом и уж тем более – к этническим сообществам Северного Кавказа.

Так, например, анализ истории развития женского сателлитного движения в КБР, вернее истории проявлений женской социально-политической активности, позволяет говорить, что для нашей республики ситуация носила именно такой характер, можно сказать, в классических его проявлениях.

Мы не можем судить, насколько диктат партийных органов в национальных республиках по силе своего прессинга превосходил общесоюзные показатели. Несомненным является одно: в Кабардино-Балкарии партия контролировала абсолютно все социально-значимые структуры, напрямую вмешиваясь в их работу и даже определяя приоритеты мелких тактических рабочих циклов. «Разрешить Кабардино-Балкарскому Областному Совету профсоюзов провести 8 октября собрание профсоюзного актива с повесткой дня «О ходе подготовки к 40-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Утвердить докладчиком председателя облсовпрофа т. Грузинову В.И.» [49] - выдержка из протокола заседания бюро обкома настолько же красноречивая, насколько и типичная для всего периода конца 40-х – начала 80-х годов.

Видимо, традиционные формы гендерных взаимоотношений повлияли на сам характер женского участия в общественной жизни Кабардино-Балкарии. Причудливая смесь исконно кавказского маскулинного подхода к нормам общежития переплелась на местной почве с маскулинностью заидеологизированного общества и замедлила процесс женского движения в республике.

Социально-политическая активность женщин Кабардино-Балкарии на протяжении длительного периода вплоть до перестройки была локализована в двух приемлемых для общества того времени формах. Во - первых, женский сектор общественной активности был представлен в идеологических целях – чисто презентативно. Практика выдвижения женщин на различные должности и выборные органы, сформировавшаяся в 20-х – 30-х годах, нашла свое продолжение и в послевоенный период. Причем приблизительно до начала 60-х годов вопрос об участии женщин в тех или иных видах партийной работы рассматривался руководством особо, так сказать, отделено от общей массы. Формулировки отчетов по этому пункту, впрочем, не оставляют и тени сомнения относительно реального отношения руководящей элиты к возможностям и потенциалу женских кадров: «Всего выдвинуто номенклатурных должностей 69, в том числе: кабардинцев – 30, женщин – 3» [50]. Комментарии, как говорится, излишни.

Примечательно, что сугубая презентативность женского участия в партийной и общественной работе весьма четко проявилась в распределении «женских» мест по уровням представительства. Речь идет о том, что чем выше был уровень различных представительских мероприятий, тем жестче выдерживался лимит в 20-25% женского участия, определенный еще в довоенный период. Он был абсолютно обязателен для областного уровня, хуже выдерживался на уровне районов и уж никак не соблюдался «на местах».

Например, практически все президиумы партийных областных совещаний в 50-х – 60-х годах пятой частью своих составов имели женщин. Колебания в ту или

иную сторону составляли не более одного места. Более того, были случаи, когда состав президиума менялся «в рабочем порядке» в целях набора «нужной» квоты женского представительства. Так, собрание областного партийного актива Кабардино-Балкарии, прошедшее 7 января 1958 года, начиналось с Президиумом, в составе 26 человек, из которых лишь 4 были женщины. Однако, судя по архивным документам и воспоминаниям очевидцев, состав Президиума был изменен по личному указанию Т.К.Мальбахова – в него была введена еще одна представительница женского населения, что довело цифру женского представительства до нужного уровня [51].

К середине 60-х годов уровень женского представительства в партийных структурах приобрел полностью жесткую форму, что часто выражалось в целенаправленном формировании женского сектора во всех более-менее значимых мероприятиях партии, в кадровом составе партийных структур. Ярким примером, иллюстрирующим методы работы руководства в этом направлении, могут считаться многочисленные республиканские делегации на различные форумы, проводившиеся в Москве. Так, например, делегация КБАССР на XXIII съезде Коммунистической партии Советского Союза была сформирована в составе 10 человек, причем, по всей видимости, квоты, отпущенной республике, явно «не хватало» для привлечения всех «значимых» функционеров-мужчин. Поэтому среди делегатов от республики, обладавших правом решающего голоса, была лишь одна женщина – Р.К. Сабанчиева. Однако в список была включена еще одна представительница женской части коммунистов КБАССР – Хуламханова, правда, «с правом совещательного голоса».

Из 97 членов Кабардино-Балкарского обкома КПСС практически четверть (22 человека) были женщины [52].

В то же время мероприятия районного уровня не выявляют подобного стремления к соблюдению квот женского представительства.

К примеру, с начала 50-х и до середины 80-х годов представительство женщин в районных комитетах партии находилось вблизи отметки в 10-12%, а то

и ниже [53]. Даже в составах президиумов партийных мероприятий районного уровня этих лет доля женщин не превышает 10-15% [54].

Однако вся отчетная документация районов, шедшая в областные партийные структуры, также стремилась к упомянутой выше цифре в 20-25% женского представительства. Если же речь шла о необходимости реального присутствия женщин в тех или иных мероприятиях, контролировавшихся республиканским руководством, диспропорция между этими «парадными» показателями и реальным участием женщин в общественной жизни становилась просто разительной.

Если в составе Кубинского РК ВКП(б), например в 1950 году, не было ни одной женщины и даже среди членов районной комиссии содействия Советскому комитету по защите мира – традиционно «женской» организации – из одиннадцати человек было лишь три женщины [55], то среди членов и кандидатов в члены ВКП(б), направленных в этом же году райкомом на учебу в партийные центры различного уровня, 25% были женщины, для чего партийному руководству районов пришлось в буквальном смысле слова провести всеобщую и тотальную мобилизацию среди данного контингента [56].

Острота женского вопроса, с точки зрения партийных функционеров, постепенно притуплялась. До конца 40-х годов ни одно из мероприятий партии не обходилось без специального рассмотрения вопросов, напрямую касавшихся статуса и положения женщины в обществе. Однако, сравнивая эти показатели с данными довоенного периода, мы можем видеть, что внимание партийных органов к женскому вопросу в значительной мере притупилось и уже в самом начале 50-х годов нормой, так сказать, демонстративного внимания в этой сфере являлось 5-6, а иногда и меньше мероприятий за год – на районном уровне. Это, при том, что практически все обращения к вопросам работы с женщинами заканчивались весьма неутешительными констатациями: «Созданные женские советы повсеместно, по существу, бездействуют, их работой ни первичные парторганизации, ни отделы по работе среди женщин... не интересуются...

Заведующая отделом по работе среди женщин обкома ВКП(б) товарищ Хамбазарова в районах за отчетный период бывала очень редко» [57].

Уже к середине - концу 60-х годов отдельное рассмотрение женской проблематики на партийных форумах становится редкостью и вопросы женского образования, социального положения и т.д. присутствуют в партийных документах спорадически, в одном ряду с «пережитками изжитых традиций» и атеистической пропаганды [58].

Между тем в реальности основная часть женского населения Кабардино-Балкарии в социальном отношении оставалась весьма инертной массой, отношение к которой со стороны мужчин по сравнению с ситуацией начала века качественных изменений, по всей видимости, не претерпело.

Более того, к новейшим приобретениям послевоенной эпохи можно отнести утрату традиционных нормативов поведения по отношению к женщине. Сложилось положение, когда социальная активность женщин оценивалась в шкале традиционных маскулинных обычаев, а реальное участие, например в производстве, предпочтительным виделось в свете понятий равноправия полов в их наихудшей, суррогатной форме. Тенденции были настолько выявлены, что это даже отмечалось на различных партийных мероприятиях: «...следует признать ненормальным, когда в составе звеньев нет ребят, которые бы непосредственно с тяпкой в руках выращивали кукурузу и другие сельскохозяйственные продукты. Вообще в некоторых колхозах мужчины в некоторой степени уклоняются от физического труда» [59].

Ограничившись в женском вопросе проблемами чистого представительства, руководство республики во многом способствовало тому, что, когда в середине - конце 70-х годов общецивилизационный уровень жизни резко повысился, практически все сферы жизни потребовали соответствующего повышения уровня квалификации работников, женщины оказались в положении некоего нефункционального элемента.

Проявилось это, прежде всего, в том, что в течение 70-х – начале 80-х годов, если не считать женские кадры, вошедшие в «номенклатурную» обойму в предыдущие десятилетия, видимых примеров продвижения женщин вверх по административной лестнице, либо в других областях не наблюдалось.

С другой стороны, резко уменьшилась доля женщин, занимавших должности «реального общественного статуса». Особенно четко это видно на примере различных отраслей народного хозяйства, в частности – сельскохозяйственном производстве.

К началу 80-х годов окончательно сформировалась тенденция, причем, по всей видимости, с точки зрения квалифицированности кадров оправданная, – использование женщин лишь на должностях «технического» плана.

Так, по состоянию на 1 апреля 1980 года в 69 колхозах Кабардино-Балкарии не было ни одного председателя-женщины. В должности заместителя председателя находилась лишь одна представительница женского населения КБАССР. Из 66 главных агрономов в системе колхозов республики женщин было 4. Из 69 главных зоотехников данную должность замещала лишь одна женщина [60]. При этом отчетность по долевого участию женщин в кадровом составе руководящего звена продолжала выглядеть вполне благополучной: из 2445 работников руководящих структур в системе колхозного производства 438 были женщины. Правда, из 438 более трехсот трудились в качестве младших агрономов, ветфельдшеров, бригадиров производственных бригад и т.д. [61], но такие «детали» в отчетах, как правило, не отражались.

Тяга руководства всех уровней к «благополучной» отчетности к этому времени, по всей видимости, была уже постоянно действующим, если можно так выразиться, фактором. Об этом можно судить по типовым справкам Центрального статистического управления КБАССР, представлявшимся партийному руководству республики и по старой традиции имевшим графу «женщины».

Так, в справках по руководящему составу совхозов республики указывалось, что из 1762 должностей женщинами занято 423 (более 20%), однако при этом стыдливо умалчивалось, что 216 женщин-руководителей были бухгалтерскими работниками [62], на плечи которых, в сущности, падала вся «черновая» работа по подготовке финансовой документации. Так же обстояло дело с отчетами по всем остальным подразделениям Министерства сельского хозяйства республики и в целом по всей системе народного хозяйства КБАССР.

Что касается женской социально-политической активности вне систем партийного и управленческого аппаратов, то необходимо сказать, что эта сфера является одной из наиболее иллюстративных областей, демонстрирующих нам не только основные моменты с именно различными формами женского движения, но и всей общественной деятельности в целом. Дабы не углубляться в этот объемный пласт документации и других свидетельств действительного положения в области реализации ресурсов альтернативной активности населения, мы отметим, что многочисленные общественные организации, в разное время создававшиеся по инициативе партийных органов, на периферии государства де-факто оставались, лишь протокольно оформленными структурами, еще в эпоху жесткого контроля занимавшимися по большей части различными организационными мероприятиями, результатом которых были лишь тонны исписанных отчетов.

И на сегодняшний день декларативное расширение областей реализации политического потенциала женской активности вкупе с заметной секуляризацией их на практике обуславливает сублимативную активность женской части традиционных сообществ в рамках секторальных гендерных проявлений, что в первую очередь зависит от субъективного самоощущения женщины.

Субъективные показатели статуса связаны с оценкой индивидом своего статуса в обществе, оценкой имеющихся ресурсов (сравнимые с ресурсами других членов общества) с точки зрения возможности их использования для реализации жизненных потребностей. В смысле формирования секторального гендерного пространства, возможно, выделить несколько определяющих

параметров: оценка материального положения; ретроспективные, актуальные и перспективные оценки изменения уровня личного благосостояния, социальных возможностей за определенный период времени; самооценка позиции на воображаемой социальной лестнице; удовлетворенность своим положением в обществе, возможностью самореализации.

Политический и социальный потенциал индивида реализуется на двух уровнях проявления. На объективном уровне он включает совокупность имеющихся ресурсов индивида (экономических, политических, профессиональных, культурных), которые он может использовать для реализации своих жизненных потребностей. Владение этими ресурсами может непосредственно определять социальный статус индивида в обществе или использоваться им для последующего повышения его социальной позиции благодаря механизмам социально-политической активности.

На субъективном уровне политический и социальный потенциал включает осознание ценности имеющихся ресурсов и способов их воссоздания и увеличения, личную готовность индивида к их освоению с целью реализации жизненных перспектив в целом.

В частном плане данный комплекс самооценки распадается на несколько значимых фрагментов: ощущение возможности влиять на собственную жизнь; готовность к активному конструированию своей жизни; ориентация на экономическую, политическую, профессиональную, духовно-культурную активность.

Анализ политического и социального статуса женщины в Кабардино-Балкарской Республике, согласно вышеперечисленным критериям, демонстрирует наличие серьёзных гендерных диспропорций. Социальный статус женщины в современном традиционном сообществе определяется рядом показательных параметров: сниженной долей женщин в составе экономически активного населения (по отношению к мужчинам), заметным превышением процента женщин в составе официально зарегистрированных и реальных безработных;

более длительными сроками безработицы; сохранением существенной гендерной сегрегации в оплате труда; гендерной диспропорцией уровня доходов; в политической сфере, в частности, в снижении доли женщин в представительских органах власти на современном этапе.

Это негативно сказывается и на политических аспектах жизнедеятельности общества. Таким образом, в областях политической и управленческой жизни общества к 80-м-90-м годам прошлого века были созданы и, по всей видимости, по сегодняшний день сохраняются условия, переводящие гендерные системы в их секторальную форму.

Аналогичная ситуация сложилась в этот же период со всеми другими социально значимыми сферами возможной реализации потенциала женской активности. Достаточно упомянуть, что за все послевоенное время доля женщин в составе субъектных отделений культуры и творческих союзов, в частности, не поднималась выше 10%.

Позиционирование этнических сообществ к участию женщин в культурной сфере дублирует ситуацию эпохи СССР. Сам факт принадлежности женщины к поведенчески свободным, «богемным» социальным стратам в подавляющем большинстве случаев негативно воспринимается маскулинной средой. Традиционные этносы Северного Кавказа и сегодня сохранили этот взгляд на возможные стандарты женского поведения. Даже такая, казалось бы, изначально свободная от ортодоксальных нормативных стандартов сфера, как современный шоу-бизнес, оказывается весьма иллюстративной. В этом смысле показательным видится тот факт, что ни одна женщина – уроженка республик Северного Кавказа, не добилась признания у себя на родине, и успех к целой когорте их пришел лишь в Москве. Причем это безотносительно их национальной принадлежности (Жасмин, Сати Казанова, Катя Чуприна (Лель), сестры Базыкины (Зайцевы), Ирина Ракитина, некоторые другие).

Однако наиболее значимым направлением формирования секторального гендерного пространства видится в этноидентификационной составляющей.

Данные социологических опросов, проведенных в Кабардино-Балкарии за последние несколько лет, свидетельствуют о постоянном и резком росте женщин к вопросам этнической принадлежности, к дефинитивным признакам этноса как такового, что с точки зрения политологии представляется очень важным.

Здесь, пожалуй, следует еще раз упомянуть, что этноидентифицированные базовые гендерные комплексы Северного Кавказа не знали дифференциации по национальному признаку. Системы традиционного гендерного взаимодействия не предполагали формирования параметральных данных этого порядка, не занимались актуализацией этнического самосознания у членов гендерных групп. Так, например, среди более, чем тысячи зафиксированных и опубликованных текстов колыбельных песен народов Северного Кавказа, включающих в качестве обязательной жанровой меты благопожелание младенцу, нет ни одного примера указания на предпочтительное проявление им во взрослом состоянии каких-то специфических национальных черт. Это, при том, что в культурах народов региона концепты, обозначающие интегрированность личности в этническое поле, играют заметную роль (соположенные понятию «славянофильство», «адыгство», «чеченство», «аварство», «балкарство» и т.д. – при переводе в первом приближении).

Здесь, по всей видимости, необходимо сделать пояснение. Выше указывалось, что этническая составляющая гендерных систем и базовых гендерных комплексов является обязательной для традиционных обществ. Однако не стоит путать понятия этнической прямой номинации с понятийным уровнем определения признаков этнической личности и морально-этических стандартов, с присутствующими в сознании этноиндивидуума априори на подсознательном уровне. Для традиционного этнического мышления в его классических формах этническая идентификация совпадает с идентификацией социальной и культурной. Выделять в том или ином виде нормативы поведения и мотивации личности в качестве национальных не имеет смысла.

Данные же социологических опросов, проведенных в республиках Северного Кавказа за последние 10-15 лет, свидетельствуют: женщины стали придавать особое значение таким характеристикам личности, как приверженность национальным обычаям, сохранение этнической маркированности индивидуума и т.д.

Механизмы этого явления мы рассмотрим ниже, а в данный момент отметим, что вопросы этноидентификации явно выступают в качестве одного из сегментов секторального гендерного пространства, и положение это сложилось, начиная с середины 90-х годов прошлого века. Особое внимание обратим на тот факт, что в эти же 10-15 лет в парадигме этноидентификационных характеристик появились новые позиции, связанные с конфессиональными предпочтениями граждан.

Таким образом, подводя промежуточные итоги, мы констатируем, что секторальное гендерное пространство формируется в качестве мировоззренческого ядра гендерных групп, распространяющего свое влияние на все составляющие базовых гендерных комплексов. Складывается секторальное гендерное пространство в условиях диспаритета реального статуирования женщины и мужчины в традиционных этнических сообществах при правовом их равенстве и наличии прецедентов реализации потенциала женской социально-политической активности в границах этих правовых норм.

Особо важное для Северного Кавказа обстоятельство: секторальное гендерное пространство, при соблюдении вышеназванных условий и на определенной стадии маргинализации традиционных этнических сообществ, в качестве одной из главных своих объемных компонент включает в себя и такую сферу, как вопросы национальных гендерных институтов и конфессиональной идентификации субъекта, что имеет серьезные политические последствия, связанные с ролью женщины в трансформирующемся обществе.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бутовская, М. Эволюция человека и его социальной структуры [Электронный ресурс] / М. Бутовская. - Режим доступа: [www. Ermak-ag.ru/library.php](http://www.Ermak-ag.ru/library.php).
2. См.: Фоули, Р. Еще один неповторимый вид. Экологические аспекты эволюции человека [Текст] / Р. Фоули. - М.: Республика, 1990. - 415 с.
3. Харрисон, Дж. Биология человека [Текст] / Дж. Харрисон, Дж. Уайнер, Дж. Тэнер, Н. Барникот, В. Рейнолдс. - М.: Мир, 1979. – 613 с.
4. См. Шаожева, Н.А. Проблемы гендерной социоструктурной трансформации традиционных этнических сообществ народов Кабардино-Балкарии [Текст] / Н.А. Шаожева // Научный Вестник Уральской академии государственной службы. - 2012. - № 1 (18). - С. 223-227.
5. Кон, И. Этнография и проблемы пола [Текст] / И. Кон//Советская этнография. – 1983. - № 3. - С. 25-34.
6. Воронина, О. Введение в гендерные исследования [Текст] / О. Воронина//Материалы I Российской летней школы по женским и гендерным исследованиям «Валдай-96». - М.: МЦГИ, 1997. – С. 29 -34.
7. Караханова, Т. Ценностные ориентации работающих женщин и использование времени [Текст] / Т. Караханова//Социологические исследования. - 2003. - № 3. - С. 74-81.
8. Faucault, V. The History of Sexuality: Volume I. An Introduction [Text] / V. Faucault. - New York: Vintage Books, 1990. - 301 p.
9. Сюллеро, Э. История и социология женского труда [Текст] / Э. Сюллеро. - М.: Прогресс, 1973.- 291 с.
10. Идеино-политическая борьба и некоторые проблемы женского движения [Текст] / Отв. ред. Н.А. Ковальский. - М.: Мысль, 1981.- 254 с.

11. См.: Милль, С. О подчинении женщины [Текст] / С. Милль. - СПб.: 1882. – 290 с.
12. Шинелева, Л.Т. Женщина и общество [Текст] / Л.Т. Шинелева. - М.: Политиздат, 1990.- 175 с.
13. Уолстонкрафт, М. В защиту прав женщины [Текст] / М. Уолстонкрафт //Феминизм: Проза, мемуары, письма.- М.: Ракстниекс, 1992.- 197 с.
14. Милль, С. Указ соч.- 290 с.
15. Киселева, Н.А.. Международное женское движение в борьбе за мир, равноправие и социальный прогресс [Текст] / Н.А. Киселева.- М.: Политиздат, 1991.- 239 с.
16. Ленин, В.И. Международный социалистический конгресс в Штутгарте [Текст] / В.И. Ленин//ПСС. – 5-е изд. - М.: Политиздат, 1973. - Т. 16. – С. 67-74.
17. Шинелева, Л.Т. Указ. соч. – 175 с.
18. Абилайль, А. Письма [Текст] / А. Абилайль//Феминизм: Проза, мемуары, письма.- М.: Ракстниекс, 1992.- 197 с.
19. Шинелева, Л.Т.Указ. соч.- М., 1990.- 175 с.
20. Gubbels, R. Le Travail au Feminin [Text] / Robert Gubbels. - Bruxelles, 1967.- 321 p.
21. Шинелева, Л.Т. Указ. соч.- 175 с.
22. Ленин, В.И. Международный социалистический конгресс в Штутгарте [Текст] /В.И. Ленин//ПСС. 5-е изд. – М.: Политиздат, 1973. - Т. 16. – С. 67-74.
23. Там же.
24. Шинелева, Л.Т. Указ. соч. – 175 с.
25. Энгельс, Ф. Положение рабочего класса в Англии. Сочинения: в 39 томах [Текст] // К. Маркс и Ф. Энгельс. - М.: Политиздат, 1978. - Т.2. – С. 231-517.
26. Ленин, В.И. Письмо А.М. Коллонтай от 11.07.1915 г. [Текст] / В.И. Ленин//ПСС. - 5-е изд.- М.: Политиздат, 1970. - Т.49 – С. 94-95.

27. Карамзин, Н.М. История государства Российского [Текст] в 12 томах. Т. 2-3 / Н.М. Карамзин /под ред. А.Н. Сахарова. - М.: Наука, 1991.- 832 с.
28. Пушкарева, Н.Л. Частная жизнь русской женщины в доиндустриальной России: невеста, жена, любовница [Текст] / Н.Л. Пушкарева. - М.: Ладомир, 1997. – 386 с.
29. Каменчук, О.Н. Благотворительная и меценатская деятельность россиянок конца XIX - начала XX вв. [Текст] / О.Н. Каменчук// Женщина. Гендер. Культура. - М.: ИСЭПН РАН, 1999.- С. 261-269.
30. Шинелева, Л.Т. Указ. соч. -175 с.
31. Там же.
32. Айвазова, С.Г. Женское движение России: опыт типологического анализа [Текст] / С.Г. Айвазова//Мужчина и женщина в современном мире: меняющиеся роли и образы. - М.: Правда, 1999. - Т.1.- С. 143-156.
33. Ленин, В.И. Письмо к И. Арманд от 17.01.1915 г. [Текст] / В.И. Ленин // ППС. – 5-е изд.- М.: Политиздат, 1970. - Т. 49. – С. 51-52.
34. Ленин, В.И. Редакции «Нашего слова». Берн. 1915 г. [Текст] / В.И. Ленин//ПСС. – 5-е изд.- М.: Политиздат, 1970. - Т. 49. – С. 60-63.
35. Жеребкина, И. Подчиниться или погибнуть: парадоксы женской субъективации в русской культуре конца XIX века [Текст] / И. Жеребкина //Общественные науки и современность. - 2002. - №. 3. - С. 164-171.
36. Хабермас, Ю. Вовлечение другого: Очерки политической теории [Текст] / Ю. Хабермас//Пер. с нем. Ю. С. Медведева; под ред. Д. А. Складнева. — М.: Наука, 2001. — 417 с.
37. Parsons, T. Social Structure and the Development of Personality: Freuds Contribution to the Integration of Psychology and Sociology [Text] / T. Parsons // Social Structure and Personality. - London: The Free Press, 1970. – 342 p.
38. Юрлова, Е. С. Женщина в индийской семье [Текст] / Е. Юрлова// Этнографическое обозрение. -1999.- № 1. - С. 97-106.

39. Антонов, А. Социология и общество [Текст] / А. Антонов//Общество и социология: новые реалии и новые идеи: тезисы I всероссийского конгресса - СПб.: Скифия, 2000. – 265 с.
40. См.: Отчет по результатам анкетирования на тему: «Политизация гендерных отношений в процессе преобразования российского общества (на материале Северного Кавказа)».
41. Там же.
42. Хабермас, Ю. Указ. Соч. - 415 с.
43. Хабермас, Ю. Диалектика секуляризации [Текст] / Ю. Хабермас. - М.: Библиейско-Богословский институт св. Апостола Андрея, 2006. - С. 112 с.
44. Зиммель, Г. Созерцание жизни: Избранное [Текст] / Г. Зиммель. - М.: Юристъ, 1996. - Т. 1. – 607 с.
45. Примо, Н. Гендерные проблемы в информационном обществе [Текст] / Н. Примо. - СПб.: Российская национальная библиотека, 2004. – 102 с.
46. Бутовская, М. Выбор постоянного полового партнера в среде современного московского студенчества: эволюционный анализ [Текст] / М. Бутовская, О. Смирнов//Этнографическое обозрение. - 2003. - № 1. - С. 124-146.
47. Черных, А. «Крылатый Эрос» и промфинплан [Текст] /А. Черных// Социологические исследования. – 1993. - № 8. - С. 105-113.
48. Коллонтай, А. Социальные основы женского вопроса [Текст] / А. Коллонтай. - СПб.: 1909.- 312 с.
49. Протокол заседания бюро Кабардино-Балкарского обкома КПСС от 25 сентября 1957 года. ЦДНИ КБР. - Ф. 1. - Оп. 2. - Д. 797. - Л. 17.
50. Доклад Голубева на X Урванской партконференции 18 ноября 1950 года. ЦДНИ КБР. - Ф. 34. - Оп.1. - Д. 140. - Л. 50.
51. Протокол собрания областного партийного актива Кабардино-Балкарской партийной организации от 7 января 1958 года. ЦДНИ КБР. - Ф. 1. - Оп. 2. - Д. 1004. – Лл. 1, 2, 12.

52. Протокол 29-й конференции областной парторганизации от 11-12 февраля 1966 года. ЦДНИ КБР. - Ф.1. - Оп. 2. - Д. 1940. - Т. 1. – Л. л. 19, 20.
53. Протоколы X Урванской партконференции от 18-19 ноября 1950 года. ЦБНИ КБР. - Ф. 34. - Оп. 1. - Д. 140. - Л. 28; Отчетный доклад секретаря Нальчикского РК КПСС за период с августа 1953-го по сентябрь 1954 года. ЦДНИ КБР. - Ф. 27. - Оп. 1.- Д. 179. - Лл. 57, 58.
54. Приложение №1 к протоколу Нальчикского районного отчетно-выборного партийного собрания от 4-5 сентября 1954 года. ЦДНИ КБР. - Ф. 27. - Оп. 1. - Д. 179. – Лл. 60-62; Протокол X Урванской партконференции от 18-19 ноября 1950 года. ЦДНИ КБР. - Ф. 34. - Оп. 1. - Д. 140. - Лл. 29.
55. Протокол № 33 заседания бюро Кубинского РК ВКП(б) от 23 мая 1950 года. ЦДНИ КБР. - Ф. 9. - Оп. 1. - Д. 88. - Л. 63.
56. Протокол заседания бюро Кубинского РК ВКП(б) от 13 июня 1950 года. ЦДНИ КБР. - Ф. 9. - Оп.1. - Д. 88. – Лл. 35, 36, 37.
57. Отчет о работе Урванского РК ВКП(б) за период с октября 1949-го по ноябрь 1950 года. ЦДНИ КБР. - Ф. 34. - Оп.1. - Д. 140. - Л. 48.
58. Доклад первого секретаря обкома КПСС Т.К. Мальбахова на 29-й конференции областной парторганизации 11 февраля 1966 года. ЦДНИ КБР. - Ф. 1. - Оп. 2. - Д. 1940. - Т. 1. – Лл. 4-17.
59. Материалы собрания актива областной комсомольской организации 24 – 26 февраля 1959 года ЦДНИ КБР. - Ф. 773. - Оп.1.- Д. 6. – Лл. 14.
60. Сводная справка ЦСУ КБАССР по составу руководящих работников колхозов республики по состоянию на 1 апреля 1980 года. ЦГА КБР. - Ф. - Р-499. - Оп. 14. - Д. 17. - Л. 2.
61. Сводная справка ЦСУ КБАССР по составу руководящих работников колхозов республики по состоянию на 1 апреля 1980 года. ЦГА КБР. - Ф. – Р - 499. - Оп. 14. - Д. 17. - Л. 2а.
62. Справка ЦСУ КБАССР о руководящем составе совхозов республики. ЦГА КБР. - Ф. - Р-499. - Оп.14. - Д. 17. - Л. 6.

ГЛАВА II. Гендерные отношения в традиционном обществе и механизмы их политизации

II. 2.1. Роль и функции гендерных стереотипов в патерналистских этнических обществах

Механизмы формирования гендерных стереотипов могут быть идентифицированы лишь в качестве социокультурных, исторически обусловленных явлений. Даже первичный, поверхностный анализ механизмов проявления и функционирования гендерных стереотипов выявляет их как составляющую часть механизмов формирования социальных стереотипов в целом и в самом общем виде представляется в виде конвенционально принятой схемы осуществления той или иной социально значимой деятельности. Эти схемы определяют направленность и содержание не только сознания, но и поведения индивидов. С точки зрения адаптивности отдельных индивидуумов, конечным результатом реализации гендерных, равно как и общесоциальных, стереотипов является высокая стабильность в восприятии, постижении реальности и осуществлении практических действий, а со стороны идеологии поведения корректируются процессы выработки собственных взглядов и соответствующего креативного мышления. Причем культурогенное понимание форм адаптивности - дезадаптивности традиционно дополняется целым направлением в психологии. К. Юнг по этому поводу писал: «Архетипы представляют собой нечто вроде органов дорациональной психики. Это постоянно наследуемые, всегда одинаковые формы и идеи, еще лишенные специфического содержания»[1, с. 79].

Концепция врожденных архетипов, восходящая еще к Августину Блаженному, получила неожиданное развитие в трудах современных нейрофизиологов и физиков («... вопрос о связи элементов... между собой в структуре становления личности. Мы считаем, что такая связь осуществляется информационно-энергетическими характеристиками психологических систем индивидов, взаимодействующих друг с другом. На наш взгляд, физико-энергетическим «каркасом» психологической системы индивида, вероятно, выступает образование, присущее живому организму и условно именуемое биоплазмой») [2, с. 227].

Реабилитация концептуального культурогенного подхода в этом вопросе, имеющего гораздо более состоятельный научный вид с точки зрения гуманитарных наук, осуществляется либо с помощью возврата к скомпрометировавшим себя учениям, например марксизму, либо с позиций актуализации религиозного сознания, что очень четко выражено, к слову, в выступлениях представителей высшего управленческого звена католицизма [3].

Но лишь такое понимание социально-психологического контекста интересующей нас проблемы позволяет внятно ставить вопрос о том, каким образом и под воздействием каких факторов формируются и воспроизводятся гендерные стереотипы. Мы неизбежно приходим к выводу о том, что гендерный стереотип является феноменом социокультурного порядка и формируется под воздействием исторических условий и непосредственно влияет на политизацию общества. Механизм формирования гендерных стереотипов раскрывается через исторический анализ становления общества и определения факторов, исходных для рассмотрения мужчины и женщины в определенной оппозиции друг к другу.

Закономерно, что первоначальный, так сказать, исходный, гендерный стереотип, противопоставляющий мужчину и женщину, сформировался еще в первобытных обществах как естественно необходимое условие выживания,

ограничивавшее деятельность женщины функцией деторождения. Такая ситуация была длительной и постепенно превращалась в культурную норму - женщина не могла занять высокой статусной позиции, поскольку ее передвижение было ограничено строго определенной территорией, что постепенно утверждалось конвенциональными механизмами, закреплялось в комплексах предписываемого поведения, главными из которых были конфессиональные: «В каждой из мировых или национальных религий по сей день сохраняется целая система взглядов, принижающих роль женского: от... табу, согласно которым женщина считается «нечистой»... до вербальных инвектив о греховности и «вторичности» женщины» [4, с. 183].

На подобной, сугубо патерналистской, основе в ходе развития цивилизации определялся ряд социальных функций, присущих гендерному стереотипу традиционного общества [5, с. 56-58]. И, невзирая на социальную суженность областей функционирования гендерного сектора в традиционном (маскулинном) обществе, не вызывает никакого сомнения, что целый ряд областей социокультурной рекреации напрямую зависят именно от него. В частности, ряд исследователей отмечают возрастание роли гендера в формировании социальных стереотипов [6, с. 129].

Итак, гендерный стереотип является явлением культурного порядка и формируется под воздействием исторических условий. Гендерный стереотип имеет социальную природу и является продуктом социокультурных норм и ожиданий. Такие характеристики изменяются со временем и в зависимости от страны – ее культурной, экономической, политической, идеологической среды. Гендерные стереотипы усваиваются в процессе социализации, в системе распределения материальных ценностей и власти, моральных норм и предписаний, весьма стабильных для определенных социокультурных хронотопов. При этом в традиционном обществе, под характеристики которого вполне подпадают ареалы Северного Кавказа, – вплоть до наших дней – гендерный стереотип выполняет некий ряд функций, которые коррелируют с

функциями социального стереотипа в целом, но имеют содержательные отличия.

Исследование гендерного стереотипа как социального явления, присущего маскулинным традиционным сообществам, и даже матриархальным [7, с. 92-97], позволяет утверждать, что он ограничен в основном, следующими сферами: поддержка идентификации личности и группы - регулятивная функция; передача опыта взаимодействия представителей различных поколений - трансляционная функция; усвоение и сохранение знаний, опыта, норм, ценностей представителей собственной генерации – систематизационная функция; включение индивида в социальные связи и отношения, так или иначе детерминирующиеся принятым в обществе гендерным распределением, - социализационная функция. Гендерный стереотип содействует образованию иерархической структуры общественных отношений, стабилизирует и в значительной мере, продуцирует ее, а в условиях полиэтничности и поликонфессиональности среды служит сильнейшим интегративным началом, формируемым в глубоком детстве: «Толерантные социальные установки, несомненно, уходят корнями в детство, в родительскую политику поощрений и наказаний, в семейную атмосферу» [8, с.41]. Последнее свойство парадигмы гендерных взаимоотношений играет, как мы увидим несколько позже, генеральную роль при переходе общества из одного состояния в другое.

Обращаясь непосредственно к северокавказскому региону, мы должны признать, что определение «традиционное» или «маскулинное» общество в самой полной мере подходит к любым этническим сообществам этого ареала на протяжении весьма значительного исторического промежутка, по крайней мере, последние 300-400 лет вплоть до конца 20-х – начала 30-х годов XX века [9].

Подчиненность женского субъекта, что определялось значительной гендерной асимметрией [10], являлось здесь основой любой общественной

структуры, в том числе национальной. Иначе гендер выступает, в том числе, и одним из механизмов конструирования национальной символической структуры, категорически и определенно утверждая «природные» отношения между мужчинами и женщинами. В процессе конструирования женщин как рецессивной компоненты общества гендерные механизмы полностью легитимировали патриархальные структуры эксплуатации и дискриминации женщин. Однако, как уже было сказано, обычно основой исключения женщин из публичного пространства является соотношение их с природой и «природными» функциями: рождение и воспитание детей, домашнее хозяйство и др. [11, с.237-239]. Для Северного Кавказа ситуация выглядит несколько иначе. Как национальная субъективизация индивидов, так и гендерная стратификация их основывается на использовании патриархальной властью характеристик биологического пола в процессе создания дихотомии «воин-мужчина», основополагающей для национального уклада всех народов региона. Именно она проецируется на весь социум в целом и гендер в частности, задавая жесткий характер бинарной оппозиции мужского - женского как оппозиции высшего - низшего, культурного - природного и публичного - частного: «Замужние женщины — несчастнейшие существа в Адыгее. Кроме того, что они должны помогать мужчинам в полевых работах, они делают сукно, полотно, одежду и обувь. Они должны натаскать в дом воды и дров, ухаживать за скотом, даже и за лошадьми, приготовить обед и вести все хозяйство. Зимой они очень страдают от холода из-за недостатка одежды; но самое тяжелое — это молоть муку. В стране только изредка встречаются маленькие водяные мельницы. Каждый двор имеет свои ручные мельницы, которые очень плохи. Заготовленной муки нигде нет; женщины ежедневно мелют лишь то количество муки, которое необходимо на хозяйственные нужды. Следует отметить, что, тогда как женщины замучены работой, девушек, как у богатых, так и у бедных, очень оберегают. Они освобождены от всех тяжелых домашних и полевых работ, занимаются только шитьем и

вышиванием и достигают в этом большого искусства. Чужеземцы бывают чрезвычайно удивлены, найдя под соломенной крышей абазской сакли нежных, хорошо одетых девушек с белыми руками, не носящими ни малейших следов тяжелой работы. Между девушками встречаются настоящие красавицы, но, едва выйдя замуж, они теряют быстро свою красоту, и через год замужества бедняжку едва можно узнать. Впрочем, они добродушные, услужливые, веселые создания и не такие робкие, хотя и более добродетельные, чем турчанки» [12, с. 127]. Некоторые положения описания Т.Лапинского мы подвергаем сомнению, но в целом картина вполне соответствует классическим маскулинным сообществам.

Противоречивые высказывания наших и зарубежных авторов о народах Северного Кавказа можно бесконечно множить, а потому, не вступая с ними в полемику, мы не ориентируемся в этом вопросе на методологические наблюдения. Я.С. Смирнова считает, что такой разброс мнений довольно обычен. Он объясняется и тем, что разные авторы обращают внимание на различные стороны жизни и тем самым они нередко стоят на разных исходных позициях. Так, одни европейские путешественники рассматривали положение кавказской горянки как приниженное (сравнивая его с положением европейки), другие – как почетное (сравнивая его с положением турчанки и египтянки) [13, с. 57].

В конкретных исторических условиях Северного Кавказа, на протяжении последних нескольких сотен лет не знавшего сколько-нибудь значительных периодов мира и политической стабильности, в контексте национальной идентификации индивидов, создавая «вековечные» и не «подлежащие сомнению» национальные конструкты маскулинности и феминности, гендер легитимизировал конструирование и реконструирование национального субъекта в рамках воинской дихотомии, исключая саму возможность альтернативных вариантов гендера, о чем неоднократно упоминали как многочисленные путешественники по Северному Кавказу, так

и представители просветительских кругов национальных сообществ [14, с.161-164]. Таким образом, регулятивная функция пола в процессе конструирования национального субъекта на Северном Кавказе определяется жестко конвенциональной интерпретацией системы обязательной гетеросексуальности. Гендер выступает механизмом, который консервирует, производит и воспроизводит бинарную систему национальной и половой идентичности. Другими словами, в традиционных обществах региона, производя и воспроизводя конструкт «природных» половых отношений как таковой, гендер определяет, помимо всего, и однозначность этнической принадлежности, которая также не подлежит сомнению. Национальный субъект не имеет возможности сомневаться в своей этнической принадлежности, поскольку это будет означать сомнение в природном порядке вещей, проявляющемся в «природных» же отношениях между мужчинами и женщинами. В условиях господства символического и обязательного кодекса воинского поведения характеристики «биологического» пола и половых отношений являются гендерной конфигурацией практик ограничения и запрещения, которые конструируют нормативные модели мужской и женской субъективности, стандартов аксиологического характера, механизмов эмотивности – всего, что лишь опосредованно зависит от режима власти: «Дихотомизация... невольно ассоциируется с современной теорией биологического полового диморфизма, по которой мужской пол воплощает принцип обновления и изменчивости, а женский – консервативное начало сохранения и передачи унаследованных свойств, а также с социологическими и психологическими теориями, согласно которым мужской стиль жизни является предметно-инструментальным, а женский – эмоционально-экспрессивным» [15, с.26].

Можно утверждать, что на Северном Кавказе маскулинное доминирование определяется гендерной конфигурацией и именно она конструирует различные типы маскулинности и феминности, так же как и

различные модели отношений между этими типами.

Гегемония маскулинности для народов региона являлась регулятивным идеалом, лежавшим в основе организации национальных сообществ [16, с. 270]. В свою очередь, маскулинность может рассматриваться как определенная конфигурация отношений между полами, и с точки зрения политических и социальных гендерных потенциалов доминирующая маскулинность народов Северного Кавказа является главным конструктом, находящимся в основе создания системы этнической принадлежности и иерархизации национального сообщества и шире – самого национального субъекта. Практики же национальных систем маскулинности конструируются и реконструируются трансформациями гендерных значений и изменением форм институционального контекста гендерных практик.

В подобных условиях эргономические требования системы этноидентификации сводились к жесткости и стационарности гендерных стереотипов – в основном поведенческих. Последние, в свою очередь, можно подразделить на общественно-значимые и частно-семейные.

Становление и развитие этносов Северного Кавказа осуществляется в рамках перехода системы военной демократии в условиях жесткого феодализма, когда мужчины нобилитета руководят женщинами в личной сфере, но занимают равные или взаимозависимые позиции в общественно-политической жизни. Таким образом, в основе конструирования национального сообщества оказываются практики контроля и ограниченности женской сексуальности, закономерно заменяемые долгом женщин перед Родиной.

Об этом недвусмысленно свидетельствует преисполненный героическим пафосом национальный фольклор, направленный на создание образа либо «самоотверженной матери», которая жертвует своими сыновьями, либо верной женщины – надежной опоры героя.

Для народов региона свойственны следующие модели нормативного

гендерного поведения женщины: женщина как «воспроизводитель» героического потомства; женщина-носительница и ретранслятор этнической культуры; женщина - символ фамильной и национальной чести. Во всех моделях представлено этическое начало. Многие исследователи ставят концепты морально-этического плана во главу угла такого понятия, как кавказская идентичность: «Закон чести в кавказском обществе – это наивысший закон... Без учета... смыслообразующей роли закона чести в системе ценностной ориентации... трудно понять... своеобразие культурно-исторического феномена Кавказа» [17, с.52].

Основным институтом, производящим и воспроизводящим нормы женской идентичности и, соответственно, нормы национального сообщества, является институт национальной семьи. Но для Северного, а, в принципе – всего Кавказа аутентичными являются патерналистски и иерархически организованные родовые группы, в которых мужчины выступают защитниками семьи, контролируют и оберегают честь своих женщин [18, с. 43-46]. Отсюда, в процессе конструирования, контроля и защиты образа «достойной» феминности, гендерные национальные системы всех патерналистских обществ производят и легитимизируют доминацию маскулинности [19]. Последняя же закономерно ориентирована на общественно значимые сектора жизнедеятельности народов Северного Кавказа. Но при этом заметим, что у каждого из северокавказских народов наблюдается «переработка межэтнических социальных и культурных универсалий в свое собственное, глубоко этническое достояние» [20, с. 45].

Таким образом, система гендерных взаимоотношений даже в сфере семьи в национальной интерпретации народов Северного Кавказа культивирует гегемонию маскулинности, что автоматически подразумевает разделение пространства мужского и женского субъектов, при абсолютном примате первого, в т.ч. и в политической сфере.

Создается жесткая система соотношений женского и мужского начал, в

которых гендеру отведена роль рекреации маскулинности. Отсюда особый характер гендерной идентификации народов региона, при которой частное и семейное (читай – женское) экстраполируется в общественное сознание посредством общественного и патриотического. Иначе говоря, мы сталкиваемся с особой формой гендерных систем, которые можно охарактеризовать как военно-нобилитетные.

Одним из главных результатов функционирования военно-нобилитетных гендерных систем является готовность пожертвовать своей жизнью во имя Родины. Кавказский тип феминности, находясь в отношениях взаимной каузальности с мужскими, воинскими идеалами поведения, производит и культивирует идеал «героя-жертвы», отдавшего свою жизнь во имя Отчизны и завещавшего «святую» борьбу потомкам. Практика конструирования гендерной нормативности предусматривает подражание примеру героя и, таким образом, базируется на понятии преемственности, что связывает поколения в единое целое, а возможность «пролить кровь» создает концепцию национального сообщества как кровного братства. Выражаясь короче, дискурс «священного права» убивать и умирать во имя Отчизны, воплощенный в образах детерминированной гендером маскулинности, становится тем регулятивным идеалом, который идентифицирует субъект в национальной среде. Это совершенно иное, качественно отличное от бытующих сегодня пониманий природы религиозного и национального экстремизма на Северном Кавказе: «Проблему кавказского ваххабизма следует... рассматривать в контексте зарождения и развития... исламского активизма. Зародившись как политический проект среди верующих мусульман... ваххабизм неизбежно должен был привести к жесткому противостоянию» [21, с. 109-110]. Модель, предложенная Э. Кисриевым, несомненно, имеет право на жизнь, однако не стоит забывать, что сам принцип консолидированности северокавказских этносов детерминирован на гораздо более глубоких, нежели социальные, уровнях, а именно – в особенностях

парадигмы межполовых идентификационных систем, бытующих на Северном Кавказе.

Таким образом, традиционные гендерные отношения в национальной системе воинских и мужских идеалов народов Северного Кавказа являются обязательной частью процесса конструирования национального сообщества и активизируются в зависимости от спроса политической среды, большей части истории народов Северного Кавказа, представлявшей арену прямых военных столкновений.

В обществах восточной части Северного Кавказа реконструкция традиционной воинской морали определялась несколько иначе, а именно становления имамата Шамиля в середине XIX века – позицией нетерпимости к инорелигиозным стандартам. В условиях открытого военного противостояния с Российской империей гендерные мусульманские системы Дагестана и Чечни вынужденно эволюционировали в свои наиболее радикальные, агрессивные формы, единственной формой самозащиты которых становилась гипертрофированная маскулинность, в идеологическом плане отходившая даже от стереотипов мужчины - воина, приближаясь к концептам религиозного характера. Данные особенности гендерного эволюционирования сказываются самым непосредственным образом на политической и конфессиональной обстановке современного Северного Кавказа, о чем будет сказано ниже. Единственным типом продуцируемой этнической символики, который можно противопоставить в условиях войны «агрессивным» образам иноверцев, есть квазиклассическая гендерная система инициации защитников женщин и матерей. Таким способом гендер реагирует на угрозу деструктуризации и происходит реконструкция канонов «биологического» назначения мужчин оградить и защитить своих женщин от насильников. Образ традиционного мужчины-защитника, мужчины-воина видится определенным тестом на социальную дееспособность и, соответственно, практикой маргинализации всех, кто этот тест не прошел.

Традиционные для северокавказского региона системы социализации не вписываются в классические оппозиции побуждений и мотивов с моральными посылами, которые принимаются современной политологией, социологией и психологией как базовые постулаты. С.Л. Рубинштейн пишет: «...представления человека о самом себе, даже о собственных своих психических свойствах и качествах, далеко не всегда адекватно их отражают; мотивы, которые человек выдвигает, обосновывая перед другими людьми и перед самим собой свое поведение, даже и тогда, когда он стремится правильно осознать свои побуждения и субъективно вполне искренен, далеко не всегда объективно отражают его побуждения, реально определяющие его действия» [22, с. 682]. И – чуть ранее: «...(личность) выполняет определенную социальную роль... Поскольку реальное бытие личности существенно определяется ее социальной ролью, постольку, отражаясь в самосознании, эта социальная роль тоже включается человеком в его “Я”» [23, с. 681]. Насколько вторая часть цитируемого материала справедлива в отношении личности мужчины-воина, настолько же первая в отношении последнего нефункциональна. Традиционные кодексы мужского поведения не оставляли места мотивации, побуждениям и прочим атрибутам психологического переживания в привычном нам понимании. Мужчина-воин Северного Кавказа был личностью унитарной, психология, мотивы, действия и оценки которой не зависели от его личностных качеств, интересов и актуального состояния. Кодекс поведения был абсолютен и детализирован применительно ко всем жизненным ситуациям, в которые только мог попасть мужчина. Выход за его пределы означал мгновенную десоциализацию.

Что это может означать в современных условиях? В ситуации полной нефункциональности патерналистских социоконструктов и национального строительства в постсоветских субъектах традиционные отношения прекращают движение в рамках патерналистских комплексов, а в системе гендера могут использоваться в своем «зеркальном» отображении. Если

феминизация стала синонимом колонизации и других дискриминационных практик, то неслучайно, что в процессах этнического возрождения и реставрации центральной темой стало переосмысление и реконструкция только женской сексуальности. Политическая и культурная реставрация подразумевает не только возврат так называемых этнических ценностей и обращение народов к определенным историческим периодам своего развития. Эмансипация женщин означает маргинализацию нации в целом. С другой стороны и одновременно с этим национальная идентичность переходит в разряд системных, определяющих понятий, предстает неким каноном, используемым национальными элитами для стабилизации актуально значимого понимания объединенной нации. При этом опыт свидетельствует, что попытки институализации этнического национализма не только чреваты конфликтами, но и лишают народ его реальной истории и этнической идентичности, чаще всего заменяющихся популистской мифологией и синтезированным элитарными слоями понятием нации.

В условиях перехода к новым рыночным отношениям и вывода из повседневной практики традиционных способов обеспечения семьи гендерное сознание продолжает продуцировать концепты маскулинного характера. При этом в значительных секторах общественного сознания возникает четко выраженный диссонанс между символическим концептом, освященным веками предыдущего развития этноса, и образом реального мужчины – часто безработного, получающего мизерную зарплату, бессильного перед лицом некорректно действующих силовых и управленческих структур государства. Вкупе с исторической мифологией, усиленно пропагандируемой вновь народившейся элитой этноса, все это приводит к гипертрофизации маскулинного начала уже в среде гендерных стереотипов, более того – в среде предпочтительной нормативности женского поведения.

Лишившись идеального «мужчины-воина», гендерное пространство Северного Кавказа становится едва ли не единственным конституирующим

элементом этнического и в силу этого в форсированных формах выполняет свои рекреативные функции в отношении маскулинного субъекта этнической парадигмы. Иначе, в существующих ныне границах этнической идентичности народов Северного Кавказа гендерные системы, во-первых, ориентированы на реставрацию классического типа мужчины-воина, а во-вторых, будут сублимировано восполнять дефицит маскулинности традиционного понимания путем замещения концепта «герой» - «жертва» концептом «героиня» - «жертва».

Именно в этом мы видим одну из основных причин стабильного притока новых членов-женщин в различные организации террористического и экстремистского толка.

Итак, как результат действия традиционных гендерных представлений можно расценивать и тот факт, что сегодня в республиках Северного Кавказа национальная идея определяет политическую этническую идентичность в контексте священной борьбы Добра со Злом, Света с Темнотой, тем самым легитимизируя культ силы, дисциплины, суверенности нации, ее территориальной целостности, которую некий враг пытается разрушить. Для значительного количества людей основой национального возрождения является идея компенсации колониально - советской государственно-управленческой недостаточности и реставрации исходной национальной культуры, разрушенной в свое время тоталитарным режимом, а еще раньше – Российской империей. В связи с этим доминирующим стал концепт «очищения» от всех посторонних культурных традиций и наполнения национального пространства архаичными формами языка и культуры.

Современные национальные системы гендерного продуцирования придерживаются, в силу своего этногенерирующего характера, принципов, обращенных к прошлому, пронизанному пафосом жертвенности и военного героизма. Главными персонажами национального возрождения оказываются деятели истории тех периодов, когда этнические сообщества Северного

Кавказа проходили свою этническую консолидацию, Шамиль, Кургоко Атажукин, Жабаги Казаноко, Карча. Инициационные технологии патриотической маскулинности формируются в глубинах гендера и предусматривают создание монолитной структуры героической личности, основной функцией которой является готовность пожертвовать жизнью во имя Родины. Основные векторы символического, концептуального пространства гендера Северного Кавказа определяются женскими фигурами, демонстрирующими готовность к смерти, доминирующей над образами жены или, тем более, любимой [24, с. 340-343].

Исследования гендерной парадигмы современного Северного Кавказа с политической точки зрения позволяют со всей ответственностью утверждать, что конструирование современного этнического концепта в регионе осознается как опыт национального возрождения, насыщенный аргументами патриархального, во многом конфессионального реминисцирования классических традиций – в лучшем случае. В худшем – речь идет о маргинальном популизме элит в декларативном противодействии глобализации, в реальности – о неготовности перехода в условия цивилизованного рынка.

В обоих случаях обязательным компонентом нового национального строительства представляется политика гендерной реставрации традиционной национальной семьи, которая интерпретируется как освобождение от современных форм, оправдывающих и предусматривающих привлечение женщин к рынку труда и формально означающих половое равноправие. При этом всячески культивируется и приветствуется традиционная роль матери и жены, домохозяйки, занятой домашним хозяйством и заботой о детях.

Однако попытка возрождения «природных» национальных ролей половой дихотомии на Северном Кавказе торпедирована экономической несостоятельностью. В таком контексте выглядит очевидной слабость позиции реального этнического мужчины, и процессы реставрации «этнической

аутентичности» в системе гендерных соотношений находятся в тесной связи и сравнении с концептами и стандартами новой транснациональной маскулинности.

Новая маскулинность представляет собой образ корпоративного бизнесмена: финансово самостоятельного, жестко отделяющего себя от женского мира, свободного от мира семьи и эмоций. Образ корпоративного бизнесмена олицетворяет принцип организации отношений в системе транснациональной маскулинности. В отличие от системы национальной маскулинности, транснациональная система определяется ареалом семьи-корпорации, которая, в отличие от национальной семьи, нуждается не в постоянной защите, а постоянной работе во имя карьеры. Таким образом, мужчина идентифицируется сугубо социальным инструментом. Транснациональный гендерный стереотип в конечном итоге не предполагает моментов этико-этнической аутентичности.

Образ корпоративного бизнесмена предстает как часть основного символического элемента экспансии системы транснациональной маскулинности и, соответственно, глобалистского «размывания» границ национальных обществ.

При всем этом транснациональная концепция внеэтнического гендера и бизнес-маскулинности за последние десятилетия приобрела только одного соперника за гегемонию - жесткую, ориентированную на контроль маскулинность военного или конфессионального типа.

Таким образом, сфера реализации гендера на уровне семьи и воспитания, на Северном Кавказе была и есть дополнительным пространством функционирования женщины в качестве маскулинно-генерирующего субъекта. Пожалуй, единственным и весьма узким сектором определения гендера в роли автономного самодостаточного в смысле социальной аутентичности кластера общества оставались поведенческие стереотипы горянки.

Структуру нормативных стереотипов горянки исчерпывают, в

основном два плана: поведенческий и ценностный, или аксиологический. Главная составляющая поведенческих характеристик женщины Северного Кавказа – стандартизованный набор реакций на ту или иную актуальную ситуацию, во многих случаях существующий как данность в горских кодексах. Поведенческие модели женщины-горянки чаще всего являются стереотипными идентификационными ходами, которые реализуют стратегии позитивной и негативной коммуникации. Ценностный план гендерных нормативов на Северном Кавказе представлен культурно-этническим концептом статусности и в этом смысле содержит этические и утилитарные схемы поведения, служащие для определения актуальной иерархии в процессе общения.

Стереотип национального гендерного поведения существует как важнейшая составляющая в национальной картине мира в виде представления об этических и эстетических нормах и ценностях представительницы этноса и ее прогнозируемого поведения при коммуникации. Современные представления о традиционном поведении женщин-горянок далеко не полны и базируются в основном на зафиксированных сведениях о тех или иных обязательных обычаях. Невзирая на фрагментарность и мозаичность этой информации, она дает вполне определенное знание о принципах статуйирования женщины, например, в семье. Например, человек европейских поведенческих стандартов, конечно же, будет удивлен разветвленностью и детализированностью обычаев избегания и табуирования во внутрисемейном общении.

Таким образом, стереотипное гендерное поведение реализуется в коммуникации, являющейся особенным использованием поступка для выражения особенной ментальности. Учитывая социально-психологическую и поведенческую специфику национальных стереотипов поведения, можно утверждать, что социальное значение поступка женщины-горянки – не попытка контакта, а статуйирование субъекта относительно внешней среды и

индивидуумов. Иначе социопсихологической основой стандартного поведения женщины Северного Кавказа в акте коммуникации является изолированная и самодостаточная категория гендера или социального пола, то есть социальная гендерная роль, согласно с которой осуществляются закреплённые традицией специфические для определенной культуры действия, в том числе поведенческие; а также социальные и культурные нормы, правила и роли, которые приписываются обществом его членам в зависимости от их биологического пола. Это дает нам основания утверждать существование функциональной специфики гендерного поведения горянки, отмеченного своеобразной амбивалентностью: с одной стороны, оно предписывает нормы коммуникативного поведения, с другой – не зависит от наличия адресата коммуникации. По сохранившимся данным, горскому женскому стереотипу поведения были присущи такие конститутивные категории, как коммуникативный принцип вежливости; единство норм и правил во всех случаях коммуникативных ситуаций - от светской до деловой беседы, рассуждений о приличном поведении; фактическое отсутствие адресатности в национальном нормативном общении обуславливало полную симметричность относительно статусных составляющих ситуаций общения; ограниченность же общественных реализаций гендерного поведения предопределяла содержательность ограниченного набора ситуаций общения. В национальной картине мира концепт гендерной нормативности реализуется в виде стратегий позитивной и негативной коммуникации (стратегий сближения и отдаления). В частности, нормы поведения всех народов Северного Кавказа предполагали абсолютное равенство ситуативных позиций в акте коммуникации. Однако существовал символический код, позволявший, так или иначе, декларировать отношение к гипотетическому адресату коммуникации.

Подобные знаки можно считать поведенческими семиотическими эвфемизмами. Этот, очевидно, тонкий слой коммуникативных механизмов был единственным средством реализации внешнего аксиологического

статуирования женщины. Все остальное в арсенале коммуникации женщины-горянки являлось средствами автостатуирования, т.е. определения своего места в иерархии общения безотносительно в отношении к этому окружающих.

Явная бедность коммуникативных стратегий восполнялась в системе гендера Северного Кавказа чрезвычайно разработанной структурой позиционирования в границах избранной стратегии. Стереотипная гендерная нормаль горянки имеет множество соционормативных и идентификационных характеристик: приписанный статус представительницы среднего и высшего классов; приобретенный статус замужней женщины или старой девы; социально-ситуативные роли матери, жены, дочери, тети, племянницы, хозяйки, соседки, знакомой и т.д. Общение в границах гендерных стереотипов женщины Северного Кавказа проходит в ареале первичных социальных отношений в первичной социальной группе (с домочадцами и прислугой) и вторичных отношений во вторичной социальной группе (вне семьи, в гостях). Более того, нормативы женского поведения имеют четко очерченный круг возможных направлений коммуникации, ограниченный, по сути дела, вопросами матримониального плана. Однако и в этой консервативной сфере человеческого общежития гендерные представления и концепты Северного Кавказа имели некую специфику.

Дело в том, что в высших и социально наиболее значимых слоях этнических сообществ Северного Кавказа процесс воспитания был в значительной степени выведен из семейных границ и приобретал характер общественно-значимой, политически и социально мотивированной практики, во многом способствовавшей сохранению как иерархии сообществ, так и их взаимоотношений в режиме взаимопомощи и поддержки.

В данном случае речь идет об институте аталычества, выполнявшем в традиционном сообществе народов Северного Кавказа функции буферной социальной структуры. Суть ее весьма точно обрисовал еще в первой

половине XIX века Хан-Гирей: «Не слыхано в Черкесии примера, чтобы дети человека значительного воспитывались в родительском доме под надзором родителей; напротив, по рождению младенца немедленно отдают его на воспитание в чужие руки, то есть в руки человека, избранного дядькой... Причиной введения в обыкновение такого рода воспитания было, кажется, следующее: князья издавна, для увеличения своей силы, искали всех возможных средств привязать к себе дворян, а дворяне для всегдашней защиты и вспомоществования себе во всех случаях всегда желали более сблизиться с князьями...» [25, с. 158-159].

Происходившая таким образом унификация воспитательных цензов этноса в полной мере распространялась и на девушек, ибо они также были субъектами аталычества. С другой стороны, институт аталычества налагал вполне определенные требования на оперантов, что, в свою очередь, сказывалось на стереотипах женского поведения вне зависимости от социального статуса их носителя. Как пишет Хан-Гирей: «Девочка, отданная на воспитание, воспитывается под попечением жены аталыка, или приемной матери. Она приучается к рукоделию, приличному обхождению, словом, ко всему, что необходимо для будущей ее жизни в супружестве» [26, с. 160].

Следует учесть, что положение аталыка в иерархической лестнице было всегда ниже положения биологических родителей воспитуемого. Порой дети князей воспитывались в семьях свободных крестьян. Следовательно, культурный, поведенческий, аксиологический уровни женщин из различных социальных слоев сообществ Северного Кавказа были схожи. Для комплекса же стереотипов гендерного статуирования, нормативного женского поведения данное обстоятельство означало расширение конвенциально узаконенного стандарта репрезентации даже в границах сугубо частного внутрисемейного быта.

II. 2.2. Развитие форм женской социально-политической активности

Вопросы становления национальных гендерных систем во всех возможных формах естественным образом переплетаются с целым комплексом проблем политической, социальной, культурной, общецивилизационной направленности развития общества вообще. Это в полной мере относится и к социально-политическому потенциалу женщин Северного Кавказа, а потому, с учетом чрезвычайной пестроты этнической карты региона и соответствующей специфики эволюции общественных институтов, можно утверждать, что становление здесь современных нормативных стереотипов женского поведения носило весьма необычный характер.

Очевидно, что к моменту формирования на Северном Кавказе женского сектора социума, так сказать, в зачаточных его организационных формах, а чаще – просто проявлений женской социально-политической активности, феминизм Европы и США был уже заметным явлением общественной жизни Запада, имел определенное влияние и традиции.

Кроме того, женское движение любого региона, вне всякого сомнения, представляет собой один из сегментов общей структуры его культурного пространства. Северный Кавказ же традиционно и вполне справедливо относят к регионам, культурная среда которых развивалась по так называемому «ускоренному» типу эволюционирования. Одним из результатов ускоренного развития является эклектическое смешение и параллельное сосуществование различных форм культурных феноменов, зачастую относящихся к далеким друг от друга стадияльным периодам.

Поэтому вычленение тех или иных устойчивых стадияльных форм в рамках культурного хронотопа Северного Кавказа (равно как и любого другого региона с ускоренным развитием) видится затруднительным.

На рубеже XIX - XX веков ситуация сложилась таким образом, что, так или иначе, на русской почве феминизм, развиваясь по образцам и моделям западноевропейского, зачастую принимал свои радикальные формы – как в смысле принадлежности к левым политическим партиям, так и в смысле радикализма гендерных требований представительниц русского феминизма. Естественно, обстоятельства и перипетии развития женских движений и возрастания женской социально-политической активности в странах, так сказать, западной ориентации на Северном Кавказе проявлялись либо сугубо тенденциально, либо вообще отсутствовали. В частности, на рубеже XIX - XX веков, т.е. в то время, когда женские организации Европы и России уже представляли собой значимую политическую величину, говорить о подобном же качестве женского движения в районах Российской империи с преобладанием мусульманского населения не представляется возможным. Нормы шариата попросту не предполагали участия женщины в политическом и социальном бытии общества, поэтому в самом общем виде можно утверждать, что феминизм национальных окраин государства к концу XIX века имел место, причем в зачаточных формах, лишь как спорадические проявления социально-политической активности женщин, принадлежавших в основном к кругам русского военного и гражданского чиновничества.

Однако процессы приобщения к активной политической и социальной жизни женщин на Северном Кавказе, в частности на территории Кабардино-Балкарии, никоим образом не могут оцениваться так, как это возможно в отношении среднеазиатских регионов, или, тем более – национальных окраин Сибири.

Во - первых, и это, конечно же, главное, статус женщины у адыгов, осетин, карачаевцев и балкарцев был неизмеримо выше, нежели аналогичные показатели иных народов Северного Кавказа, исповедующих традиционный ислам, что практически единодушно отмечают все дореволюционные источники: «День протекает в играх и застолье ... На первых скачках, которые проводятся по этому

случаю, проявляется известная галантность по отношению к прекрасному полу со стороны тех, кто оспаривает призы, с тем, чтобы презентовать свой приз даме как дань ее красоте. Действительно, черкесы проявляют достаточно много внимания к прекрасному полу по разным поводам. Если всадник встречает на дороге женщину, он спешивается, предлагает свою лошадь женщине, и, если та отказывается, он идет пешком рядом с ней до ее жилища...К тому же черкесские женщины весьма далеки от того, чтобы быть обреченными на заточение... они... пользуются полной свободой, но не злоупотребляют ею...» [27, с.345-346]; «...Черкесские женщины не только пользуются репутацией изумительно красивых и образцово преданных; они пользуются также важной привилегией, которая вытекает из морального кодекса этого народа; мы хотим сказать об уважении и даже почитании, которое черкесы испытывают по отношению к праву защиты и посредничества, принадлежащему женщинам...» [28, с. 385]. К аналогичным выводам приходят и современные авторы: «... у кабардинцев и балкарцев девушки пользовались большой свободой и у всех детей мужского пола воспитывалось глубокое уважение к матери, сестре, понимание того, что они относятся к слабому полу и нуждаются в защите, уважении и почитании, что они играют огромную роль в жизни семьи, продолжении рода и особенно в рождении и воспитании детей, что благополучие семьи во многом зависит от женщин.

Не вызывает сомнения тот факт, что женщины пользовались у кабардинцев и балкарцев не меньшим уважением и почетом, чем в любой европейской стране XVII - XVIII в.в.» [29, с. 270]. Исключительная роль женщины – матери и супруги – была закреплена в традиционных нормах этикета северокавказских народов, и не будет преувеличением сказать, что правила поведения по отношению к женщине регулировались целым комплексом неписаных законов, представляющих как целый институт горской, точнее - воинской куртуазности, призванной обеспечить право заведомо слабого: «У кабардинцев и балкарцев женщины обычно не отправлялись в путь...без провожатых, но если такое случалось и мужчина встретил в поле одинокую женщину, то он обязан был

сопровождать ее до того места, куда она идет, и потом продолжать свой путь, но обязательно получив разрешение этой женщины...

Кабардинцы и балкарцы, по обычаю, не имели права кричать, ругаться друг с другом, сквернословить в присутствии женщин. Женщина могла остановить кровавую схватку двух мужчин или группы, бросив между ними свой платок или головной убор. Перед обнаженной головой женщины прекращалась всякая драка. Кабардинка или балкарка могла спасти любого убийцу, человека, ранившего другого, преследуемого мстителями, если он успел войти в дом и попросить защиты, покровительства у женщины дома... мстители, добравшиеся до дома, где скрылся убийца, не могли ворваться в дом, вытащить преступника и наказать его...» [30, с. 272].

Даже такое, казалось бы, неопровержимое доказательство подчиненного и бесправного положения женщины, как обычай брачного выкупа (калым), у горцев Северного Кавказа трансформировался в систему подтверждения имущественных прав женщины, систему гарантий ее статуса в семье: «Да, действительно черкесы получали калым при выходе их дочерей замуж. Но вместе с тем часть калыма оставалась в семье жениха как собственность его жены, она получала от своих родителей и родственников значительные подарки, которые нередко превосходили калым, и они вкладывались в общесемейную собственность, и фактически жена не пользовалась, ни частью калыма, ни подарками, хотя она на это имела полное право» [31, с. 269].

Свидетельством нетрадиционного для исламского мировоззрения отношения к женщине является и тот факт, что многоженство было исключительным явлением, в большинстве случаев объяснявшимся объективной необходимостью, по крайней мере, в центре и на северо-западе региона: «Многоженство дозволено, но у них редко бывает больше одной жены...» [32, с. 333], «Очень редко у черкесов бывает больше одной жены, хотя их религия позволяет им иметь несколько...» [33, с. 383].

Немаловажным фактором инициации процессов повышения социально-

политической активности женщин на Северном Кавказе было и то, что еще до окончательного оформления политической подчиненности этой территории и вхождения ее в систему общей государственности Российской империи некоторые этносы уже имели прочные и многолетние связи с русским дворянством и высшим чиновничеством.

Хотя в интересующем нас аспекте этот вопрос не исследован, но сам факт существования информационного, идеологического влияния на общественное сознание, например кабардинской аристократической элиты со стороны российского, т.е. фактически западного, оспорить, по всей видимости, невозможно. Связи эти на уровне высших элитарных слоев долгое время были, в сущности, паритетными, а потому должны были обусловить некоторые подвижки в общественном сознании, включая если и не реальное статусное положение женщин, то, во всяком случае, его, так сказать, гипотеируемую вариативность.

Кроме того, по свидетельству некоторых авторов, женщины-горянки отнюдь не довольствовались ролью домохозяйки, но могли вносить значительную лепту в общесемейный бюджет. К слову, И.М.Абаев писал: «В ряду кустарных производств на первом месте должно быть поставлено сукно. Для характеристики того, насколько широко развит этот промысел, достаточно отметить, что на 31 000 населения насчитывается не менее 6000 ткачих и на 4,5 тысячи хозяйств имеется до 3-3,5 тысяч ткацких станков» [34, с. 110]. И хотя в данном случае речь шла о состоянии дел в 20-х годах, И. Абаев ниже подчеркивает: «За время европейской войны,.. производство... значительно повысилось. В последнее время дороговизна «тяжелой» мануфактуры поддерживает спрос на сукно верхнего крестьянского платья, но, в общем, спрос несколько сократился» [35, с. 111]. Ясно, что суконный промысел в горах Северного Кавказа до революции характеризовался не меньшим размахом, нежели в зафиксированном И.Абаевым состоянии. К сказанному присовокупим, что, невзирая на любую степень жесткости адатных положений, очерчивающих статус женщины-горянки, вклад ее в жизнеобеспечение семьи в обязательном порядке сказывался и на ментальных

ориентациях общества.

Сравнительный анализ становления и развития женского общественного сознания Кабарды и Осетии на рубеже XIX – XX веков подтверждает это предположение. Владикавказ, являясь административным центром Северного Кавказа, конечно же, представлял гораздо более широкие возможности для вовлечения женщин в активную жизнь общества, нежели небольшая слобода Нальчик. И надо отметить, что к началу XX века применительно к Осетии, возможно, говорить о видимых явлениях женской эмансипации – во всяком случае, любое значимое культурное событие не обходилось без участия в нем женщин, в том числе и горянок. Но любая попытка уточнить формы женской самоорганизации во Владикавказе приводит нас к выводу, что женская активность в Осетии носила в основном чисто светский характер и была во многом лишена национальной составляющей – попросту говоря, в подавляющем большинстве случаев речь можно вести о степени «европеизации» отдельных представительниц национальной верхушки осетинского общества.

Одной из причин этого явления мы видим конфессиональное и общекультурное единство высших слоев России и Осетии, с одной стороны, и изолированность, во многом обусловленную религиозным же фактором, других областей Северного Кавказа – с другой.

Этот фактор нам видится основным, ему в немалой степени способствовало геополитическое положение Осетии, обусловившее как высокую ее насыщенность русским чиновничеством и служилым людом, так и, соответственно, форсированные темпы вовлечения населения в стандарты европейского образа жизни. К слову, в середине XIX века официальное заключение брака в соответствии с законами Российской Империи было в Осетии вполне обычным явлением: «Смесь язычества и магометанства, составляющая шаткую религию большей частью осетин...не устояла под явлением твердых правил божественного учения... и совершенно исчезла. Теперь осетины... не уклоняются от законных браков... Многие, быть может, не поверят, что из этих

осетин в продолжение 1854 года и в начале настоящего более трехсот человек сочетались законным браком с туземными девицами» [36].

Достаточно указать, что к началу Первой мировой войны структуризация женского сектора социально-политической активности Осетии в ее европейских формах была уже свершившимся фактом: «По инициативе группы интеллигентных осетинок сел. Ардон, открыт первый комитет женщин - осетинок по оказанию помощи нашим воинам. Это общество во всех слоях населения встретило самое широкое сочувствие, почему его члены насчитываются сотнями, не только среди осетинок плоскостных селений, но и горных аулов. Во главе общества в аулах стоят учительницы начальных народных училищ. Они дают спектакли, устраивают вечера и вырученные деньги отправляют в г. Владикавказ в Главный комитет по оказанию помощи семьям, ушедшим на войну» [37, с. 40] .

На западе региона, в частности в Кабардино-Балкарии, эмансипация женщин-горянок, понимаемая нами как переход к западным стандартам жизни, включая поведенческие стереотипы, нормы повседневного общения во всех их проявлениях, вплоть до манеры одеваться, отсутствовала. Однако более заметной была роль представительниц высшей национальной аристократии в сфере просветительства – пусть даже на уровне личного общения. Будет справедливо утверждать, что если начало феминизма Осетии было во многом полностью локализовано в европеизированных кругах чиновничества и в основном было лишено национального содержания, то уже зачаточные формы женского движения Кабарды, Балкарии, Карачая, Черкесии, абазин и западных адыгов имели ярко выраженную внутриэтнически ориентированную пассионарность.

Таким образом, пытаясь определить начальные стадии проявления женской социально-политической активности, мы должны констатировать, что одной из специфических черт становления феминистского сознания на территории Северного Кавказа было наличие национального пассионарного этапа, когда, получив первоначальный импульс извне, женское движение региона начало

свое развитие в качестве своеобразного национального сегмента культурной и общественной жизни.

И, конечно же, значительную роль в изменении общественного сознания в женском вопросе играла официальная политика царской администрации. Российская империя стремилась к изменению общественных настроений и унификации управленческих институтов на своей территории, попутно делая все для, так сказать, стандартизации хартийно-социальных составляющих государства, или, как пишет В.Х.Кажаров, «...институты целенаправленно разрушаются в силу их несовместимости с правовой системой России...» [38, с. 434]. Естественно, что в такой важной, во многом определяющей этнический менталитет сфере, как брачные взаимоотношения, администрация заняла весьма жесткие позиции.

Прояснение действительных причин активности управленческих органов на Северном Кавказе в деле реформы брачного права – тема отдельного исследования. Нас же интересует тот факт, что реальные действия государства должны были привести к повышению уровня социальной защищенности и юридического статуса женщин-горянок в европейском смысле этой проблемы, что, естественно, в ожиданиях царской администрации, не могло не сказаться и на их самосознании.

Интересно, что действия последней, направленные на приобщение женщин-горянок к западным стандартам в сфере презентативной культуры, не давали результатов в смысле реального изменения общепринятых, традиционных для кабардинцев и балкарцев, поведенческих моделей. Во всяком случае, многие представительницы местной аристократии, прошедшие обучение в Нальчикской женской школе, никак не проявили себя с точки зрения нарушений, свойственных адатному общежитию норм, и никаких признаков маскулинизации социальных позиций горянок не наблюдалось вплоть до начала Первой мировой войны.

Понимала ли царская администрация исключительную роль в возможной и желаемой для нее трансформации ментальности субстратных компонентов

традиционной культуры или нет – но именно в этом направлении управленческие структуры проявили завидную настойчивость.

Кампания по искоренению практики умыкания невест и случаев насилия против женщин в пределах Нальчикского округа началась 8 апреля 1883 года с циркулярного письма начальника округа: «До сведения моего дошло, что в селениях некоторые жители увозят женщин и девиц, между тем донесений ко мне не поступает и виновные остаются ненаказанными... строжайше предписываю о похищении женщин и девиц... доносить мне для взыскания денежного штрафа, а потерпевшим объявлять, чтобы они немедленно предъявляли жалобы судебным следователям... для привлечения виновных к ответственности...» [39].

Следует сразу оговориться – из, более, чем пятидесяти случаев «насильственного увоза женщин и девиц», зарегистрированных в документах администрации Нальчикского округа в период с марта 1883-го по февраль 1884 года, все они, за исключением одного [40], целью своей имели совершение некая, т.е. вступление в законный мусульманский брак.

Тем не менее, работе по искоренению обычая умыкания придавалось большое значение – настолько, что отдельные дела рассматривались на уровне начальника Терской области, т.е. фактически на уровне губернского управления. Уже к январю 1884 года, по крайней мере, одно из подобных дел легло на стол Исполняющего Делами Терской области – рапорт начальника Нальчикского округа о попытке увоза дочери вдовы Купы Мамишевой [41].

Вообще же, судя по рапортам старшин сел Терской области, администрация тщательно отслеживала ситуацию в этом вопросе и отчеты из населенных пунктов поступали с регулярностью раз в один - два месяца. В то же время отметим, что из полусотни докладов об умыкании «женщин и девиц» 32 поступили из двух сел – Конова и Ахлова, и это, вне всякого сомнения, говорит о том, что в массе своей коренное население округа вполне лояльно относилось к обычаю брачного умыкания, а действительное количество браков, совершенных подобным образом, было на порядок, если не на два, выше официальных

показателей.

Как бы то ни было, деятельность администрации привела к подвижкам в общественном сознании и уже к середине 1884 года одно из подобных дел было разрешено в судебном порядке, о чем свидетельствует протокол дознания от 25 мая 1884 года, проведенного по официально поданному прошению Мурзабека Лиева, приставом 2-го участка Нальчикского округа штабс-капитаном Рыбинским [42]. В течение же последующего полугодия административными органами Нальчикского округа было рассмотрено еще 5 подобных дел (в основном споры по поводу размеров и порядка выплаты калыма), что заставляет предположить адаптацию поведенческих стереотипов местного населения к изменившимся социальным и официально закрепленным нормам.

В сущности, справедливо будет утверждать, что для региона, характеризующегося повышенной жесткостью допустимых стереотипов поведения и этических нормалей, каковым, несомненно, являлся и Нальчикский округ, мероприятия администрации в деле регулирования брачных отношений явились фактором формирования альтернативных норм общежития, а именно возникновение и становление подобных норм является необходимым начальным условием зарождения и развития новых хартиальных парадигм, составной частью которых являются и модели женского социального самоопределения.

Пытаясь как-то систематизировать феномены альтернативного поведения для Северного Кавказа в конце XIX – начале XX века, мы не можем пройти и мимо факта существования в Терской области аномальных для реально существовавшей среды групп населения. В применении, например, к Нальчикской области среди таковых, конечно же, в интересующем нас аспекте особое значение имела жизнь небольшой колонии толстовцев, переселившихся в слободу Нальчик и ее ближайшие окрестности в течение первого полугодия 1894 года [43].

Изолированные социальные группы, даже не отмеченные доминированием или даже сколько-нибудь заметной ролью в их функционировании женщин, занимают особое место в формировании феминистского движения – в случаях,

когда речь идет о регионах, характеризующихся однозначностью приемлемых для общества социально-этических и поведенческих норм. Тем более, если дело касается территорий, находящихся на периферии. Нальчикский округ к исходу XIX века был настолько оторван от достижений западной техногенной цивилизации со всей ее этико-эстетической и социальной атрибутикой (лишь в конце 1894 года почетным гражданином Тифлиса Иосифом Тер-Захаровым в округе было открыто «фотографическое заведение», а за 1893 - 1895 годы слободу по различным делам посетило не более 30 человек [44]) , что само существование элементов «группового сознания», пусть даже в виде абсолютно замкнутых общин сектантов, выступало как иницирующий агент в процессах трансформации мировоззрения.

Группа же толстовцев, насчитывавшая девять человек, была, судя по архивным документам, весьма активной – настолько, что у их лидера В. Скороходова полиция была вынуждена производить обыски на предмет обнаружения запрещенной литературы [45]. Особо подчеркнем, что в составе толстовцев были две женщины: супруга Скороходова – мать шестерых детей, и незамужняя девушка Меланья Коваленко.

В целом, можно констатировать, что на рубеже XIX - XX веков общественное сознание, вернее, жесткость его дефинитивных параметров была в некоторой степени «расшатана» в его отношении к альтернативным нормам поведения, в том числе и к не вписывающимся в традиционные женские модели. Хотя наметившиеся в общественном сознании флуктуации ментальных параметров и не приобрели к этому времени социально-статистической значимости, они, по всей видимости, были достаточными для осознания возможности иных форм поведения, нежели традиционно считавшиеся приемлемыми для Северного Кавказа.

Во всяком случае, к началу XX века, невзирая на сильнейшее сопротивление православных и исламских структур, уже были возможными как межрелигиозные переходы, так и межнациональные браки, заключенные с

сопутствующими конфессиональными изменениями. К слову, в 1909 году подобные случаи фиксировались уже как редкие, но системные, о чем свидетельствует скорость реакции управленческих структур: «Доношу, что над ним возбуждено судебное следствие священником Покровской Церкви селения Баксанского...» – из рапорта от 2 ноября 1909 года старшины селения Касаево о «Принятии магометанской веры крестьянином Полтавской губернии... Яковом Самойловичем Петрусем» [46].

И тогда же, 28 ноября 1909 года, был зафиксирован брак и переход в мусульманство «девицы Колесниковой» [47], причем, что представляет особый интерес, и Я.С. Петрусь, и «девица Колесникова» являлись представителями низших сословий, что должно восприниматься как явный показатель поведенческой вариативности, имеющий, отнюдь, не общецивилизационную значимость, а скорее вариативность, обусловленную общими процессами социального плана. Возвращаясь же к разговору о собственно женской социальной адаптированности в неаристократических слоях общества Терской области, можно предположить, что в сфере обеспечения жизненных интересов на семейном и личностном уровне представительницы мещанства, крестьянки и казачки были вполне мобильны и поведенческий конформизм их был весьма относителен. Это подтверждается и архивными данными – примеры самостоятельного обращения женщин по тем или иным вопросам в различные инстанции были обычной практикой того времени.

Все же ни в коем случае нельзя определять национальную составляющую женского движения в качестве оформившегося и законченного явления, равно как не стоит пытаться отыскать его генерирующую базу в социальных явлениях на низших и средних сословных ярусах общества. Разговор идет лишь о наметившейся к концу первого десятилетия XX века тенденции. Это была обычная для национальных окраин Российской империи того времени, модель донорных отношений, когда представители российской интеллигенции и чиновничества были первыми проводниками женской эмансипации в ее

презентативных формах. Позиция властей на Северном Кавказе выражалась в пропаганде европеизации образа жизни и мышления на уровне местного населения.

Следует отметить, что документы той эпохи, сохранившиеся в архивах, весьма скудны в части, касающейся женского движения Нальчикской области. Тем не менее, обзор их позволяет утверждать, что уже в первые годы XX столетия слобода Нальчик и станица Александровская, де-факто функционировавшие как единая административная единица, имели женские объединения сублимативного характера, никак не оформленные юридически, тем более - в качестве именно женских организаций, но, тем не менее, выполнявшие определенные социальные функции, прежде всего, гуманитарного, благотворительного плана.

Деятельность объединений, которые с определенной степенью приближения могут быть признаны женскими в пределах Нальчикского округа, начинается в 1905-1906 годах. Именно тогда происходит организационное оформление Нальчикского благотворительного общества, председателем которого становится баронесса В.А. Тизенгаузен.

Можно предположить, что бурный рост различных организаций подобного плана в период 1905-1907 годов был инициирован царской администрацией как вынужденная форма сублимативного купирования социально-политической активности населения Российской империи в годы первой революции.

Активная деятельность Нальчикского Благотворительного общества начинается с февраля 1907 года: «Канцелярия сообщает, что жене Тайного Советника Н.В. Голубевой разрешено устроить 27 февраля сего года любительский спектакль, сборы с которого обратить на устройство в здании Нальчикского общественного собрания клубной сцены и на возобновление декорации...» [48]. В постановке «Счастливый день» участвовало 3 женщины, одна из которых – «г-жа Незнамова» – играла мужскую роль, что само по себе видится весьма примечательным фактом. Кроме того, следует отметить и сумму сбора – 63 рубля 20 копеек, по тем временам довольно значительную и

говорящую, по меньшей мере, об активности устроителей благотворительной акции и общественном резонансе, вызванном ею.

К 29 июня 1907 года Председатель Нальчикского Благотворительного общества В.А. Тизенгаузен готовит программу народных гуляний, в программе которых «...спектакль, имеющий быть на 29 июня 1907 года в пользу общества распространения образования среди кабардинцев и горцев Нальчикского округа...» и концерт, в третьем отделении которого танцы «Европейские и туземные» [49].

Переписка В.А. Тизенгаузен с канцелярией Нальчикского округа по поводу устройства народных гуляний 29 июня и упоминание в ней «общества распространения образования среди кабардинцев и горцев» дает основание предполагать, что, по крайней мере, некоторые общественные организации того времени не имели официального статуса и существовали как объединения по интересам, так как никаких сведений и материалов, даже косвенных, зафиксировавших бы деятельность упомянутого общества, в архивных фондах не сохранилось. Одновременно это предположение позволяет сделать вывод, что на самом деле общественная жизнь Нальчикского округа в начале XX века была куда более масштабна, нежели задокументированная ее часть.

Всего же за 1907-1908 гг. при участии Благотворительного общества в слободе Нальчик было проведено 12 мероприятий, что, несомненно, свидетельствует о социальной значимости деятельности общества и, соответственно, об активности женской части высших сословий округа.

В своей деятельности Нальчикское Благотворительное общество было, по всей видимости, изначально ориентировано на привлечение к конкретным мероприятиям представительниц кабардинского и балкарского дворянства, в чем вполне преуспело. В этом смысле деятельность представительниц русского чиновничества вполне соответствовало постоянному стремлению царской администрации тем или иным способом изменить ментальные ориентиры коренного населения Кабарды и Балкарии.

Уже к исходу первого десятилетия XX века Нальчикский округ имел окончательно оформившихся пассионарных лидеров женского движения. В 1911 году публикуются первые журнальные материалы, автором которых была женщина-горянка из Кабардино-Балкарии – дочь известного балкарского просветителя Мисоста Абаева – Фатима. По свидетельству Т.Ш.Биттировой, она, помимо всего прочего, зарекомендовала себя как человек, проявивший заметные способности в математике [50, с. 82], - факт, казалось бы, не отразившийся на дальнейшей судьбе этой талантливой женщины, но для нас имеющий в высшей степени показательное значение.

И Фатима Мисостовна Абаева, и три ее сестры являлись пассионарными агентами в «чистом» смысле этого слова, т. е. оформившимися как таковые вне воздействия социальной среды, вне влияния такого фактора, который определяется как «объективная потребность». Появление лидеров подобного типа есть, как правило, результат удачного стечения различных субъективных обстоятельств. Если говорить о сестрах Абаевых, то развитие и формирование их в качестве иницирующих элементов общественного развития было результатом усилий одного человека – их отца, весьма целеустремленно занимавшегося проблемами европейского образования своих детей [51].

К началу Первой мировой войны общественное сознание местной аристократической элиты уже было в том состоянии, когда участие женщин в социально-значимых общественных организациях было хотя и редким, но не исключительным явлением. В списках личного состава действительных членов Нальчикского отделения общества Красного Креста за 1915 год значилось уже 7 женщин, три из которых были представительницами местного населения – «г-жа Атажукина, г-жа Клишбиева, г-жа Молова» [52]. При этом следует помнить, что, хотя в целом по Российской империи организационно Общество Красного Креста было в принципе, так сказать, женским, на Северном Кавказе, в частности в Нальчикском округе, его деятельности, по всей видимости, придавалось не только благотворительное значение и активистами его были в основном мужчины [53].

Возвращаясь же к деятельности женских объединений Терской области и подводя краткие итоги сказанному, мы утверждаем, что к началу Первой мировой войны женское движение на территории современных республик Северного Кавказа в своем развитии уже имело оформившиеся черты своей второй фазы – национальной. Основным качеством этой фазы можно считать выход из полной политической, социальной и культурной изолированности женской части титульных народов Кабардино-Балкарии и участие их, пусть даже в латентной форме, в эволюции ментального пространства региона.

Процесс этот был обусловлен возросшим уровнем самосознания аристократок-горянок как результат повышения их общего культурного и образовательного ценза и инициировался извне не только примерами женщин чиновничьей и военной верхушки региона, но и целенаправленной деятельностью наиболее интегрированных в русское общество представителей местного дворянства.

Становление женского движения Северного Кавказа после Октябрьской революции, возможно, довольно четко разделить на два основных этапа, граница между ними одновременно представляется нам как своеобразный функционально-значимый рубеж в эволюционировании женского общественного сознания.

Короткий период 1920-1925 является стадией естественного генерации женской социально-политической активности, идеологической основой которой продолжали оставаться поведенческие стандарты, характерные для традиционных сообществ, зафиксированные в обычном праве. Проявления различных форм женской активности в эти годы не являлись идеологическим или политическим заказом и были обусловлены потребностями жизнедеятельности в новой среде.

Политически важно, что сельские районы Северного Кавказа, несмотря на кардинальные изменения политических, социальных, экономических и идеологических сфер, произошедших в стране, на уровне гендерных отношений остались территорией полного и практически безраздельного преобладания этнических моделей поведения. Естественный результат этого обстоятельства

состоял в том, что в первоначальных своих формах женская социально-политическая активность получила реализацию на тех направлениях, которые не противоречили традиционным стандартам гендерного поведения. Как правило, это касалось тенденции повышения образовательного уровня горянки.

Советская историческая традиция предпочитала оставлять вне сферы своего внимания реальные показатели грамотности населения периферии страны в 20-х годах нашего века. Подавляющее большинство исследователей просто постулируют мысль о поголовной или почти поголовной безграмотности нацменьшинств Советской России, приводя прямо-таки катастрофические цифры: «За годы Советской власти в экономике и культуре национальных окраин... произошли огромные изменения. Особенно разительны они в жизни кабардинцев и балкарцев, которые до Великого Октября не имели своей письменности: грамотных было всего 2-3% населения...» [54, с. 28].

Еще более удручающую картину рисуют в специализированных изданиях, посвященных непосредственно истории партии: «Наследием великодержавного шовинизма, царизма и империализма являлась поголовная неграмотность населения... По данным Всероссийской переписи 1920 года, на каждые 100 жителей Нальчикского округа приходилось грамотных: русских – 33, кабардинцев – 2, балкарцев – 1» [55, с. 73-74].

Однако реальная ситуация была иной. До 1923-1924 годов практически в каждом населенном пункте региона действовали школы при конфессиональных учреждениях: в мусульманских селах – медресе, в православных – церковно-приходские школы. К сожалению, ни в одном из доступных нам архивов на сегодняшний день нет документов, напрямую говорящих о масштабах проводимой конфессиями работы. Однако отдельные документы позволяют хотя бы частично восстановить картину тех лет.

В первой половине 1925 года курсанты Ленинского учебного городка (далее по тексту - ЛУГ), проводившие паспортизацию сел Кабардино-Балкарской автономной области (далее по тексту – КБАО), обращали особое внимание на

деятельность конфессиональных образовательных учреждений, по крайней мере, ни одно из типовых сообщений слушателей ЛУГа не обходилось без упоминания о них [56].

По сообщениям наиболее исполнительных курсантов, приводивших, помимо всего, прочего и цифровые данные, количество учеников в медресе доходило в среднем до 40-50 человек в зависимости от размеров населенного пункта, а доля обучавшихся девочек иногда составляла 50% и ни разу не опускалась ниже показателя в 20%.

Так, в сообщении курсанта Жанхота Хужокова указывается, что в медресе селения Нижний Черек обучается 30 учеников, из них – 15 девочек возраста от 10 до 14 лет [57].

Таубиев Темболат называет то же количество учениц в Аушигерском медресе [58], аналогичные, за редкими исключениями, сведения поступают практически от всех курсантов ЛУГа, командированных в национальные села.

Построение простейшей демографической модели с учетом процентного соотношения обучавшихся в медресе девочек-горянок дает нам весьма внушительную цифру в 30-35% грамотных женщин-националок в Кабардино-Балкарии начала 20-х годов. С учетом длительного перерыва с 1918 года, а быть может, и с 1914-го, долю грамотных женщин можно предположить лежащей в границах 20-25 %, но никак не меньше. Конечно, знание арабской письменности и грамотность исламского образца вскоре оказались абсолютно нефункциональными, но как свидетельство высокого уровня социальной активности женщин, допускаемой обычным правом, эти показатели весьма красноречиво свидетельствуют о том, что никакой «забитости» и тотальной неграмотности населения Северного Кавказа не было и в помине.

Очень чётко в это же время обозначилась деятельность некоторых представительниц пассионарного этапа развития женского движения. В новых условиях они уже не могли выступать как центры активизации женской социальной активности, и лишь чисто умозрительно мы можем предполагать, что

сам факт общения с представительницами этой когорты должен был оказывать заметное влияние на женщин-горянок.

Некоторое время после установления советской власти на Северном Кавказе они работали на различных должностях в советских государственных учреждениях [59, с. 14]. Новой власти приходилось мириться с происхождением большинства этих женщин по вполне понятным причинам.

В самые первые годы становления советской власти основной проблемой нового руководства страны была не борьба за окончательную победу новой идеологии в ментальном пространстве народов государства, а скорейшее восстановление институтов и систем управления, причем в самом буквальном смысле этого слова. Огромный народно-хозяйственный механизм бывшей Российской империи требовал огромное количество работников административного плана. В условиях массовой эмиграции чиновничества всех звеньев, интеллигенции, попросту грамотных и образованных людей, любой гражданин, обладавший высоким образовательным цензом, был на вес золота, что не раз вынужден был признавать В.И. Ленин [60].

Эта проблема достаточно остро стояла в крупных промышленных и культурных центрах России, и уж тем более была просто катастрофической для национальных окраин. С целью формирования первоначального кадрового потенциала управления для национальной периферии в Советской России было создано несколько учебных центров, в том числе и Коммунистический университет трудящихся Востока (далее по тексту – КУТВ).

Причем, несмотря на обязательное по тем временам определение «коммунистический», университет на самом деле не отличался преподаванием изучаемых дисциплин на жесткой идеологической основе, а был скорее общеобразовательным. Здесь в достаточно широком объеме изучались как общеполитические дисциплины, так и эстетические [61]. Возможно, поэтому в литературе, посвященной становлению и развитию областных партийных организаций, о КУТВ так мало сведений, хотя вплоть до середины 30-х годов этот

центр исправно поставлял кадры республикам Северного Кавказа. В частности, «Очерки истории Кабардино-Балкарской организации КПСС» ни разу не упоминают КУТВ в рамках 1921-1923 годов, хотя именно тогда около 60-ти человек из Кабардино-Балкарии проходили здесь обучение.

Возвращаясь к вопросу о потенциале женской социально-политической активности на территории Северного Кавказа, мы можем констатировать, что традиционное разграничение «мужских» и «женских» сфер деятельности, вне исчезнувшего в результате политических и социальных катаклизмов пассионарного фактора в лице некоторых представительниц чиновничьей и феодальной элиты региона, делало, по всей видимости, невозможным становление женского организованного движения и даже формирование консолидированных женских групп в современном понимании.

Во всяком случае, столь важная маркерная область проявления социальной активности граждан, как формирование систем представительства управления, в начале 20-х годов была полностью лишена женского участия. В сохранившихся в архивах списках выборщиков и членов сельских советов за 1921 год (более ста списков) женщины отсутствуют, равно как и в протоколах общих сходов граждан населенных пунктов не зафиксировано ни одно публичное выступление со стороны горянок [62].

Следует отметить, что, невзирая на многочисленные рапорты о «раскрепощении» горянки, в действительности оборачивавшегося изживанием традиционных для Северного Кавказа норм адаптивного поведения женщин, новое мышление «западного» типа и сопутствующие ему стереотипы поведения длительное время не приживались на новой советской почве – даже в сравнении с показателями внутренней и социальной свободы женщин дореволюционного периода. К слову, первые случаи судебного разбирательства с подачей исков горянками относятся только к середине 20-х годов. Так, в списке дел, назначенных к слушанию по гражданскому отделу областного суда КБАО на февраль 1925 года, значатся только два разбирательства с участием женщин – имущественный иск

гражданки села Нартан Кули Кажаровой к мужу и аналогичное дело жительницы Нальчика Марфы Толстовой [63].

В 1920-1922 годах же подобные ситуации имущественных споров – во всяком случае, с участием горянок – если и складывались, то решались частным образом, без нарушения требований обычного права. Естественно, социальная – в современном понимании – пассивность женщин республики не могла не обусловить образования огромной лакуны в общей парадигме социальных потенций общества, лакуны, которая должна была неизбежно заполниться – если не путем становления естественных форм женской активности и ее организованных форм, то инициацией таковых «сверху».

Устойчивость и сохранность традиционных поведенческих и ментальных стереотипов женской части населения Северного Кавказа в начале 20-х годов была, по всей видимости, столь значащим фактором, что, идя на сознательную активизацию женского населения – активизацию в «европейском» понимании, – партийное руководство республики было вынуждено считаться с этим: «Были сделаны первые шаги по раскрепощению женщины-горянки. Облпартком решил начать эту работу в селении Акбаш, где *слабее было влияние духовенства* (курсив мой – Н.Ш.)» [64, с. 83].

Советская власть в действительности не интересовалась развитием естественных и эволюционных форм женской социально-политической активности. И как показало ближайшее будущее, партийное руководство областью, стремилось к формированию женского движения в его организованных формах, которые бы функционировали как непосредственные проводники идеологии и политики партии, психологическая готовность горянок к участию в подобной работе, партийное руководство не интересовало.

Собственно говоря, деятельность РКП(б), советских органов свелась к поэтапной ликвидации всех зачаточных на тот момент видов женской социальной активности, обусловленной аутоэргономическими факторами, так как в среде традиционного общежития, в значительной мере определявшейся институтами,

враждебными по своей сути советской власти – прежде всего конфессиональными, естественные типы женской активности воспринимались, по меньшей мере как бесполезные для целей новой власти.

Тем не менее, осознавая малую эффективность воздействия на сознание женщин на культурно-презентативном уровне, советские и партийные органы были вынуждены идти и на поддержку некоторых видов женской социально-политической активности, которые могли бы реально послужить основой повышения политического и социального статуса женщины-горянки, изменениям в ее сознании.

Прежде всего, это касалось помощи женщинам в видах деятельности, которые непосредственно затрагивали ее внутрисемейное положение, в частности долю финансовых вложений, обеспечивающих жизнедеятельность семьи.

Можно с большой долей уверенности предполагать, что партия учла некоторую разницу, существовавшую в характере хозяйствования балкарских и кабардинских семей. Денежные поступления в семейные бюджеты первых были традиционно более зависимы от женского вклада – прежде всего в силу большего развития надомного женского труда, вернее, кустарного производства, ориентированного именно на продажу изделий. Традиционно женщины-горянки занимались массовым изготовлением изделий из шерсти, причем технология производства некоторых товаров предусматривала коллективный труд с элементами разделения функций – бурки, киизы.

Вероятнее всего, именно поэтому основные усилия руководства в селах были направлены на поддержку кустарных промыслов и объединений женщин на производственной основе, а в населенных пунктах, не имевших традиционных промыслов, речь в основном велась об усилении работы агитационного плана и о привлечении женщин к деятельности по искоренению неграмотности, к работе в выборных органах, т.е. о политических мерах структурно-организационного характера.

Во всяком случае, протоколы заседаний секретариата Кабардино-

Балкарского обкома РКП(б) второй половины 1925 года (а именно в этом году новая власть повела массированное наступление на «женском фронте») содержат несколько пунктов по оказанию сверхнормативной финансовой помощи различным структурам Балкарского окружного комитета РКП(б), увязывая ее с работой среди женщин. Так, § 15 протокола № 4 от 24-26 декабря 1925 года гласит: «Средства, отпущенные по смете ОНО на организацию клуба горянок, передать Балкарскому окркому РКП(б), предложив организовать в с. В. Баксан клуб горянок» [65]. Мы предполагаем, что передача финансовых средств была связана именно с организацией в ряде населенных пунктах Балкарии кустарных коллективных производств, что подтверждается сведениями ряда информаторов, в частности известной мастерицей по изготовлению киизов, жительницей села Аушигер А.Толгуровой [66]. По ее данным, еще в 1922-1923 годах, разрозненные группы мастериц были организованы при непосредственном участии работников советских и партийных органов в рабочие артели, в дальнейшем вошедшие в организационные подразделения женских клубов. Подобные артели были сформированы во всех наиболее крупных балкарских селах – Чегет Эль, Сауту, Безенги, В.Чегем, Ак-Топрак, Н.Чегем, В.Баксан и ряде других.

Кустарные промыслы женщин-горянок функционировали и в форме частного производства. При поддержке органов советской власти они получили действительно широкое развитие. Буквально через несколько лет – в 1928 году – товарное производство в балкарских селах достигло такого уровня, что потребовало как решения проблем сбыта продукции, так и ужесточения позиций государства по отношению к частникам: «Заключение договоров на заготовку сукна с частником считать нецелесообразным и предложить фракции Каббалксоюза изыскать рынки сбыта, особенно в Закавказье и других городах Европейской части Союза, командировав для этого своих контрагентов» [67]

Мы можем только предполагать, какое воздействие на ментальность женщин-горянок оказало бы изменение их роли в системе хозяйствования в дальнейшем. В принципе, об этом можно судить, исходя из реалий сегодняшнего

дня, чего мы коснемся ниже. Но тогда, уже к концу 20-х годов, после того как в общественном, в том числе, женском сознании наметился поворот к формам социальной реализации нового, нетрадиционного типа, и престижность кустарного труда резко снизилась. Зависимость же социально-политической активности женщин от ее статусного положения, на наш взгляд, неоспорима [68, с. 87-89]. Это подтверждено рядом исследований. Кроме того, престижность социальных позиций, занимаемых женщиной, определяет и степень вероятности обращения ее к аномальным стандартам поведения [69]. Естественно, женщины, работающие в непрестижных сферах, в условиях отсутствия жесткого контроля со стороны общества, склонны к такому поведению; в среде доминирования же жестких традиционных форм регуляции ментальных и поведенческих стереотипов малопрестижная работа женщин в значительной мере снижает потенциал их социальной активности, предопределяя, таким образом, стагнацию в процессах развития естественно-эволюционных форм женской активности.

Как бы то ни было, женское производственное движение на Северном Кавказе в 20-х годах так и не вылилось в формы естественно-эволюционной женской самоорганизации. Партия к началу 30-х годов также прекратила поддержку кустарных женских промыслов, во всяком случае, уже в начале 30-х годов, несмотря на громкие кампании типа «Пальто горянке», существовавшие артели и производственные объединения работали на основе самокупаемости и хозрасчета, т.е. вне финансовой помощи государства, что, кстати говоря, вкуче с падением интереса молодежи к этому виду деятельности обусловило, начиная с середины 30-х годов медленное, но неуклонное сокращение количества мастериц и производственных предприятий кустарных промыслов, в наши дни вылившееся в практически полное их отсутствие.

II. 2.3. Социально-политические процессы в системе гендерной активности в годы советской модернизации

Попытки активизировать женскую часть населения Северного Кавказа со стороны партийных и советских органов, как уже говорилось, начались с первых лет установления советской власти. Но мы рассмотрим эти процессы в несколько ином аспекте. Показательно, что в некоторых моментах советское государство полностью дублировало практику царской администрации. В частности, борьба с так называемыми «похищениями» девушек и выплатами калыма уже на заре советского периода была областью пристального внимания новой власти [70] - так же как и за неполную четверть века до этого.

Партия всячески способствовала вовлечению женщин в общественную жизнь, создавая при этом все новые и новые организационные формы. Работа женсоветов и создававшихся с 1922 года женских групп содействия РКП(б) находилась под неусыпным контролем. Однако первые несколько лет особых результатов это не давало. Партийные органы республики, по существу, вынуждены были создавать видимость значимого подъема женского движения в условиях практического отсутствия такового. К слову, часто цитируемые «выступления анонимной горянки» на митингах, посвященных очередной годовщине Октябрьской революции [71, с. 60], в большинстве случаев были не более чем подготовленной инсценировкой, на что указывают лексические несоответствия в текстах выступлений «горянки», а по сведениям известной писательницы М.Ч.Шаваевой [72], среди выступавших на подобном запротоколированном мероприятии, по результатам которого в газете «Карахалк» была опубликована очередная речь, вообще не было ни одной женщины, принадлежавшей к коренным национальностям КБР.

Характеризуя ситуацию с женской составляющей общественной жизни 20-

х годов, Х.И.Хутуев пишет: «Выполняя указания крайкома и обкома партии, редакция газеты «Карахалк» выпускала «странички» молодежи и горянок, которые оказывали плодотворное влияние на политико-воспитательную работу среди подрастающего поколения и женщин... Первыми женщинами-корреспондентами газеты «Карахалк» были комсомолки 20-х годов А.Афаунова, Ф.Залиханова, Н.Сухова и некоторые другие» [73, с. 144], однако анализ публикаций газеты «Карахалк» за 1923 год свидетельствует – лишь Сухова публиковалась на страницах этой газеты, возможно, более одного раза. Кроме того, мы считаем, что есть все основания утверждать, что речь в данном случае идет не о «Н.Суховой», а о Елене Суховой – первой комсомолке республики [74, с. 12], чья общественная активность никак не была связана с общими показателями активности женской среды в этом вопросе.

К слову, опросы, проведенные автором в течение 1996-1999 годов среди женщин КБР 1905 года рождения и старше (38 опрошенных), не выявили среди них ни одной, принимавшей участие в каких-либо общественных акциях до открытия Ленинского учебного городка.

Простейшая социально-геронтологическая экстраполяция этого показателя на предполагаемую ситуацию начала 20-х годов доказывает, что пассивное участие в общественных акциях того времени могло принимать, по самым оптимистичным подсчетам, не более 2,5-3 % женского населения республики (кабардинок и балкарок).

Ни о какой массовости женского движения (и при наличии позитивных процессов) в начале 20-х годов говорить не приходится. Более того, основная часть коренного женского населения Северного Кавказа, вопреки усилиям государства, придерживалась традиционных стандартов поведения, никак не желая «сбросить цепи векового рабства», о которых столь часто говорили партийные и советские функционеры тех лет.

В отчетах представителей окружных партийных и советских структур, сделанных даже после 1925 года, – на областном совещании секретарей и заворгов

окружкомов, секретарей сельячек РКП(б) – ситуация рисуется вполне однозначно. Женщин-горянок приходилось фактически принуждать или обязывать принимать участие в общественной жизни. Так, выступавший от Нагорного окружного комитета РКП(б) – одного из крупнейших на Северном Кавказе среди сельских, насчитывавшего 165 членов и кандидатов в члены партии [75], - Махов сообщил, что «... работа среди женщин почти не ведется. Нет работников. В Совет выбрано 8 женщин, *завербовано* (выделено мной – Н.Ш.) 5 делегатов» [76]. Чуть ранее, характеризуя итоги выборов в сельские Советы, Махов заявил: «Перевыборы сельсоветов прошли успешно. Коммунистов прошло 50%, комсомольцев - 12%, *по две женщины от селения* и остальные – беспартийные» [77]. Думается, что квотный, по разрядке «сверху» принцип прохождения женщин в сельские Советы очевиден.

Еще раз повторимся: несмотря на новую идеологию, роль традиционных поведенческих и ментальных стереотипов, базировавшихся на нормах «адыге хабзе» и «адет», в женской среде Северного Кавказа оставалась, условно говоря, доминирующей до 1925 года.

Поэтому точкой отчета в истории женского движения региона можно, как нам кажется, считать 1925 год. Еще XIII съезд РКП(б) отметил недостаточность работы среди женской части населения и необходимость ее усиления. Непропорциональность между стандартами поведения и жизненными установками, продиктованными новой идеологией, и реально существующими в сельской местности, особенно в женской среде, стала настолько очевидной, что потребовала активного вмешательства партийного руководства.

14-й пункт резолюции Съезда, принятой 31 мая 1924 года, полностью посвященный проблеме женщин села, гласил: «Не менее значительной является задача содействия выдвижению крестьянки... содействовать выдвижению крестьянок на выборные советские, кооперативные и т.п. посты... Ввиду очень незначительного количества крестьянских девушек в комсомоле, комсомольским организациям необходимо развить работу по их привлечению в союз...» [78, с.

252].

Активизация работы среди женской части населения была частным моментом общего процесса экстенсивного расширения социальной базы РКП(б), численность кадрового состава которой к тому времени попросту не удовлетворяла нужды развернутой реорганизации всех сфер жизни.

Ситуация для партийных органов республики виделась еще более плачевной с точки зрения кадрового обеспечения женского движения. Это особый вопрос, требующий специального исследования. После уничтожения большей части партийных архивов во время Великой Отечественной войны, восстановить полный списочный состав женщин-членов РКП(б), работавших на территории Северного Кавказа, нам видится невозможным. Однако простейшие расчеты могут дать нам хотя бы приблизительное представление о положении дел в этом секторе. По данным анкетных списков губкомов страны за 1920 год, всего в Терской губернии работало 2042 члена РКП(б), из них во Владикавказе – 1302 человека (62%), партийных женщин по губернии насчитывалось 154. Даже не учитывая преобладающую долю женщин-коммунисток губернского центра, абсолютно очевидную для нас, мы определяем число партийных женщин, работавших вне Владикавказе, – чуть менее 60-ти. С учетом же степени урбанизированности областей Терской губернии, демографической картины тех лет мы имеем все основания утверждать, что на статистической территории окружкома в 20-м году не должно было быть более 7-8 женщин - действующих членов партии. В частности, в конце 1921 года в списках партийной организации Кабардино-Балкарии числилось 9 женщин [79, с. 79].

В сохранившихся архивах республики не зафиксировано ни одного намека на то, что к 1924 году количество партийных женщин в Кабардино-Балкарии возросло – исключая Ф.М.Абаеву, но она к этому моменту находилась в Москве (см. выше). Естественно, ни о каком пассионарном воздействии с их стороны на общую массу женского населения республики говорить не приходится.

Можно предположить, что ситуация в Кабардино-Балкарии в значительной

степени дублировала положение на периферии огромной страны, положение, которое никак не могло удовлетворить партию и с точки зрения устойчивости систем советской власти, требовавших радикального вмешательства. Такие шаги были предприняты в 1924-1925 годах.

Фактически, набор из 200 тысяч членов партии и особое внимание к проблемам антирелигиозной агитации, которое проявилось в 1924-1925, представлены явлениями одного порядка, основанием которого служило сознательное стремление к изменению стереотипов не только экономических и идеологических, но также поведенческих и морально - нравственных. Усиливающийся тоталитаризм потребовал формирования новой массы людей, духовный потенциал которой должен был быть обращен во вне и потому был бы проявлен и подконтролен.

В некотором смысле это был первый опыт полного идеологического и социального инжинеринга, который был проведен в масштабах всей страны, с мобилизацией всех возможностей государства, и поэтому привел к быстрым и значительным результатам.

Для Северного Кавказа последствия фактической феминизации женщин имели особенное значение. Практически вся система национальной самоидентификации населения региона – а именно западной ее части - была основана на нескольких базовых идеологических доминантных признаках, и принципы патернализма были одним из них. Разрушение системы патерналистской организации общества, соответствующая ментальным стереотипам в одном из его главных компонентов – сфере гендерных отношений, на самом деле, означало полный распад структуры традиционного общежития и свободного проникновения в умы людей новой идеологии.

Показательно, что целенаправленная политика партии именно в этом направлении ознаменовалась большим успехом, нежели шаги по дискредитации и противодействию конфессиям. Более того, в некотором смысле опыт идеологической борьбы 1922-1923 годов показал, что система ментальных

ценностей народов Северного Кавказа настолько устойчива, что местным партийным органам приходится идти на некоторые уступки духовенству: «...был созван расширенный пленум облисполкома, на который пригласили председателей и секретарей сельских исполкомов, секретарей партийных ячеек. На пленум были приглашены и муллы, по одному от каждого селения. Работа пленума показала, что среди мусульманского духовенства немало элементов, относящихся к Советской власти лояльно...» [80, с. 89].

Невзирая на кардинальную секуляризацию функциональных ниш духовенства, оно занимало значительный сектор общественной жизни республики вплоть до середины 20-х годов, причем никакое ужесточение мер противодействия конфессиям не снижало их фактического влияния на массы, о чем свидетельствует роль медресе в сфере образования (см. выше).

Кроме того, некоторые факты свидетельствуют, что партийный курс предусматривал не только деструкцию систем влияния духовенства, но и изменение всего уклада жизни с присущими ему традиционными нормами общения, досуга и т.д., что достаточно определенно было сформулировано лидерами национальных партийных элит [81].

Анализ партийных документов программного характера этих лет свидетельствует о том, что велась широкая подготовка к преобразованию страны в огромный механизм безоговорочного подчинения, основным условием которого была фактически нивелировка специфических поведенческих черт, характерных как отдельных социальным группам и слоям, так и этническим сообществам.

Те регионы страны, в которых национальная специфичность была проявлена в меньшей степени, очень быстро поддавались воздействию партийных и управленческих систем, воспринимая навязанную идеологию и морально-нравственные постулаты в кратчайшие сроки, причем, что особенно важно отметить, национальные окраины, не сформировавшие развитых и жестких институтов обычного права в сфере гендерных взаимоотношений, уже к началу 20-х годов во многом снизили уровень национальной самоидентификации, что

вполне определенно проявилось в высоких, достигающих до 40%, долях смешанных браков [82, с. 150].

В этом отношении Северный Кавказ представлял, так сказать, «трудную» область, традиционно отмеченную высоким уровнем консерватизма и сохранности поведенческих стереотипов. Однако к 1925 году партийная инициатива по работе среди женщин, спущенная из центра, дошла до областей региона в полном объеме.

Уже в конце февраля 1924 года на областной (КБАО) конференции представителей исполкомов, партийных ячеек, комсомола и беспартийных в составе 700 делегатов присутствовало 200 женщин [83, с. 92]. К началу же 1925 года женское население Северного Кавказа оказалось под неусыпным вниманием партийных и советских органов области. Практически каждое заседание секретариатов региональных обкомов РКП(б) в той или иной степени обращалось к женскому вопросу.

Формы вовлечения женщин в жизнь советского общества были довольно многообразны. Согласно рекомендациям высших партийных органов, первоначально это были мероприятия, которые должны были вызвать интерес женской части населения в силу их естественного биосоциального статуса, но в любом случае соблюдалась установка на массированность и временную плотность работы.

Особое внимание было обращено на подготовку партийных кадров. Судя по архивным документам, в этом направлении на Северном Кавказе было широчайшее поле деятельности, прежде всего, ввиду отсутствия национальных кадров из среды горянок. Например, в начале 1925 года протоколы одного из областных совещаний секретарей и заворгов окружкомов, секретарей сельячеек РКП(б) в составе 34 участников зафиксировали пять женщин, из которых лишь одна – делегат от Нагорного округа Шериева – была представительницей коренного населения.

Судя по всему, высокая степень сохранности гендерных стереотипов

влияла на уровень сохранности всей системы традиционного уклада жизни народов Северного Кавказа. Во всяком случае, вплоть до конца 1925 года, несмотря на многочисленные победные репортажи, отправляемые в Москву и свидетельствующие о коренном переломе в мировоззрении среднестатистического жителя региона, курсанты ЛУГов, отправленные с анкетами паспортизации в населенные пункты, сообщали, что во многих из них медресе продолжают функционировать, а женских организаций в селах не имеется (вопрос о таковых неизменно включался во все виды типовых анкет для сел Северного Кавказа, начиная с первой – 1925 года – и до начала 30-х годов).

Отчеты представителей окружкомов в начале 1925 года также отмечены «печальной» для партийных органов статистикой: Малокабардинский округ – из 275 членов партии и кандидатов – 2 женщины (кандидаты в члены РКП(б)), при этом докладчик Дмитриев отмечал особо «болевые» точки: «Работа среди женщин почти не ведется, нет работников по женотделу. Мужчины-кабардинцы не смогут вести работу, а русским в силу бытовых условий... не представляется возможным...» [84].

Причина, указанная Дмитриевым, была характерной для территорий с преимущественным проживанием коренных жителей. Именно этические барьеры, существующие в сознании горцев, не позволяли развернуть широкомасштабную работу среди женщин, а это, в свою очередь, служило сильнейшим препятствием в достижении поставленных партией целей. Судя по тому, что в отчетных документах национальных округов 1924-1925 годов, практически полностью отсутствуют признаки массовой или хотя бы значимой активности женщин в ее «новом» понимании и в таких сферах жизнедеятельности, как образование, организация труда и досуга, вопрос о вовлечении женщин в общественную жизнь, с точки зрения партийных и советских органов, стоял действительно остро.

Сегодня мы с большой долей уверенности можем сказать, что этнические институты гендерных отношений представляли краеугольный камень не только в системе общего права во внутрисемейной сфере, но также и во многих

отношениях обеспечили стабильность всего комплекса национальной идентификации во всех функциональных секторах – от культурно-презентативного до субстратно-нормативного.

Однако одновременное подключение партийных и советских органов по нескольким направлениям активизации женского населения не могло не дать некоторых результатов. Кроме того, парадигма женской активности предусматривает обязательное обеспечение жизненных перспектив, что в условиях целенаправленного разрушения традиционных биосоциальных систем идентификации индивидуума, маскулинизации личности вообще означало только одно – неизбежность смены культурных и ментальных ориентаций горянок. Это был процесс общего характера, и он отнюдь не означал действительной поддержки скрытых потенциалов советской женщины, скорее наоборот.

Стратегию новой власти озвучил в самом начале 1925 года, Б.Калмыков: «В 1925 году мы должны добиться того, чтобы у нас в школах было и мальчиков и девочек поровну... В 1925 году мужчин в учебный городок мы набирать не будем. Мы стремимся к тому, чтоб и женщина-горянка получила знание. Поэтому мы ставим своей задачей набор в 1925 году исключительно девушек. Мы должны их набрать 300. Помимо того, мы наберем и 100 маленьких девочек. Так у нас будет 400 девушек» [85].

Речь шла о том, что кадровое обеспечение работы с женщинами должно было быть прерогативой самих женщин. Для решения этой политической задачи партийные и советские органы должны были, по меньшей мере, полностью упразднить остаточные структуры генерации традиционного менталитета и институировать высвободившиеся потенциалы женской социально-политической активности в необходимой форме.

Таким образом, логика развития ситуации потребовала, чтобы главный акцент в работе советских и партийных органов был сделан на трех направлениях: сначала – создание кадрового потенциала представительниц нового сознания, естественных агентов политического влияния и идеологического воздействия, во –

вторых, формирования слоя партийных горянок и идеологического вертикального слоя в самой женской среде, в – третьих, обеспечение условий экономической автономизации женского населения Северного Кавказа и организация таких форм экономической деятельности, которые гарантировали бы основу естественного преобразования внутрисемейных отношений, а на самом деле, всего комплекса гендерных институтов, сложившихся к этому периоду.

Пути решения этих задач были уже обозначены. Первые две требовали создания масштабной, «поставленной на конвейер» системы подготовки женских кадров с последующим выдвижением наиболее активных из них на работу в советские и партийные органы, третья подразумевала втягивание женской части населения в производство, причем не традиционное, кустарное, как это уже было в горских селениях – опыт с точки зрения идеологического целеполагания абсолютно неудачный, - а промышленное производство, когда, с одной стороны, зарплата обеспечивает автономию женщины в системе гендерных отношений, а с другой, помещает ее в условия, при которых только совокупная работа многих людей приводит к появлению конечного продукта, т.е. роль и ценность женской индивидуальности сводятся к нулю.

После первого набора в ЛУГи партийные и советские органы, руководство национальных округов предприняло ряд подготовительных шагов, предусматривавших, помимо всего прочего, и некоторую адаптацию структур этих центров к будущему массовому набору женщин и девушек. Была укреплена женская часть кадрового состава ЛУГов.

Так, в Кабардино-Балкарии в период с 11.11. 1924 года по 4.03.1925 года в числе принятых на работу в Ленинский учебный городок 16 человек числилось 10 женщин: преподаватели (Ильинская-Мяконькая, Фёдорова В.А.), технический персонал [86]. К этому моменту в числе направленных из округов области в 1925 году 48 человек в списках значилось лишь две девушки некоренных национальностей – Мария Лебедева (Нальчик) и Валентина Вунденберг из станицы Прималкинской [87].

Однако надо отметить, что уже на 1 марта 1925 года в списках обучавшихся в городке значилось 95 кабардинок, 15 балкарок и 8 русских девушек [88]. Тогда же в детской школе-коммуне при ЛУГе значилось 198 человек в возрасте до 15 лет, среди которых было 26 девочек кабардинской и балкарской национальности.

Акцент на обучение кабардинок и балкарок был очевиден. На протяжении всего 1925 года прием слушателей обозначен преимущественным предпочтением девушек, доля которых в числе вновь поступивших на учебу групп колеблется от 60 до 80%, причем был резко ограничен прием русских. Например, приказом от 3.11. 1925 года в число обучающихся в ЛУГе было принято 18 человек, из них – 14 девушек и лишь две из них были русскими [89].

Основной упор в наборе девушек был сделан на комплектацию групп «ликвидации неграмотности и малограмотности», т.е. на будущих преподавателей, людей, которые напрямую несли бы в массы новую идеологию, внедряли бы новые стандарты поведения, так сказать, личным примером. Во всяком случае, из 87 девушек-студенток ЛУГа (4 января 1925 года) 79-81 (в различных документах цифры разнятся) обучались именно в указанных группах [90].

Руководство крайне бережно относилось к женскому контингенту учащихся. Например, до 26 февраля 1926 года из Кабардино-Балкарского ЛУГа не была отчислена ни одна курсантка, хотя за это же время городок покинули около 10 человек-мужчин [91]. Следует отметить, впрочем, что разночтения в различных источниках по поводу численного состава курсантов порой достигают значительных величин. В частности, в различных документах Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской республики по состоянию на 4.01.25 указывается цифра в 439 человек, на 1 февраля этого же года фигурирует 469 курсантов, хотя сведений о каком-либо дополнительном наборе учащихся за этот период нам обнаружить не удалось, первый же выпуск этого учебного цикла состоялся лишь в июне 1925 года [92].

Причиной подобных разночтений могла служить и большая текучесть

состава курсантов ЛУГа – значительно более масштабная, нежели это видится по официальным отчетам руководства городка. Мы считаем, что есть все основания предполагать постоянное варьирование состава курсантов за счет отчисления одних и неплановых приемов других, может быть, этим и объясняются странные несоответствия между количеством отчисленных и постоянством количественного состава обучающихся [93].

Основным принципом жизни в Ленинском учебном городке было безусловное подчинение дисциплинарным требованиям. Это было продиктовано не столько напряженностью и темпами обучения, сколько являлось необходимым условием обеспечения постоянного психологического прессинга. Весной 1925 года партийными органами достаточно серьезно рассматривался вопрос окончательной «военизации» ЛУГов, вооружения курсантов и т.д. [94]. Вряд ли это диктовалось реальной военной угрозой, на которую ссылались партийные функционеры. Скорее всего, подобный ход можно было признать логичным в свете тех принципов и методов психологической обработки курсантов, которая была принята на вооружение в городке.

Воспитательная и пропагандистская работа в ЛУГах была основана на инициации новых поведенческих форм, внутренние структуры его практически дублировали систему существовавших в те годы институтов исполнительной и представительной власти. Курсанты городка проходили ускоренную адаптацию в новом для себя ментальном пространстве за счет участия в работе внутренних структур самоуправления. Говорить о возможностях вариативного поведения в подобных условиях, на наш взгляд, излишне. Инициативность и ее направленность навязывались «сверху», причем делалось это в весьма жесткой форме. Курсанты обязывались не только проходить общеобразовательные дисциплины, но и в обязательном порядке должны были участвовать в праздничных и общественных мероприятиях, сценарии которых разрабатывались достаточно тщательно и предусматривали, помимо всего прочего, и демонстративно-показательное поведение курсантов, противоречащее

традиционным для горцев нормам.

Естественно, это было возможным лишь в условиях строжайшей дисциплины и принуждения. Случаи фактического бегства из Ленинских учебных городков были отнюдь не редкостью. С этой точки зрения весьма примечательными представляются несколько писем руководителей ЛУГов, направленные ими в адрес различных партийных инстанций в течение 1925 года. Масштабы явления были таковы, что требовали силового вмешательства.

Инициация новых форм социально-политической активности велась практически в принудительном порядке, и курсантки ЛУГов при этом права на собственное мнение, по всей видимости, не имели. Партийные же органы вели форсированную работу по их перевоспитанию. Например, при определении количества депутаток на краевой съезд горянок секретариат Кабардино-Балкарского обкома постановил выделить ЛУГу 5 мест – больше, чем любой другой структуре [95].

Тогда же, в 1925 году – осенью – партийная организации Северного Кавказа приняла практически синхронные решения об использовании именно «коммунарок на работе среди женщин» [96], что, конечно же было серьезным моментом инициации социально-политической активности горянки и того самого «раскрепощения» о котором говорилось уже на протяжении нескольких лет.

Однако нам видится, что инициализация и разворачивание женского движения в конце 20-х годов была обусловлена не только мерами партийных и советских органов. Фактическое удушение естественно-эволюционных типов женской социальной активности, ставшее свершившимся фактом (за исключением редких и малозначащих феноменов), уже к середине 20-х годов, не могло не «спровоцировать» ориентацию женщин республики в новых социально-экономических и культурных условиях в нужном для партии направлении.

Первые же выпуски курсантов ЛУГа были явлением действительно эпохальным, перевернувшим и практически уничтожившим все ранее существовавшие стандарты жизни.

К этому моменту женская группа активисток – комсомолок, кандидатов и членов РКП(б) – насчитывает в Кабардино-Балкарии, по нашим приблизительным подсчетам, около 4000 человек. Судьба системы традиционных гендерных взаимоотношений Северного Кавказа была практически решена. Все новые и новые группы женщин, получивших советское образование, задействованных в общественной жизни и получавших в силу этого гораздо более высокий статус, вливались в общую массу горянок. Средняя заработная плата работниц во время пахоты и сева озимых составляла по Северному Кавказу чуть менее 15 рублей. Среднегодовое поступление в семейный бюджет со стороны горянки-работницы, таким образом, составляло (с учетом сезонности работ) менее 150 рублей. Сотрудники, например, окрисполкомов – самый многочисленный отряд служащих, в это же время получали в среднем по 20 рублей в месяц – независимо от урожая, погоды и прочих условий [97, с. 84, 184, 185]. Надо ли говорить, что основная масса выпускниц учебных центров и школ нового типа, работали отнюдь не на поле, и надо ли описывать то воздействие на женское сознание, которое оказывал их пример – прежде всего, с точки зрения их благополучия.

Активность женского населения резко возрастает в период 1925-1927 годов. По свидетельству Х.Бербекова, число женщин, вовлеченных в работу Советов всех уровней, возрастает за два года на более чем в два раза – с 235 в 1925 году до 559 в 1927 - м [98, с. 291]. Этот процесс был, по всей видимости, общим для всех национальных регионов страны. Так, по сведениям статистического отдела наркомпроса Азербайджанской ССР рост числа учащих женщин в процентах составил в 1924-25 годах (по отношению к 1923-24 годам) 104,9%, а в 1925-26 - м и 1926-27 годам – 142 и 188 % соответственно [99].

Число женщин, которые активно восприняли новые жизненные стандарты, к концу 20-х годов достигло критического порога и именно тогда и появляется потребность в формировании организационных структур женского движения, когда серверные формы объединения – пункты по ликвидации безграмотности (далее по тексту – ликпункты), клубы и т.д. - уже не удовлетворяют возросшие

запросы женского населения, потенциал его активности.

Естественным шагом партийных структур в подобных условиях была инициация формирования женских сателлитных организаций. И хотя, например, в материалах VII областного съезда Советов КБАО в качестве «особой задачи» числилось и «вовлечение трудящихся женщин во все отрасли работы аппарата управления», и организация «кампании “Пальто горянке”», и «меры к уравниванию числа учащих девочек и мальчиков», и некоторые другие пункты, касавшиеся вопросов социального статуса женщин, половой состав делегатов съезда говорит сам за себя. Из 480 делегатов 123 были представительницами слабого пола – 25,5% [100]. Этот показатель, как некая константа – с крайне незначительными отклонениями – прослеживается во всех временных представительных органах (Съездах, конференциях и т.п.) партийных и советских управленческих систем вплоть до последних съездов КПСС.

Дальнейшая судьба женских ресурсов в политической жизни страны не интересовала партию. Те организационные формы женского движения, которые появились в СССР в 30-х годах XX века, представляли собой филиальные партийные структуры, роль и значение которых были ограничены подготовкой женских кадров для "реальной" работы или существовали как специфические "отстойники", куда направлялись партийные советские женщины-функционеры.

Это был процесс, общий для всей страны и судьбы женского населения Северного Кавказа фактически дублировали его в региональной среде, в лучшем случае – с небольшой задержкой по срокам.. Бесспорно одно: к концу 20-х годов ситуация в женской среде региона приняла в целом форму, которая осталась неизменной на протяжении более чем 60 -ти лет до конца 80-х годов прошлого века.

Все естественные и эволюционные формы женской социально-политической активности были полностью нивелированы, женское движение приобрело сателлитную модель, функционируя как дополнительные организационные исполнители идеологических и социально-политических

заказов партии.

Фактов, свидетельствующих именно о подобной переориентации женской социально-политической активности, более чем достаточно, однако мы ограничимся в характеристике этого длительного периода анализом всего лишь двух маркерных показателей – доли и роли женских кадров в различных отраслях народного хозяйства, управленческих структурах, а также женского представительства выборных органов. Нигде, ни в один из отслеженных нами промежутков времени, уровень женского представительства не поднимается выше указанного нами показателя в 25% - цифра в представлении «вождей» коммунистического движения, вероятно, достаточная для придания видимости равноправия полов, и в то же время предельная с точки зрения насыщения управленческих и иных структур работниками, изначально, в силу женской своей природы, не приемлющими некоторые методы работы партии.

Невзирая на некоторое отставание показателей женского представительства в областной партийной организации, в 1930 году доля женщин составляла всего лишь около 18% [101] - при формировании любых органов доля женщин подтягивалась к рубежу в одну четверть: «На основе указаний обкома партии во всех профорганизациях области были проведены очередные отчетно-выборные собрания... В ходе отчетно-выборной кампании ряды профсоюзов области выросли на 1629 человек... из всего состава избранного профактива члены партии и комсомола составляли 42,4 %, женщины – 25%» [102, с. 129].

Лишь в областях, где наблюдалось признаваемое самими же партийными деятелями «катастрофическое» отставание женской части населения, инициировалось «сверхнормативное» участие женщин в тех или иных движениях. Так, по свидетельству Х.М.Бербекова, в 1929-1930 годах в пунктах по ликвидации безграмотности обучалось 24 700 человек, из которых 7000 были женщины [103, с. 204]. Те же самые цифры приводятся в «Очерках истории Кабардино-Балкарской организации КПСС» [104, с. 156], опирающихся, впрочем, в основном на архивные изыскания Х.М.Бербекова.

Партия шла по пути ускоренного формирования сателлитного женского движения, причем на местах это явление усугублялось стремлением местных партийных руководителей представить ситуацию как, вполне благополучную для центра.

Так, в марте 1933 года в Нальчике был проведен областной съезд колхозниц-ударниц, причем электорат делегатов был представлен полутора тысячами колхозниц-ударниц. Это, при том, что всего по республике ударниками колхозного труда числилось около 9,5 тысяч человек [105]. Это, конечно же, был явный просчет, и приблизительно в это же время официальная статистика по подготовке кадров для МТС, сельского и колхозного женского актива, утверждает, что только за 1933 год на соответствующих курсах прошло обучение почти 6 тысяч женщин [106]. Хотим упомянуть в этой связи, что 1 января 1933 года, по нашим данным, в колхозах республики числилось немногим более 30 тысяч хозяйств. Ясное дело, что график роста количества прошедших через курсы женщин, если верить официальным данным, попросту невероятен и предполагает 100-процентный охват женского населения Кабардино-Балкарии за какие-то несколько лет. При этом даже в середине 30-х годов партийные органы вынуждены заниматься рассмотрением случаев традиционного «хищения» девушек [107, с. 166].

Следует, по всей видимости, оговориться – в данном случае мы не ставим под сомнение сами цифры. Речь, скорее, идет о возможном качестве обучения при таких темпах, и, соответственно, о целесообразности и конечном эффекте подобных курсов.

При любом качестве преподавательского состава, предполагая даже сугубую его гениальность, мы с высокой степенью уверенности можем сделать лишь один вывод. Натолкнувшись чуть ранее на положительность общественных оценок конформности поведения женщин и зависящую от этого фактора общую тональность поведенческих норм местного населения, партийные и советские органы взяли курс на тотальное и массированное внедрение в «массы» новых

форм поведенческих стереотипов и аксиологических норм. Качество знаний при этом вовсе не интересовало руководство. Как пишет В.С.Агеев: «...в традиционных доиндустриальных обществах...уровень конформных реакций будет заведомо выше, а главное, податливость мнению большинства будет интерпретироваться... не как нечто однозначно отрицательное, но, наоборот, как в высшей степени положительное и желательное явление, социальная ценность и норма...» [108, с. 123]. Речь, таким образом, шла о том, чтобы поменять оценочные критерии самой «массы».

Лишь с этой точки зрения рассматривались проблемы участия женщин в партийном и хозяйственном строительстве, проблемы их представительства на различных уровнях. И постоянный показатель в 25% в этом аспекте весьма примечателен. Он, во-первых, обеспечивает 60 – 80% охват населения при полной экстраполяции количества избранных представителей на электорат, а во – вторых, ставит женщин в положение безусловного подчинения мужскому большинству депутатов того или иного органа (в нашем случае мы предполагаем, что отбор мужчин на первых этапах развития советского государства шел по признаку большей-меньшей преданности делу партии, у женщин же такого отбора не было в силу недостаточности женских кадров вообще).

В своем стремлении «вырвать» женщину из круга семейной жизни, ее естественной биосоциальной ниши, партия шла на различные ухищрения, порой принимавшие воистину анекдотические формы. Чего стоят, напомним, хотя бы шумные кампании «пальто горянке» или участие «жен ИТР в стахановском движении», провозглашенные в начале 1935 года [109].

Примечательно, что по достижении показателя женского участия в 25% в любом общественном движении партийные органы перестают интересоваться дальнейшей судьбой женской составляющей в данном движении. Например, если до 1936 года во всех партийных справках графа участия женщин в том или ином мероприятии обязательна, то, начиная 1936 года, эта статья отчетности не была актуальной. Доля женщин в рядах партийного и комсомольского актива в областях

Северного Кавказа к этому моменту составляла, по различным данным, от 23 до 25% от общей численности последнего [110].

Функции женской части населения региона в плане ее социально-политической активности уже к середине 30-х годов свелись к чисто презентативным, причем квота представительства была строго зафиксирована как по минимуму, так и по максимуму.

Попытки вычлениить какие-либо флуктуационные моменты в этом ровном и регламентированном сверху потоке женского сателлитного движения за весь период с конца 20-х и до конца 80-х годов для Северного Кавказа, на наш взгляд, представляются во многом бесперспективными.

Слабые намеки на самоорганизационные формы женской социально-политической активности, правда, можно усмотреть в тех группах, которые спонтанно образовывались вокруг лидеров-женщин, работавших в рамках существовавшей системы партийных и хозяйственных структур страны. Однако, как показало время, подобные группы не имели реальных предпосылок для перехода в новое социально-значимое качество и оставались некими сообществами, консолидированными на биопсихологической основе.

П.2.4. Особенности женской социально-политической активности в Кабардино-Балкарской Республике

В ряду факторов, определяющих лицо современного российского и всего мирового социума, ученые выдвигают на первое место, прежде всего, явления кризисного порядка, обусловленные переходным состоянием всей человеческой цивилизации в целом: «Мировая цивилизация накануне XXI века находится в состоянии системного кризиса, смены ценностей, ломки стереотипов. Человечество сегодня обеспокоено глобальными проблемами, тревогами и заботами: надвигающейся экономической и экологической катастрофой, ростом народонаселения планеты и снижением объема совокупного общественного продукта, увеличением нищеты, безработицы, болезней, разрушений в генофонде. Драматизм нарастает, Россия представляет только частный случай» [111, с. 5].

Естественно, что комплекс политологических и социодисциплин, для наиболее адекватного отражения действительности должен был выработать новые системные подходы к изучению любых общественно и цивилизационно значимых эволюционных движений. Введение в научный обиход понятия «социального пространства» стало естественным продолжением тенденции ко всеобщей концептуализации методологических и аналитических оснований любого исследовательского взгляда на социальные явления века. Введенное еще Питиримом Сорокиным, это понятие позволило вскрыть многочисленные взаимосвязи социальных групп, которые находятся в определенных отношениях друг с другом, и каждая группа занимает свое положение в некоторой более широкой общности, которая выступает в качестве социального пространства для данной группы.

При этом предполагается, что социальное пространство любого уровня амбивалентно по отношению к социальным группам любых типов - в смысле

возможностей их формирования и развития.

Действительно, даже в условиях жесточайшего этико-идеологического прессинга, например теократического общества, возможны различные виды структуризации в женской среде, сами контакты в местах отправления обрядов предполагают становление устойчивых групп, пусть даже и в эфемерной форме.

Уникальность Северного Кавказа в этом смысле в том, что обычное право народов региона, уважая и подчеркивая ценность женщины как личности (естественно, в разной степени у разных этносов), фактически лишало женскую часть населения возможности социального институирования.

Можно говорить о том, что потенциал социально-политической активности женщин Северного Кавказа был «замкнут» в рамках сугубо гендерных структур и любые формы возможной социально-политической активности женщин-горянок могли реализоваться лишь в виде опосредованных гендерных воздействий.

Мы достаточно подробно остановились на этом вопросе во второй главе, поэтому считаем возможным лишь еще раз подчеркнуть методологические нюансы и сугубую важность гендерных институтов для Северного Кавказа.

И для нас нет никакого сомнения в том, что резкие подвижки среды обитания, принявшие катастрофический характер именно в Российской Федерации, не могли не повлиять на такой важный сегмент норм человеческого общежития, как гендерные взаимоотношения, на роль и место женщины в современном обществе.

Двойственность, неоднозначность традиционного социального статуса женщины-горянки, помимо всего прочего, может означать и особую роль гендера в обеспечении механизмов саморегуляции социума Северного Кавказа.

Версификация традиционных систем гендерных взаимоотношений закономерно высвобождает весь потенциал женской активности.

И в этом смысле реалии сегодняшнего дня диктуют необходимость тщательного анализа тех моделей женского поведения, которые сложились в

последние годы и вошли в ясно наблюдаемое противоречие со стереотипами женских поведенческих норм, сформулированных задолго до вступления человечества в эпоху НТР и «информационного взрыва».

При таком положении особо актуальным представляется изучение современных форм женской социально-политической активности, особенностей их на региональном уровне, так как для Северного Кавказа очерченный нами круг проблем приобретает совершенно особую тональность.

Разговор о современном положении женского движения в Кабардино-Балкарии, на наш взгляд, невозможен без хотя бы беглого анализа длительного периода существования женского движения в его сателлитном варианте. Не секрет, что большинство регионов России в конце 90-х годов в этом смысле представлены теми организационными образованиями, которые «выросли» в рамках общей системы партийного доминирования, большинство лидеров женского движения общегосударственного масштаба сформировались как таковые именно в недрах партийных структур.

Это, как уже говорилось, наблюдалось даже в годы жизни Сталина, и можно думать, что халатность и безалаберность в работе различных негосударственных обществ были в ту эпоху единственными ненаказуемыми деяниями. Спорадическая активность партийных органов и попытки хоть как-то наладить функционирование подобных организаций оставили нам весьма любопытные свидетельства, говорящие о положении дел в области нерегламентированной социальной активности граждан: «Бюро райкома ВКП(б) отмечает, что созданный в августе 1949 года районный комитет общества Красного Креста работает неудовлетворительно.

В первые дни после организации комитета была проведена некоторая организационная работа: созданы две первичные организации, проведен инструктаж секретарей первичных комсомольских организаций по вопросу организации кружков, и на этом, по существу, прекратили всякую работу. В результате безответственного отношения членов комитета из 13 первичных

организаций общества ни одна не ведет работу...» [112]. Самое поразительное то, что в годы, когда граждане шли под суд за собранные на сжатых полях колосья пшеницы, полное бездействие функционеров в части работы с альтернативными организациями не имело никаких последствий – во всяком случае, в материалах архивов КБР ни за 1949, ни за последующие годы мы не нашли никаких указаний на то, что партийное руководство республики хотя бы раз заинтересовалось фактами, в любой другой области получившими бы страшное по тем временам определение «саботаж».

Естественно, в дальнейшем, в ходе ослабления партийного контроля, а тем более – в годы кризиса социалистического строя – с середины 70-х, ни о какой реальной общественной деятельности в Кабардино-Балкарии, в том числе и автономном женском движении, говорить не приходится.

Попытки вычлениить какие-либо эволюционные моменты в истории сателлитных форм женской социальной активности на протяжении более чем полувека, по крайней мере, в Кабардино-Балкарии и, как мы предполагаем, в других национальных республиках СССР дают нам отрицательный результат.

Случаи проявления в том или ином виде женской инициативы, правда, имели место на достаточно высоком управленческом уровне. Они интересны для нас, прежде всего, как примеры пусть недостаточного, но все-таки реального существования неких зыбких и эфемерных образований, которые в более благоприятных условиях должны были трансформироваться в женские консолидированные группы.

Позволим себе обширную цитату из одного весьма любопытного документа: «Товарищ Семенов допускал грубые нарушения... так, старший инспектор товарищ Букатова, растущий работник, знающая дело, окончила специальные трехмесячные финансовые курсы, учится заочно на 3-м курсе финансово-экономического техникума... Поставлена Семеновым в такие условия, что боялась потерять место работы, молчит о всех неправильных делах в вопросе заработной платы. Она, согласно штатному расписанию, должна получать

ежемесячно твердый оклад 720 руб., однако она получает с 14 мая 1949 года 550 руб., причем, выплачивая эту ставку, Семенов оговорил, чтобы Букатова ежемесячно передавала 40 руб. для уравнивания зарплаты Бахунову»[113]. Дальнейшая проверка выявила факты незаконного перераспределения фондов заработной платы, урезания ставок со стороны управляющего Кабардинским республиканским коммунальным банком Семеновым, причем в списке граждан, пострадавшим от его действий, состоявшем из 9 человек, 8 были женщины [114].

Действия обкома финансово-банковских работников были весьма энергичны, и «дело Семенова» завершилось судебным процессом, как следует из сохранившейся в архивах выписки из протокола заседания президиума Кабардинского обкома Союза финансово-банковских работников [115]. Суть ситуации в том, что председателем профсоюза финансово-банковских работников в тот момент была женщина – Шушарова (к сожалению, мы так и не выяснили ее имя и отчество).

Задаваясь вопросом, была ли обусловлена ее непримиримая и активная позиция чувством солидарности с ущемленными женщинами, мы приходим к выводу, что это вполне могло иметь место.

Возможны и более общие выводы – в условиях жесткого прессинга маскулинного по своей изначальной сути общества, женщины, добившиеся определенного социального статуса и обладавшие хотя бы малой толикой власти, использовали малейшую возможность для внутренней самореабилитации, обретавшей в агрессивной среде формы биосоциальной солидарности по половому признаку.

Сказанное подтверждается рядом фактов. В частности, помимо Шушаровой, председателями областных профессиональных союзов в те годы были еще несколько женщин: обком профсоюза работников местной промышленности возглавляла Канева К.А., обком профсоюза работников начальной и средней школы – Жуковская и др. Всего из 8 профсоюзных комитетов республики 4 имели своими председателями женщин [116]. Мы видим объяснение

этому факту лишь в том, что Председателем Облсовпрофа республики в этот период работала также женщина – В. Грузинова.

Предположить, что столь высокая доля женщин в руководстве профсоюзным движением республики была обусловлена чем-либо иным, кроме личного желания и влияния В.Грузиновой, мы не можем. Во всяком случае, уровень профессиональной подготовки женщин - профсоюзных работников - вряд ли был основанием для их продвижения вверх по служебной лестнице. Архивные документы свидетельствуют, что подготовка ряда женщин-руководителей не соответствовала предъявляемым к этим должностям требованиям. Работа их вызывала многочисленные нарекания, однако, В.Грузинова проявляла в данном вопросе удивительную для тех лет смелость, отстаивая своих коллег-женщин. В частности, председатель обкома профсоюзов работников местной промышленности Канева К.А. с работой явно не справлялась, однако лишь вмешательство Центрального комитета профсоюзов работников местной промышленности привело к снятию Каневой с должности [117].

Аналогичным образом – вмешательством руководящих инстанций - решались сходные проблемы с целым рядом женщин-руководительниц районного уровня. Многочисленные реплики типа «...председатель районного комитета союза Бжихатлова никакой работы не ведет» [118] результатов не имели до вмешательства высшего руководства республики. Ничем другим, кроме позиции Председателя Облсовпрофа В.И. Грузиновой, эта устойчивость положения женщин-работников профсоюзов объяснена, по нашему мнению, быть не может. В свою очередь, истоки заинтересованности В.Грузиновой мы видим лишь в чувстве, определяемом психологами как «женская солидарность».

Подводя итоги сказанному, считаем, что необходимо выделить несколько моментов.

Во-первых, проявление женской аттрактивности в рамках сателлитных организаций носил непредвиденный характер, в первую очередь, вследствие небольшого количества женщин, заменяющих самые высокие руководящие посты.

Во-вторых, бесспорным можно считать факт формирования аттрактивных и консолидированных женских групп в условиях враждебной маскулинной среды.

Лишним доказательством высокого уровня солидарности в данном случае служит хотя бы то, что профсоюзное движение Кабардино-Балкарии и после Грузиновой долгие годы находилось под женским руководством (Р.К. Сабанчиева), а доля женщин в руководстве профсоюзами республики всегда была выше, нежели аналогичные показатели по другим структурам.

В-третьих, сателлитные формы женской социально-политической активности в последствии не оказали никакого влияния на современную ситуацию. Главной причиной этого мы видим последствия упомянутой выше стагнационной стадии 70-х годов. К моменту начала новой эпохи в развитии общества женское движение Кабардино-Балкарии оказалось попросту лишенным кадрового потенциала, так как возможные лидеры его, чье становление пришлось на более ранние периоды, постепенно «выбыли» из общественной жизни по причине возраста, притока же действительно сильных личностей, которые могли бы выступить в роли опоры консолидации, в 70-е годы практически не было. Те немногие представительницы женского населения КБР, которые выдвинулись в постперестроечный период, ввиду реального кадрового дефицита оказались полностью поглощенными системой государственных структур и именно здесь, в области, далекой от естественно-эволюционных форм женской социально-политической активности, реализовали свой потенциал.

В этом нам видится еще один момент специфики развития женского движения КБР – в своей современной форме оно генетически весьма слабо связано с сателлитным периодом своей истории. Можно с большой долей вероятности утверждать, что в своем нынешнем виде женское движение Кабардино-Балкарии и вообще все виды женской социально-политической активности детерминированы факторами сегодняшнего дня.

Более того, можно утверждать, что собственно политические партии и общественно-политические организации КБР периода 90-х годов никак не

относятся к разряду социально и экономически генерированных и появление их обусловлено влиянием среды, так сказать, опосредованно.

Так, женские общественные организации «Женщины Балкарии», «Адиюх» и «Сатаней», образовавшиеся в 1991-м, 1992-м, 1994 годах соответственно, представляли, по сути дела, отпочковавшиеся от головных национальных структур – Национального совета балкарского народа и Конгресса кабардинского народа (далее по тексту - НСБН и ККН)– женские фракции этих национальных движений.

Уставные положения их основных учредительных документов практически полностью дублируют Уставы «маточных» организаций с естественными поправками на половой состав обществ и обязательными добавками общегуманитарного плана. В положениях Уставов всех трех организаций, например, пункты, декларирующие благотворительную деятельность, значительно расширены по сравнению с соответствующими местами Уставов НСБН и ККН [119]. В этом смысле и «Женщины Балкарии», и «Адиюх», и «Сатаней» представляют формы сателлитных женских движений, экстраполированных в среду национальных движений.

Кадровый состав актива этих движений полностью соответствовал актуальным потребностям лидирующих обществ, обеспечивая полную консолидированность действий – прежде всего в силу недостаточности социального статуса их представительниц в общем потоке национального движения.

Определенный уровень самостоятельности в принятии решений и организации общественных акций проявили лишь представительницы «Женщин Балкарии». Общество было образовано раньше появления НСБН – в августе 1991 года, официальную регистрацию в Минюсте КБР прошло тогда же – в октябре. Ядром «Женщин Балкарии» явились участницы голодовки протеста в августе - сентябре 1991 года, проведенной совместно активистами «Адыге Хасе» и «Тёре» вскоре после событий 19-20 августа.

Немалую роль в становлении общества в качестве самостоятельного, или приближенного к таковому, сегмента национальных движений сыграла личность его председателя – старейшей балкарской писательницы М.Ч. Шаваевой. Высокий авторитет последней допускал известную самостоятельность «Женщин Балкарии» как до образования НСБН, так и после него.

Все попытки лидеров Национального Совета интегрировать «Женщин Балкарии» в общее русло политической деятельности мужских национальных организаций балкарского народа успеха не имели. В этом смысле уровень аттрактивности женского национального движения определялся сходством основных идеологических положений, которыми руководствовались активисты «Женщин Балкарии» и руководящее ядро организации. Идеология же движения была резко радикальной и предусматривала в качестве главной цели достижение самостоятельности Балкарии, т. е. была ориентирована на раздел КБР по этническому признаку.

По воспоминаниям очевидцев голодовки на центральной площади Нальчика в 1991 году, в акции принимало участие не менее 6 женщин. С учетом того обстоятельства, что актив общества насчитывал не более 10 человек, мы можем судить о степени радикализованности членов «Женщин Балкарии», подтвержденной впоследствии несколькими значимыми шагами этого объединения.

Так, протоколы заседаний НСБН, в период руководства Советом Б.Чабдаровым, буквально пестрят резкими замечаниями М.Шаваевой и других активисток общества, недовольных «нерешительностью и слабостью» лидера национального движения [120].

Позже, после ухода с поста НСБН Б.Чабдарова и появления на этом месте С. Беппаева, жесткость высказываний нового председателя Национального Совета, ярко выраженный популистский характер декларируемых им идей привели к практически полной консолидации «Женщин Балкарии» и НСБН, идеологическая однозначность которых была нарушена лишь в 1996 году, ввиду

неоправданной, с точки зрения актива женского общества, задержки созыва очередного этапа Съезда балкарского народа. Окончательный отказ от созыва Съезда привел к такому же бесповоротному разрыву отношений «Женщин Балкарии» с лидерами национального движения в целом.

Политическая активность «Женщин Балкарии» после 1997 года стремительно убывала и к исходу 90-х свелась к нулю. Гуманитарные же акции и благотворительная деятельность общества была всегда спорадической и, как правило, ограничивалась сбором помощи беженцам из Чечни в 1994-1995 годах. С 1998 года организация «Женщины Балкарии» существует фактически лишь как гипотетическая структура, не проводящая не только общественно-значимые мероприятия, но и прекратившая внутрискрутурную деятельность.

Кабардинские женские общества «Адиюх» и «Сатаней», в отличие от образовавшихся самостоятельно «Женщин Балкарии», с самого начала своего существования выполняли лишь вспомогательные функции в деятельности «Адыге Хасэ» и Конгресса кабардинского народа. Однако и социальная база этих движений, и уровень их массовости были несколько более масштабны, нежели у «Женщин Балкарии», что позволило им организовать ряд заметных гуманитарных акций в поддержку Абхазии в период грузино-абхазской войны и в помощь пострадавшим в период первого чеченского конфликта в 1994 году.

Общая сумма гуманитарной помощи, собранной представительницами этих двух организаций, составила по разным оценкам сумму от 12 до 30 млн. рублей по ценам на 01.01.1995 года [121].

Все же, оценивая женское национальное движение Кабардино-Балкарии 90-х годов, мы не можем не констатировать, что сам процесс структуризации женской политической активности носил четко выраженный инициированный характер, основная масса женского населения КБР, прежде всего ее национальной части, избегала участия в политических движениях и любых других публичных акциях.

Это, однако, не означает, что уровень социально-политической активности

женщин республики был низок. По всей видимости, можно констатировать, что круг интересов современной женщины Кабардино-Балкарии просто-напросто не включает в себя проблемы узкополитической направленности. Более того, высокая сохранность «феминного» образа женщины в Кабардино-Балкарии, основанного на традиционных воззрениях, обусловила то обстоятельство, что из более чем 120 женских эмансипационных движений планеты (подсчет автора по существующим WEB-сайтам сети «Интернет») в республике не представлено ни одно из них, а единственным женским объединением «западного», «феминистического» типа можно считать «Женский клуб» (президент - И.Хавпачева), который, однако, в общественно значимых акциях никогда не участвовал.

Что касается вышеперечисленных женских политических партий, то они функционально также представляли из себя сателлитные движения, по крайней мере, несмотря на расхождения с руководством «маточных» организаций, ни «Женщины Балкарии», ни «Адиух», ни «Сатаней» не занимались политической деятельностью в автономном режиме и ни одна из представительниц этих обществ не обозначилась как самостоятельная фигура в многочисленных выборных кампаниях различного уровня периода 1991-1998 годов.

Принимая степень электоральной активности женского населения за основной признак определения его идеологической активности в целом – хрестоматийное положение, не подвергавшееся сомнению ни одной из социологических школ современности, включая ленинско-марксистские (относительно любых групп населения) [122, с. 372-381], мы закономерно обратились к анализу соответствующих явлений в женской среде Кабардино-Балкарской Республики.

Можно сказать, что потенциал женской социально-политической активности КБР на современном этапе сосредоточен главным образом на решении проблем конкретного жизнеобустройства на уровне локальных подразделений социума – семья, группы общения, максимум проблематика общин второго

порядка (село, район – т.е. круг людей, так или иначе непосредственно контактирующих).

Сказанное весьма четко иллюстрируется результатами опросов, проведенных в конце 2000 года в сельских населенных пунктах республики.

В результате анкетирования (опрошено 526 женщин) выявилась следующая картина: из 144 русских женщин на вопрос «Назовите наиболее видных политиков РФ и КБР» лишь 16 вспомнили политиков-женщин (11,1%). Населенные пункты с преимущественным проживанием кабардинцев и балкарцев дали еще более низкий результат – чуть менее 10% (38 из 382).

Разница, как мы видим, несущественная, и, что удивительно, аналогичные показатели в городе Нальчике ничуть не выше (опрос 1998 года – 200 респонденток). Единственное, что отличает городских жительниц от сельских – осознанность в игнорировании «большой политики», как это явствует из самого характера ответов («Политикой не интересуюсь», «Мне все равно» и т.п.) [123].

Ярким доказательством индифферентности основной части женского населения Кабардино-Балкарской Республики в вопросах «большой», федерального уровня политики могут считаться и результаты выборов в Госдуму РФ 1993 года, когда «Женщины России» со значительным запасом преодолели 5%-ный барьер, а в КБР республиканское отделение во главе с А.Уянаевой не набрало и 4% голосов, несмотря на массивную поддержку движения со стороны государственных управленческих структур.

Опрос выявил один весьма интересный феномен. Единственное национальное село, расположенное в русском районе республики, – Алтуд (Прохладненский р-н), в ответ на вопрос о женщинах-политиках «выдало» результат в 30% (10 из 31).

Однозначного истолкования этому факту мы дать не можем и лишь предполагаем, что здесь сыграла свою роль некая диспропорция между принятыми нормами и стереотипами мышления и поведения самого села с теми же системами окружающей среды, приведшая к форсированному формированию

женской электоральной аттрактивности.

Таким образом, женщины КБР подчеркнуто аполитичны. Речь идет о существовании определенной границы интересов, заканчивающихся на системах, занимающих промежуточное значение между макро - и микросоциумами (общества второго порядка). Поэтому логичным было бы ожидать, что и выборные процессы в высшие представительные органы КБР также не будут демонстрировать высокой женской активности.

Действительно, беглый анализ списочного состава Парламента КБР двух созывов приводит к следующим результатам и выводам:

Доля женщин в Совете Республики Парламента КБР первого созыва - 15 % (5 из 36), второго созыва – несколько выше – чуть более 18% (6 из 36), третьего созыва – 12 % (11 из 110). В составе депутатского корпуса Парламента Кабардино-Балкарской Республики четвертого созыва всего 6 женщин, что составляет около 4% от общего числа депутатов [124].

Мы считаем эту разницу несущественной по двум причинам – слишком высока вероятность случайных флуктуаций выборной среды – во - первых, а во - вторых – ровно половина депутатов-женщин Совета Республики нового созыва вторично избирались на свои должности, что говорит уже не столько об электоральных настроениях среды, сколько об адекватности тактики проведения выборной кампании.

Но при рассмотрении уровня женской политической активности в общинах второго порядка в селах мы не можем не отметить положительную динамику, присущую второй половине 90-х. Мы изучили материалы выборных кампаний в местные советы первого и второго созывов – по 17 сел для каждого цикла. И в том и в другом случае выборка населенных пунктов была случайной.

Среди 161 депутата местных советов первого созыва 41 человек – женщины, в районах же с преимущественным проживанием русского населения почти половина депутатов местных советов были представлены женщинами (21 из 51 – 41%). В кабардинских и балкарских селах этот показатель равнялся 18% (20

из 110).

Следует отметить, что уже к выборам первого созыва в ряде русскоязычных сел республики сложились мощные электоральные группы, обеспечившие тотальное преимущество женщин при выборах в местные советы – доля их в депутатском составе местных представительных органов власти доходит до 60%, а в селе Изобильное все семь мандатов достались женщинам.

Пять лет, прошедших с 1995-го по 2000 год, несколько изменили ситуацию. Выросла доля женщин в местных советах русских населенных пунктов – до 45,7% (16 из 35 в исследованных селах).

Несколько снизились показатели женской электоральной активности в национальных селах. Но при исследовании местных советов первого созыва в основном рассматривались крупные села с достаточно развитой инфраструктурой. В выборку второго цикла попало 5 сел из разряда «неблагополучных». Они и понизили процент женского представительства в местных органах власти (3 из 37 – менее 8%). При сравнении же показателей в 5 населенных пунктах, попавших и в первую и во вторую выборки, мы можем видеть, что количество депутатов женщин заметно возросло – с 18 до 24% (9 из 50 и 12 из 50 соответственно).

Наиболее резкий скачок при этом дали села с преимущественным проживанием русского населения, относящиеся к разряду крупных с развитой инфраструктурой. Например, в ст. Солдатской доля женского представительства в местном совете возросла с 33 до 57% [125].

Все это говорит о том, что женская электоральная активность КБР на местном уровне имеет устойчивую тенденцию к повышению. Это имеет очевидное объяснение в стремлении гендерных систем к стабильности и может расцениваться как естественная реакция женского сознания на объективные процессы, протекающие в обществе.

Хаотическая демократизация практически всех сфер общественной жизни дали стимул развитию многочисленных политических и национальных движений самого различного толка. В условиях политической, экономической и социальной

нестабильности, недостаточности нормативно-правовой базы, регламентирующей деятельности общественных организаций, многие неофициальных структуры действовали как элементы, дестабилизирующие ситуацию в республике, и резкая политизация и радикализация их значительной части произошла на фоне укрепления националистических идей, забвения принципов добрососедства и взаимоуважения.

В отсутствии единой системы консолидации общества и в России, в целом, и в Кабардино-Балкарии, в частности, структуры государственных органов даже теоретически не могут полностью выполнить функции объединения, поскольку естественно выпадают из общего ментального пространства, выпадают и значительные группы граждан, обладающие значительным потенциалом общественной деятельности, а именно, пенсионеры, безработные, представители малого бизнеса, ученики школ, и в первую очередь – женская часть населения КБР

Зачастую именно население, так сказать «выключенное» из сферы интересов государства, явилось социальной основой многочисленных неофициальных движений; и в этом секторе обозначились процессы, позволяющие говорить об общей деструкции общества.

Не говоря о шагах по перспективной коррекции движений социума, мы считаем нужным отметить, что здоровый консерватизм принципов самоидентификации женщины в приемлемых социальных условиях может послужить одним из оснований нормализации ситуации в целом.

С этой точки зрения действия государства в обязательном порядке должны предусматривать и комплекс мер, ориентированных именно на женскую часть общества. Эти мероприятия в политической, законодательной, социальной и культурной сферах, помимо этнической и специальной ориентации, должны содержать элемент социополитического инжинеринга, сосредоточенного на заполнении ментального вакуума, сформированного за последние несколько лет,

и важнейшим направлением этой деятельности должна стать работа с женской частью населения КБР.

Эта задача приобретает еще большую актуальность именно в последние годы в связи с тем, что факторы генерации женской социальной активности в настоящее время характеризуются как резко деструктивные.

Происходящие в российском обществе изменения в государственной системе, экономике, общественно - политической жизни предполагают изучение новых принципов и подходов к организации структур женского движения. Будучи по сути рефлексивными, защитными, формы женской социально-политической активности в действительности направлены на решение важнейших извечных задач в сфере безопасности существования, связанных с сохранением генофонда, воспроизводством населения и трудового потенциала страны, а отсюда – задач по предотвращению и предупреждению социальных конфликтов.

Система социально-политической активности женщин должна стать своего рода «буфером» между органами государственной власти и населением, амортизирующим удары и перегрузки политических и экономических реформ.

Суждения о развитии женской социально-политической активности идеологического и избирательного характера в КБР в постперестроечное время дало основания, выявить в общих чертах следующие стадии:

- деятельность отдельных категорий женщин, объединенных в орбите влияния своих пассионарных центров - до 1991;
- формирование и развитие сателлитных структур женского движения радикального и оппозиционного толка – 1991-1996;
- распад систем женского организованного движения – вторая половина 90-х годов – настоящее время;
- формирование консолидированных групп электоральной ориентации и женских аттрактивных общностей идеологического характера (религиозные группы).

Система женской социальной активности – это один из немногих

общественных институтов, индикаторы реальной важности которого не только не уменьшены, и наоборот, увеличены.

В течение так называемого переходного периода женское движение, утратив видимые формы структуризации, постоянно набирает потенциал властного влияния, превращаясь в условиях кризиса мужских социальных институтов в потенциально значимую политическую силу общества.

В этом отношении особое значение имеет новая составляющая работы с женским движением в целом, а именно, - оптимизация непосредственных и часто нежелательных социополитических процессов развивающейся женской социально-политической активности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Юнг, К. О психологии восточных религий [Текст] / К. Юнг / Составитель В. Бакусев. – М.: Медиум, 1994. – 129 с.
2. Ярышкин, В. Ноосферное общество и личность [Текст] / В. Ярышкин // Социально-политический журнал. - 1997. - № 1. - С. 223-230.
3. См.: Пупар, П. Роль христианства в культурной идентичности европейских народов [Текст] / П. Пупар // Политические исследования. - 1996. - № 2. - С. 136-143.
4. Суковатая, В. Феминистская теология и гендерные исследования в религии: перспективы новой духовности [Текст] / В. Суковатая // Общественные науки и современность. - 2002. - № 4. - С. 183-192.
5. Поляков, Л. Женская эмансипация и теология пола в России XIX в. [Текст] / Л. Поляков // Феминизм. Восток. Запад. Россия. - М.: М.: Наука, Издательская фирма "Восточная литература", 1993. – С. 157-175.
6. Бежан-Волк, Ю. Особенности сельских гендерных моделей (На материалах Республики Молдова) [Текст] / Ю. Бежан-Волк // Социологические исследования. - 2003. - № 8. - С. 126-130.
7. Кудрявцев, М. Кастовая система в Индии [Текст] / М. Кудрявцев - М.: Мысль, 1992. – 267 с.
8. Оллпорт, Г. Природа предубеждения [Текст] / Г. Оллпорт // Век толерантности. - 2003. - № 5. - С.34- 53.
9. См.: Великий Октябрь и раскрепощение женщин Северного Кавказа и Закавказья. Сборник документов и материалов [Текст] - М.: Мысль, 1979. – 349 с.; Кажаров, В.Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце –XVIII - первой половине XIX века [Текст] / В.Х. Кажаров. – Нальчик: Эль-фа, 1994. – 865 с.

10. См.: Гагиева, М.А. Сталинская Конституция и женщины Северной Осетии [Текст] / М.А. Гагиева. – Дзауджикау: Севозгиз, 1953. – 33 с.; Гаджиев, С.Ш. Женщины Советского Дагестана [Текст] / С.Ш. Гаджиев. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1960. - 169 с.
11. Зиммель, Г. Созерцание жизни. Избранное [Текст] / Г. Зиммель. - М.: Юристъ, 1996. Т.2. – 603 с.
12. Лапинский, Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских [Текст] / Т. Лапинский. – Нальчик: Эль-фа, 1995. – 462 с.
13. Смирнова, Я.С. Трудовые роли и статусы женщины в традиционных обществах народов Кавказа [Текст] / Я.С. Смирнова //Этнографическое обозрение. - 1994. - № 4 – С.48-69.
14. См.: Бларамберг, И.Ф. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа [Текст] / И.Ф. Бларамберг// Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII – XIX вв. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – 548 с.; Хан, Гирей. Черкесские предания [Текст] / Хан, Гирей. – Нальчик: Эльбрус, 1989. – 85 с.
15. Кон, И. Этнография и проблемы пола [Текст] / И. Кон//Советская этнография. - 1983. - № 3. – С. 25-34.
16. Мамбетов, Г.Х. Традиционная культура кабардинцев и балкарцев [Текст] / Г.Х. Мамбетов. – Нальчик: Эльбрус, 1994. – 253 с.
17. Дамения, О. Н. Кавказская культурная общность: миф или реальность? [Текст] / О. Н. Дамения. - Краснодар, Кубань, 2001. – 113 с.
18. Арутюнян, А.Е. Женщина и культурная революция в СССР [Текст] / А.Е. Арутюнян. – Ереван: Арарат, 1965. – 148 с.
19. См. Ушакин, С. А. Поле пола: в центре и по краям [Текст] / С. А. Ушакин// Вопросы философии. - 1999. - № 5. - С. 71-74.
20. Чеснов, Я.В. Женщина и этика жизни в менталитете чеченцев [Текст] / Я.В. Чеснов//Этнографическое обозрение. - 1994. - № 5. – С. 32-48.
21. Кисриев, Э. Ф. Ислам и социальные конфликты на Северном Кавказе

- [Текст] / Э. Ф. Кисриев//Религия и конфликт/ Под ред.: А. Малашенко и С. Филатова. - М.: Росспэн, 2007. – 560 с.
22. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии [Текст] / С. Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2000. – 712 с.
23. Там же.
24. Нарты: Адыгский героический эпос [Текст] / Составители тома: А.И. Алиева, А.М. Гадагатль, З.П. Карангуашев. - М., Главная редакция научной литературы. 1974. – 476 с.
25. Хан, Гирей. Указ. соч.- 85 с.
26. Там же.
27. Бесс, Ж.-Ш. Путешествие в Крым, на Кавказ, в Грузию, Армению, Малую Азию и в Константинополь [Текст] / Ж.-Ш. Бесс//Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – 548 с.
28. Бларамберг, И.Ф. Указ. соч. – 548 с.
29. Мамбетов, Г.Х. Указ. соч. – 253 с.
30. Там же.
31. Там же.
32. Бесс, Ж.-Ш. Указ. соч. – 548 с.
33. Бларамберг, И.Ф. Указ. соч. – 548 с.
34. Абаев, И.М. Очерк кустарных промыслов Балкарии [Текст] / И.М. Абаев //Карачаево-Балкарские деятели культуры конца XIX – начала XX в./ сост. Т.Ш. Биттирова. В 2-х томах. – Нальчик: Эльбрус, 1996. Т. 1. –520с.
35. Там же.
36. Беридзе, И.Б. Вести из Осетии [Текст] / И.Б. Беридзе//Кавказ. - 1855. - № 17/Цит по сб.: Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. - Цхинвал, Иристон, 1991. – 231 с.
37. Каргинов, С. Война и осетинки [Текст] / С. Каргинов//Кавказское слово. – 1914. - №38/Цит. по сб.: Периодическая печать Кавказа об Осетии и

- осетинах. - Цхинвали: Иростон, 1982. – Кн. 2. – 372 с.
38. Кажаров, В.Х. Указ. соч. – 865 с.
39. ЦГА КБР. - Ф. - И-6. - Оп. 1. - Д. 49. Л.5.
40. ЦГА КБР. - Ф. - И-6. - Оп.1. - Д. 49. - Л.86.
41. ЦГА КБР. - Ф. - И-6. - Оп.1. Д. 49. - Л.40.
42. ЦГА КБР. - Ф. - И-6. - Оп.1. - Д. 49. – Л.л.83-85.
43. ЦГА КБР. - Ф. - И-6. – Оп. 1. - Д. 321. - Т. 1.- Л.л. 28, 140, 148.
44. ЦГА КБР. - Ф.- И-6. - Оп.1. - Д. 321. -Т.1. - Л. 149.
45. ЦГА КБР. - Ф. – И – 6. - Оп. 1. - Д. 321. - Т.1. - Л.148.
46. ЦГА КБР. - Ф. – И – 6. - Оп.1. - Д.-766. - Л.л.63-64.
47. ЦГА КБР. - Ф. – И – 6. - Оп.1. - Д. 766- - Л.174.
48. ЦГА КБР. - Ф. – И – 6. - Оп.1. Д. 715.- Л.л. 1, 3, 5.
49. ЦГА КБР. - Ф. – И – 6. - Оп.1. - Д. 715. - Л. 45
50. Карачаево-Балкарские деятели культуры конца XIX-начала XX вв. В 2-х томах [Текст] / сост. Т.Ш. Биттирова. - Нальчик.: Эльбрус, 1993. – Т. 1 - 520 с.
- 51.ЦГА КБР. - Ф. - И-6. - Оп. 1. - Д. 197. – Лл. 185-186.
52. ЦГА КБР. - Ф. – И -6. - Оп.1. – Д. 879. - Л.26.
53. ЦГА КБР. - Ф. – И – 6. - Оп.1. - Д. 879. - Л.24.
54. Мамсиров, Х.Б. Деятельность культурно-просветительных учреждений Кабардино-Балкарии в годы первой пятилетки [Текст] / Х.Б. Мамсиров, М.З. Соблиров//Из истории развития культуры социалистической Кабардино-Балкарии.- Нальчик: Эль-фа, 1981.- 157 с.
55. Очерки истории Кабардино-Балкарской организации КПСС [Текст]. - Нальчик: Эльбрус, 1971.- 395 с.
56. ЦГА КБР. - Ф. - Р-2. - Оп. 1. - Д. 288. - Л. 31-70.
57. ЦГА КБР.- Ф. - Р-2. - Оп. 1. - Д. 288. - Л. 34.
58. ЦГА КБР. - Ф. - Р-2. - Оп. 1. - Д. 288. - Л. 37а.
59. Биттирова, Т.Ш. Судьба Фатимы Абаевой [Текст] / Т.Ш. Биттирова//

- Минги тау.- 1990. - № 2.- С. 11-15.
60. Ленин, В.И. Задачи союзов молодежи: Речь на III Всенроссийском съезде Российского Коммунистического Союза молодежи 2 октября 1920 г. [Текст] / В.И. Ленин//ПСС. – 5-е изд. - М.: Политиздат, 1981. - Т. 41.- 298-318.
61. Библиотека Российской академии государственной службы. - Ф. – 16. Д. – 32. - Л. 12-56.
62. ЦГА КБР. - Ф. - Р-2. - Оп. 1. - Д. 288. - Л. 10-134.
63. ЦГА КБР. - Ф. - Р-2. - Оп 1. Д. 282. - Л. 3а.
64. Очерки истории Кабардино-Балкарской организации КПСС [Текст] - Нальчик, Эльбрус, 1971.- 395 с.
65. ЦДНИ КБР. - Ф. - 1. - Оп. 1. - Д. 72. – Лл. 38-43.
66. Личный архив Толгурова Т.З.
67. ЦДНИ КБР. - Ф.- 1. - Оп. 1. - Д. 72. - Л. 84.
68. Хорн, К. Женская психология [Текст] / К. Хорн. – СПб.: НЕВА, 1993.- 231 с.
69. Ахметова, Г.Ф. Башкирская женщина в условиях современного города [Текст] / Г.Ф.Ахметова//Гендерные проблемы в этнографии.- М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1998.- С. 46-59.
70. ЦГА КБР. - Ф. – Р – 191. - Оп. 1. –Д. 3.; Ф. – Р - 201. – Оп. 1. – Д. 17.
71. Хутуев, Х.И.. Становление и развитие социалистической культуры Кабардино-Балкарии [Текст] / Х.И. Хутуев. – Нальчик: Эльбрус, 1984.- 452 с.
72. Личный архив Шаваевой М.Ч.
73. Хутуев, Х.И. Указ. Соч. – 452 с.
74. Башлоев, М.Л. Из истории комсомола Кабардино-Балкарии [Текст] / М.Л. Башлоев, А.И. Исмаилов. – Нальчик: Эльбрус, 1969.- 174 с.
75. ЦДНИ КБР. - Ф.-1. - Оп. 1. - Д. 43. - Л. 27.
76. ЦДНИ КБР. - Ф.-1. - Оп. 1. - Д. 43. - Л. 28.
77. Там же.

78. Резолюции XIII съезда РКП(б) [Текст] // Партия за восстановление народного хозяйства (1921-1925 г.). - М.: Молодая гвардия, 1961.- 211 с.
79. Очерки истории Кабардино-Балкарской организации КПСС [Текст] - Нальчик: Эльбрус, 1971.- 395 с.
80. Там же. С. 89.
81. ЦДНИ КБР. – Ф – 1. - Оп.1. - Д. 43. - Л.6.
82. Наулко, В.И. Развитие межэтнических связей на Украине [Текст] / В.И. Наулко. – Киев: «Наукова Думка», 1975.- 276 с.
83. Очерки истории Кабардино-Балкарской организации КПСС [Текст] - Нальчик: Эльбрус, 1971.- 395 с.
84. ЦДНИ КБР. - Ф. – 1. - Оп. 1. - Д. 43. - Л. 16.
85. ЦДНИ КБР. - Ф. - 1. - Оп. 1. - Д. 43. - Л. 6,8.
86. ЦГА КБР. - Ф. - Р-2. - Оп. 1. - Д. 288. - Л. 18.
87. ЦГА КБР.- Ф. - Р-2. - Оп. 1. - Д. 288. - Л. 25.
88. ЦГА КБР. - Ф. - Р-2. - Оп. 1. - Д. 288. - Л. 71.
89. ЦГА КБР. - Ф. - Р-2. - Оп. 1. - Д. 288. - Л. 70.
90. ЦГА КБР. - Ф. - Р-2. - Оп. 1. - Д. 288. - Л. 71-83.
91. ЦГА КБР. - Ф. - Р-2. - Оп. 1. - Д. 258. - Т. 2. - Лл. 285, 287, 287а.
92. ЦГА КБР. - Ф. - Р-2. - Оп. 1. - Д. 253. - Т. 1. - Л. 134.
93. ЦГА КБР. - Ф. - Р-1. - Оп. 1. - Д. 12. - Лл. 287а, 410. Ф. - Р-1. - Оп.1. - Д. 288. - Л.106.
94. ЦГА КБР. - Ф. - Р-2. - Оп. 1. - Д. 288. - Т. 1. - Лл. 136, 137.
95. ЦДНИ КБР. - Ф. - 1. - Оп. 1. - Д. 38. - Лл. 14-15.
96. ЦДНИ КБР. - Ф. – 1. - Оп. 1. - Д. 38. - Л. 34.
97. Краткий статистический справочник Кабардино-Балкарской автономной области. [Текст] - Нальчик: 1925.- 227 с.
98. Великий Октябрь и раскрепощение женщин Северного Кавказа и Закавказья. [Текст] - М.: Мысль, 1979.- 349 с.
99. Постановления VII-го областного съезда Советов КБАО. [Текст] - Нальчик,

- 1929.- 221 с.
100. Резолюции XIII съезда РКП(б) [Текст] // Партия за восстановление народного хозяйства (1921-1925 гг.).- М.: Молодая гвардия, 1961.- 271 с.
101. ЦДНИ КБР. - Ф. – 4. Оп. 1. - Д. 86. - Лл. 131-168.
102. Масаев, Ш.Я. Профсоюзы Кабардино-Балкарии в период борьбы за победу социализма в СССР (1920-1937г.) [Текст] / Ш.Я. Масаев. – Нальчик: Эльбрус, 1975.- 231 с.
103. Бербеков, Х.М. Образование и развитие кабардинской социалистической нации [Текст] / Х.М. Бербеков. – Нальчик: Эльбрус, 1958.- 238 с.
104. Очерки истории Кабардино-Балкарской организации КПСС [Текст] - Нальчик: Эльбрус, 1971.- 395 с.
105. ЦДНИ КБР. - Ф. 1. - Оп. 1. - Д. 53. - Лл. 112-194.
106. ЦДНИ КБР. - Ф. 1. - Оп. 1. - Д. 53. Л. 190.
107. Очерки истории Кабардино-Балкарской организации КПСС. [Текст] - Нальчик: Эльбрус, 1971. - 395 с.
108. Агеев, В.С. Межгрупповое взаимодействие. Социально-психологические проблемы [Текст] / В.С. Агеев. - М.: Моск. универ-т, 1990.- 240 с.
109. ЦГА КБР. - Ф. – 1. - Оп. 1. - Д. 398. - Лл. 12-20.
110. ЦДНИ КБР. - Ф. – 1. Оп. 1. - Д. 110. - Лл. 105-175.
111. Иванов, В.Н. Социальные технологии в современном мире [Текст] / В.Н. Иванов. - М. Изд-во Волго-Вят. Гос. службы, 1996.- 194 с.
112. Протокол № 13 заседания бюро Лескенского райкома ВКП(б) от 17 декабря 1949 года. ЦДНИ КБР. - Ф. – 879. - Оп. 1. - Д. 70. - Л. 122.
113. Заявление прокурору Кабардинской АССР Кабардинского областного комитета Союза финансово-банковских работников от 24 марта 1950 года. ЦДНИ КБР. - Ф. – 1. - Оп. 1. - Д. 2492. - Л. 19.
114. Заявление председателя Кабардинского обкома Союза финансово-

- банковских работников от 6 апреля 1950 года. ЦДНИ КБР. - Ф. – 1. - Оп. 1. - Д. 2492. - Лл. 19-26.
115. Выписка из протокола № 37 заседания президиума Кабардинского областного комитета финансово-банковских работников от 9 июня 1950 года. ЦДНИ КБР. - Ф. - 1. - Оп. 1. - Д. 2492. - Лл. 63-65.
116. Протоколы заседаний областных комитетов профсоюзов за период с 02.04.1950-го по 09.06. 1950 года. ЦДНИ КБР. - Ф. – 1. - Оп. 1. - Д. 2492. - Лл.19-65.
117. Письмо председателя ЦК профсоюза работников местной промышленности Кабардинскому областному комитету ВКП(б). ЦДНИ КБР. - Ф. – 1. - Оп. 1. - Д. 2492. - Л.55.
118. Справка о работе Эльбрусского райкома ВКП(б) по руководству профсоюзными организациями. ЦДНИ КБР. - Ф. – 1. - Оп.1. - Д. 2492. - Л. 62.
119. Текущий архив Министерства юстиции КБР; Уставы общественных организаций.
120. Протоколы заседаний НСБН за №№ 4-20 за период с 16.02.1993 по 12.09. 1993 г.
121. Личный архив Шаваевой М.Ч.
122. Михайлов, С.Л. Социологические проблемы развитого социализма [Текст] / С.Л. Михайлов. - М.: Мысль, 1985.- 441 с.
123. См. Отчет по результатам анкетирования на тему «Политизация гендерных отношений в процессе преобразования российского общества (на материале Северного Кавказа)».
124. Список депутатов Парламента Кабардино-Балкарской Республики первого, второго, третьего и четвертого созывов//<http://www.parlament-kbr.ru>.
125. См. Отчет по результатам анкетирования на тему: «Политизация гендерных отношений в процессе преобразования российского общества (на материале Севе

ГЛАВА III. Влияние нового социально-экономического контекста 90-х годов XX века на особенности политизации гендерных отношений

П. 3.1. Экономические и политические детерминанты ментальных трансформаций патерналистских обществ

90-е годы прошлого столетия оказались периодом, в течение которого, в основном сформировались основные парадигмальные черты гендерных систем в их современном виде [1, с. 12-16]. Социально-экономические составляющие общественной жизни всех без исключения республик Северного Кавказа де факто пребывали в состоянии, близком к катастрофическому. Ситуация с Ингушетией, Чечней и приграничными с ней районами Дагестана была во многом сходная, но и относительно благополучные республики – Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария, Адыгея и РСО-Алания – испытывали значительные затруднения.

Взаимосвязь реального сектора экономики и степени сохранности традиционных этнических стереотипов поведения, мотивации, оценки не вызывает сомнений. Нет нужды говорить о том, что в период 1917-1985 гг. эталонные национальные представления «мужчина» и «женщина» претерпели значительные изменения [2], в частности, пребывание в жестком нормативно-правовом пространстве СССР практически полностью исключило из повседневной жизни функционирование такого специфического норматива как «мужчина-воин».

Тем не менее, высокая традиционная значимость личного пространства мужчины, его самодостаточность только лишь в силу половой принадлежности, понятия «честь», «гордость» не были простыми архаизмами. Высокий семейный и общественный статус мужчины при этом базировался, прежде всего, на принятии традиционного тезиса о его самостоятельности и автономной дееспособности, истоки этого – в ушедших в прошлое понятиях и восприятии мужчины в качестве защитника и воина, а последний в мироощущении кавказских народов – прежде всего индивидуальность, человек-одиночка (что, кстати, постоянно подтверждалось во время русско-кавказской войны, когда в индивидуальных столкновениях горцы, как правило, подтверждали свою высокую выучку и способности, а крупные сражения, требовавшие слаженных и упорядоченных коллективных действий, в подавляющем большинстве случаев кавказцами проигрывались, хотя, конечно, участники событий с российской стороны не всегда были согласны с этим [3, с. 563-567]).

Иначе говоря, традиционная система позиционирования мужчины на Северном Кавказе зиждилась отнюдь не на его коллективизме. Эталонный мужчина народов Северного Кавказа самодостаточен, он изолирован, как в обществе, так и в семье, вне зависимости от его отношений с окружающим.

Советская система хозяйствования в определенном смысле лишь укрепила эти субстратные представления – долгое время выполнение своих социальных функций практически не обязывало индивидуума к каким-либо формам компромисса с начальством, с коллегами и так далее. Более того – уравнительная система оценок во многом исключала и саму необходимость излишней контагиозности, от работника планового социалистического хозяйства требовался лишь необходимый уровень выполнения его обязанностей, гарантировавший нормальный уровень обеспеченности его семьи. Можно сказать, что в определении фундаментальных традиционных черт мужчины за годы советской власти не произошло функциональных подвижек, сменились лишь приоритеты;

мужчина продолжал оставаться самодостаточной величиной. Кроме того необходимо уточнить, что именно в советскую эпоху существовали некоторые четкие нормативные модели гендерного поведения, которые мало чем отличались в основе своей от традиционных норм поведения. Гендерная система в советскую эпоху соединила в себе два вида ценностей: марксистские и традиционные. Это явилось доминирующей основой гендерного контракта. Однако, следует отметить, что кризис маскулинности начал проявляться именно в советскую эпоху и связано это было прежде всего с ограничениями либеральных прав (свобода совести, свобода слова, политические свободы, право собственности и т. д.) [4].

Положение кардинально изменилось после перехода к рыночным отношениям. Выраженная ресоциализация разрушила старые, традиционные образцы гендерного поведения и пошел процесс выработки новых нормативов. Мы говорим о кардинальной ломке традиционных норм поведения по той причине, что происходило это именно в результате попадания гендерных систем в критическую и неревалентную прежним нормам ситуацию. Наиболее вероятна такая ситуация в период кардинальной трансформации всего российского общества.

Именно в процессе ресоциализации происходит выработка новых, отличных от старых, традиционных норм и стереотипов поведения, которые в дальнейшем регулируют социальные взаимодействия в новых условиях. Повышается степень социально-политической активности женщин. Выражением гендерного контракта становится следующее измерение, а именно, работающая мать, домохозяйка, профессиональная составляющая и спонсорский контракт, ранее осуществляемый мужчиной.

Отметим, что законодательный, экономический и социальный хаос первой половины 90-х годов был во многом спровоцирован самим государством – одно лишь неподготовленное принятие пакета федеральных законов о реабилитации

репрессированных народов спровоцировало на Северном Кавказе два открытых вооруженных конфликта, один из которых перешел в затяжную кровопролитную войну и, по крайней мере, подвел к точке высшего и весьма опасного национального противостояния еще два региона. Ни о какой созидательной деятельности государства в области социально-экономического строительства до самой середины 90-х годов речи быть не могло. Москва и региональные власти были озабочены актуальными проблемами политического и этнополитического толка, Северный Кавказ в глазах федерального Центра представлял собой взрывоопасный регион, купирование нежелательных процессов которого осуществлялось прямым впрыскиванием средств в местные экономики.

Дотационная доля некоторых республик зашкаливала за любые разумные границы (в частности, для КБР доля федеральных средств в бюджете доходила в середине и конце 90-х до 80%) [5], Российская Федерация закрывала глаза и на это, и на практически бесконтрольное расходование государственных денег в расчете на то, что «прикармливаемые» из бюджета национальные элиты будут способствовать купированию крайне нежелательных центробежных тенденций, четко обозначившихся на Северном Кавказе уже в самом начале 90-х годов. Наметившаяся к середине десятилетия относительная стабилизация вертикали государственной власти и ослабление сепаратистских тенденций в республиках северо-западного Кавказа позволили государству в некоторой степени упорядочить распределение финансовых дотационных потоков – хотя бы в полукриминальной форме – между представителями кланов национальных элит, но – не более того.

Это было время резкого падения престижа выдержанного нормативного поведения и значения образовательного ценза. Основная масса населения балансировала на грани нищеты, значительная доля жителей субъектов Северного Кавказа оказалась за чертой бедности.

Особый удар был нанесен по традиционным или ставшим традиционными за годы Советской власти формам хозяйствования. Также, в Кабардино-Балкарии фактически прекратили свое существование предприятия ВПК, на которых зиждилась экономическая инфраструктура республики. Прекратили работу такие производственные гиганты как Тырнаузский вольфрамо-молибденовый комбинат, заводы «Телемеханика», «Севкавэлектроприбор» (позже был передан в собственность республики в счет погашения долгов и использовался как производственная база малого предпринимательства), Нальчикский завод полупроводниковых приборов, резко снизился выпуск продукции на Прохладненском кабельном заводе, Нальчикском гидрOMETаллургическом, Нальчикском электровакуумном, сменили форму собственности и остановились практически все крупные предприятия легкой промышленности.

Наметившийся было к 1997 году некоторый относительный подъем был прерван финансовым кризисом 1998 года, после которого все системы жизнеобеспечения республики оказались в положении малоупорядоченного конгломерата мелких диссипативных экономических структур, ориентированных на удовлетворение сиюминутных потребностей хозяев и работников и постоянно находившихся в состоянии ожидаемого краха.

Данные эмпирических исследований [6] свидетельствуют о том, что именно в 90-х годах произошла смена ментальных ориентиров значительной массы населения КБР (думается, ситуацию можно с полными основаниями проецировать на все субъекты Северного Кавказа: «...Рынки,... во все большей степени берут на себя функции регулирования в тех областях жизни, которые до сих пор поддерживались либо политически, либо через дополитические формы коммуникации» [7, с. 58]) в части экономических и социальных ожиданий, распределенных по половому признаку. Во многих семьях мужчина перестал быть основным добытчиком, это неизбежно привело к сублимативному расширению гендерного секторального пространства при сохраняющихся стандартах

традиционных сообществ. В этой связи, для полноты картины приведем таблицу, данные которой ярко свидетельствуют о процессе трансформации гендерных стереотипов. (В данном контексте надо пояснить, что между городскими и сельскими женщинами имеют место существенные различия в поведении. Процесс миграции сельских жителей в город постепенно стирает их. Различия имеются и в статусе женщин. Так же степень сохранности традиционных гендерных этнических установок поведения несколько выше у балкарцев, что то же внесло свои коррективы в результаты исследования). Были опрошены женщины и мужчины следующих этнических групп: кабардинцы, балкарцы и русские.

Мнения мужчин и женщин о том, кто является главным кормильцем в семье (% от опрошенных):

Кто является основным добытчиком в семье	Кабардинцы		Балкарцы		Русские	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Муж (жена)	26	28	36	21	32	29
Я сам (сама)	46	58	46	58	43	54

Таким образом, из приведенных данных можно сделать вывод о том, что и кабардинки, и балкарки и русские примерно в одинаковой степени были ориентированы на работу. Достаточно высокий процент занятости мужчин

обусловлен тем, что они пытаются сохранить свой эфемерный статус, который на деле реально ничем не подкреплен.

Таким образом, корреляция традиционного сознания и поведенческих стереотипов наблюдается именно в период 90-х годов XX века. Надо отметить, что традиционное сознание в целом самодостаточно, но без поддержки личного сознания начинаются необратимые изменения в традиционном сознании, что может привести, в конечном итоге, к разрушению этнического сознания (этнических ценностных систем). И надо сказать, что негативные изменения в среде традиционных гендерных систем этнических сообществ Северного Кавказа отмечены по целому ряду направлений фатальным характером, и генерационная база этих подвижек как было указано ранее, лежит в границах 90-х годов – в основном своем объеме.

Поэтому мы посчитали возможным более подробно остановиться на сугубо экономических (отношения собственности, промышленная политика, налоги, кредиты и т.д.) и социальных факторах (труд, занятость, социальное обеспечение), сфере несоциализированной экономики (домашнее хозяйство) и параметрах 90-х годов, в виде примера взяв материалы Кабардино-Балкарской Республики, как наиболее презентативной из всех субъектов региона. В совокупности гендерная проблематика в данном измерении не исследовалась. С одной стороны, гендерную проблематику относили к социальной и политической сферам, а с другой стороны, феминистский подход акцентировал на вопросах ответственности женщин. Как правило, экономика и политика была индифферентна к женским проблемам. Функциональная роль мужчины и женщины в области домашнего хозяйства выпадала из сферы внимания исследователей. Поэтому, наибольший интерес при этом представляют показатели, имеющие прямое отношение к функционированию отдельно взятой семьи. В связи с вышеизложенным необходим экскурс в сферу макроэкономики.

Как уже было сказано, к середине 90-х годов промышленность и структурированное в виде крупных предприятий сельское хозяйство республики практически прекратили свое существование. Роль государственного управленческого аппарата свелась к функциям распределения федеральных бюджетных потоков между группами национальных элит, ограничением в злоупотреблениях при этом служило лишь недопущение открытых конфликтов на этнической или конфессиональной почве. Более того – в течение всех 90-х годов экономическая ситуация в республике продолжала ухудшаться, остаточные производственные структуры выводились из сферы легитимного законного бизнеса, превращаясь в резервный капитал элит – в основном, в виде недвижимости. Отсутствие контроля в области налогообложения позволяло держать в полном бездействии капитальные строения площадью в тысячи квадратных метров.

Попытки республиканских органов власти в направлении возрождения производственной базы оставались чисто декларативными и оканчивались, как правило, простым исчезновением привлеченных со стороны инвестиций. Единственной областью бурного и реального развития промышленности КБР в 90-е годы явилось производство алкогольной продукции. Прирост в этом секторе был столь значителен, что к концу 1997 года позволил республике отчитаться в росте производства промышленной продукции по отношению к 1995 году на 11 % [8, с. 13]. И водочный бизнес действительно оказался тем доходом, на котором базировалось экономическое благополучие значимой части населения республики – по разным подсчетам от 15 до 40 тысяч граждан КБР были связаны с операциями с алкогольной продукцией (на конец 90-х годов). Республика, чья экономическая состоятельность была связана с предприятиями ВПК, вынужденно развивала этот сектор – это были единственные достаточно «короткие» деньги. И уже к началу второй половины десятилетия показатели реальных среднедушевых доходов населения действительно стабилизировались.

Однако после финансового кризиса, разразившегося в стране 17 августа 1998 года, ситуация в реальном секторе экономики резко стала ухудшаться. Определяющими факторами стали девальвация рубля, скачок цен на материалы и комплектующие изделия, паралич банковской системы, снижение покупательской способности предприятий и населения.

В условиях сложной политической и экономической ситуации, а, главное – видимого нарастания напряженности в обществе – руководством республики декларировались меры, долженствующие смягчить последствия финансово-экономического кризиса, улучшить положение наиболее нуждающихся групп населения: многодетные семьи, пенсионеры и инвалиды, безработные.

В целях оздоровления финансового положения хозяйствующих субъектов, создания условий для своевременного погашения недоимок и уплаты текущих платежей в бюджеты всех уровней, а также ужесточения контроля за наличным денежным оборотом и упорядочения инкассирования денежных средств предприятий и организаций, были приняты указы Президента КБР «О некоторых мерах по оздоровлению финансового положения хозяйствующих субъектов в Кабардино-Балкарской Республике» и «О мерах по упорядочению оборота наличных денежных средств в Кабардино-Балкарской Республике». Приняты постановления Правительства КБР «О реформе предприятий и иных коммерческих организаций», «О мерах предоставления льгот и государственных гарантий на территории КБР», «Об объемах закупок товаров для государственных (республиканских) нужд в 1998 году», «О введении временного порядка использования денежных средств, поступающих на расчетные (текущие) счета предприятий и организаций» и др. [9].

Судя по официальным отчетам, объем валового регионального продукта (ВРП) в реальном исчислении (по оценке Госкомстата КБР) на конец 90-х годов составил приблизительно 105,6 % по сравнению с показателями середины 90-х [10, с. 7] (Здесь и далее данные по республикам Северного Кавказа в Приложении). Как утверждалось в принимаемых на высших должностных

уровнях документах, экономика республики была сохранена, чему, якобы, способствовало своевременное принятие нормативных документов по улучшению финансового состояния предприятий и своевременная государственная поддержка, оказанная основным предприятиям.

Однако объемы оказываемой помощи были мизерными – достаточно упомянуть, что ведущим предприятиям КБР, основные фонды которых, даже в состоянии полной нефункциональности, простоя и фактического разрушения оценивались в десятки миллиардов рублей, на пополнение оборотных средств был предоставлен кредит на общую сумму всего лишь 75 млн. рублей по льготным ставкам [11, с. 18-19]. Фактически же можно было говорить о полном обвале промышленного производства в КБР со всеми вытекающими последствиями; в интересующей нас части – перевода практически всех городских семей, существовавших за счет заработка в реальном производстве в положение люмпенов (выражено в полном выпадении людей из социальной жизни и формирование обнищавших слоев населения) или переориентации их на добывание средств к существованию в сфере услуг или торговли. Отметим, что люмпенизация населения республик Северного Кавказа обуславливает его маргинализацию (пограничное положение личности по отношению к традиционному образу жизни, которое приводит к выработке специфичных культурных феноменов, не вписывающихся в парадигму традиционного мышления. В этой связи довольно часто обнаруживаются противоречия между реальностью и идеальным образом традиционных отношений и образов «мужчины» и «женщины») и потерю традиционных ментальных стандартов не в большей, если не в меньшей степени, нежели занятие торговлей. Напомним в этой связи, что для народов региона сам акт розничной публичной продажи чего-либо являлся постыдным деянием (исключение составляла оптовая торговля лошадьми, скотом, зерном); классическое функционирование этнических сообществ Северного Кавказа предусматривало выполнение сервисных и торговых услуг представителями иных народов. Поведенческие нормы местного

населения в данной части были настолько жесткими, что в начале XIX века местные власти были вынуждены ходатайствовать перед Санкт-Петербургом о нарушении режима оседлости еврейского населения. В виде исключения (Северный Кавказ, кроме юга Дагестана, был закрытой для евреев зоной) в 60-х годах позапрошлого века сюда были переселены несколько десятков семей горских евреев – «для обеспечения торговли и всем необходимым жителей слободы и крепости Нальчик» [12].

В 90-х годах прошлого века ситуация в ментальном пространстве народов Кабардино-Балкарии и всего Северного Кавказа резко изменилась. Население (значительная его часть) вынужденно перешло к обеспечению своих насущных потребностей посредством заработка в сфере розничной и мелкооптовой торговли. Следует отметить, что и в предшествующие десятилетия жители республики занимались торговлей (продажа сельскохозяйственной продукции, спекуляция). Все это звенья одной цепи, однако, именно в 90-е годы эта форма занятости приобрела официальный, узаконенный характер и явилась, пожалуй, единственным условием реального заработка для большей части населения.

Традиционно развитая и престижная область строительства в республике, где существовал контингент лиц мужского пола, занимавшихся отхожим строительным промыслом – претерпела натуральную катастрофу. Единственным позитивным итогом десятилетия даже официально принято считать начало реформирования строительного комплекса. Были приняты меры по концентрации государственных ресурсов у единого ответственного заказчика и созданию проектного центра из высококвалифицированных специалистов, что должно было позволить, согласно замыслу руководства КБР, эффективнее управлять отраслью, контролировать ход выполнения инвестиционных программ и качество выполняемых работ, сократить сроки сооружения объектов. На деле это обернулось укрупнением потоков

бюджетных денежных средств и облегчением их «изъятия» частными лицами и криминальными структурами.

В итоге, 90-е годы оказались тем периодом, в течение которого прекратила свое существование эта ниша обеспечения жизнедеятельности населения. По нашим подсчетам в середине-конце 80-х годов строительством (работой на государственных предприятиях) и так называемой «шабашкой» в республике на постоянной основе занималось до 7 тысяч человек (и, соответственно – чуть меньшее количество семей полностью зависели от состояния дел в этой сфере). Все они оказались «не у дел» на целое десятилетие, а возрождение строительного бизнеса уже в новом веке уже не имело формы жизнеобеспечивающей деятельности для всех его участников.

Классический строитель – добытчик и глава семьи, как правило, квалифицированный и высококвалифицированный рабочий – ушел в прошлое, строительство крупных объектов и элитных частных домов перешло в руки иностранных и инорегиональных подрядчиков более чем на 50% [13, с. 17]. По состоянию на конец 2008 года в городе Нальчике и Приэльбрусье из 62 крупных строящихся объектов (зданий с этажностью 3 и выше) лишь 28 возводились местными строительными организациями [14, с. 12-13]. Модернизация запросов заказчика за последние десять лет идет в сторону снижения долговременного качества и соответственного изменения технологий строительства. Местные организации попросту не успевают эволюционировать в данном направлении, идет неуклонное сужение их рынка. Спрос на качественное традиционное жилье из традиционных строительных материалов, рассчитанное на десятки и сотни лет эксплуатации, растет только в крупных городах, и в настоящее время почти полтора десятка крупных строительных организаций Кабардино-Балкарии выводят свой бизнес в Москву, Ростов, Воронеж. Несколько тысяч человек вне этих организаций, занятые в сфере строительства в КБР, представлены, в основном молодыми

неквалифицированными людьми, для которых эта деятельность – всего лишь временный заработок.

Подробное рассмотрение сферы строительного бизнеса необходимо в связи с тем, что традиционно строительство и заработок в этой сфере был и весьма высокостатусными. Мужчина, возводивший дома и кормивший этим семью – один из этнических эталонных концептов народов Северного Кавказа [15, с. 126]. «Изъятие» из оборота общественного и семейного бытия этого функционального типа автоматически означало делокализацию женщин в общей иерархии межполовых отношений и тенденцию к маргинализации мужчин в тех тысячах семей, чьи главы в течение 90-х годов лишились работы и зарплаты. В той или иной степени ход дел в строительной сфере иллюстрирует нам общее положение дел во всех отраслях народного хозяйства, ибо интересующая нас суть процессов – в падении самодостаточности мужчины-специалиста, профессионала в условиях, когда деньги не зарабатываются, а лишь получают из федерального центра и затем распределяются по принципу личной заинтересованности и принадлежности к тем или иным группам и кланам без всякого учета реальной значимости, специальной подготовки, социальной полезности.

Еще одним из факторов, способствовавших изменению гендерных адаптивных установок и позиционированию женщины в общей системе межполовых отношений стала сильнейшая поляризация показателей доходов на душу населения. Ярким подтверждением этого является гендерное перераспределение собственности, инвестиции, имеющие ярко выраженные гендерные последствия, гендерные различия в оплате труда и т.д.

В силу известных причин, которых мы более подробно коснемся несколько позже, Россия не жалела бюджетных средств, шедших в КБР непрерывным потоком, и процесс расхождения стандартов комфортного существования у различных слоев населения в 90-е годы XX века очень мало

зависел от реальных усилий и возможностей мужчин. Заработки в республике, пораженной параличом производственных предприятий, были фактически квотированным знаком принадлежности к тому или иному клану, а их размер определялся уровнем лояльности данного клана или слоя к властям.

Доходы населения, групп, кланов и отдельных лиц – если не считать законопослушную часть общества, пребывавшую в полной нищете (зарплата доцента КБГУ даже в конце 90-х годов была в среднем на 40 % ниже заработной платы учителя одной из элитных школ города Нальчика, что само по себе говорит о полной бессистемности в данном вопросе [16, с. 13-15]), зависела от степени близости к потокам бюджетных средств, практически полностью и, бесконтрольно распределявшимися по усмотрению нескольких человек.

Концентрация этих потоков была главной задачей руководства КБР. Поэтому важной особенностью инвестиционной политики конца 90-х годов стало расширение границ республиканской инвестиционной программы за счет включения в нее всех источников финансирования, в том числе инвестиционных ресурсов федерального и республиканского бюджетов, иностранных кредитных линий, инвестиционных фондов и других внебюджетных средств.

Официально за счет всех источников финансирования в кризисный год было освоено 1101,2 млн. рублей капитальных вложений, что в реальном исчислении соответствовало уровню 1997 года [17]. При этом население республики было брошено на произвол судьбы – под предлогом влияния кризиса месяцами задерживалась заработная плата, сокращались рабочие места – бюджетные деньги при этом осваивались полностью. Именно в 1998 году стоимость сотки земли в элитном районе города Нальчика – так называемом «золотом квадрате» достигла 50-ти тысяч долларов, а цена возводимых в этом же году частных домов впервые зашкалила за показатели в 10 миллионов долларов [18].

Одновременно с этим было официально введено в действие жилых домов в размере 166,8 тыс. кв. м общей площади, что на 1,1 % больше, чем в 1997 году [19, с. 24]. На самом деле получение жилья к этому времени стало абсолютно невозможным для основной массы населения, а большая часть указанных площадей представляли собой элитные новостройки, квартиры в которых распределялись между вполне определенными группами граждан. Особенно показательным в этом плане видится сдача и заселение в 1997 году жилого дома, минимальная жилая площадь квартир которого составила около 300 квадратных метров, а общая стоимость возведения этого дома на двенадцать хозяев в десятки раз превысила стоимость стандартного 80-100 - квартирного дома.

Говоря о поляризации доходов, мы тем самым хотели подчеркнуть, что экономические проблемы, обусловленные низкой оплатой труда и низкими доходами только усугубляли процессы экономической отсталости региона в целом, так и женского сектора экономики.

Что касается традиционных качеств кавказского «мужчины-воина», то они постепенно утрачивали свою ценность и значимость в легитимном социальном пространстве. Смелость, решительность, жесткость в принятии решений, осознание значимости собственного «Я», и без того серьёзно мешавшие достижению социального успеха в прошлой «советской» жизни, в 90-х годах XX века оказались ненужным балластом, как правило, приводившим их обладателя к безработице – для обычного гражданина – или к отлучению от власти и потоков дармовой денежной массы – для представителя элиты.

Наметилось серьёзнейшее расхождение между гендерными предпочтениями традиционного характера и нормами адаптированного поведения; идеал мужчины продолжал существовать в сознании женской части общества, не получая никакого материального подтверждения своей жизнеспособности. Женщины в некоторой степени вынуждены были придерживаться традиционных норм. Начал вырисовываться так называемый новый гендерный порядок, который включал в себя и традиционные элементы гендерных отношений, и новые нетрадиционные

нормы мужских и женских ролей (дискурсивным способом преодоления кризиса маскулинности явились именно патриархальные образцы гендерного поведения). Учитывая тяжелейшую экономическую ситуацию, сложившуюся в стране, и в республике, в частности, роль женщины усилилась, в связи с тем, что именно она стала во главе обеспечения семьи (среди женщин быстро росло число тех, кто стал заниматься торговлей. Начиная приблизительно с 1992-1993 годов, в КБР, форсированными темпами формировался такой сектор экономики, как частное предпринимательство. Особое его значение для КБР и для женской части населения, в частности, обусловлено тем, что значительная часть частных предпринимателей были именно женщины.

Так, по оценочным данным Управления налоговой службы по КБР на конец 1998 года масштабы «малого бизнеса» в КБР в этот период были значительными – только в упомянутом 1998 году именно женщины перечислили в бюджеты всех уровней около 80 млн. рублей, что составило 9,5% всех налоговых поступлений. В бюджет КБР поступило 49 млн. рублей, или более 61% налогов, поступивших от зарегистрированных частных предпринимателей [20]). Выбор в качестве жизненного партнера мужчины-кормильца, адаптанта никоим образом не гарантировал его статусного положения в семье, и лишь расширял гендерное секторальное пространство (именно женщины стали все чаще самостоятельно зарабатывать деньги и выполнять функцию главы семьи [21, с. 164]).

Сохранность же традиционных эталонов мужественности в кавказских этносах несомненна, как только уровень стохастичности социальных стандартов достиг порога неразличения легитимности-нелегитимности, женщины вновь обратились к образу мужчины-воина, пусть даже в его уродливой суррогатной форме – совершенно не случайно именно в 90-е годы в республике было зарегистрировано несколько наделавших шуму браков между представителями диаметрально противоположных социальных групп, в которых в качестве невест выступали девушки из элитарных слоев общества, а в качестве женихов – представители криминалитета.

Перевод гендерных представлений в плоскость вынужденной адаптивности оказался столь масштабным, что уже к середине 90-х годов XX века неэкономность, неумение торговаться, сбивать цену предлагаемого товара рассматривалось женщинами как недостаток мужчины (блиц-опрос, проведенный нами в ноябре 1998 года – из 50 случайных респонденток в возрасте от 24 до 65 лет, 48 расценили неумение торговаться как недостаток). Мелкооптовая и розничная торговля буквально в течение нескольких лет перешли в разряд престижных занятий. И надо сказать, что масштабы переориентации населения в этом направлении были столь серьезны, что потребовали регуляции на высшем уровне.

В 1998 году Правительством КБР была проведена работа по обеспечению функционирования потребительского рынка республики: приняты Постановления Правительства КБР «О неотложных мерах по обеспечению стабильного снабжения населения КБР товарами повседневного спроса», «О мерах по стабилизации потребительского рынка» и ряд других решений [22]. Была систематизирована работа по проверке обоснованности установления и применения отпускных и розничных цен. Де факто, все эти мероприятия свелись к установлению фиксированных цен на хлеб, транспортные тарифы, упорядочению выплат разнообразных пособий, но для целого ряда потенциально конфликтных зон и этого оказалось достаточно. Следует пояснить, что уже к середине 90-х годов жители республики в основной своей массе находились гораздо ниже официальной черты бедности, а недельный рацион питания среднестатистической семьи, например, района «Искож» никоим образом не дотягивал до необходимых норм (попросту говоря, население промышленных районов Нальчика в середине-конце 90-х годов питалось картошкой, хлебом и чаем, изредка разнообразя свой рацион сезонными продуктами, собранными в окрестностях города – черемшой, диким луком, грибами) [23]. (см. Приложение, таб. 1)

Серьезной проблемой в условиях отсутствия денег у населения стало снижение объемов реализации на предприятиях торговли, а также низкий уровень качества реализуемых товаров. В интересующем нас аспекте это также возымело свои последствия, так как к концу 90-х годов прошлого века основные объемы продаж предметов потребления обеспечивались продукцией китайского производства – более низкого качества и более дешевого, но закупаемого не в Турции «челноками» - посредниками, а уже непосредственно продавцами в Москве и других крупных центрах. Это в десятки раз повысило количество женщин, живущих фактически вне семьи, постоянно курсирующих между Кабардино-Балкарией и местами оптовых закупок.

Провозглашенные руководством республики меры по экономии бюджетных средств позволили лишь к концу 90-х сократить задолженность в бюджетной сфере по заработной плате и социальным выплатам, освободиться от части платежей из бюджета в результате установления лимитов на потребление топливно-энергетических ресурсов и приведения уровня бюджетного финансирования коммунального хозяйства в соответствии с нормативами новой системы оплаты жилья и коммунальных услуг, но это практически не сказалось на реальном благосостоянии населения.

Например, номинальные денежные доходы населения в 1998 г. сложились в сумме 5259,4 млн. рублей и увеличились по сравнению с 1997 годом на 15,7 %, денежные расходы составили 3702,2 млн. рублей. Однако в реальных цифрах картина была несколько иной, о чем свидетельствует то, что из общего объема денежных доходов в 1998 году население израсходовало на покупку продуктов питания почти половину указанной суммы - 2345,3 млн. рублей (44,6%), на оплату услуг, обязательных платежей и взносов – 1129, 4 млн. рублей, что составило 21, 4% от всей суммы доходов, а накопления сбережений во вкладах и ценных бумагах составили на начало декабря 1999 года всего лишь 1,6 % от общей суммы доходов [24, с. 11-12, 14].

Даже с учетом сверхприбылей, полученных в течение 90-х годов представителями национальных элит, не вычленяемых в статистических выкладках, в 1998 году денежные доходы на душу населения (в среднем за месяц) и денежные расходы на душу населения (в среднем за месяц) составили к концу десятилетия соответственно 553,5 рублей и 389,6 рублей [25].

В результате экономического кризиса в августе 1998 года и непредвиденно высоких темпов инфляции в конце 90-х произошло заметное снижение уровня жизни населения республики [26]. (см. Приложение).

В результате кризиса несколько сократилась дифференциация среднедушевых доходов населения. Так, соотношение доходов 10 % наиболее и наименее обеспеченного населения уменьшилось по сравнению с уровнем прошлого года и составило 9,6 раз против 10,2 раз. Коэффициент концентрации доходов (индекс Джинни) сократился и составил 0,345 [27]. Но и здесь необходимо иметь в виду, что речь идет о реальных работниках – получателях заработной платы. Высшая олигархическая элита и управленцы свои доходы никоим образом не снижали.

По итогам десятилетия в структуре распределения населения республики по размеру среднедушевого дохода наибольшее количество населения - 153,9 тыс. человек (19,4 % от общей численности населения) находилось в группе со среднедушевым денежным доходом в месяц в размере 500-700 рублей, что так же никоим образом не может оцениваться как достаточный доход даже для поддержания необходимого уровня питания.

На долю 10 % наиболее обеспеченного населения приходилось 25,8 % денежных доходов, а на долю 10% наименее обеспеченного - 2,7 % (в середине 90-х, соответственно, 26,3 % и 2,6 %) [28].

Как показали события последующих десятилетий именно в этой части населения республики, балансирующей на грани нищеты и происходило становление и формирование наиболее радикальных концепций политического,

социального и государственного переустройства, именно здесь менялись стандарты гендерного поведения и мотивации.

Для субъектов Северного Кавказа параметры состояния промышленности вплоть до середины текущего десятилетия – до переломного момента переориентации их экономик на туризм и рекреацию с форсированным внедрением новых технологий в области сельского хозяйства - играли особую роль. Все республики северокавказского региона уже к середине 70-х годов в основном зависели от производства в сырьевой отрасли и промышленности – конкретно предприятий ВПК. Относительно состояния гендерных систем в этой связи, можно, по всей видимости, с достаточными основаниями утверждать, что сам характер взаимоотношений на крупных производствах во многом способствует маргинализации населения и, соответственно – изменению стандартов женского поведения [29]. Вкупе с сохраняющимися в качестве обязательных нормативов базовых гендерных комплексов, это само по себе создает напряженность в традиционных сообществах, в случаях же последующей люмпенизации мужской части населения – к взрывообразному распространению альтернативных форм женской поведенческой вариативности.

Именно это произошло в 90-е годы в республиках Северного Кавказа, в частности – в КБР. В советский период существовала практика филиального производства в изолированных населенных пунктах, когда цеха крупных промышленных предприятий располагались в отдаленных районах. Насколько это было экономически целесообразно – вопрос, остающийся открытым и по сей день, но результатом этой практики явилось очаговое распространение альтернативных форм женской социально-политической активности после обвала промышленного производства и закрытия предприятий. Не случайно, уже в середине 90-х годов XX века в качестве подозреваемых по делу о серии взрывов у Парламента и Прокуратуры КБР рассматривалось несколько девушек одного из горных селений республики – селения, где до конца 80-х годов функционировал крупнейший филиальный цех объединения «Телемеханика» [30].

Можно констатировать, что сфера материального производства для национальных республик с ярко выраженным патерналистским типом организации социума была крайне важна, а ее разрушение явилось одним из важнейших факторов смены поведенческих ориентиров, как в целом обществе, так и в женской его части. Положение же здесь было поистине катастрофическим.

Официальные отчеты управленческих структур КБР, например, в эти годы выглядели некими победными реляциями. Позволим себе обширную цитату: «...Объем промышленного производства по итогам 1998 года по всему кругу хозяйствующих субъектов составил 2011,1 млн. руб., индекс физического объема - 104,6 % в сравнении с предыдущим годом.

Крупными и средними предприятиями произведено продукции на сумму 1851,8 млн. руб., индекс физического объема составил 103,9 %.

Несмотря на августовский финансовый кризис и его последствия, своевременно предпринятые в республике меры позволили сохранить положительную динамику производства, в то время как в целом по России наблюдалось падение производства. Индекс физического объема промышленного производства в целом по Российской Федерации в январе-ноябре 1998 года составил 95 процентов. Кабардино-Балкария вошла в первую десятку регионов, обеспечивших наибольший прирост промышленного производства.

В целях стабилизации промышленного производства Правительством КБР была оказана государственная поддержка промышленным предприятиям республики в виде льготных кредитов на пополнение оборотных средств на сумму 75 млн. рублей.

Продолжалось финансирование промышленных предприятий по Программе «Стабилизация и развитие экономики КБР». Объем капитальных вложений, направленных на реализацию инвестиционных проектов с начала функционирования Программы достиг 108 млн. рублей» [31] – и так далее.

Однако, даже при игнорировании мизерных сумм в 75 и 108 млн. рублей, простой пересчет общей стоимости произведенного (2011 млн. руб.) на душу

трудоспособного населения республики дает нам цифру, не превышающую 7-7,5 тысяч рублей в год. Фактически, для республики с населением в 800 тысяч человек это означает, что население было подавлено тотальной безработицей.

В топливно-энергетическом комплексе бесперебойное снабжение республики электроэнергией, газом, твердым и жидким топливом шло за счет накопления долгов республики перед соответствующими монополиями. Кабардино-Балкарская Республика оставила попытки возродить хотя бы частично производство на крупных предприятиях. Производственные корпуса крупнейших заводов Нальчика были проданы частным лицам и превращены в арендные площади. Даже стратегические предприятия, уникальные по спискам выпускаемой продукции, ориентированные на выпуск неконкурентных товаров фактически остановились ввиду развала наработанных ранее производственных связей и отсутствия сырья – по официальной версии, а в действительности – ввиду попыток их приватизации. Иногда это происходило с теми производствами, выпадение которых из общемирового цикла даже на пару лет может стать фатальным.

Так, например, Терский завод алмазного инструмента за 1990-1995 годы снизил количество работников с 1600 человек до 80-100 [32]. Официальной причиной при этом было отсутствие сырья, ранее получаемого из Якутии. Однако вскоре после почти полной остановки данного предприятия на территории бывшего завода полупроводниковой продукции в городе Нальчике было организовано предприятие по огранке ювелирных алмазов – частного предприятия, принадлежавшего одному из высших должностных лиц республики, рассчитанное на 150 рабочих мест.

Криминальные и полукриминальные поползновения чиновников республики в 90-е годы не входят в задачи нашего исследования. Однако с точки зрения этнических стандартов оценки такие факты имеют весьма важное значение. Если в дореволюционный период мужчина был ответственен лишь перед своей совестью (как вариант для Дагестана и Чечни – перед Аллахом), то в

советские времена высшим критерием нравственности стала ответственность перед государством (в идеологически ретушированных вариантах – «перед народом»).

Появление статусной доминирующей величины в лице конкретного человека – будь это крупный чиновник, фактически неподотчетный ни одной из государственных структур, или хозяин крупных денежных средств, определяющий уровень благосостояния нижестоящих лиц было вопиющим противоречием всей системе этнических ценностей и стандартов. Естественно, кабардинцы, балкарцы, как и все народы Северного Кавказа, как все народы мира вообще были социализированными и структурированными обществами. Однако личное пространство мужчины при любых схемах взаимодействия, при любых статусных оппозициях оставалось на Кавказе неприкосновенным, что однозначно вытекает из особенностей поведенческих этикетных норм, принятых у народов региона [33]. Существовавшие формы подчинения одних социальных страт другим были ненасильственными по своей сути. Жесткое авторитарное руководство действиями допускалось лишь в случаях экстремальных, в действиях направленных на явное благо всему обществу – например, руководство армией во время войны – которое можно условно определить как заведомо позитивное подчинение [34, с. 306-307].

Сублимативной формой подобного лидерского поведения в мирное время эпохи демократии и свобод личности можно считать руководящие шаги, результатом которых будет явное повышение уровня жизни зависимых групп людей. В наиболее понятном приложении к интересующему нас периоду общественной жизни Кабардино-Балкарии это – подъем экономики, закладка новых предприятий и так далее – весь комплекс мероприятий и дел, которые, в принципе, оправдывают в глазах общества и отдельно взятых людей авторитаризм и доминирование. Это свойственно любым человеческим обществам и Северный Кавказ в этом смысле – никак не является исключением.

Но применительно к КБР и структурам жизнеобеспечения населения, мы можем констатировать, что и попытки создания нового производственного потенциала республики реализовывались с большими затруднениями. Инвестиционные средства, отпущенные на табачную фабрику, на объединение «Минеральные воды», на фабрику по производству одноразовых шприцов, на предприятие по производству вакуумных насосов, на освоение Безенгиевского месторождения золота, попросту исчезли, и список этот можно продолжить. На объектах нефтедобычи в 1999 году было освоено лишь 9,5 млн. руб. капитальных вложений. Среднегодовая добыча нефти составляла 4,5 тыс. тонн при ожидаемых 20 тыс. тонн [35]. Следует отметить, что и цифра в 4,5 тысяч тонн не соответствовала истине, по непроверенным данным показатели добычи нефти частично формировались из нелегальных объемов чеченского сырья, закупаемого на федеральные средства. Естественно, что финансирование проектов освоения нефтяных месторождений КБР в 1999 году было полностью прекращено, ввиду неконтролируемости расхода денежных средств.

В цветной металлургии единственное действующее предприятие - АО «Гидрометаллург» к концу столетия довело объемы выпуска продукции до показателей в 95-100 млн. руб., что почти на 20% превысило показатели 1995 года, но в реальном товаре представляло собой не более 1500 тонн вольфрамового и молибденового ангидрида, что составляет около 10% от уровня производства в конце 80-х [36]. Причем, ввиду жесткой конкуренции со стороны китайских и шведских производителей, продукция Кабардино-Балкарии практически не находила сбыта.

Из 24 предприятий легкой промышленности рост объемов производства наблюдался лишь на десяти. Причем рост этот был обусловлен спросовым скачком интереса к продукции, относящейся к предметам роскоши, и практически полностью ушедшей на московские рынки и за рубеж (ковры, меха, ювелирные изделия). Инфраструктурные же предприятия, ориентированные на среднего

покупателя снизили к концу 90-х годов выпуск продукции до 18-20% по отношению к 1990 году (ОАО «Дружба», АОТ «Обувь» и др.) [37, с. 10].

Все это создавало совершенно определенный фон как в смысле уровня жизни населения, так и его политических и социальных ожиданий. Невзирая на все хитросплетения логических антраша официальных отчетов и реляций, к концу 90-х годов прошлого века сложилась ситуация, когда рабочие промышленных предприятий, реального сектора экономики, в массе своей не могли обеспечить даже прожиточного семейного минимума; заработная плата на всех без исключения предприятиях не позволяла выйти за рамки простого биологического минимума потребления продуктов питания. И это без учета тех граждан, которые числились официально безработными. Промышленное производство КБР в буквальном смысле слова (кроме предприятий, производящих алкогольную продукцию и производств, рассчитанных на прямую трансляцию природных ресурсов – розлив минеральных вод, выпуск изделий из ценной буковой древесины и некоторые другие) сошло на нет.

Ни профессиональная выучка, ни традиционные, этнически приветствуемые качества мужчины, как то – трудолюбие, упорство в достижении цели – отныне не имели никакого значения. Достойный уровень жизни был гарантирован лишь отношением к лицам, распределявшим бюджетные средства, мотивация поступления которых имела сугубо политическое качество. Моральный императив традиционного этнического поведения «быть мужчиной» неуклонно вытеснялся новой формулой – «быть удобным».

Мы не отрицаем существования системы статуирования различных социальных групп в традиционных этнических сообществах Северного Кавказа, скажем, до вхождения в систему государственности Российской империи. Но национальные структуры социума, существовавшие на Северном Кавказа характеризовались нормативным порядком актуализации систем подчинения-главенствования. Любая попытка выйти за пределы адатных норм жестоко каралась – без внимания к статусу того человека, который совершал эту попытку.

Каждая социальная группа, каждый слой общества имел свои четко очерченные права и обязанности, и даже невыполнение последних, не приводило к силовому наказанию. То есть – нерадивый крепостной мог быть ущемлен в имущественном интересе при обязательной раздаче добытого в набеге его господином (учитывая то обстоятельство, что, несмотря на то, что дворяне владели поместьями, однако рыцарское начало имело место в типе сознания и культ богатства и накопительства им не был присущ, кабардинские уорки не имели права на личное имущество помимо коня, оружия и обуви). Он мог вообще ничего не получить, но это было единственное наказание, не выводившее субъекты взаимоотношений за пределы адатных норм главенствования-подчинения.

Физическое воздействие на человека не допускалось. Представитель высшей знати не мог безнаказанно ударить даже раба (у народов Северного Кавказа существовала немногочисленная прослойка людей, добровольно пошедшая на отказ от любых прав – так называемые «неприсяжные» – в обмен на полную личную безопасность и неучастие во всех видах конфликтов), так как даже его личное пространство считалось неприкосновенным.

Личное оскорбление кабардинского крестьянина А.Каширгова в 1892 году привело к убийству последним князя, о чем повествует известная песня. Еще раньше подобные случаи зафиксированы в отношении представителей адыгских патронимий Чегемоковых, Озовых – мы ведем речь лишь о сохранившихся в народном фольклоре эпизодах. Судя по народным же преданиям балкарцев, попытка нарушения правового поля неприсяжных крестьян князьями Рачикаовыми (они потребовали участия своих неприсяжных рабов в боевых действиях) привела к принятию общенародным собранием («Тёре») решения об уничтожении всего знатного рода [38].

Таким образом, «самостийность» и значимость мужчины-индивидуума никогда не подвергались на Северном Кавказе сомнению. В области ценностного статуирования личности существовала лишь одна неперсонифицированная

доминанта (Аллах, адат, в советское время - государство), перед которой были равны все.

Зависимость и статуирование людей от положения на вертикальных механизмах распределения жизненных благ нанесли сильный удар по традиционной ментальности мужчины-кавказца. В регионе ситуация приобрела катастрофический характер еще и потому, что, как мы уже и указывали, объективно наличествующие достоинства отдельно взятого индивидуума, его так сказать, «рабочие» качества не играли никакой роли в реализации социальной стратегии и тактики – профессионализм, ум, опыт, уверенность и все прочее не имеют значения вне реального производства.

По аналогичному сценарию процесс деэтнизации затронул и жителей сельских населенных пунктов. Понятно, что уровень маргинализации участников процесса промышленного производства, степень деструктурированности систем этнической идентификации и, соответственно – изменений в институтах гендера, однозначно превосходит соответствующие показатели части этноса, занятого в традиционных областях жизнедеятельности. Для кабардинцев и балкарцев таковым является сельское хозяйство.

Следует отметить, что до развала СССР ряд населенных пунктов Кабардино-Балкарии, в силу своей географической изолированности, практически не меняли общий жизненный уклад не только за последние десятилетия существования государства, но, по большому счету, в гораздо большем временном промежутке. За исключением некоторых естественных изменений в быту, связанных с внедрением, в первую очередь, электричества, жители некоторых сел, особенно в горной части республики, практически полностью сохраняли уклад, свойственный народам КБР и сто лет назад, и двести. Техногенные новации никоим образом не затрагивали системных показателей гендерных взаимоотношений и в основном не влияли на общий жизненный уклад, на участие и обязанности граждан в общем комплексе материального воспроизводства.

Достаточно в этой связи указать на то, что, судя по опросам граждан возрастной категории 50 лет и выше, еще в 70-х годах прошлого века, жительницы таких сел как Псыгансу, Зарагиж, Лечинкай, Каменномостское, Булунгу, Безенги, В.Балкария, Ташлы-Тала, невзирая на наличие водопровода, регулярно ходили «по воду». По сообщениям отдельных информаторов, статуирование женщин в обществе соответствовало самым жестким стандартам патерналистских сообществ – во всяком случае, еще в 70-х годах практиковался обряд публичного изгнания из села за прелюбодеяние [39], во что сегодня поверить достаточно трудно.

В части традиционных ремесел и систем хозяйствования – вплоть до начала 70-х годов XX века жители сельских населенных пунктов были полностью погружены в исконный этнический быт. Даже в ближайших к столице республике селах, расположенных в радиусе не более 10-15 км. от Нальчика (сегодня некоторые из них входят в границы городского муниципального округа), количество граждан, занятых в нетрадиционных сферах жизнедеятельности было очень ограниченным. Конечно, этому способствовала и некорректность нормативно-правового пространства, в рамках которого сельские жители существовали на положении «крепостных» вплоть до середины 70-х годов, когда, наконец, была проведена реальная окончательная паспортизация сельчан. Как бы то ни было, за исключением немногочисленного контингента, включавшего учителей школ, работников администрации, сотрудников культ- и медучреждений, жители даже самых ближних к городам сел были заняты в животноводстве и растениеводстве.

При этом необходимо упомянуть, что национальные технологии производства в этих двух отраслях были достаточно совершенны для природных условий Кабардино-Балкарии. Об этом нам говорит обзор основных отраслей сельского хозяйства, в которых были заняты кабардинцы и балкарцы. Так, например, традиционное для кабардинцев коневодство, садоводство и пчеловодство за время окончательного включения Кабарды в сферу товарного

производства России в середине XIX века в технологическом плане не требовало нововведений. Исключением можно считать лишь коневодство, так как, в связи с переориентацией на огромный рынок российской армии в хозяйствах Лафишевых, Шалбаровых и других известных коннозаводчиков акцент, начиная с 70-80-х годов XIX века делался на массовое производство так называемых строевых животных [40]. И в коневодстве это выразилось в утрате национальных традиций выездки и обучения лошадей, в потере специфических приемов формирования лошадиного копыта [41]. Однако, следует отметить, что потребности традиционного плана, предусматривающие выращивание верховых лошадей с уникальным набором качеств продолжали развиваться. Положение существенно изменилось с начала 50-х годов XX века и привело к постепенному упадку коневодства в республике. Что касается других отраслей сельского хозяйства, то там положение существенно изменилось в конце XX века, хотя векторные ориентиры получили свое развитие в советскую эпоху.

Так, кабардинское пчеловодство фактически утратило эндемичную породу пчел, негативные изменения коснулись и материальной части – был произведен переход на стандартные ульи и практически прекратилось производство горного меда. Плодоводство лишилось значительной части технологических ноу-хау в части ухода и селекции растений (к слову, кабардинские крестьяне пользовались особой формой прививки – клиновидное черенкование без нарушения целостности коры прививаемого дерева; сегодня лишь глубокие старики сохранили весьма смутные воспоминания об этом приеме) [42].

Мы должны отметить, что уровень культуры в областях традиционного производства был изначально высок и в основном не потребовал изменений приемов, методов и способов хозяйствования. Например, сугубо цивилизационное, на первый взгляд, действие в балкарском животноводстве, как то введение в оборот новой породы (швицкой) коров нельзя считать полностью благотворным – как показало время, отгонно-пастбищное молочное

животноводство в условиях горной Балкарии нерентабельно, местные же мясные породы скота были утеряны уже в первые годы советской власти.

Данный поверхностный экскурс в область развития технологий сельского хозяйства в Кабардино-Балкарии сделан с одной целью – продемонстрировать тот факт, что уровень производственной культуры в областях традиционного хозяйствования был изначально высок и последние полтора столетия не потребовал коренных изменений. Закономерно не менялся (в основных чертах) быт народов (на уровне типа сознания) – даже в условиях тоталитарного режима, в условиях планового социалистического хозяйства сам жизненный уклад оставался неизменным. Он стал лишь видоизменяться со временем.

Лишение населения частной собственности советской властью привело к потере заинтересованности в плодах собственных усилий. Снижение объемов вкладываемых усилий за 70 с небольшим лет существования СССР было обусловлено и производственной стратегией государства, взявшего курс на укрупнение хозяйствующих субъектов и переход к специализации хозяйств. Колхозные поля пшеницы, овса, кукурузы, равно как и колхозные стада, дававшие труженнику абстрактные трудодни, резко пассивировали хозяйственную активность среднестатистического горца.

В психологическом плане кабардинцам и балкарцам навязывалось осознание значимости коллективного «мы» и, естественно – прививалось, как и всем жителям страны, понимание малозначимости отдельной личности. В части материального производства это, в конце - концов, проявилось в резком падении производительности коллективного труда, а в дальнейшем – в снижении уровня трудозатрат вообще, в том числе – в личных хозяйствах. Значение индивидуального труда, как для среднестатистического кабардинца, так и для среднестатистического балкарца было поставлено под сомнение.

Системное пренебрежение индивидуальной стимуляции населения привело к катастрофическим последствиям. В этнических схемах идентификации исчез такой параметр, как индивидуальное стремление к самоутверждению. Иначе

говоря, советская власть и системы коллективного невознаграждаемого хозяйствования «расшатали» ментальные стереотипы народов, поставив под сомнение краеугольную основу этики горца – осознание уникальности и самодостаточности мужчины.

Тем не менее, сам принцип производства, близкий к натуральному, когда базой обеспечения жизни и благополучия семьи является «добытое своими руками» поддерживает традиционные этнические установки народов Кабардино-Балкарии. В этом смысле сельское население республики представляло собой своеобразный этнический резерв ее народов, во многом сохранявший аутентичность вплоть до 90-х годов прошлого века.

Природная тяга кабардинцев и балкарцев к ведению традиционных сельскохозяйственных производств – а они сугубо индивидуальны и предполагают лишь временные коллективы для производства краткосрочных работ, гарантирована, по всей видимости, на генетическом уровне – даже в тяжелейшие годы преследований «частника» народы Кабардино-Балкарии, точнее – мужчины этих этносов стремились к владению индивидуальным хозяйством. Вплоть до конца 50-х годов прошлого века жители некоторых кабардинских сел – в основном, расположенных в предгорной зоне – не имея возможности заниматься товарным частным садоводством на «глазах» у властей, занимались уходом за заброшенными садами в горной, труднодоступной части республики. Горные сады, например, Чегемского ущелья, использовались жителями Чегема II и Лечинкая, о чем свидетельствует памятная надпись, вырезанная жителем последнего села неким Аскарком Кибишевым на камне, находящемся ныне чуть ниже и слева от начала дороги Ак-Топрак – Гестенти и найденная нами во время поездки по селам Чегемского и Баксанского ущелий в 2000 году [43].

В 1976 году лично первый секретарь Кабардино-Балкарского обкома партии Т.К. Мальбахов предотвратил возбуждение уголовных дел против группы жителей сел Хушто-Сырт и Нижний Чегем, содержащих в труднодоступных ущельях района личные стада крупного рогатого скота. По непроверенным

данным, поголовье каждого из этих частных гуртов доходило до 200-250 голов [44].

Таких примеров множество, нам они говорят, прежде всего, о высоком уровне сопротивляемости негативным влияниям на традиционную ментальность и жизненные ценности народов Кабардино-Балкарии. С этим багажом этнических предпочтений – пусть заметно пострадавшим за годы советской власти, мужская часть населения республики подошла к рубежу 90-х годов, изменивших ситуацию сколь кардинально, столь же и негативно.

Приблизительно так, как в промышленном секторе производства в течение 90-х годов произошла смена статусных ориентиров и этнических представлений о престижности тех или иных видов жизнедеятельности, в сельском хозяйстве конца прошлого века претерпела существенные изменения сравнительная эффективность торгового посредничества и прямого производства.

Мы рассмотрим положение дел лишь в двух отраслях сельского хозяйства, традиционно практиковавшихся мужчинами Кабардино-Балкарии – плодоводства и животноводства. Снижение значимости индивидуума, частного производства в плодоводстве Кабардино-Балкарии началом своим имеет первую половину 90-х годов прошлого века, хотя еще раньше – в конце 80-х заметно упали сборы урожаев на приусадебных участках. Произошло это в силу того простого обстоятельства, что уже в 70-е годы многие владельцы яблоневых и грушевых садов практиковали регулярную смену деревьев – каждые 8-10 лет – посредством легкодоступных саженцев высокопродуктивных пород, практически не требующих селективного и формовочного ухода. После прекращения работы нескольких питомников на территории КБР уже к концу 80-х годов фонд растений, изначально характеризующихся короткой вегетацией устарел.

Однако в 90-х годах частные производители были вообще лишены возможности самостоятельно реализовывать свою продукцию – ввиду резко возросших транспортных расходов, криминализации рынков сбыта в центре России, на ее севере и в Сибири не имело смысла вывозить за пределы

республики партии товара объемом менее 4-6 тонн. Перерабатывающие предприятия Кабардино-Балкарии не обладали мощностями для освоения продукции даже крупных хозяйств – еще в советские времена до половины яблок и груш плодородческих хозяйств республики продавались за ее пределы в свежем виде.

Упадок в отрасли был столь значителен, что в некоторых случаях уход и использование садов просто прекращались – до недавнего времени в совершенном запустении находились десятки и сотни гектаров яблоневых садов Зольского, Урванского, других районов КБР. Главное же, что более всего интересует нас применительно к теме нашего разговора – плодовой бизнес в частном секторе не прекратил своего существования, однако с конца 90-х годов в этой сфере широчайшее развитие получило посредничество. Реальные доходы перекупщиков стали неизмеримо выше, нежели прямых производителей. Контроль за закупками, вывозом и реализацией плодовой продукции находится в руках небольшой группы людей, численностью не более 30-40 человек, причем разница денежного вознаграждения за объем продукции, получаемой прямым производителем и окончательным продавцом достигает 400 % [45].

Как нам удалось выяснить, система закупок плодовой продукции у частных трехступенчата – на каждого из указанных 30-40 «магнатов» яблоневого бизнеса работают по 10-20 крупных оптовиков, пользующихся в свою очередь услугами 50-100 посредников. Таким образом, в сезон на территории республики действуют до 15 тысяч перекупщиков различного масштаба, каждый из которых являет собой пример преимущества торговой деятельности перед реальным производством. Опрос, проведенный нами в 2004 году в пригородных сельских населенных пунктах, ориентированных на плодородство (было опрошено более 200 замужних женщин в возрасте от 20 до 60-ти лет) выявил поразительную картину – больше половины женщин, являющихся супругами владельцев приусадебных садов дали негативную оценку интеллектуальным качествам своих мужей в связи с их неумением вести мелкооптовую закупочную

деятельность – именно в сравнении с их постоянными контрагентами в деле реализации. Одновременно, большинство из них положительно оценило деятельность и адаптивные качества посредников-перекупщиков.

Точно такая же картина наблюдается в частном животноводстве, с той лишь разницей, что крупные поставки за пределы республики продукции этой отрасли никогда не были актуальны и животноводство КБР ориентировано на внутренний рынок. Однако и здесь разница доходов прямых производителей и перекупщиков весьма показательна и достигает только за счет мяса 100 %. С учетом так называемых «призовых» – безвозмездной передачи части субпродуктов перекупщику, закупки «живого» веса с обязательной оценкой «убойного» в 50% от первичной массы животного (при том, что действительный выход мяса в условиях КБР достигает и 60 и 65%) доход продавца может превысить доход производителя в полтора-два раза.

При этом условия диктуются именно торгующей стороной. В республике нет крупных потребителей мяса, за ее пределы, как уже говорилось, оно практически не вывозится – не выдерживает конкуренции с намного более дешевым ставропольским и калмыцким – весь товароборот осуществляется через сеть розничной торговли. В результате – область мясного животноводства, будучи одной из главных и традиционных у коренных народов Кабардино-Балкарии также испытала серьезные подвижки, подобные тем, что произошли в промышленном и плодовоовощном производстве. Мужчина в определенной степени оказался недееспособным в новых рыночных условиях, адаптивное и эскортное качество горца переместилось из сферы защиты, труда и самодостаточности в сферу социальной гибкости и мобильности.

Это обстоятельство естественным образом вступало в противоречия с традиционными этническими ценностными институтами (речь идет об изменении личностного сознания, которое влечет за собой процессы трансформации в традиционном сознании), заметно влияло положение женщины в системе гендерных взаимоотношений, тем более, что, как мы и указывали несколько

ранее, женщины относительно быстро переориентировались на адаптивные механизмы социальной коммутации, во многих случаях воспринимая консерватизм мужчин в этом процессе за их жизненную и индивидуальную несостоятельность.

П.3.2. Механизмы изменения нормативного этнического поведения женского населения и его политизация

В течение всех 90-х годов прошлого века продолжалось устойчивое сокращение числа занятых в экономике. По оценке, численность занятых составила в среднегодовом исчислении 238 тыс.человек, причем в последние два года 90-х годов число работавших сокращалось в на 10,9 и 11 тыс.человек соответственно. Официально за годы реформ число занятых сократилось на 87 тыс.человек, или на 27 % при спаде производства ВВП более чем в три раза [46, с. 18-19]. Это высокие цифры, но в реальности дела обстояли значительно хуже.

Численность работающих сокращалась в основном в отраслях материального производства. Наиболее высокими темпами уменьшалась занятость в цветной металлургии – с 1985 по 2000 год более чем на 90%, в машиностроении и легкой промышленности – приблизительно на 60-65%, в сельском хозяйстве - на 12%, в торговле - на 11% [47]. Как правило, высвобождение работников происходило на экономически неблагополучных предприятиях со спадом производства, избыточной численностью и низкой оплатой труда. (см. Приложение).

В то же время в отраслях социальной сферы наблюдалось некоторое увеличение числа занятых, прежде всего в сфере жилищно-коммунального хозяйства и непроизводственных видов услуг. (см. Приложение)

В течение всего последнего десятилетия XX века сохранялись значительные размеры скрытой безработицы [48]. Работали в режиме неполного рабочего времени или находились в отпусках по инициативе администрации 35% работников промышленности. В целом скрытая безработица постоянно составляла около 40% работников материальной сферы.

Особенно высоки были размеры скрытой безработицы в легкой промышленности, в течение ряда лет находящейся в глубоком кризисе. Сократив за 1990-1997гг. до 60% производственного персонала, предприятия отрасли содержат как минимум втрое большую численность, чем это необходимо для обеспечения сложившихся объемов производства продукции. В результате огромных масштабов недоиспользования рабочей силы свыше 70% рабочего времени составляют потери вследствие простоев, работы в режиме неполной рабочей недели и длительных неоплачиваемых отпусков. Как правило, значительная часть работников отрасли лишь формально числятся на предприятиях, фактически уже имея другие виды заработков [49].

Несмотря на сокращение числа работающих и рост незанятого населения (только по официальным оценкам, общая безработица, определяемая по методологии МОТ, составила в среднем за год 58 тыс. человек, или около 20% экономически активного населения) произошло сокращение числа официально зарегистрированных безработных. По состоянию на конец 90-х численность безработных, состоящих на учете в службе занятости КБР, составила всего лишь 7,9 тыс. человек (2,6% экономически активного населения) [50], что является ярким свидетельством недоверия к возможностям и устремлениям государства. Кроме того, сокращение официальной безработицы напрямую обуславливалось официальной позицией Фонда занятости, испытывавшего на протяжении всех 90-х серьезные финансовые проблемы.

По оценке, средний размер начисленной заработной платы в Кабардино-Балкарии составлял в конце 90-х годов всего лишь 580 рублей, увеличиваясь в течение 90-х в среднем на 10-13 % в год, что никоим образом не перекрывало даже инфляционные скачки стоимости жизни по региону [51].

В условиях резкого роста цен, последовавшего в результате августовского финансового кризиса, произошло ощутимое снижение покупательной способности заработной платы. С учетом роста потребительских цен реальная зарплата составила около 80% от уровня предыдущего года. По сравнению с

дореформенным уровнем 1990 года реальная зарплата снизилась более чем в 5 раз.

В силу невыгодной отраслевой специфики (высокий удельный вес аграрного сектора, доминирующая роль в экономике обрабатывающих отраслей, прежде всего машиностроения, легкой промышленности, в наибольшей степени подверженных кризисным явлениям) по уровню заработной платы Кабардино-Балкария находилась в конце 90-х годов на одном из последних мест в Российской Федерации. По оценке, среднереспубликанская зарплата составила лишь 53% от среднего показателя по Российской Федерации (в 1990г. - более 80%) [52].

На фоне чрезвычайно низкого уровня средней заработной платы усилилась ее межотраслевая дифференциация. Данные четко свидетельствуют – даже без учета доходов элитарной части населения, разброс доходов граждан к концу 90-х годов оказался на недопустимо поляризованном уровне. В то время, как перед значительной (большой) частью населения стояла проблема элементарного выживания, на учет в ГИБДД республики было поставлено свыше 3000 машин представительского и высшего классов, стоимостью не менее 60 тыс. долларов (за 1997-1999 г.г.) [53]. Официальные доходы (зарплаты) групп населения в течении десятилетия см. в таблице [54, с. 16-17]:

в % к средней по КБР

	1990	1995	1998
	год	год	год
В среднем по республике	100	100	100
Промышленность	108,8	97,2	100,9
в том числе:			
цветная металлургия	142	176,5	171,8
машиностроение	121,7	71	77,0
легкая промышленность	95	54	44,5
Сельское хозяйство	103,7	59,4	47,0

Строительство	133,3	153,1	152,0
Жилищно - коммунальное хозяйство	78,3	143,1	135,8
Здравоохранение	73,3	83,9	86,5
Образование	72,9	89,6	85,8
Банковская деятельность	140,8	208	300
Аппарат управления	128,8	151	164,5

На подобном экономическом фоне, когда государство не хотело или не могло в рамках прежних крупных производств восполнять потребности населения в источниках дохода, жители республики автоматически перешли в режим «свободного поиска».

Поскольку индивидуальная трудовая деятельность играла важную роль в этнических сообществах Северного Кавказа и, в частности в Кабардино-Балкарии, и во время периода перестройки и в постперестроечное время, бизнес в пределах семьи или тесно связанных семейных групп явился той деятельностью, которая вывела многие семьи на довольно высокие уровни материального благосостояния. Выражение "связать дом", "связать автомобиль" стало обычной формулой, выявляющей источники дохода для титульных этносов, а частично и русскоязычного населения республики.

Кооперативное движение второй половины 80-х годов XX века вовлекло в сферу своего влияния приблизительно 70 тысяч граждан Кабардино-Балкарской Республики [55]. На материалах полевых исследований [56] в 1987-1990 каждая пятая кабардинская или балкарская семья примерно 60-70% формировала свой бюджета за счет продаж шерстяных и полушерстяных изделий и синтетического трикотажа, связанного вручную или в небольших кооперативах. Продукты кустарной промышленности вывозились за границы КБР и география их распространения была довольно широкой – до Владивостока и Хабаровска на востоке страны и до Брест на западе.

К концу 1989 года, по неполным подсчетам, кустарные цеха республики потребляли до 300 тонн полиэфирной пряжи в месяц только из Белоруссии. Сезоны продаж шерстяных и полушерстяных изделий, начинавшиеся с сентября и продолжавшиеся до марта означали выезд на временное проживание в города России до 30-ти тысяч женщин.

Развивающаяся ситуация играла двойную роль в развитии и направлении эволюционирования традиционных гендерных систем. Естественно, женщины, которые прошли жесткую школу "дикого" рынка, честной конкуренции и недобросовестной конкуренции в условиях незнакомых городов, не могли остаться в пределах традиционных поведенческих и ментальных норм, формируя даже в пределах традиционных биосоциальных представлений определенный флуктуационный потенциал межполовых границ, что в целом свойственно для современных обществ [57]. С другой стороны, как показывают данные опросов, представительницы бизнеса – производители изделий кустарного промысла и продавцы, и также "челночницы" - в наиболее жесткой форме не принимают те преобразования 90-х годов, которые уже нарушили традиционный уклад их семейной жизни. На наш взгляд связано это обстоятельство с тем, что, несмотря на высокую социально-политическую активность, женщины продолжали оставаться изолированными в общей системе политических и социальных связей и отношений (ограничение либеральных прав и свобод: право участвовать в принятии решений, права собственности).

У этого явления есть объяснение чисто психологического характера, в то же время, мы считаем необходимыми отметить, что существование кустарных промыслов и индивидуальное производство не могут сломать традиционные этнические стереотипы поведения и мотивации. Ментальная область общества и этноса изменяется только в результате сложных преобразований всего образа жизни, включая также такую форму времяпрепровождения как досуг [58]. Кабардинские и балкарские женщины, а также представители всех коренных народов Северного Кавказа, включая казаков, были всегда заняты ремеслами

дома. Однако, занятия торговлей, которую рассматривали как бизнес, считали позорным и недопустимым, они не входили в стандартные модели гендерного поведения вообще. Необратимость изменений экономической ситуации периода 1985-2000 годов вызвана именно тем, что ввиду объективных экономических запросов развития среды, получили развитие различные формы малого бизнеса, ориентированные на торговлю.

Приблизительно в 1988-1989 годах ситуация на рынке резко изменилась. Поток товаров дешевого производства из Китая, Турции, Польши сделал производство шерстяных и полушерстяных изделий крайне убыточным. К 1993 году фактическое производство шерстяных изделий и синтетического трикотажа уменьшилось до нулевой отметки, только единичные цеха, при количестве рабочих мест не больше, чем 10-15 человек, пережили следующее десятилетие.

В то же время число мелких торговцев, которые заняты челночным бизнесом резко увеличилось. Обычно это были женщины. Опросы, проводимые в среде "челноков", показывают очень низкий процент участия мужчин – не больше, чем 10-15% [59]. В начале 90-х годов на учете в налоговых органах республики постоянно состояло около 15 тысяч представителей бизнеса, специализирующихся на скупке и перепродаже товаров народного потребления [60]. Как показало время, это число рыночных торговцев - предел для Кабардино-Балкарии и далее это оно не росло. Однако, для республики, для сохранения традиционных форм женского поведения это количество оказалось более чем высокими. 15 тысяч зарегистрированных предпринимателей - это менее чем 20 тысяч человек, непосредственно занятых челночной торговлей и поездками по стране. Кроме того, надо принять во внимание наличие серверного персонала, как правило, представляющего собой членов семей и близких родственников, то это число должно быть удвоено.

Для региона, в котором число работающих женщин никогда не превышало 150-200 тысяч, 40 тысяч местных жителей, образ жизни которых и стиль жизнеобеспечения противоречат традиционным нормам гендерного поведения,

представляет критическую точку. И большая часть этой категории – женщины репродуктивного возраста от 23-25 до 40-45 лет [61]. В отсутствие жестких стандартов и заявленных норм этнического плана подобный уровень маргинализации не представляет опасности, однако, присутствие последних инициирует развитие открытых форм альтернативного поведения.

В условиях нормального эволюционного развития рыночных отношений наблюдается укрупнение предприятий, работающих в любой сфере бизнеса – торговля не является исключением. Этот процесс естественно и неизбежно сокращает количество людей, занятых выездами и кто оторван от аутентичной этнической среды. Однако, условие постоянного экономического кризиса, длящегося в Северном Кавказе начиная с конца 80-х лет XX веков до начала нового тысячелетия, оказало негативное влияние на количество женщин, которые находятся первоначально в зоне неизбежного изолирования (маргинализации).

В конце 90-х годов на учете в налоговых органах состояло приблизительно 3050-3100 мелких предприятий, в которых были заняты приблизительно 16 тысяч человек. Это 7%, занятых в народном хозяйстве или приблизительно 4% трудоспособного населения республики. Но эти числа должны быть удвоены, во-первых, а во-вторых, учесть, что помимо них в КБР функционировало приблизительно 8 тысяч индивидуальных предпринимателей [62] и от 80 до 90 % данного контингента – женщины - «челночницы» и их деловые партнерши.

Жители сельской местности проявляли при этом высокую степень резистентности. На конец 90-х годов сохранялось крайне неравномерное размещение предприятий малого бизнеса на территории республики. Из общего числа предприятий 2,4 тыс. или 77 % были расположены в г. Нальчике. В Баксанском, Прохладненском и Зольском районах функционировало до 6% предприятий, а в Эльбрусском, Майском и Урванском районах - общее количество предприятий - от 10 до 14 единиц [63]. При этом во многих сельских населенных пунктах, традиционно трудоизбыточных, малые предприятия практически не создавались.

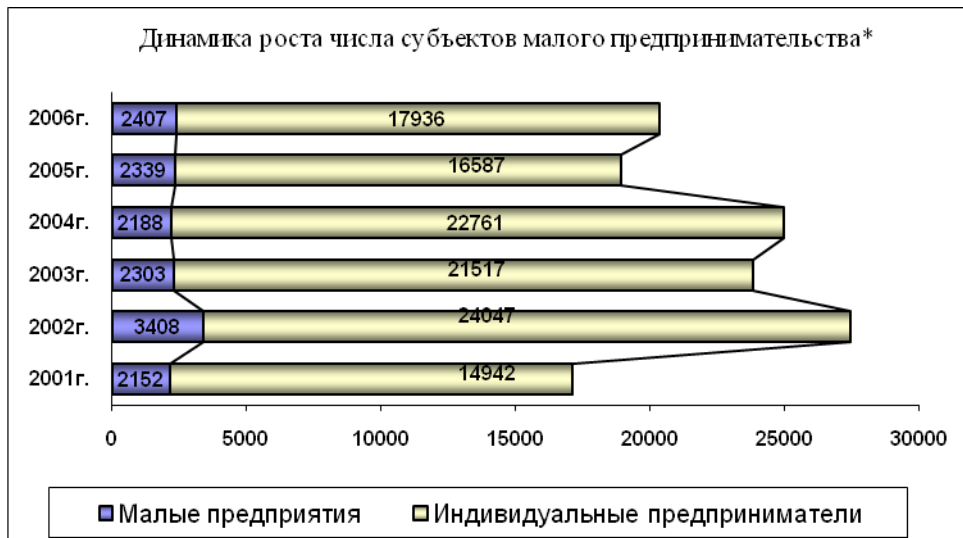
Из общего количества малых предприятий наибольший удельный вес составляли торговля и общественное питание. Здесь функционировало в разные годы конца 90-х годов от 38 % до 50% предприятий малого бизнеса. Малое предпринимательство было весьма слабо развито в жилищно-коммунальном хозяйстве, здравоохранении, в сфере науки и народном образовании (менее 3% общего их числа), на транспорте (2,2%) [64].

В расчете на одного занятого в малом бизнесе сумма налогов превышала 5 тыс. рублей. По народному хозяйству в целом этот показатель составил 3,5 тыс. рублей.

В годовом отчете ФНС РФ по КБР за 1999 год на налоговом учете состояло более 7,5 тыс. индивидуальных предпринимателей. Наибольшее их количество было зарегистрировано в г. Нальчике – 2293, Прохладненском – 2184 и Баксанском районах – 1993. Меньше всего индивидуальных предпринимателей в Зольском (31), Черекском (37) и Терском (69) районах [65]. Львиную долю индивидуальных предпринимателей также составляли женщины, торгующие предметами повседневного спроса. В дальнейшем количественные, качественные и гендерные признаки состава предприятий малого бизнеса в Кабардино-Балкарии не изменились.

По состоянию на 1 января 2007 года в Кабардино-Балкарской Республике осуществляли деятельность 2407 малых предприятий и 17936 индивидуальных предпринимателей [66]. В течение пяти - шести лет нового века в структуре малого бизнеса наметились значительные изменения. Резко выросла доля предприятий в сфере строительства, промышленности, сельского хозяйства. Все это было связано с общим улучшением экономической ситуации в стране. С начала 2000 годов в целом значительно увеличилось число людей, занятых в сфере малого и индивидуального бизнеса. Приблизительно с 2002 года это число достигло 50 тысяч человек, а вместе с услугами сервера – приблизительно 80 тысяч, и с тех пор, независимо от числа предприятий продолжает оставаться стабильным. Динамика роста числа субъектов малого

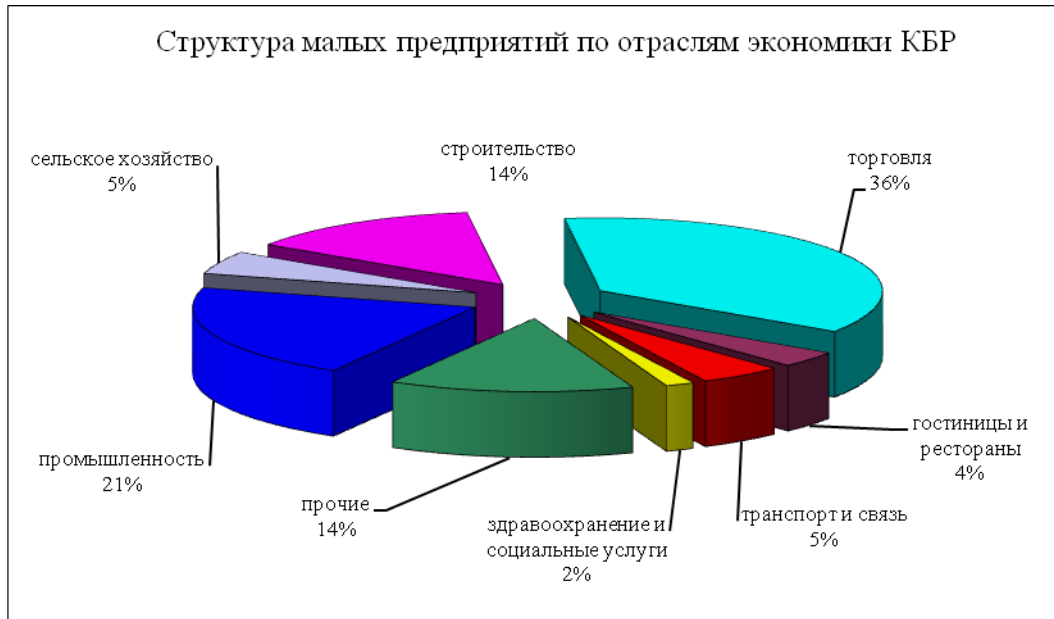
предпринимательства за период с 2001 года по 2006 год представлена на диаграмме [67].

В целом, как это было уже сказано, в течение указанного периода наблюдалась положительная тенденция к росту числа субъектов малого бизнеса. Рост числа субъектов малого бизнеса в 2006 к уровню 2001 составил 12%, индивидуальных предпринимателей – 20% [68].

Важной характеристикой данного процесса было постоянное присутствие непроизводственной сферы в общей структуре малого бизнеса, а внутри этой особенности – внушительное количество женщин, занятых на этих предприятиях. С 1993 года, приблизительно за десять лет, судя по нашим наблюдениям, отношение числа мужчин и женщин в официальном секторе управления и владении малым бизнесом изменилось не намного - представительство женщин увеличилось незначительное.

Отраслевая структура малых предприятий, которая развивалась в критические 2001-2002 года в последнее время практически, не изменилась. Сфера торговли и система общественного питания (39% общего количества малых предприятий) остается более привлекательной для малых предприятий, чем промышленность, где сосредоточен 21 % малых предприятий, или строительство – 14 %, как показано на диаграмме [69].

Доля субъектов малого предпринимательства в обеспечении занятости среди экономически активного населения в Кабардино-Балкарской Республике значительна и составляет, по оценкам Министерства экономического развития и торговли Кабардино-Балкарской Республики, порядка 18 % [70]. Это, конечно же, учитывая сохраняющиеся показатели скрытой безработицы, общей люмпенизации населения, огромная цифра. Переводя ее в среду реально трудоспособного и социально активного населения КБР, мы должны будем применить двойной, а то и тройной повышающий коэффициент. Нас, однако, интересует непосредственно процесс маргинализации женской части населения КБР. В первом приближении ситуация выглядит следующим образом – треть сектора малого предпринимательства – это сфера торговли. Большая часть индивидуальных предпринимателей (приблизительно 80%) [71] – женщины, имеющие прямое отношение к торговле, и, к сожалению, постоянно попадающие по воздействию психологических механизмов, оценочных, мотивационных и поведенческих стандартов, как субъекты, которые находятся в условиях социальной конкуренции.

Сложившаяся численность занятых в сфере малого бизнеса за последние пять лет представлена на следующей диаграмме

По официальным данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Кабардино-Балкарской Республике, число рабочих мест на малых предприятиях расширилось и в среднем в 2005 году составило 10 человек против 5 в 2001 году [72]. С середины 80-х годов (и до сих пор имеет место) в республике был сформирован целый сектор обеспечения жизнедеятельности, с точки зрения политической этнической идентичности, представляющий критический маргинальный ресурс в гендерной сфере. Сформировалось так называемое маргинальное гендерное пространство, существующее вне этнического поля, в котором гендерные системы утрачивают свой статус и специфику функционирования.

Теневой бизнес является отличительной особенностью малого предпринимательства и по различным оценкам продолжает оставаться сегодня и его доля составляет 30 до 50% реального оборота субъектов малого бизнеса [73]. Это, в свою очередь, также влияет на отношение женщин к государству в целом.

Уровень развития малого предпринимательства в муниципальных районах и городских округах республики остается неравномерным, как это

показано в нижеприведенной таблице [74]. Наибольший удельный вес по количеству субъектов малого предпринимательства приходится на городской округ Нальчика (40 %), в котором сосредоточено максимальное количество занятых в малом бизнесе. Это, опять-таки, помимо деловой инерционности сельского населения, играет свою роль резистентность традиционных гендерных систем и этнических стандартов поведения, ибо малый бизнес в сложившихся экономических условиях КБР все же наиболее эффективен и прост в сфере торговли, а она, как уже говорилось, в рамках традиционных нормалей не поощряется [75].

Состояние развития малого предпринимательства по городским округам и муниципальным районам Кабардино-Балкарской Республики

Городские округа и муниципальные районы	Кол-во МП, ед.	Число занятых на МП, чел.	Число занятых на МП на 1000 населения	Кол-во ИП, чел.	Кол-во СМП		Кол-во СМП на 1000 населения
					ед.	уд.вес	
Нальчик	1590	15617	50	6539	8129	40%	27
Прохладный	175	1332	23	1712	1887	9%	31
Баксан	95	804	13	1364	1459	7%	24
Баксанский	38	390	6	1061	1099	5%	17
Зольский	55	505	10	863	918	5%	17
Майский	39	299	7	869	908	4%	22
Прохладненский	35	276	6	776	811	4%	16
Терский	34	230	4	750	784	4%	13
Лескенский	18	344	11	148	166	1%	6
Урванский	112	1240	16	1445	1557	8%	18
Чегемский	123	1355	19	1293	1416	7%	20
Черекский	16	207	8	455	471	2%	17
Эльбрусский	77	367	10	661	738	4%	19

ИТОГО по КБР	2407	22966	25	17936	2034 3	100%	22
--------------	------	-------	----	-------	-----------	------	----

Можно предположить, что сектор малого и частного предпринимательства будет расширяться и в дальнейшем. Каким образом это скажется на маргинализации и политизации женского населения КБР сегодня сказать трудно, ибо в общественную жизнь республики вступил новый фактор детерминации – конфессиональный. Однако, очевидно, что современная экономическая система функционирования государства заинтересована в развитии малого предпринимательства, а в духовной сфере – в изменении ментальности народов России.

Рост числа занятых в сфере малого бизнеса – а рост этот неизбежен, и, по всей видимости, необходим – будет сопровождаться ростом количества женщин в маргинальном секторе обеспечения жизнедеятельности. Как уже говорилось, такое явление не представляет прямой социальной опасности и, тем более, практически не влияет на политический фон государства.

Однако маргинализация значительной части женского населения в условиях традиционных этнических обществ в виде реакции национальных этических систем продуцирует альтернативные модели женского поведения. Дело в том, что стереотипы делового поведения женщин, адаптированные к рыночным отношениям, также могут представлять социальную опасность – в случае неадекватности и малой комфортности экономического пространства, в котором развиваются маргинальные женские группы. В Кабардино-Балкарии с конца 90-х годов XX века в этом плане наблюдалось небывалое дотоле явление – женские демонстрации. Речь идет, конечно же, не о политических демонстрациях в полном смысле этого слова. Это были акции сугубо экономического плана, обращенные на установление приемлемых условий функционирования в секторе рыночного бизнеса. За период 1999-2006 г.г. имело место немногим более десятка таких мероприятий, собиравших во всех случаях не более 500 участниц, но сам факт

весьма показателен. Еще более иллюстративным выглядит уровень организации этих мероприятий. Если в 90-х годах появление групп женщин на площадях и перед административными зданиями республики были спонтанными шагами мелких рыночных торговцев, то уже к 2002 г. ситуация изменилась. Судя по информации из частных источников, последние сборы у Дома Правительства КБР, прошедшие в 2005-2006 г.г., были заранее организованы и спланированы, обеспечивались юридической и материальной поддержкой третьих лиц.

Здесь, вне всякого сомнения, мы наблюдаем попытки национальных элит старой формации (периода формирования 1988-2002 г.г.), оказать политическое сопротивление новой волне руководящих кадров республики, путем повышения гендерно-социальной и политической напряженности в КБР. В то же время нельзя не отметить того, что маргинализируемая, вошедшая в рынок часть женского населения республики воспринимается определенными политическими группировками как реальная сила. Понятно, что даже исходя из численности этой части женского населения КБР, социальный и политический потенциал ее весьма велик.

Риски, связанные с маргинализируемыми группами женщин формируются в зоне действия двух детерминирующих факторов – во - первых, сами условия бизнеса, во - вторых, что не менее важно – социальная среда самого общества, уровень защищенности и обеспеченности семей, обусловленный позицией государства, т.е. социальная сфера. Что видится особо существенным при этом – ущербность последней может быть преодолена в условиях экономического благополучия и решимости государства, но сформированные в среде негативных социальных подвижек стандарты поведения и ментальность продолжают оказывать влияние на общество и после перехода его в период стабилизации. Для граждан Кабардино-Балкарии, равно как и для всех народов Северного Кавказа, этапом формирования деструктивных ментальных стереотипов были 90-е годы. Именно в этот период взаимоотношения населения и государства в социальной сфере были наиболее напряженными.

Де факто, управленческие структуры в 90-е годы прошлого века вычленились из общего объема гражданского социума; некомпетентность, либо умысел со стороны руководящей верхушки создали условия, когда привычные, ставшие «естественными» способы социальной реализации граждан прекратили свое существование, обвал систем материального воспроизводства привел к массовой деносации статуса мужчины и вынудил женщин республики к самостоятельному поиску источников существования. При этом гендерные системы в своих адаптивных компонентах изначально были ориентированы на наиболее эффективные стратегии выживания.

Высокая степень адаптивности же женского сознания проявилась как в самом характере женского участия в бизнесе республики – акцент был сделан на менее трудоемкую и, в то же время, наиболее выгодную отрасль – торговлю; так и в формировании устремлений подрастающего поколения – на сегодняшний день в учебных заведениях КБР почти полностью исчезли специальности, обращенные на сектора реальной экономики – за полной их невостребованностью, что во многом объясняется семейными установками, т.е. параметрами базовых гендерных комплексов.

Что касается процессов гендерной адаптации в среде сельского населения, то ситуация здесь развивалась аналогично. Целью данной работы не является анализ причин катастрофического падения уровня производства в сельском хозяйстве республики, причин развала его структур. В рамках нашего исследования, детально изучая архивные материалы Министерства сельского хозяйства Кабардино-Балкарской Республики, мы лишь можем констатировать (это важно в политическом аспекте), что к концу последнего десятилетия прошлого века в сельском хозяйстве республики сложилось положение, весьма похожее на ситуацию в ее промышленном секторе – крупные хозяйства находились в состоянии крайнего упадка и сфера восполнения жизненных потребностей населения в значительной мере перешла в частные руки.

Приходится утверждать, что мужская часть населения сельских районов – в ощутимой своей доле – находилась в состоянии хозяйственной апатии. Особенно это касалось удаленных и изолированных сел. Судя по данным блиц - опросов, проведенных в 2000 г. в нескольких селах Терского (Урожайное, Дейское), Черекского (Кара-Су), Чегемского (Булунгу) районов, в каждом из них сложился контингент полностью нефункциональных в социальном плане лиц, принимавших участие в хозяйственной жизни своих семей лишь эпизодически. Группы мужчин, впавших в алкоголизм, и собиравшихся с раннего утра у сельсоветов, клубов, работающих магазинов могли быть довольно значительными – в одном из сел, чье население находится в пределах 1000 жителей, например, подобная прослойка составляла более 30 человек постоянного состава.

Традиционно между кабардинцами и балкарцами существует некое нестрогое разделение труда, и подобное наблюдается во всех субъектах Северного Кавказа. Горные области республики ориентированы на отгонное животноводство, агрокультура здесь практически не развита. Предгорные и равнинные территории, населенные, в основном, кабардинцами, больше тяготеют к растениеводству. Однако, в обоих регионах, на протяжении столетий наблюдается острейший дефицит земли – в Балкарии, например, существовала продажная площадь «таш орун» - место под камнем. Площадь под округлым гранитным валуном, который можно было поднять одной рукой, ухватив его пальцами сверху, служила предметом купли-продажи. В Кабарде, после всех ее территориальных потерь, произошедших с середины XIX в., на среднестатистическую семью, проживающую в сельской местности, приходится менее 1 га сельхозугодий.

Поэтому мы с полным основанием можем утверждать, что площадь необрабатываемых территорий для Кабарды и неиспользуемых сенокосов для Балкарии являются четкими и однозначными кореллятами степени маргинализации и люмпенизации населения. В этом смысле важна не столько площадь обрабатываемых - необрабатываемых земель, ибо учет этих показателей

практически невозможен, а общие параметры продуктивности сельскохозяйственных площадей.

В горной части республики количество скота у населения также уменьшилось в разы. Разница между официальной статистикой и реальным положением дел объясняется большим количеством неучтенного скота [76]. Но для балкарцев основным показателем отказа от традиционных форм хозяйствования является состояние покосных участков – скот в условиях гор Кабардино-Балкарии все равно подсчитать невозможно. По части же покосов – сегодня, судя по материалам полевых исследований, в моменты жеребьевки по покосным участкам распределению подлежит не более 40% площадей, использовавшихся каких-то 10-15 лет назад [77].

Более того – в абсолютное запустение пришла традиционная для балкарского населения система оросительных каналов, с использованием которой жители горных аулов, расположенных в зоне, так называемой северокавказской депрессии, получали два, а то и три урожая сена в год с орошаемых участков. Общая протяженность использовавшихся в середине 80-х годов XX века каналов оценивается по разным источникам в 120-200 км. На сегодняшний день эта цифра не доходит по всем балкарским селам и до 20 км и достоверно свидетельствует об уровне хозяйственной активности и социальном самочувствии жителей горных селений мужского пола [78].

Важнейшим маркером состояния этноса служит демографическая ситуация. Показатели этой области также свидетельствовали о глубоком системном кризисе, поразившем Кабардино-Балкарию в 90-е годы.

По официальной оценке, численность населения КБР составила на 1.01.1999 год 792,2 тыс. человек, что, практически не превышало показатели середины десятилетия 90-х годов. Увеличение численности населения происходило исключительно за счет естественного прироста на фоне продолжающегося механического оттока населения за пределы республики.

К концу десятилетия общие демографические тенденции развития республики полностью дублировали параметры середины 90-х, что само по себе является красноречивым фактом. Продолжала снижаться рождаемость. В расчете на 1 тыс. жителей республики в 1999 году родилось в среднем 11,6 человек, тогда как в 1997 году - 12,5 человек [79]. Вместе с тем темпы снижения рождаемости за все десятилетие заметно замедлились, что свидетельствовало, по официальным оценкам государства о начале стабилизации демографических процессов в республике, связанных, якобы, со стабилизацией социально-экономической и политической обстановки. На самом деле, в дело вступил абсолютно новый фактор формирования демографической ситуации – конфессиональный.

Продолжились изменения возрастной структуры населения. По состоянию на конец 1999 года численность детей в возрасте до 18 лет сократилась на 4,1 тыс. человек. Количество зарегистрированных браков уменьшилось примерно на 13% [80], что явилось следствием ухудшения социально-экономических условий для образования новых семей. Несколько возросла по сравнению с предыдущим годом интенсивность миграционных процессов. Число выехавших из республики превысило число прибывших в нее на 1,4 тыс. человек. Отток наблюдался, в основном в отношении русскоязычного населения, но совсем скоро ситуация изменилась – к 2005 году выезд в поисках постоянной работы за пределы республики лиц кабардинской и балкарской национальности достиг 12-15 тыс. человек в год [81].

Резкий скачок количества выезжающих за пределы республики мужчин кабардинской и балкарской национальности, по нашему мнению, является косвенным доказательством серьезных изменений, произошедших в сознании женщин кабардинской и балкарской национальностей именно в 90-е годы. Дело в том, что традиционно отхожие промыслы у народов республики также не поощрялись. Вплоть до установления советской власти и во времена СССР было вполне нормальным работать в соседнем селе, в соседнем районе – во всяком случае, на дистанции дневной досягаемости. Объясняется это, по всей видимости,

как моментами этнической ритуалистики (умершего, например, хоронят до первого после смерти прохождения солнцем точки зенита), так и остаточными проявлениями кодекса мужчины-воина, мужчины-защитника.

После инициации в конце 80– начале 90-х годов процессов включения женщин в производство материальных благ, осознания ими своей финансовой независимости, соответственно – повышения внутрисемейного статуса, и снижения уровня безопасности для мужчин во время их пребывания вне КБР, нахождение их в республике стало рассматриваться если не как обязательная, то, хотя бы – как предпочтительная норма.

В отношении этого вопроса – удерживание супруга в пределах семьи в 90-х годах и поощрение его высокого заработка сегодня – мы видим действие двух феноменов одного генерационного происхождения. Вторая половина 80-х, самое начало 90-х годов прошлого века, как уже указывалось – время формирования новой политической и социальной позиции женщины-горянки и не только жительницы города. Жительницы сел весьма активно включились в процесс материального обеспечения своих семей. И кабардинки, и балкарки производили значительную товарную массу изделий из шерсти, молочной продукции, трикотажа из привозного сырья, новое дыхание обрело кустарное кожевенное производство. Все это абсолютно традиционно для этносов республики, но в условиях неуклонного снижения социальной дееспособности мужчин вело к латентной внутрисемейной маргинализации женщин, к расширению секторального гендерного пространства, то есть изменению статуса женщин и появлению вариативных форм внутрисемейного взаимодействия. Даже без проведения полевых исследований и опросов, можно утверждать, что уже к началу-середине 90-х годов в большинстве национальных семей женщины имели свой голос по всем проблемам – от распределения денежных средств, до вопросов «большой» политики.

Характер кустарного производства во всех случаях являл, как и положено частному хозяйству, полный цикл. В поставке на рынок шерстяных изделий,

сыра, сметаны, мяса птицы, молока, масла все осуществлялось самим хозяйствующим субъектом – вплоть до реализации произведенного товара. Качество товара при этом было наивысшим, а процесс его изготовления – достаточно трудоемким и затратным.

Уже в первой половине 90-х годов экономическая ситуация в республике ухудшилась настолько, что произведенные традиционными способами товары либо перестали приносить прибыль, либо прибыль эта перестала покрывать лакуны семейных бюджетов, ибо приток реальных средств в семью со стороны мужчин постоянно снижался (мы, естественно, оперируем тенденциальными категориями). Доминанция адаптивных компонент в сознании женщины, понимаемой нами, прежде всего, как действующий субъект репродукции [82], естественным образом привела женщину к выводу о необходимости повышения уровня рентабельности частного производства.

И это было осуществлено. Во второй половине 90-х в большинстве семей, занятых частным производством, уже не было речи о продаже на рынке, например, домашней птицы (в потребительском смысле). Выращивание ее на собственном подворье, выкормка зерном в течение нескольких месяцев, ушли в прошлое. Частники, в основной своей массе, заключали договора с птицефабриками, либо беря на откорм уже подросших бройлеров, либо вообще принимая на себя функции предпродажной подготовки птицы (ощипывание, складирование, хранение). При этом в розничную торговлю на базарах или торговых точках тушки поступали в качестве «домашней», что достигалось в некоторых случаях посредством различных ухищрений, к этнической ментальности народов КБР отношений не имеющих.

Приблизительно с конца 90-х годов подавляющая доля поступающего в продажу кустарного сыра изготавливается из обезжиренного молока, а весьма часто – из чистого обрат. В это же время на шерстяных рынках республики и, особенно за ее пределами в продаже впервые появились изделия из так

называемой «ровенки»), то есть – гладкой нескрученной пряжи, носкость которой не превышает срока до первой стирки.

Динамика технологических изменений в данных производствах показательна. В частности, уже в середине 90-х годов в частных мастерских практически прекратилось производство электропрялок для домашнего пользования – исчез сбыт. Еще раньше начали закрываться прядильные и чесальные цеха в сельских населенных пунктах – мастерицы перешли на вязание из заводской пряжи, поступавшей из Ставропольского края. После закрытия в Невиномысске шерстемоечной фабрики даже детские вещи стали производиться из синтетической нити. При этом в начале-середине последнего десятилетия XX века в республике наблюдался бум продаж вязальных машин, что также свидетельствует об отходе от традиционных схем ремесленного производства, ориентированных на выпуск сугубо качественной продукции ручной выделки.

Не относительное, а абсолютное качество и добросовестность изготовления уже не интересовали горянку. Даже при наличии возможностей мастерицы 90-х годов предпочитали «короткий» оборот средств и труда.

Такого рода трансформация ментальных стереотипов в сфере ремесленного производства, расценивается нами как полное пренебрежение традиционными алгоритмами национальных ремесел, а в фундаментальных составляющих парадигмы всего процесса изменения целевых ориентаций производства – как резкий сдвиг психологии женщин в 90-х годах XX столетия (сформировался тип сознания, свойственный маргинальной культуре, как результата нестандартной культурной коммуникации). Причем речь идет о женщинах-сельчанках, представляющих наиболее глубинный резерв этнической сопротивляемости процессам унификации и маргинализации народов республики.

Последствия этой подвижки в ментальном пространстве сельских жителей сегодня вполне очевидны. Даже в отдаленных селах республики существует устойчивый контингент женщин, задействованных в непроизводственной сфере. Концентрация и мелкооптовая продажа продуктов кустарных промыслов

приносят им гораздо больший доход, нежели само производство, что представляется особенно важным для нас – в системах социального стратифицирования среди женской части сельского населения именно посредницы обладают наивысшим авторитетом и статусом, как говорят нам данные наших полевых исследований.

Смена ценностных ориентиров в женской среде сельского населения КБР отчетливо прослеживается в авторитарной ориентации представителей подрастающего поколения. Во - первых, большинство контактеров- женщин, точно опрошенных нами в удаленных селах республики (Зарагиж, В.Жемтала, Н.Жемтала – всего 30 информаторов) выказали стремление к получению их дочерьми высшего образования с последующим проживанием детей в городе, либо в ближайшем пригороде. Лишь 4 респондента в качестве возможной указали профессии потенциально «сельской» направленности (учитель-2, медик - 1, культработник - 1). Из 26 респонденток, пожелавших для своих детей «городские» специальности и городскую прописку 11 назвали профессию врача (при обязательном условии работы в городе), 9 – юриста и 5 – экономиста. 1 из респондентов не смог дать определенного ответа [83].

Уровень маргинализации и адаптированности женщин-горянок к современным технологиям социального эскортирования своих детей в нашем понимании - полностью синхронные и координированные показатели. В традиционном гендерном пространстве этносов Кабардино-Балкарии не существовало даже понятия о лоббировании социальных интересов детей, родители были ответственны лишь за моральный облик ребенка и воспомоществование в рамках биологических потребностей – собственно говоря, помощь оказывалась старшим сыновьям в строительстве жилья, в первичном обзаведении хозяйством. В отношении девочек социальная забота проявлялась в подготовке приданого и в выборе жениха. Лишь в самых крайних случаях, запредельных в горском понимании, братья или отец могли проявить интерес к внутрисемейному статусу отданной в другую семью девушки.

Сегодняшнее стремление со стороны женщин к социальному продвижению своих детей говорит о полной смене в рамках гендерных систем моральных приоритетов адаптивными – именно у сельских жителей Кабардино-Балкарии. К слову, с момента перехода вузов республики на набор студентов по системе единого государственного экзамена, наблюдается тенденция роста количества набранных баллов у абитуриентов – уроженцев сел. Понятно, что это отнюдь не говорит о внезапном скачке качества преподавания в сельских школах.

Латентная маргинализация и социально-политическая активизация женщин-горняков, как уже упоминалось, с начала 90-х годов XX века происходят на фоне дезадаптированности и открытой маргинализации мужской части населения в целом, усиления их политической пассивности. В городах и ближайших к столице республики селах мужчина-маргинал, грубо говоря – приживалка – уже далеко не редкость. Еще чаще он задействован в качестве подручного в бизнесе жены.

В сельских населенных пунктах ситуация носит несколько иной характер. Даже в отношении полностью десоциализированных и подверженных сильному влиянию алкоголя мужчин действует традиционный для этносов Северного Кавказа институт его высокого позиционирования – хотя бы во внешних проявлениях, так сказать, «на людях». Поэтому любые социально значимые акции женщин – будь это бизнес, будь это исполнение ритуальных норм в худших случаях проходят дистанцированно от мужчины, в норме же – при его главенствующем участии.

Тем не менее, приоритетность во взаимоотношениях между полами претерпела заметные сдвиги. Если это никак не проявляется поведенчески, то факты функционирования систем материального обеспечения семей видятся достаточно красноречивыми. Думается, именно женщинами инициируется участие мужчин в тех сферах производства, которые истари считались непригодными для горца. Например, та же торговля на рынке. В общую картину этнически допустимого вписывается лишь продажа мяса – по одной простой причине – продавец мяса одновременно может быть мясником, а это уже чисто

мужская прерогатива. В настоящий момент простейший обход рынков Кабардино-Балкарии выявляет видимое присутствие на них мужчин – приблизительно 10-12% торгующих коренных национальностей (сугубо визуальные данные по центральному колхозному рынку города Нальчика).

Участие мужчин в производстве и продаже птицы находится в том же ряду показательных фактов – в классических представлениях кабардинцев и балкарцев в той или иной степени сохранявшихся до недавнего времени (собственно говоря, до конца 80 годов прошлого века), терминология, связанная с домашней птицей, присутствовала только в виде названий блюд.

Но наиболее иллюстративным фактом нам видится переход на товарное овощное производство в горных балкарских селениях. Если в адыгской среде все же бытовали традиции разведения домашней птицы, если торговые стандарты и навыки все же присущи любому народу, вышедшему из стадии натурального обмена, то в культуре балкарцев овощное земледелие, напротив, отсутствовало – прежде всего, по причине крайнего малоземелья. Этот сектор сельского хозяйства как у родственных балкарцам карачаевцев, так и у самих балкарцев, появился лишь в XIX веке – точнее не само производство, а небольшая сумма знаний о тех или иных овощных культурах. Некоторые названия овощей в карачаево-балкарском языке появились совсем недавно и относятся либо, к, несомненно, заимствованной лексике, либо – к заимствованной предположительно. При этом нет нужды указывать, что бахча никоим образом не входила в сферу компетенции мужчины, к работе на ней считалось недопустимым привлекать даже мальчиков-подростков (по имеющейся у нас информации, до сих пор сохранились – правда, уже не употребляются – весьма обидные и даже нецензурные стихи-дразнилки, рассчитанные на мальчиков, копающихся в огороде).

Тем более удивительно, что, начиная со второй половины 90 годов прошлого века, целый ряд горных балкарских селений перешел на товарное производство овощных монокультур. Абсолютно понятно при этом, что товарное производство, рассчитанное на получение крупных партий овощей с достаточно

обширных участков, но недостаточно обширных для привлечения техники, может существовать только при активной помощи мужской части населения.

И действительно, капуста, картошка, красная смородина таких балкарских сел как Былым, Булунгу, Безенги, Верхняя Балкария выращивается если не с большим, то с паритетным участием мужчин. Этот способ хозяйствования за каких-то 10-15 лет занял настолько прочное место в стереотипах этнического быта балкарского народа, что, по крайней мере, последние несколько лет ставшие традиционными фамильные сборы национальных патронимий не назначаются на время плановых мероприятий по бахчевым участкам. Такое раньше практиковалось лишь в отношении времени сенокоса. Высвобождение времени бахчевых работ и перевод их в разряд приемлемых для мужчин в нашем понимании является ярким свидетельством того, что в традиционных патерналистских сообществах, каковыми мы видим кабардинский и балкарский этносы проявились общие процессы маргинализации мужчины. Что касается женщин народов Северного Кавказа, то они находились в положении крайней политической и социальной стесненности, и имеющаяся в целом дезадаптированность мужчин, даже в условиях кризисного состояния экономической системы, социальных и государственных институтов обеспечения жизни, стала специфическим моментом катализации их социально-политической деятельности – конечно, помимо других факторов объективного характера.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Тартаковская, И. Н. Гендерная социология [Текст] / И.Н. Тартаковская. – М.: ООО «Вариант» при участии ООО «Невский простор», 2005. – 368 с.
2. См. Шаожева, Н.А. Эволюционные формы женской социально-политической активности в Кабардино-Балкарии [Текст] / Н.А. Шаожева. – Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2010. – 119 с.; она же: Гендерные процессы в этнополитическом и социокультурном пространстве Северного Кавказа [Текст] / Н.А. Шаожева. – Нальчик: КБНЦ РАН, 2011. – 255 с.
3. Потто, А. Кавказско-горское ополчение в 1812 году [Текст] / А.Потто//Кавказская война. В 5-ти т.– Краснодар: Д. Екатеринодар, - 1994. – Т. 1. - 563 с.
4. См. Ерофеев, В. Мужчины [Текст] / В.Ерофеев. – М.: Подкова, 1997. – 152 с.
5. Данные, предоставленные автору Министерством экономического развития и торговли КБР за 1998 год.
6. См. Отчет по результатам анкетирования на тему: «Политизация гендерных отношений в процессе преобразования российского общества (на материале Северного Кавказа)».
7. Хабермас, Ю. Диалектика секуляризации [Текст] / Ю. Хабермас. - М.: Библейско-богословский институт св. Апостола Андрея, 2006. – 112 с.
8. Статистический ежегодник «Кабардино-Балкария в цифрах». – Нальчик: Кабардино-Балкариястат, 1999. – 54 с.
9. Указы и Постановлений Президента и Правительства КБР// <http://www.pravitelstvokbr.ru>; parlament-kbr.ru; zakonprost.ru
content/regional/19/1339327/

10. Статистический ежегодник «Кабардино-Балкария в цифрах».- Нальчик: Кабардино - Балкариястат, 1999. – 54 с.
11. Статистический ежегодник «Кабардино-Балкария в цифрах».- Нальчик: Кабардино-Балкариястат, 1999. – 54 с.
12. ЦГА КБР - Ф. – 6. - Оп. 1. – Д. 43. - Л.8.
13. Статистический ежегодник «Кабардино-Балкария в цифрах».- Нальчик: Кабардино-Балкариястат, 2008. – 58 с.
14. Данные Министерства строительства и архитектуры КБР. Статистический ежегодник «Кабардино-Балкария в цифрах».- Нальчик: Изд-во Кабардино-Балкариястат, 2008. – 58 с.
15. Гамзатов, Г. Литература народов Дагестана дооктябрьского периода [Текст] / Гамзатов. - М.: Наука, 1982. – 327 с.
16. Статистический ежегодник «Кабардино-Балкария в цифрах».- Нальчик: Кабардино-Балкариястат, 1999. – 54 с.
17. Материалы, предоставленные автору Министерства экономики КБР за 1998 год.
18. Данные, полученные из личных бесед автора.
19. Статистический ежегодник «Кабардино-Балкария в цифрах».- Нальчик: Кабардино-Балкариястат, 1999. – 54 с .
20. Данные, предоставленные Федеральной налоговой службой по КБР за 1998 год.
21. Вигманн, Г.Таджикские женщины и социальные изменения: взгляд с западной стороны [Текст] / Г. Вигманн//Гендер: традиции и современность. Сборник статей по гендерным исследованиям/ред. С.Р. Касимова.- М.: Комкнига, 2005. – С. 162 - 176.
22. Указы и Постановлений Президента и Правительства КБР// <http://www.pravitelstvokbr.ru>; parlament-kbr.ru; zakonprost.ru
content/regional/19/1339327/

23. См. Статистический ежегодник «Кабардино-Балкария в цифрах». – Нальчик: Кабардино-Балкариястат, 2010. – 56 с.; Данные блицопроса, проведенного автором среди населения г. Нальчик (район «Искож»).
24. Статистический ежегодник «Кабардино-Балкария в цифрах».- Нальчик: Изд-во Кабардино-Балкариястат,1999. – 54 с.
25. Там же.
26. См. Статистический ежегодник «Кабардино-Балкария в цифрах». – Нальчик: Кабардино-Балкариястат, 2010. – 56 с.
27. Данные Государственного комитета по статистике Кабардино-Балкарской Республики//Кабардино-Балкарская правда. - 4 сентября-1998.
28. Кавказский узел.- 4 сентября. - 2001.
29. Белова, Т.Е. Американка конца 80-х [Текст] / Т.Е.Белова//США. -1989. - №3.- С.37- 42.
30. Архив МВД КБР.
31. Итоговый доклад Министерства экономики КБР за 1998 г.
32. Данные полевых исследований автора.
33. См. Гутов, А. Этюды о кавказском этикете [Текст] / А.Гутов. – Нальчик: Эльбрус, 1998. – 224 с.
34. Хан-Гирей. Записки о Черкесии [Текст] / Хан-Гирей. – Нальчик: Эльфа, 1989. – 85 с.
35. Сводный Доклад Министерства экономики КБР за 1998-1999 г.г.
36. Информатор Витенберг И. (1964 г.р., Нальчик)
37. Статистический ежегодник «Кабардино-Балкария в цифрах».- Нальчик: Кабардино-Балкариястат, 1999. – 54 с.
38. Информатор Жаникаев Х. (1926 г.р., Булунгу)
39. Информатор Иттиев М. (1963 г.р., Бабугент)
40. Информатор Гогузоков Х. (1964 г.р., Дугулубгей)
41. Информатор Думанов З.Б. (1980 г.р., Светловодское)

42. Информатор Калов Г. (1935 г.р., Каменка)
43. Полевая экспедиция автора 2000 года.
44. Личный архив Мальбахова Э.
45. Данные, полученные автором в личной беседе с группой людей, занимающихся торговлей.
46. Статистический ежегодник «Кабардино-Балкария в цифрах».- Нальчик: Кабардино-Балкариястат, 1999. – 54 с.
47. Здесь и далее вся официальная информация по безработице, представленная Министерством труда и социального развития КБР. Так же см. Приложения, таб. 6, 7.
48. Исследования автором текущей документации предприятий легкой промышленности г. Нальчика.
49. Данные Государственного комитета Кабардино-Балкарской республики по занятости населения, предоставленные автору 25 мая 2010 года, справка № 676.
50. Оперативная информация Государственного комитета Кабардино-Балкарской республики по занятости населения: «О количестве и социальном составе граждан, обратившихся за содействием в ГУ «ЦЗН» г. Нальчика в 1998 г.».
51. Данные Министерства экономики КБР за 1998 г.
52. Данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Кабардино-Балкарской Республике.
53. Данные, предоставленные ГИБДД КБР.
54. Статистический ежегодник «Кабардино-Балкария в цифрах».- Нальчик: Кабардино-Балкариястат, 1999. – 54 с.
55. Сводная справка: «Развитие кооперативного движения (80-е-90-е годы XX века), предоставленная Федеральной службой государственной статистики по КБР.

56. См. Отчет по результатам анкетирования на тему: «Политизация гендерных отношений в процессе преобразования российского общества (на материале Северного Кавказа)».
57. См. Бороденко, М. Феномен гетерогенности пола [Текст] / М.А. Бороденко, М.В. Колесникова, В.А. Петровский//Мир психологии. - 2001. - №4. - С. 179-190.
58. См. Артемов, В.А. Изменения условий и образа жизни в Сибири (1972–1993) [Текст] / В.А.Артемов//Социологические исследования. - 1995. - № 1. - С. 73–83.
59. См. Отчет по результатам анкетирования на тему: «Политизация гендерных отношений в процессе преобразования российского общества (на материале Северного Кавказа)».
60. «Динамика занятости в сфере частного предпринимательства»/ Справка, подготовленная Управлением Федеральной налоговой службы по Кабардино-Балкарской Республике по запросу автора. (2009 г.)
61. Справка «Динамика занятости в сфере частного предпринимательства», подготовленная Управлением Федеральной налоговой службы по Кабардино-Балкарской Республике по запросу автора.
62. Там же.
63. Сводная справка: «Распределение предприятий по районам Кабардино-Балкарской Республики», предоставленная Федеральной службой государственной статистики по КБР за 1998 год.
64. «Классификация малых предприятий по отраслям/Справка, подготовленная Управлением Федеральной налоговой службы по Кабардино-Балкарской Республике. (2009 г.)
65. Там же.
66. Республиканская целевая программа «Развитие и поддержка малого предпринимательства в Кабардино-Балкарской Республике на 2007-2011

- годы [Электронный ресурс] В редакции Закона Кабардино-Балкарской Республики от 24.12.2007 года № 93-РЗ / Режим доступа: www.gosbook.ru
67. Там же.
68. Там же.
69. Там же.
70. Там же.
71. Там же.
72. Там же.
73. Там же.
74. Республиканская целевая программа «Развитие и поддержка малого предпринимательства в Кабардино-Балкарской Республике на 2007-2011 годы [Электронный ресурс] В редакции Закона Кабардино-Балкарской Республики от 24.12.2007 года № 93-РЗ / Режим доступа: www.gosbook.ru. «Количество индивидуальных предпринимателей, состоявших на учете в налоговых органах КБР (половозрастной состав)/ Сводная справка, подготовленная Управлением Федеральной налоговой службы по Кабардино-Балкарской Республике в 2009 году.
75. Республиканская целевая программа «Развитие и поддержка малого предпринимательства в Кабардино-Балкарской Республике на 2007-2011 годы [Электронный ресурс] В редакции Закона Кабардино-Балкарской Республики от 24.12.2007 года № 93-РЗ / Режим доступа: www.gosbook.ru
76. Данные, предоставленные автору Министерством экономического развития и торговли Кабардино-Балкарской Республики.
77. Информатор Шомахов Б. (1952 г.р., Заюково)
78. Информатор Толгуров И. (1970 г.р., Кара-Су)
79. Информатор Жаникаев Х. (1926 г.р., Булунгу)
80. Справка Управления ЗАГС КБР.
81. Справка, предоставленная Федеральной миграционной службой РФ по КБР в 2010 году.

82. См. Брандт, Г. Человек на обочине, или «место» женщины в истории европейской философии [Текст] / Г.Брандт//Адам и Ева. Альманах гендерной истории.- М.: ИВИ РАН, 2002. № 4. – С. 7-33.
83. См. Отчет по результатам анкетирования на тему: «Политизация гендерных отношений в процессе преобразования российского общества (на материале Северного Кавказа)».

Приложение № 1

СТРУКТУРА ПОТРЕБЛЕНИЯ НЕКОТОРЫХ ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ В РЕСПУБЛИКАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

ПОТРЕБЛЕНИЕ МЯСА И МЯСОПРОДУКТОВ НА ДУШУ НАСЕЛЕНИЯ (включая субпродукты II категории и жир-сырец) (в год; килограммов)

	1990	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	Место, занимаемое в Российской Федерации 2002
Республика Адыгея	...	43	36	33	33	31	32	34	35	72
Республика Дагестан	39	33	32	33	32	28	27	25	29	77
Республика Ингушетия	36	28	21	20	23	21	22	24	25	79
Кабардино-Балкарская Республика	47	35	35	37	37	38	38	39	41	63
Карачаево-Черкесская Республика	...	57	50	51	45	35	37	39	41	64
Республика Северная Осетия - Алания	55	45	37	39	40	41	42	43	45	52

ПОТРЕБЛЕНИЕ ЯИЦ НА ДУШУ НАСЕЛЕНИЯ (в год; штук)

	1990	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	Место, занимаемое в Российской Федерации 2002
Республика Адыгея	...	177	163	122	147	147	137	137	134	74
Республика Дагестан	146	95	96	97	107	109	114	121	132	75
Республика Ингушетия	145	22	40	22	52	60	83	98	113	78
Кабардино-Балкарская Республика	255	180	177	186	200	200	205	227	231	39
Карачаево-Черкесская Республика	...	205	204	187	144	148	197	202	203	53
Республика Северная Осетия - Алания	225	120	125	127	138	180	181	187	200	56

ПОТРЕБЛЕНИЕ МОЛОКА И МОЛОЧНЫХ ПРОДУКТОВ НА ДУШУ НАСЕЛЕНИЯ
(в год; килограммов)

	1990	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	Место, занимаемое в Российской Федерации 2002
Республика Адыгея	...	199	199	195	213	195	198	193	195	57
Республика Дагестан	274	152	151	147	142	142	141	143	149	73
Республика Ингушетия	289	202	107	136	147	119	133	138	145	74
Кабардино-Балкарская Республика	382	287	272	274	274	275	281	284	287	9
Карачаево-Черкесская Республика	...	333	281	256	291	302	316	336	306	5
Республика Северная Осетия - Алания	305	231	194	194	200	200	201	202	212	46

ПОТРЕБЛЕНИЕ САХАРА НА ДУШУ НАСЕЛЕНИЯ
(в год; килограммов)

	1990	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	Место, занимаемое в Российской Федерации 2002
Республика Адыгея	...	36	37	39	59	60	59	60	59	1
Республика Дагестан	41	36	38	36	40	41	41	39	41	19
Республика Ингушетия	41	34	33	32	37	34	38	40	41	20
Кабардино-Балкарская Республика	38	30	31	33	35	37	39	39	40	23
Карачаево-Черкесская Республика	...	31	34	33	29	26	28	28	29	64
Республика Северная Осетия - Алания	47	33	34	33	42	43	43	46	47	10

ПОТРЕБЛЕНИЕ РАСТИТЕЛЬНОГО МАСЛА НА ДУШУ НАСЕЛЕНИЯ
(в год; килограммов)

	1990	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	Место, занимаемое в Российской Федерации
--	------	------	------	------	------	------	------	------	------	--

										2002
Республика Адыгея	...	8,2	10,2	8,0	7,8	7,8	9,6	9,6	9,8	38
Республика Дагестан	8,6	5,4	5,8	6,2	6,5	6,0	6,0	6,1	6,2	78
Республика Ингушетия	9,4	5,5	5,3	6,4	6,7	6,9	7,2	7,6	7,8	69
Кабардино-Балкарская Республика	7,9	6,3	8,0	8,0	8,0	8,1	8,2	8,2	8,3	60
Карачаево-Черкесская Республика	...	7,1	7,3	8,0	8,7	8,5	8,5	8,8	8,8	51
Республика Северная Осетия -Алания	7,3	6,5	6,9	7,2	8,4	8,5	8,7	9,0	9,3	45

ПОТРЕБЛЕНИЕ КАРТОФЕЛЯ НА ДУШУ НАСЕЛЕНИЯ
(в год; килограммов)

	1990	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	Место, занимаемое в Российской Федерации 2002
Республика Адыгея	...	98	114	177	173	85	89	101	102	57
Республика Дагестан	39	53	64	59	50	50	53	62	80	72
Республика Ингушетия	47	53	113	142	113	100	114	123	124	46
Кабардино-Балкарская Республика	82	80	78	79	78	81	93	110	113	50
Карачаево-Черкесская Республика	...	146	145	158	158	138	147	148	144	31
Республика Северная Осетия - Алания	114	79	71	74	80	80	80	83	91	63

ПОТРЕБЛЕНИЕ ОВОЩЕЙ И ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ БАХЧЕВЫХ КУЛЬТУР НА ДУШУ НАСЕЛЕНИЯ
(в год; килограммов)

	1990	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	Место, занимаемое в Российской Федерации 2002
Республика Адыгея	...	134	137	139	139	118	115	110	108	22
Республика Дагестан	81	67	69	77	107	157	155	200	205	1
Республика Ингушетия	79	41	47	46	44	46	62	59	63	68
Кабардино-Балкарская	71	78	75	80	96	122	140	144	148	3

Республика										
Карачаево-Черкесская Республика	...	67	71	77	84	95	100	100	99	29
Республика Северная Осетия - Алания	67	55	51	53	62	73	77	84	90	41

ПОТРЕБЛЕНИЕ ХЛЕБНЫХ ПРОДУКТОВ НА ДУШУ НАСЕЛЕНИЯ
(в год; килограммов)

	1990	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	Место, занимаемое в Российской Федерации 2002
	...	109	107	100	104	99	100	99	104	65
Республика Дагестан	149	126	123	130	130	127	130	132	138	13
Республика Ингушетия	96	93	94	101	106	106	111	116	118	47
Кабардино-Балкарская Республика	103	111	113	114	114	115	116	117	118	48
Карачаево-Черкесская Республика	...	101	107	108	119	118	122	123	128	30
Республика Северная Осетия - Алания	81	103	102	99	105	105	91	99	100	71

СРЕДНЕДУШЕВЫЕ ДЕНЕЖНЫЕ ДОХОДЫ НАСЕЛЕНИЯ
(в месяц; рублей; до 1998 г. - тыс. руб.)

	1990	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	Место, занимаемое в Российской Федерации 2002
Республика Адыгея	...	274	413	546	607	968	1387	1646	2174	68
Республика Дагестан	0,129	193	271	373	405	682	984	1317	1788	75
Республика Ингушетия	0,168	116	203	291	317	363	486	882	1151	79
Кабардино-Балкарская Республика	0,166	266	396	479	526	898	1180	1654	2389	60
Карачаево-Черкесская Республика	...	232	325	438	455	718	1055	1366	2043	73
Республика Северная Осетия - Алания	0,177	319	445	576	631	1104	1522	1699	2050	72

СРЕДНЕДУШЕВЫЕ ДЕНЕЖНЫЕ РАСХОДЫ И СБЕРЕЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ
(в месяц; рублей; до 1998 г. - тыс. руб.)

	1990	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	Место, занимаемое в Российской Федерации 2002
Республика Адыгея	...	239	340	425	476	798	1103	1367	1656	71
Республика Дагестан	0,116	94	162	230	289	467	675	923	1322	76
Республика Ингушетия	0,105	42	87	131	148	187	255	527	505	79
Кабардино-Балкарская Республика	0,166	193	263	318	387	697	927	1349	1912	68
Карачаево-Черкесская Республика	...	177	261	344	363	613	880	1088	1552	73
Республика Северная Осетия - Алания	0,180	239	361	405	499	935	1302	1596	1884	69

СРЕДНЕДУШЕВЫЕ ДЕНЕЖНЫЕ РАСХОДЫ И СБЕРЕЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ
(в месяц; рублей; до 1998 г. - тыс. руб.)

	1990	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	Место, занимаемое в Российской Федерации 2002
Республика Адыгея	...	239	340	425	476	798	1103	1367	1656	71
Республика Дагестан	0,116	94	162	230	289	467	675	923	1322	76
Республика Ингушетия	0,105	42	87	131	148	187	255	527	505	79
Кабардино-Балкарская Республика	0,166	193	263	318	387	697	927	1349	1912	68
Карачаево-Черкесская Республика	...	177	261	344	363	613	880	1088	1552	73
Республика Северная Осетия - Алания	0,180	239	361	405	499	935	1302	1596	1884	69

**ДИНАМИКА УДЕЛЬНОГО ВЕСА НАСЕЛЕНИЯ С ДЕНЕЖНЫМИ ДОХОДАМИ НИЖЕ
ВЕЛИЧИНЫ ПОРЖИТОЧНОГО МИНИМУМА В ОБЩЕЙ ЧИСЛЕННОСТИ
НАСЕЛЕНИЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ (в %)**

1994	1995	1996	1997	1998
36,7	42,5	40,7	39,8	41,9

СРЕДНЕГОДОВАЯ ЧИСЛЕННОСТЬ ЗАНЯТЫХ В ЭКОНОМИКЕ
(тысяч человек)

	1990	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
Республика Адыгея	...	155,5	162,7	156,1	150,2	156,8	156,8	157,0	156,5
Республика Дагестан	701,3	647,1	652,2	719,2	697,6	757,6	737,8	743,6	780,8
Республика Ингушетия (1990 г. - включая Чеченскую Республику)	433,9	48,8	51,2	48,8	50,7	50,6	59,4	68,6	68,9
Кабардино-Балкарская Республика	325,4	258,0	256,2	248,9	243,8	287,3	303,7	302,1	303,3
Карачаево-Черкесская Республика	...	137,5	140,1	142,2	132,7	137,9	139,4	141,1	148,5
Республика Северная Осетия - Алания	280,7	229,1	218,2	217,0	213,6	220,1	227,2	238,3	252,0

**РАСПРЕДЕЛЕНИЕ СРЕДНЕГОДОВОЙ ЧИСЛЕННОСТИ ЗАНЯТЫХ ПО
ПРОИЗВОДСТВЕННЫМ ОТРАСЛЯМ ЭКОНОМИКИ**

	Промышленность		Сельское хозяйство	
	1995	2002	1995	2002
Республика Адыгея	32,2	26,4	9,1	2,1
Республика Дагестан	108,1	95	25,9	5,6
Республика Ингушетия	5,4	11,5	2,3	2,1
Кабардино-Балкарская Республика	56,4	63,8	13,2	7,8
Карачаево-Черкесская Республика	33,4	27,2	6,3	4,5
Республика Северная Осетия – Алания	22,5	17,6	11,1	8,7

**РАСПРЕДЕЛЕНИЕ СРЕДНЕГОДОВОЙ ЧИСЛЕННОСТИ ЗАНЯТЫХ ПО
НЕПРОИЗВОДСТВЕННЫМ ОТРАСЛЯМ ЭКОНОМИКИ**

	Жилищно-коммунальное хозяйство		Здравоохранения		Образование		Культура и искусство	
	1995	2002	1995	2002	1995	2002	1995	2002
Республика Адыгея	7,8	6,1	13,8	14,3	18,3	17,2	3,9	3,4
Республика Дагестан	30,4	21,0	45,6	50,6	87,8	105,4	12,6	12,4
Республика Ингушетия	1,6	1,9	3,7	5,3	6,5	9,1	0,9	1,4
Кабардино-Балкарская Республика	12,4	10,1	21,4	24,4	31,9	34,4	5,5	5,5
Карачаево-Черкесская Республика	6,0	6,7	9,4	10,5	16,5	17,2	3,2	3,2
Республика Северная Осетия-Алания	10,8	10,7	21,2	21,6	31,1	29,6	6,0	6,1

СООТНОШЕНИЕ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН В ОБЩЕЙ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ
(по данным переписей населения; на 1000 мужчин приходится женщин)

	Все население			Городское население			Сельское население		
	1989	2002	2010	1989	2002	2010	1989	2002	2010
Республика Адыгея	1178	1149	1151	1203	1194	1201	1151	1102	1100
Республика Дагестан	1120	1074	1078	1093	1081	1106	1140	1069	1056
Республика Ингушетия	1129	1142	1282	1171	1114	1253	1099	1163	1300
Кабардино-Балкарская Республика	1132	1133	1138	1149	1187	1203	1107	1066	1066
Карачаево-Черкесская Республика	1130	1139	1153	1147	1208	1230	1115	1087	1100
Республика Северная Осетия - Алания	1160	1114	1150	1176	1132	1181	1126	1080	1099

УРОВЕНЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ПО ПОЛУ И ВИДУ ПОСЕЛЕНИЯ в 2002 г.

(по данным выборочного обследования населения по проблемам занятости; в процентах)

	Все население	Мужчины	Женщины	Городское население	Сельское население
Республика Адыгея	59,9	66,2	54,3	61,2	58,2
Республика Дагестан	63,2	71,1	56,1	61,4	64,6

Республика Ингушетия	55,2	59,9	50,6	51,0	58,6
Кабардино-Балкарская Республика	56,4	63,4	50,2	56,8	55,8
Карачаево-Черкесская Республика	60,5	66,8	54,8	60,5	60,5
Республика Северная Осетия - Алания	67,0	72,9	61,8	66,4	68,2

УРОВЕНЬ БЕЗРАБОТИЦЫ
(в процентах)

	Уровень безработицы								Зарегистрированный уровень безработицы						
	1995	2000	2004	2005	2006	2007	2008	2009	1995	2000	2004	2005	2006	2007	2008
Республика Адыгея	11,3	14,3	17,6	12,9	13,7	10,3	7,7	7,9	2,6	1,0	4,6	4,4	4,7	4,0	3,1
Республика Дагестан	25,4	26,5	27,2	22,3	22,3	20,2	13,4	13,2	6,6	5,0	5,0	4,3	4,6	4,3	3,6
Республика Ингушетия	42,4	30,3	46,3	64,9	58,5	47,3	55,0	52,9	61,8	8,5	23,7	24,9	35,1	28,4	23,0
Кабардино-Балкарская Республика	14,2	16,9	25,7	23,4	20,7	17,6	18,3	14,4	3,0	1,9	9,0	9,6	7,4	7,1	5,9
Карачаево-Черкесская Республика	26,8	21,5	16,9	13,6	19,4	18,3	16,0	12,2	4,7	0,9	3,1	2,9	3,1	3,7	2,6
Республика Северная Осетия - Алания	23,5	28,5	11,7	8,8	8,5	9,7	10,1	10,6	3,8	1,7	4,1	4,6	4,0	5,9	3,1

СОСТАВ БЕЗРАБОТНЫХ ПО ПОЛУ в 2010 г.

(по данным выборочных обследований населения по проблемам занятости; в среднем за год; тысяч человек)

	Безработные - всего	в том числе	
		мужчины	женщины
Республика Адыгея	19	10	10
Республика Дагестан	182	96	86
Республика Ингушетия	116	52	64
Кабардино-Балкарская Республика	51	28	23
Карачаево-Черкесская	21	11	11

Республика			
Республика Северная Осетия - Алания	37	18	19

СОСТАВ БЕЗРАБОТНЫХ ПО ВОЗРАСТНЫМ ГРУППАМ в 2010г.

(по данным выборочных обследований населения по проблемам занятости; в среднем за год; в процентах к итогу)

	Безработные - всего	в том числе в возрасте, лет						Средний возраст, лет
		до 20	20-29	30-39	40-49	50-59	60 - 72	
Республика Адыгея	100	2,1	31,1	21,0	25,8	19,6	0,4	37,4
Республика Дагестан	100	9,5	44,7	22,2	17,0	6,3	0,4	31,3
Республика Ингушетия	100	7,3	50,9	22,9	12,2	6,1	0,5	30,3
Кабардино-Балкарская Республика	100	8,3	33,0	19,5	22,3	13,6	3,2	35,5
Карачаево-Черкесская Республика	100	1,9	34,4	16,5	24,9	20,6	1,8	37,9
Республика Северная Осетия - Алания	100	2,2	34,7	20,7	22,2	17,9	2,3	36,9

СОСТАВ БЕЗРАБОТНЫХ ПО УРОВНЮ ОБРАЗОВАНИЯ в 2010 г.

(по данным выборочных обследований населения по проблемам занятости; в среднем за год; в процентах к итогу)

	Безработные - всего	в том числе имеют образование					
		высшее профессиональное	среднее профессиональное	начальное профессиональное	среднее (полное) общее	основное общее	не имеют основного общего
Республика Адыгея	100	21,4	19,0	17,1	33,0	7,9	1,5
Республика Дагестан	100	22,1	10,7	3,6	57,0	6,2	0,5
Республика Ингушетия	100	19,5	23,1	7,3	47,8	2,1	0,3
Кабардино-Балкарская Республика	100	17,2	17,7	10,0	42,3	11,6	1,2
Карачаево-Черкесская Республика	100	17,4	11,3	14,1	50,4	6,8	...
Республика Северная Осетия - Алания	100	25,0	21,0	12,0	29,8	7,6	4,6
Чеченская	100	9,0	12,1	5,8	60,4	11,4	1,4

Республика							
------------	--	--	--	--	--	--	--

ВАЛОВОЙ РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПРОДУКТ
(миллионов рублей; до 1998 г. - млрд. руб.)

	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001
Республика Адыгея	1840,5	2417,5	2816,9	3385,8	4902,2	5965,6	6804,1
Республика Дагестан	4148,2	6019,3	8636,1	8494,2	13243,4	21138,3	31605,7
Республика Ингушетия	562,7	845,9	1055,1	1084,0	2069,0	5822,9	4967,4
Кабардино-Балкарская Республика	2627,1	4434,6	5003,5	6299,9	10489,8	15716,1	21389,9
Карачаево-Черкесская Республика	1701,7	2494,8	2713,0	2846,2	4519,4	5726,7	7372,3
Республика Северная Осетия - Алания	2329,0	3173,8	3392,2	4126,4	7631,3	10060,9	14685,7

КРЕДИТОРСКАЯ И ДЕБИТОРСКАЯ ЗАДОЛЖЕННОСТЬ ОРГАНИЗАЦИЙ
(на конец года; миллионов рублей)

	2000					
	Кредиторская задолженность - всего	в том числе просроченная		Дебиторская задолженность - всего	в том числе просроченная	
		всего	в процентах от общей задолженности		всего	в процентах от общей задолженности
Республика Адыгея	2956	1474	49,9	1599	703	43,9
Республика Дагестан	3494	1692	48,4	3321	1387	41,8
Республика Ингушетия	576	455	78,9	372	293	78,9
Кабардино-Балкарская Республика	8411	5178	61,6	5322	3445	64,7
Карачаево-Черкесская Республика	3143	2231	71,0	1691	1209	71,5
Республика Северная Осетия - Алания	4165	2379	57,1	2699	1416	52,5

ВВОД В ДЕЙСТВИЕ ЗДАНИЙ ЖИЛОГО И НЕЖИЛОГО НАЗНАЧЕНИЯ²

	1999			2000			2001		
	Число зданий	Общий строительный объем зданий, тыс. м ³	Общая площадь зданий, тыс. м ²	Число зданий	Общий строительный объем зданий, тыс. м ³	Общая площадь зданий, тыс. м ²	Число зданий	Общий строительный объем зданий, тыс. м ³	Общая площадь зданий, тыс. м ²
Республика Адыгея	605	276,0	97,4	487	268,0	85,3	525	317,5	102,0
Республика Дагестан	2523	633,9	445,1	3385	948,9	746,9	4815	1053,2	708,0
Республика Ингушетия	200	244,4	39,1	126	74,3	25,1	243	208,2	60,4
Кабардино-Балкарская Республика	1012	914,4	255,5	1099	892,8	310,4	1341	1112,7	280,6
Карачаево-Черкесская Республика	548	444,7	118,6	340	234,6	62,7	471	457,4	111,2
Республика Северная Осетия - Алания	720	1083,7	153,4	856	1006,9	186,0	935	959,5	199,4

² Материалы подготовлены на основе статистических сборников: Кабардино-Балкария в цифрах. 2010: Стат.сб./Кабардино-Балкариястат – Нальчик, 1998, 1999, 2010; Регионы России. Социально-экономические показатели. – 2003, 2011 гг. Copyright © Федеральная служба государственной статистики.

Глава IV. Политический контекст кризиса этнического гендерного сознания

П.4.1. Кризис этнической идентичности в современных условиях трансформации

Анализ проблем идентификации национального субъекта в современных условиях во многом находится за пределами сферы этнического. Кроме того, часто враждебная социальная среда подвергает сомнению возможности самоидентификации индивидуального плана [1]. С момента вхождения в силу законов индустриального развития общества параметральная парадигма этнической идентичности, а также структура основных гендерных комплексов, претерпели существенные трансформации. Нация, определение которой в наше время употребляется в контексте определенной государственности, обычно обусловлена отношениями власти, универсальной стратегией телесности, дискурсом сексуальности в контексте национального, расового, классового и гендерного различия, а, в сущности, идентифицируется в границах нынешних представлений о цивилизационном цензе вообще: «Цивилизация – устойчивая историческая система, объединяющая различные этносы через общность их культурно-исторической самоидентификации, общность базовых культурных образцов (особенно в сферах религии, мировоззрения, семейных отношений, обрядов, связанных с рождением и смертью, властно-правовых традиций), общность институциализированных культурных текстов (священные книги, исторические и литературные тексты, обязательные для изучения подрастающих поколений и т.д.» [2, с. 24].

Постановка проблемы национального субъекта предусматривает использование категориального аппарата философских теорий социального конструктивизма, структурализма и постструктурализма в современной политологии, которая, в принципе, находится в соответствии с общей методологией научного мышления в общем [3]. Традиционными сообществами классического маскулинного типа особое значение уделяется комплексу вопросов, касающихся развития гендерными системами нетрадиционных для этнического мышления сфер социального статуйирования, изначально (для патриархальных сообществ) в сферу компетенции женского сознания не входящих, в случае же проявления подобных потенций со стороны женщины однозначно соотносимых с чем-то ненормальным: «Все действительно стремящиеся к эмансипации, все знаменитые и духовно выдающиеся женщины всегда высказывают многочисленные мужские черты характера, а при более внимательном наблюдении в них заметны анатомические признаки, приближающие их к мужчине» [4, с. 69].

Для Северного Кавказа главным является процесс политического преобразования систем гендерного сознания и основных гендерных комплексов в контексте борьбы между национальными и глобальными системами антропологической идентичности, которые в условиях все большей автоматизации и унификации институтов функционирования социума претерпевают очевидный кризис. Некоторые наиболее радикальные высказывания по этому поводу откровенно пессимистичны: «Как могут управляемые индивиды, которые превратили процесс своего увлечения в свои собственные права, свободы и потребности, воспроизводимые в расширяющемся масштабе, освободить себя от самих себя и от своих хозяев? Можно ли вообще помыслить, что этот замкнутый круг будет разорван?» [5, с. 329].

В этом смысле гендерные системы этносов Северного Кавказа были сформированы как стабилизирующаяся этническая константа в условиях

позапного перехода к различным типам национального общества – от классических воинских до современных транснациональных.

Современные политологические концепции не видят прямой зависимости между гендерными системами и формированием этнического сознания, рассматривая это соотношение как однополюсное преобладание маскулинных компонентов этноса. Некоторые исследователи справедливо видят в этом остаточное влияние предыдущих, сугубо маскулинных концепций, декларируя противоречие между гендерными исследованиями и средой, исключаящей либо затрудняющей само становление такого сциентологического объекта, как гендер. По их мнению, гендерная политология и социология «...существует в пространстве, которое подрывает ее основания» [6, с. 22]. Нация и национальное самосознание действуют как синонимы этноса и этнического происхождения, которые воспринимаются как "естественные" характеристики человека.

Главными механизмами национальной и идеологической идентификации личности являются национальный язык и национальная семья [7, страница 162]. Но и в этом случае внутрисемейные отношения считаются в качестве маскулинных моделей окружающего общества.

Рассмотрение проблемы национального субъекта в гендерном смысле сводится, как правило, к исследованию таких категорий, как понятие тела, стратегия телесности, сексуальности и пола, включая женщину как объект практик маргинализации, ограничения и контроля [8, страница 8-12]. Относительно проблемы национального субъекта эти категории позволяют вычлениить и анализировать действие института национальной семьи только как систему, ограничивающую личности, запретами сексуальности, системы, в которой женщины действуют только как объекты контроля со стороны мужчин [9, с. 64-70, 125-129].

Даже в философии классического феминизма парадигма женского субъекта и гендерные системы рассматривается только через призму социальных механизмов конструирования гендерного объекта, которая отключена от общего

комплекса маскулинного общества ("иной" или "другой"). Определяя как главную особенность субъекта принцип притеснения по половому признаку, теоретики феминизма доказывают и включают в философскую антропологию категорию гендера как социального пола. В основе любой политической, общественной, национальной организации имеет место гендерная асимметрия, которая обосновывается феминистками с точки зрения биологических особенностей мужчин и женщин, как двойные оппозиции "выше - ниже" "культурное - биологическое", "общественное - личностное". Таким образом, понятие неравенства женщин и мужчин в структурах патриархальных сообществ фактически узаконено, а естественное положение женщин в них рассматривается в качестве полного женского притеснения и монолитного мужского доминирования независимо от национальной, этнической расовой и классовой принадлежности [10, с. 216-222].

Между тем, даже поверхностный обзор патриархальных сообществ, которые значительной мере сохранили организационные свойства и параметры, дает нам абсолютно другую картину. Биологический пол априорно устанавливает определенные поведенческие концепты различия и стандарты статуса мужчин и женщин, и в случае признания изначальной естественности такой ситуации парадигма пола действует как функциональный этнический маркер, а в маргинализованных сообществах – социального бытия семьи и нации [11].

Другими словами, переходя к Северному Кавказу, мы ясно видим, что гендер представляет собой культурный механизм, который выполняет и реализует потенциальные возможности женщины в контексте естественности и биологической предопределенности.

Основным условием функционирования гендера в патриархальной среде является система обязательной гетеросексуальности, выявляющая параметры этнической идентификации, интерпретируя их как "природные" половые отношения [12, с. 87]. Другими словами, способ власти определяет и сам определяется определенной гендерной конфигурацией, конструирующей

стандартную структуру маскулинности и феминности [13, с. 253-258]. В контексте проектирования национального субъекта гендер легитимизирует этническое происхождение людей посредством соотношения с естественным гетеросексуальным распределением.

Понятие гендера позволяет рассматривать проблему проектирования национального субъекта с точки зрения гендерного, расового, классового и национального дифференцирования. Но главное, рассмотрение гендерных систем как равных инофункциональных компонентов общества – особенно, в традиционных сообществах, позволяет нам понимать механизмы преобразования этнической парадигмы в условиях резко меняющейся среды.

Этническая значимость гендера всегда рассматривается во внешних координатах в качестве составного компонента общественных явлений, во внутренних координатах - как инструмент жизнотворчества и в комбинации личного и общественного в контексте коммуникации внутренних перестроек субъекта, производящего инновационные национальные практики [14, с. 5-15].

В стабильном обществе гендер действует как элемент порядка. В кризисном обществе, во время трансформации социальных норм, реструктуризация гендерных систем приобретает особый характер. В то же время имеют место два процесса: преобразование взаимоотношений с обществом и преобразование ценностных положений относительно общества.

Во время катаклизмов деятельность гендерных систем по формированию базовых гендерных комплексов основывается на принципах целесообразности, и внутригендерные движения принимают форму процессов адаптации, которые воплощены в поведенческой практике отдельных индивидуумов и в стереотипных адаптивных стратегиях [15]. Процесс адаптации, с одной стороны, является попыткой индивидуальности "вписать" в собственный мир новую систему социальных координат. С другой стороны, деятельность по адаптации гендерных систем направлена на интеграцию новых социальных явлений в собственную систему представлений о мире и отношения к нему. Иными словами - это

адаптация к общественному кризису со стороны гендерных систем, которые первоначально обладают высоким потенциалом инерции, обеспечивают внедрение нового социального опыта в структуру основных гендерных комплексов, "присвоения" личностью новых признаков социального мира и создания на этой основе обновленной субъективной картины мира [16, с. 120-125]. Основной вопрос заключается в сохранении в составе определяющих поведенческих элементов "старых" компонентов, которые имеют этническую маркировку; сохранение в условиях жесткой конкурентной борьбы с вновь созданными адаптивными компонентами.

На социальных и национальных уровнях специфическим отражение проблем личной адаптации видится феномен маргинализации. В сущности, кризис в социальном и психологическом плане — это чрезвычайное выражение дезадаптированности людей, подвижность основных гендерных комплексов является составным компонентом преодоления общественного кризиса. Ситуация социальных и политических преобразований порождает долгосрочные трудности, действующие в качестве постоянных стрессовых факторов. Под их влиянием психологическая ситуация, связанная с адаптацией к резким общественным преобразованиям, постепенно нивелируется, кризисное начинает восприниматься как норма, теряет личностно стрессогенный характер [17, с. 200-215]. Вместо этого в обществе возникает психологическая усталость и апатия, вызванная несоответствием этномаркированных составляющих основных гендерных комплексов актуальным политическим и общественным заказам.

Наблюдение по развитию трансформационных процессов подтверждает, что адаптивный, социальный ресурс, так или иначе сильнее, чем этнический. В случае острых катастрофических общественных подвижек ситуация очевидна. Если общество медленно развивается, кризис этнической идентичности преодолевается быстрее, но при этом меняются стандарты национального самосознания и поведенческие нормативы.

Говоря о процессах замены и доминирования социальных и адаптивных компонентов основных гендерных комплексов, мы приходим к выводу, что с одной стороны это проявление внутренней стабилизации, принадлежность обществу дает индивидууму чувство безопасности. С другой – сам факт политического и социального позиционирования, принадлежности к определенным социальным стратам или оппозиционирование с ними определенно влияет на гендерное секторальное пространство, непосредственно удаляя и интегрируя его в общий объем социума. В условиях традиционного маскулинного общества, находящиеся в кризисном состоянии это часто предопределяет проявления нежелательной для общества политической и поведенческой деятельности.

Проблема внутренней функциональности выбранной стратегии адаптации решается, исходя из видимой модели жизненного пространства как набора определенных областей возможной деятельности; наиболее основанным для гендерных систем является этническое. Этническое жизненное пространство заключено в социальном, действуя, как потенциальный ресурс для развития. Секторальное гендерное пространство, распространяющее свое влияние (прямое или опосредованное) на все векторы жизнедеятельности, борется за унификацию собственного мира и пытается захватить и расширить объемы, которые подвергаются его контролю. В условиях внешних преобразований объективной социальной действительности, происходят такие превращения, которые вызывают острое "сужение" контролируемой части жизненного пространства – для традиционных патерналистских систем функционирования общества. Для гендерных систем появляется фактическая потребность для активных усилий по поддержке стабильности жизнедеятельности.

В среде традиционных патриархальных обществ Северного Кавказа процессы адаптации приняли особую форму. Данные опросов выявляют [18] факт того, что внутри базовых гендерных комплексов кристаллизуются определенные позиции в отношении этнических мотивационных, оценочных и

адаптивно-социальных стандартов.

Соответственно, ситуации политических и социальных движений по-разному влияют на поведенческую деятельность. Изучение процессов адаптации на примере жителей отдаленных горных населенных пунктов и в целом сельской местности, которые находятся в сравнительной экономической изоляции, подтвердили, что нет необходимости кореллировать маргинализованные группы населения с агентами введения инновационных экономических практик. Наоборот, самые традиционные в отношении жизненного уклада и форма хозяйствования - это села Кабардино-Балкарии, наиболее успешно и в самые короткие сроки, перешедшие на товарное производство, конкретно – на культивирование монокультур, сосредоточенных на рыночной реализации. Наряду с этим, в селах республики, наиболее близко расположенных к Нальчику, и в столице республики в 90-х годах и по сегодняшний день имеет место явный процесс люмпенизации представителей национальных сообществ, растут индикаторы алкоголизма и добровольной безработицы.

Секторальное гендерное пространство, взяв функции замены традиционных патерналистских комплексов управления деятельностью социума, реагирует на кризисные подвижки общества двойственно. В настоящее время нам интересны моменты взаимодействия секторального гендерного пространства с выраженными доминантными признаками социально-адаптивных элементов, формирующих базовые гендерные комплексы маргинального плана. В этом смысле полевые материалы по Кабардино-Балкарии подтверждают, что в этой среде достаточно широко распространены отрицательные реакции на изменения среды — укрепление чувства зависимости от внешнего мира и понижение самооощущения сопротивляемости к этим изменениям, снижение в некотором смысле ответственности за собственные действия.

Результаты исследования подтвердили, что группы хорошо в психологическом отношении компенсированного, частично компенсированного и декомпенсированного маргинального населения отличаются, и самовосприятием, и восприятие жизненной ситуации в целом, и показывают различную стратегию адаптации. Наличие и количество групп дезадаптантов также влияет на ход социальных изменений – они своей инертностью зачастую блокируют позитивные социальные трансформации. В таком случае уместно говорить о влиянии на социум личностного фактора, в применении к маргинализированным индивидуумам играющим, как правило, резко отрицательную роль. Но главное в том, что, как показывают эмпирические материалы по КБР, маргиналы – независимо от степени своей социальной компенсированности и даже в случаях видимой социальной успешности - чаще всего способствуют негативным подвижкам общества. Сказанное подтверждается трагическим опытом событий 13 октября 2005 года, после которых выяснилось, что из около трехсот лиц, прямо или косвенно причастных к нападению на силовые структуры г. Нальчика, приблизительно третья часть была представлена выходцами из вполне благополучных в экономическом и социальном смысле семей.

Между тем официальная версия властей по поводу событий 2005 года в случившемся обвиняет экстремистские исламские структуры [19]. Следует признать, что все внешние признаки свидетельствуют о том, что основными действующими лицами масштабного теракта действительно были представители наиболее консервативных, закосневших в своем этницизме слоев традиционных обществ – вне зависимости от их социального и материального благополучия. При этом априори предполагается, что религиозная принадлежность является одним из идентификаторов этнического характера для кабардинцев и балкарцев.

Это достаточно сложный момент. Данные полевых исследований [20] свидетельствуют, что по целому ряду вопросов, причисляемых политологами к разряду «контрольных» жители городов Кабардино-Балкарии и населенных

пунктов, находящихся в изолированном положении, удаленных от Нальчика, дают сходные ответы. Так, на вопрос «Что вы считаете основным признаком принадлежности к своей нации?» жители сел и городов, не колеблясь, ставят на первое место знание языка и обычаев. Разброса мнений при этом практически не наблюдается – и там и там показатели колеблются в границах 78-84%. Исходя из этих данных, логично будет предполагать, что маргинализации коренных этносов республики практически не существует. Более того, по целому ряду этноидентификационных проблем население городов проявляет большую этническую цельность и интерес к ним. Так, вопросы анкет, выявляющие знание истории своего народа, интерес к ней, вопросы конфессионального плана, а также группа вопросов, имеющих отношение к будущему социальному и культурному развитию этноса, показывают значительное превышение интереса к ним у представителей городского населения.

Особо выделяется ряд вопросов, связанных с отправлением религиозных обязанностей и знанием конфессиональной ритуалистики. При этом отвечающие достаточно уверенно могут быть разделены на две неравнозначные группы – около четверти опрошенных проявляют высокую степень безразличия к ходу религиозных отправлений, остальные питают к ним живой интерес.

Городские респонденты второй группы демонстрируют более высокое знание подобных моментов, а главное – более проявленный интерес к ним. Так, на вопрос «Какое количество утренних или вечерних поминальных молитв во время похорон можно считать правильным?» лишь 20,4 % респондентов удаленных сельских населенных пунктов дали категоричные ответы. Большинство продемонстрировало лояльность к моментам расхождений ритуала в различных селах.

Этот же вопрос в более чем 70% случаев вызвал однозначную реакцию неприятия альтернативного мнения у жителей городов и близлежащих сел указанной группы. Горожане, как правило, демонстрируют желание быть точнее и ближе к каноническим требованиям ислама и шариата. Здесь мы вплотную

подходим к очень важной проблеме первичности-вторичности признака религиозной принадлежности в ряду этноидентификационных характеристик коренных народов КБР. В современных исследованиях конфессиональная принадлежность четко увязывается с парадигмой этноидентификационных характеристик, причем в качестве одной из фундаментальных черт. Скорее всего, это вполне справедливо по отношению к народам с длительной конфессиональной историей в рамках одной религии. Не зря в обыденном мышлении бытуют различные формулы типа «русский - православный», а такое государство, как Израиль, практически приравнило конфессиональную принадлежность к национальной. Однако в отношении кабардинцев и балкарцев (в меньшей степени, но приблизительно схожим образом это относится ко всем адыгам, карачаевцам, ряду народов Дагестана и вайнахам) ситуация видится несколько иной.

Среди других мусульманских народов кабардинцы и балкарцы до недавнего времени могли считаться наименее ортодоксальными приверженцами ислама. Еще в 30-х годах XX века пережитки язычества среди представителей коренных народов КБР были настолько сильны, что среди объектов религиозного поклонения были такие, как, например, священное дерево Раубазы, другие деревья, отдельные камни, родники и т.д.[21]. Уже при советской власти была срублена старая осина недалеко от поселка Кашхатау, к которой приносились всяческие дары в надежде, что она дарует удачу.

И сегодня в некоторых семьях хранятся щепки этой осины, а в повседневной речи кабардинцев и балкарцев имя Аллаха упоминается не чаще, чем имена языческих богов Тха, Мазитха, Тейри, Апсаты и других.

Вообще, ислам начал проникать на территорию современной Кабардино-Балкарии, по всей видимости, на рубеже XIV века, в период господства Золотой Орды, а в XVII веке среди представителей коренных народов уже были люди,

совершившие хадж в Мекку. Но понятно, что традиции ислама среди кабардинцев и балкарцев в сравнении с другими народами, исповедующими его, молоды.

Октябрьская революция и приход в горы советской власти практически свели на нет развитие мусульманства среди кабардинцев и балкарцев в его классической форме – с публичным отправлением религиозных обрядов, общим совершением намаза в мечетях, - и стоит отметить, что действующих мечетей при советской власти были единицы, а в определенный период они вообще исчезли.

Однако многие люди, особенно пожилого возраста, соблюдали основные требования веры, такие как пятикратный намаз и омовение, кроме того, основные ритуальные действия – свадьбы, похороны – также проводились с учетом канонов ислама.

Мусульманство Кабардино-Балкарии было интегрировано в общую конфессиональную систему региона, отдельные молодые люди обучались в религиозных учебных заведениях Средней Азии, и один из религиозных деятелей балкарской национальности (М.Геккиев) в конце 80-х годов занимал пост верховного имама Северного Кавказа, несмотря на фактическое отсутствие исламской инфраструктуры в КБР [22].

Ситуация резко изменилась в начале 90-х годов. В течение 1991 – 1994 годов Министерством юстиции КБР были зарегистрированы 82 исламских объединений [23], с этого же времени начинается активное строительство мечетей, и уже к середине 90-х годов в сельских районах КБР практически каждый населенный пункт имел мечеть, а в некоторых случаях – не одну.

Сегодня средний возраст мусульман республики лежит в пределах 40 лет, и следует отметить, что молодые верующие более грамотны в вопросах толкования Корана, более последовательны и точны в выполнении исламских ритуалов [24]. Ежегодно в высшие исламские учебные заведения в Каире, Дамаске и Бухаре поступает до 15-20 молодых представителей кабардинской и балкарской

национальности [25], и в наши дни не редкость, когда чтение молитв при похоронах ведется человеком, чей возраст не превышает 25 лет. Кроме того, имамы подавляющего большинства мечетей в национальных селах также принадлежат этой новой волне мусульманского движения [26]. В отдельных районах республики число новообращенных мусульман (т.е. обратившихся к религии в течение последних 5-6 лет) среди молодежи достигает 28-30% от общего количества жителей в возрасте до 30 лет. Основной причиной этих процессов, вне всякого сомнения, является кризис традиционной советской идеологии в плотной связи с падением общего уровня жизни населения.

И сегодня уже ясно, что недостаточный уровень религиозной культуры позволяет определенным силам использовать часть своих сторонников в политических целях. К сожалению, многие, если не сказать большинство граждан, которые вновь обратились к исламу, не понимают, что истинная вера изначально аполитична и не может быть инструментом решения разного рода социальных, экономически, и тем более, политических задач.

В современных условиях тотальной деидеологизации консолидированная масса мусульман – реальная общественная сила, быть может, потенциально доминирующая в регионе.

Кроме всего прочего, обстановка осложняется инстинктивным неприятием мусульманами нетрадиционных для республики религиозных течений, которые с середины 80-х развивались в Кабардино-Балкарии весьма бурно, вовлекая в свою орбиту и представителей коренных народов.

Исследования этой проблемы практически не проводились, и сегодня мы можем привести лишь чисто эмпирические наблюдения случаев, когда наличие в исламской мононациональной среде приверженцев новообращенных членов нетрадиционных конфессий (для кабардинцев и балкарцев наиболее частыми примерами является переход в адвентизм, баптизм и к «Свидетелям Иеговы») инициировало формирование исламских настроений в наиболее жестких формах (по крайней мере, в ближайшем окружении «отступника»), а с учетом клановости

общества на Северном Кавказе это «ближайшее окружение» может насчитывать несколько сотен человек, и хотя общее количество кабардинцев и балкарцев – адвентистов, иеговистов и баптистов – не превышает 100-150 человек (точные данные отсутствуют), само их наличие, даже в таких масштабах, является фактором формирования резко негативного отношения к другим религиям в целом.

Наряду с другими, это представляется еще одной причиной радикализации мусульманского населения Кабардино-Балкарии. Многие молодые люди уже не удовлетворяются классическим исламом и переходят к его ортодоксальным формам, таким как ваххабизм.

Однако основные моменты, связанные с исламским радикализмом, мы рассмотрим несколько ниже. В данный момент нас больше всего интересует то обстоятельство, что до недавнего времени религиозные параметры этнической идентификации можно было отнести к вторичным и с достаточной долей уверенности предполагать, что в парадигме традиционной этничности, базирующейся на национальных патерналистских комплексах мироощущения, они и сейчас не играют заметной роли.

Думается, что в современных условиях существования традиционных обществ Северного Кавказа разнос по показателям маргинализированности - аутентичности возможен по другим показателям политологических и социологических исследований. Это, прежде всего, объективные признаки традиционных кавказских семей – количество детей, совместное - раздельное проживание представителей разных поколений, горизонтальные родственные связи.

К группе презентативных, декларируемых параметров относится знание не религиозных, а сугубо национальных обычаев – собственно говоря «адыге хабзе» и «тау адет» в их бытовом преломлении. То есть, часть респондентов, может, неплохо разбирается в, так сказать, «сценических» реализациях традиционных поведенческих кодексов, но абсолютно не ориентируется в бытовых мелочах,

касающихся, например, порядка следования представителей различных поколений по улице или последовательности разделывания туши животного.

Суть наблюдаемого явления – формирование особой группы маргиналов, которую можно назвать латентной. Условием ее вычленения из общего объема нации с полной уверенностью можно считать факт сосуществования в национальной среде коренного населения Северного Кавказа поведенческих, этико-эстетических, ментальных комплексов двух типов – аутентичных патерналистских и адаптивно-социализированных гендерных. Интересующий нас центральный момент этого сосуществования – тесное взаимодействие различных возрастных групп населения, в рамках инерционно сохранявшихся и сохраняющихся на сегодняшний день норм национального общежития.

Высокий этнический ценз представителей возрастных групп от 50-55 лет и старше, почти полная органичность их национального самоощущения резко контрастируют с недостаточностью этнической самоидентификации более младших поколений. На основании скрытого комплекса этнической недостаточности происходит радикализация принципов и механизмов аутосоотнесения с нацией. Расширившееся секторальное гендерное пространство на протяжении 80-х и 90-х годов XX века активно формировало мультивекторные сферы адаптации к изменившимся политическим и социальным условиям, одновременно манифестируя большую ценность традиционных нормативов и стандартов по сравнению с адаптивными.

Фактически, за период с середины 80-х годов мы наблюдаем процесс замещения парадигмальных политических и этнических элементов патерналистских систем самоидентификации на гендерные, причем их социально-политической, более подвижной части – своеобразная сублимация женской культуры, рассмотренная в свое время Г. Зиммелем [27, с. 260-263]. Императив морального, этического соотнесения с нацией при этом сохраняется, точкой исчисления ценностных категорий гендерное сознание продолжает считать комплексы традиционного для мужчины-кавказца воинского поведения.

Сфера охвата современного социума со стороны последних, в настоящий момент, по очевидным причинам, крайне узка, точнее сказать – абсолютно нефункциональна. При подобной тотальной секуляризации поля действия традиционных систем этнической самоидентификации (как уже говорилось, идентификация в качестве мужчины-воина практически замещает собой идентификацию этническую) маркеры национальной принадлежности перемещаются в область гендерного секторального пространства. Последнее одновременно и даже единовременно продуцирует как адаптированные базовые гендерные комплексы, так и ощущение их неполноценности.

В наиболее проявленной своей форме это приводит к поведенческим и мотивационным стандартам демонстративно-национального характера. Если же в самосознании личности изначально присутствуют элементы ощущения неполной национальной аутентичности, демонстративное национальное поведение радикализуется, становится средством самоутверждения в рамках социума. Достаточно взглянуть на состав активного ядра национальных движений Кабардино-Балкарской Республики за последние тридцать лет, чтобы понять справедливость последнего утверждения. Политологи видят основную причину участия в неформальных движениях бывших чиновников, партийных и хозяйственных деятелей в их стремлении к элитарной самореабилитации, однако в случаях национального движения, с нашей точки зрения, главную роль играют моменты неполноты этнического самоощущения – мы считаем, что бюрократическая прослойка советского периода априори принадлежала к маргинализированным слоям населения.

Именно поэтому в составе руководства ведущих национальных обществ Кабардино-Балкарии с момента их зарождения и до фактического угасания на рубеже 90-х – 2000 годов около 40% лидеров и их ближайшее окружение было представлено лицами – либо членами неполных национальных семей, либо имевшими иноэтническое происхождение не далее как в 2-3 поколениях. Мы оставляем в стороне вопрос о преемственности этнических базовых гендерных

комплексов в течение нескольких поколений, но факт остается фактом – процент потомков натурализовавшихся представителей иных народов в активном ядре национальных движений непропорционально высок.

Подведем некоторые итоги. В 80-х-90-х годах XX века в Кабардино-Балкарии (думается, во всех национальных субъектах Северного Кавказа) сформировалось несколько групп, остающихся в рамках традиционных этнических сообществ. В интересующей нас женской части населения это, прежде всего представительницы адаптировавшегося к рынку слоя квазимаргиналок, напрямую интегрированных во внациональное поле общественных политических и экономических взаимоотношений.

Во-вторых, еще более многочисленная группа женщин, в среде которых формировались явления увеличения секторального гендерного пространства, перевода из скрытых (семейных) его форм в социально обозначенные. Этот процесс в основном был обусловлен падением статуса мужчины в условиях экономического хаоса и безработицы, полной нефункциональностью традиционных этнических стереотипов идентификации патерналистского типа.

Представительницы и первой, и второй групп изменения статусных взаимоотношений в семьях воспринимали как частный момент, не проецируя их на традиционные оппозиции патерналистско-феминного типа, свойственные для маскулинной кавказской семьи. Главным ценностным ориентиром морально-этического плана продолжали оставаться этнические нормы поведения, связанные с кодексом воинского поведения мужчины и серверной роли женщины.

При абсолютной секуляризации функционального объема традиционных морально-этических комплексов произошло частичное замещение поля формирования парадигмы этнической идентичности секторальным гендерным пространством. Совокупность адаптивной онтологии последнего и сохраняющихся в качестве идеала норм этнического поведения в рамках кодекса мужчины-воина детерминировала развитие особых форм маргинального

поведения, которые мы можем охарактеризовать как демонстративно-национальные, а сам феномен маргинализации – латентным.

Адаптивные механизмы гендерных комплексов в подобных условиях продуцировали новые аксиологические ориентиры в рамках базовых гендерных комплексов. Сохранение морально-этических начал в процессе новой социализации последних не могло протекать без установления несвойственных традиционному этническому мышлению норм сегментации окружающего мира. Социальный диктат, требующий жизненного успеха, обусловил появление в базовых гендерных комплексах понятий «свой» - «чужой», реализованных вне рамок этики.

Политически важно учитывать, что, секторальное гендерное пространство явилось той средой, внутри которой, в результате действия адаптивных механизмов, произошло становление градиционной лестницы – от субъективного «я» с его ближайшим семейным окружением до более обобщенных понятий, крайним и высшим из которых может быть, максимум, «этнос» – в силу вхождения в парадигму его определения ценностных политических и моральных идеалов, традиционных для народов Кавказа.

Понятно, что закономерным следствием появления и воздействия новой онтологической и аксиологической шкалы будет то, что в психологии и в обыденной речи носит название «эгоизм». На уровне семьи он будет проявляться как индивидуальный эгоизм отдельной личности, на уровне этноса – как клановый, фамильный эгоизм, на уровне государства – как полное пренебрежение самим понятием государства или «народ» – в нашем случае – «российский народ».

В зависимости от политического и социально-экономического состояния страны эти явления будут накапливаться с той или иной скоростью. В случае ослабления систем государственной власти, понимаемых нами в широком смысле – от экономики до идеологического воздействия, они неизбежно перейдут из

скрытой формы в открытую, как мы это и наблюдали на территории северокавказского региона, совершенно недавно.

Что же касается непосредственно женской части населения и гендерных систем вообще, то накопившийся политический потенциал традиционного гендера в условиях существования маргинальных женских моделей поведения инициирует либо дальнейшую деэтнизацию гендерных систем (по принципу удовлетворительного сравнения), либо формирует обширную зону демонстративного этнического поведения в его вторичных признаках, в частности религиозных.

II. 4.2. Политическая роль адаптивных компонентов в структуре гендерного секторального пространства

Значительную степень культурной, религиозной, ментальной монолитности всего сообщества народов Северного Кавказа отмечали многие исследователи, всегда, впрочем, увязывая ее с интегрированностью региона в систему российской государственности: «Исторически Кавказ определяется сначала в качестве (меж-) имперского буферного пространства, а с начала XIX века – как особый регион России. «Кавказ постепенно насыщается категориями и сюжетами российского военно-политического, административного и этнографического пространства, одновременно определяется в своей целостности и внутреннем многообразии» [28, с. 7].

Это действительно так – на протяжении всего северокавказского ареала мы сталкиваемся со сходным набором традиционной национальной ритуалистики, идентичными фольклорными системами, практически не различающимися поведенческими стандартами, лежащими в рамках уже не раз упоминавшегося комплекса поведения мужчины-воина.

Попытки выявить в общем ментальном фоне региона какие-то концептуальные различия еще совсем недавно были бы обречены на неудачу. Наблюдающаяся с середины XIX века тенденция к исламизации восточной части Северного Кавказа, к приближению общей культуры народов Дагестана и Чечни к арабским канонам и стандартам – новация, связанная, прежде всего с деятельностью имама Шамиля [29]. В целом же, пытаясь вычленить парадигмальные этнические черты народов Северного Кавказа, мы приходим к выводу об их изначальной идентичности – если не полной, то, как минимум, весьма значительной.

Традиционные поведенческие нормативы и ценностные ориентиры народов Северного Кавказа во всех их составляющих – стандарты мужского и женского поведения, статуирование старших поколений, внутрисемейные, внутрифамильные и внутриэтнические ограничения и предпочтительные модели презентации, системы определения позиций женщин и детей, принципы разделения труда, относимые к одной из важнейших характеристик социума, в общем, вся парадигма этноидентификационных черт, за исключением национальных языков, являла собой систему, отмеченную высокой степенью единообразия. Практически все исследования в гуманитарных областях наук, так или иначе касающиеся этого региона, отмечены его восприятием как единого целого, даже при признании его мозаичности и этнической пестроты: «Кавказ – это единая геополитическая система, включающая сегодня 10 субъектов Российской Федерации и состоящая из сложной мозаики народов, религий и культур. Этот регион занимает уникальное геополитическое, геоэкономическое и геокультурное положение. С древности он являлся контактной зоной и барьером между цивилизациями Средиземноморья, Передней Азии, Восточной Европы» [30, с. 253].

В определенном смысле можно утверждать, что каждый этнос Северного Кавказа был не столько вертикальной структурой с упорядоченными внутриэтническими связями вертикального плана, сколько компонентом некоего агрегата с четко выраженными горизонтальными ассоциациями. Для большинства народов региона попросту не существовало национальных границ, переходы из одного географического ареала в другой и, соответственно, из одного этнического поля в другое были весьма обычным и свободным процессом.

Обращаясь к материалам Кабардино-Балкарии, например, мы можем видеть, какую значительную долю в фамильном составе ее населения составляют выходцы из других народов; причем, что особенно важно, речь идет не об этнических имплантациях последних трех-пяти поколений, а о явлении, имеющем гораздо более глубокую историю. В среде современных кабардинцев имеются

обширные разветвленные патронимии, происхождение которых хронологически заходит далеко за границу XVIII века, а общая доля натурализованных фамилий доходит практически до трети, в границах прежней Малой Кабарды (современный Терский район республики) этот показатель достигает по разным подсчетам от 40 до 50%.

Подобным же образом дело обстоит и с балкарскими фамилиями [31, с. 105-106]. Значительная их часть вообще полностью дублируется осетинскими, а некоторые роды являют собой примеры мгновенной натурализации – когда представители иных народов включались в состав балкарского этноса не в качестве мигрантов, а как пришельцы из соседних, балкарских же обществ (Адраевы, Хапаевы, Батчаевы, Гаевы, Фанзиевы и мн. др).

Взаимная инкорпорированность популяционного характера подкреплялась на культурном уровне. Фольклор народов Северного Кавказа практически един на всем его пространстве. Поговорки, пословицы, сказки дублируются у всех народов в неизменном виде, а значимые формулы социальной и материальной институализации зачастую совпадают буквально: благопожелание, к слову, материального благополучия, дающееся в форме традиционного тоста, для всех народов региона может выглядеть одинаково: «чтоб ваши овцы рожали двойняшек, чтобы копыта ваших волов были тверды, чтобы сыры ваши не кончались...» и т. д.

В этом отношении уникальные этнические фольклорные образования крайне редки и относятся, в основной своей массе, уже ко времени формирования буржуазных отношений и товарного производства. Например, материальное благопожелание кабардинцев «Пусть ваша дочь выйдет замуж за Лафишева» хронологически может быть четко локализовано в рамках второй половины XIX века, когда род Лафишевых вошел в число богатейших на территории Кабарды.

Единство культурного пространства было акцентировано и реализовано в двух специфических социальных институтах, присущих нобилитету Северного Кавказа, – аталычества и куначества. Последний, впрочем, уже в середине XVIII

века был присущ и представителям простых сословий, функционируя в ряде случаев в качестве экономического механизма взаимодействия.

Ограниченность круга представителей высшей знати Северного Кавказа предопределяла многочисленность межнациональных браков. Судя по информации полевого характера, представители дворянства Северного Кавказа, как правило, были билингвистичны, а в значительном количестве случаев знали и три, и более языков. Практика билингвизма сохранилась и по сей день: в Кабардино-Балкарии около 15% жителей коренных национальностей, находящихся в возрасте старше 70-ти лет, знают и кабардинский, и балкарский языки. Ситуативность этого феномена несомненна, данное явление особо распространено в тех населенных пунктах республики, которые исторически представляли собой место тесных межэтнических контактов, однако, с другой стороны, целый ряд информаторов утверждает, что билингвизм совершенно недавно воспринимался в качестве признака хорошего воспитания и благородного происхождения [32].

Особый характер в свете межэтнических взаимоотношений приобретала и конфессиональная среда. Можно с высокой степенью достоверности утверждать, что для коренных народов Северного Кавказа, существовавших в границах нормативных моделей патерналистского толка, вера вообще не являлась этнообразующим признаком.

Отсутствие в парадигме этнической идентификации религиозных компонент доказывается хотя бы тем фактом, что целый ряд народов региона в конфессиональном плане существовали в дуальном поле. Кабардинцы, большая часть которых является и являлась уже в середине-конце XVII века мусульманами, представлены также и христианским сектором (кабардинцы-христиане или «моздокские» кабардинцы), то же самое можно сказать и об осетинах, приблизительно шестая часть, которых мусульмане. Таты также распределены между иудаизмом и мусульманством.

Можно рассматривать все эти факты с политической точки зрения как проявления религиозной толерантности, однако нам кажется, что привлечение понятий и категорий веротерпимости в данном случае излишни. Речь, скорее, идет о полной индифферентности традиционных нормативных и аксиологических комплексов народов Северного Кавказа в отношении религии, существовавшей еще сравнительно недавно.

Уже в более позднее время это явление приняло формы веротерпимости и привлекло на Северный Кавказ огромное количество представителей альтернативных религиозных сект и духовных учений – от молокан и баптистов до последователей Л.Н. Толстого [33].

В границах традиционного патерналистского уклада, свойственного общежитию национальных сообществ региона вплоть до прихода советской власти, секторальное гендерное пространство функционировало исключительно как внутрисемейный механизм обслуживания доминирующих маскулинных систем. Оно было средой и генерационным основанием формирования базовых гендерных комплексов, жестко детерминированных морально-этическими постулатами мужского воинского устава.

Последний, в свою очередь, не имел ни малейшей возможности к адаптации, суть его, коренная базовая характеристика – абсолютность и полное пренебрежение в отношении проблем выживания и самосохранения, что, кстати, свойственно всем воинским кодексам, известным нам из истории человечества. Как уже говорилось, помимо принципиальной неспособности к трансформациям адаптивного плана, он также полностью определял нормы этнической идентификации внутри национального сообщества. Не воин – значит, не кабардинец, не балкарец, не чеченец, не аварец и так далее.

Патерналистские поведенческие, аксиологические и мотивационные стереотипы в определенном смысле существовали в качестве наднациональной интегративной системы, в границах которой языковые различия – тем более в условиях одобряемого и предпочтительного полилингвизма – не имели особого

значения. И здесь секторальное гендерное пространство выступает как адгезионная компонента и механизм единого культурного и наднационального поля Северного Кавказа.

С этой точки зрения становится понятным, почему (вопреки бытующему на обывательском уровне мнению) Северный Кавказ практически не знал внутрирегиональных военных межэтнических конфликтов. Военные столкновения носили исключительно персональный либо корпоративный характер. Еще более частыми были стычки внутриэтнического толка. Единственными исключениями видятся военные действия кумыков против народов юга Дагестана, походы кабардинских князей Асланбека Кайтукина против осетин и балкарцев и достаточно серьезная военная кампания кабардинского князя Казы Пшиапшоко против карачаевцев [34, с. 101]. Однако и эти конфликты при ближайшем рассмотрении оказываются не более чем крупномасштабными столкновениями конкретных личностей или фратрий (Кайтукины-Абаевы; Казы Пшиапшоко - Абу-Муслим Крымшамхалов).

В рамках традиционных обществ, как уже говорилось, вплоть до появления имамата в XIX веке даже конфессиональные признаки значимыми не считались. Во всяком случае, при исследовании устойчивых, имеющих длительную традицию религиозных групп мы всегда сталкиваемся с явлением временной статусной адаптации, когда новообращенные не имеют шансов занять лидирующие роли в группе. Но, как известно, среди ближайших набов Шамиля несколько человек были бежавшие русские солдаты, что само по себе очень показательно.

Однако с повышением политической роли адаптивных компонент в общей структуре гендерного секторального пространства начинает меняться и характер воздействия последнего на народы Северного Кавказа. Причин перехода секторального гендерного пространства на продуцирование адаптивных моделей базовых гендерных комплексов множество – сам ход развития региона в границах российского правового и экономического поля инициировал этот переход.

Первые признаки возрастания роли функций адаптивности наблюдаются еще в середине XIX века, затем история народов Северного Кавказа приобретает ярко выраженный деструктивный характер, тенденция к замещению в гендерных базовых комплексах политических морально-этических и этноидентификационных составляющих компонентами политического адаптивно-социализационного плана становится все более и более очевидной.

Однако следует отметить, что ни полное вхождение в зону российской государственности, ни капитализация отношений, наблюдавшаяся в самом конце XIX - начале XX века, ни даже Октябрьская революция и установление советской власти не играли в жизни горцев необратимой роли.

Даже последовательная политика руководства кавказских республик, проводившаяся в 20 – 30-х годах XX века и направленная на радикальную ломку гендерных стереотипов коренного населения, в конечном итоге способствовала формированию женской маргинальной прослойки. Этот контингент во многом находился вне рамок традиционных гендерных стереотипов, присущих народам Северного Кавказа, несомненно, влиял на мировоззрение основной массы горянок, но, по большому счету, не менял самих нормативов традиционного гендерного поведения.

Ситуация практически не менялась на протяжении всего советского периода. Даже депортация ряда северокавказских народов в эпоху сталинских репрессий, нанеся серьезный удар по всем составляющим этносов – от возрастной структуры до систем хозяйствования, не изменила фундаментальную структуру этносоциумов, и – соответственно – взаимное положение гендерных и патерналистских систем. Быть может, период депортации оказался попросту недостаточным, чтобы в процессе поколенной трансляции наметились существенные сдвиги в психологии и нормах традиционного поведения.

Но нам представляется, что основной причиной устойчивости поведенческих и аксиологических стереотипов была стабильность форм хозяйствования и обеспечения жизнедеятельности народов Северного Кавказа,

наблюдавшаяся вплоть до перестроечного периода. Жизненный уклад горцев основной, а в некоторых случаях – достаточной – массы не менялся за все годы советской власти. Смены формы собственности, политических курсов, показателей благополучия, господствующих политических доктрин не затрагивали главного – традиционных, этнически и ландшафтнообусловленных форм хозяйствования. В сущности, до конца-60-середины 70-х годов XX века внутрисемейный быт среднестатистической крестьянской семьи на Северном Кавказе, механизмы обеспечения, уровень относительного благополучия, видимые социальные перспективы молодых ее членов оставались неизменными. Колхозы, совхозы, план, пятилетка – все это существовало за пределами семейного быта, за пределами гендерного пространства, реализованного, как и сто, и двести лет назад, в рамках фактически натурального способа воспроизводства, ведь даже процесс выдачи паспортов и отмены системы трудодней в колхозах региона растянулся в республиках Северного Кавказа до середины 70-х годов. Все это, несмотря на официально провозглашенную политику государства по нивелировке и унификации этнического многообразия СССР на уровне его духовности и образа жизни – «...высшей целью ее социальной политики (Компартии СССР) является формирование нового человека, т.е. формирование материальных и духовных потребностей человека коммунистического типа [35, с. 214]», – так и не смогло радикально изменить характеристики этнических гендерных систем народов Северного Кавказа, по крайней мере, в аутентичной среде.

Коренная ломка произошла уже в 80-х годах. Первые системные проявления рыночных отношений, становление кооперативного движения, процессы накопления первичного капитала и признаки социальной дифференциации общества инициировали серьезные подвижки в границах секторального гендерного пространства.

Проявлявшаяся сегментация ранее единого политической и экономической структуры государства, версификация форм жизнеобеспечения семей,

формирующийся разброс уровня обеспеченности семей обусловили возрастание роли и места адаптивных функций секторального гендерного пространства. Сегментация жизненного пространства закономерно экстраполировалась в гендер, реализовавшись в виде соответственной сегментации морально-этических компонент базовых гендерных комплексов.

Направленность морально-этических идентификационных и актуализационных движений в рамках секторального гендерного пространства приобрела выборочный характер. Как результат социального адаптирования гендерное сознание формирует систему приоритетов, ибо тотальный морально-этический подход к взаимоотношениям в условиях рынка становится попросту невозможным. В числе этих приоритетов на первое место выдвигается субъективное «Я», затем – семья и этнос.

В политическом контексте важно отметить, что процесс распада единого культурного и коммуникативного поля как результат воздействия адаптивных механизмов секторального гендерного пространства, впрочем, нельзя увязать именно и только с определенным этапом в истории СССР. Он постоянен как само понятие жизненного успеха. В этом смысле секторальное гендерное пространство, в силу наличия в его объеме механизмов социальной адаптации, всегда выступает в качестве диссипативной системы и системы, инициирующей диссипацию по отношению к традиционным этническим сообществам.

Патерналистские сообщества купируют этот процесс не только особыми статусными положениями женской части населения. Мужские воинские поведенческие и аксиологические комплексы – образования внеэкономического характера – по крайней мере, после перехода этносов от номадной культуры воспроизводства к более прогрессивным в концентрированном символическом виде представляют идеологическую составляющую возможных девиант поведения. И борьба с диссипативными процессами ведется, прежде всего, на идеологическом уровне.

Например, в среде северокавказской аристократии бытовало подчеркнуто пренебрежительное позиционирование к любым формам материальных взаимоотношений. К слову, дворянская прослойка народов Северного Кавказа в идеале не имела права на владение каким-либо имуществом, кроме необходимого для исполнения воинских обязанностей. Институт наездничества, особенно развитый у адыгов, в частности у кабардинцев, не имел конечной целью материальное обогащение участников набегов - дворян. Все добытое в результате похода подлежало обязательной раздаче – кроме оружия, обуви и лошадей.

Эта практика нобилитета, по всей видимости, служила укреплению вертикальных внутриэтнических связей, прямым ее результатом было формирование и укрепление идеала мужчины-воина, а опосредованным – купирование диссипативного воздействия секторального гендерного пространства на единое поле надэтнического функционирования воинской культуры.

Советский период нанес фатальный ущерб единому культурному пространству Северного Кавказа в смысле монолитности его патерналистских систем и этнических идеоформант. Однако само существование в советский период такого концепта, как «единый советский народ», пропагандируемая сопричастность всех этносов к чему-то большему и общему могло сдерживать диссипационные процессы – умозрительное единство может, по всей видимости, выступать каузальным основанием реального – хотя бы на идеологическом уровне.

Однако после распада СССР ситуация резко меняется. Понятно, что деструктивные изменения в структуре базовых гендерных комплексов накапливались годами и десятилетиями. Но в отсутствии всяческих ограничений – хотя бы и идеологического плана – сумма накопленных подвижек в кратчайшие сроки дала катастрофические результаты. Единое северокавказское поле этноидентификационной парадигмы традиционного патерналистского толка прекратило свое существование.

Адаптивная составляющая гендерного секторального пространства заместила собой механизмы патерналистских систем этнической идентификации, универсальность воинских стереотипов стала нефункциональна. Выражаясь в состоянии первого допущения, народы Северного Кавказа осознали свою инаковость, и в отношении друг к другу, и в отношении к иллюзорному «советскому народу», отождествлявшемуся у них с русским этносом.

В рамках нарастающих диссипативных процессов во всех системах государственности новой России адаптивные этнические механизмы (а они в традиционных патерналистских сообществах Северного Кавказа полностью локализованы в гендерном секторе) неизбежно проецировали объективную ситуацию на уровень идеологем. Единое культурное поле региона неизбежно распадалось, ибо гендерное секторальное пространство в виде частного проявления общедиссипативных тенденций спродуцировало и систему национальных предпочтений – статистика межнациональных браков в постсоветский период весьма красноречива.

Падение относительного количества межнациональных браков по Кабардино-Балкарской Республике наблюдается как раз с середины 80-х годов XX века. В 90-х годах этот процесс резко ускорился и приобрел качество крайне тревожного показателя состояния межнациональных отношений уже в конце прошлого века. Так, на протяжении двенадцати лет, начиная с 1998 года и до сегодняшнего дня (2010 год), доля межнациональных браков по городу Нальчику упала с 28,1 до 17,7% [36].

Что касается возрастания абсолютного количества межнациональных браков по городу Нальчику за этот же период (с 1267 человек в 1998 году до 2239 в 2009-м) [37]– мы лишь констатируем полную скореллированность графика возрастания их количества с количеством людей, выставляющих свои данные на сайты знакомств в сети «Интернет». Особенно показательным в этой связи видится скачок количества межнациональных браков в 2005-2006 годах,

предварявшийся лавинообразным увеличением интереса к сетевому общению в 2004 году.

Мы, естественно, далеки от мысли, что межнациональные браки напрямую связаны с воздействием феномена сетевых контактов, однако полагаем, что в условиях этнических сообществ Северного Кавказа знакомство посредством сети «Интернет» однозначно маркирует долю маргинализированных групп в общем составе населения.

Точной статистики по сельским районам не имеется, но данные полевых исследований свидетельствуют, что обстановка в них еще более удручающая. Так, из 42 невесток (жен сыновей) кабардинской национальности, зафиксированных нами в балкарском селе Яникой (близость к городу, высокий уровень латентной маргинализации), 32 перешагнули рубеж 65 лет. Из 56 невесток балкарской национальности, проживающих в кабардинском селе Лечинкай, 42 относятся к указанной возрастной группе. Подобная статистическая картина прослеживается как стабильная во всех селах, расположенных в непосредственной близости от столицы республики и от территорий иноэтничного компактного проживания. Гораздо хуже картина в удаленных и изолированных населенных пунктах. В таких балкарских селах, как Безенги, Булунгу, Кара-Су, Верхняя Балкария, вообще нет женщин кабардинской национальности младше 65 лет. Приблизительно то же самое мы наблюдаем в изолированных селах Терского, Баксанского и Зольского районов (районы компактного проживания кабардинцев) [38].

Естественно, секторальное гендерное пространство вынуждено реагировать и на реалии экономического характера, но реакция его механизмов носит в данном случае не только актуальный вид, но и задает достаточно удаленную перспективу адаптивных процессов. Распад единого этнокультурного (в рамках, естественно, субстратной культуры) пространства Северного Кавказа означал и распад единообразия экономических институтов обеспечения жизнедеятельности семей по разным национальным нишам.

Начиная с середины 80-х годов XX века мы наблюдаем своеобразную специализацию этносов по разным видам деятельности. Для народов горной части Дагестана весьма распространенным явлением стали отделочные бригадные работы в строительной отрасли с выездом в другие регионы. Для чеченцев (до образования республики Ичкерия) таким отхожим промыслом стали строительные бригады, с неограниченной географией деятельности, для балкарцев и карачаевцев – шерстяные и трикотажные производства, для кабардинцев – производство и реализация продуктов плодовоовощеводства.

Подобное явление всегда существовало на Северном Кавказе. Однако в условиях фактического угасания контролирующих функций патерналистских поведенческих комплексов традиционного характера, в условиях реального доминирования гендерных систем адаптации происходит замещение аксиологических установок патерналистского плана на социализационные нормативы.

Дифференциация этнических устремлений в социальном плане теперь увязывается с пониманием жизненного успеха в определенных областях жизнедеятельности. Вынужденная специализация, детерминированная экономическим состоянием государства в границах гендерных систем, приобретает этноментальное качество. Формируются новые коммуникативные стереотипы, приспособленные к тем или иным конкретным видам хозяйственной деятельности. Закрепляясь в базовых гендерных комплексах, они приобретают вид и функции предпочтительных поведенческих, а далее – и психоментальных стандартов.

Иначе говоря, воздействие секторального гендерного пространства обуславливает дальнейшую диссипацию единого квазиэтнического поля Северного Кавказа, и даже, вполне возможно, инициирует переход этого процесса на уровень поиска предпочтительных генетических характеристик.

Характерно в этом плане то, что буквально за последние несколько лет изменения на уровне субстратной гендерной культуры оказали свое влияние на

общеэтнические виды культуры презентативной. В рамках традиционных патерналистских представлений о мужском и женском поведении практически отсутствовали требования к поведенческим механизмам манифестации собственных достоинств, так как коммуникативное взаимодействие индивидов осуществлялось в границах жестко регламентированных воинских-мужских кодексов. Субъект коммуникации практически отсутствовал – человек выступал в роли реализатора нормативов. Новые нормы адаптированного поведения ориентированы на реальную коммуникацию, живое общение индивидов. А посему в качестве обязательной составляющей включают в себя моменты саморекламы.

В различных областях презентативной культуры это сказалось изменением стандартов эстетического. В частности, большинство текстов эстрадных песен современности в качестве обязательного элемента содержания включают в себя моменты декларации своей этнической принадлежности и декларации уникальности данного вида этничности – вещи немислимые в рамках традиционных моральных комплексов. Даже такая, казалось бы, столь отстраненная от этических моментов отрасль национальной культуры, как хореография, иллюстративно отражает подвижки в сфере коммуникации: стандарты подачи себя окружающим ныне включают такие моменты осанки и постановки жестов и поз (нарочито поднятая голова, взгляд сверху вниз и т.д.), за которые любой член традиционных сообществ в совершенно недавнем прошлом подвергся бы, как минимум, осмеянию.

Подведем промежуточные итоги. Сущностным содержанием периода середины 80-х годов прошлого века – начала нашего столетия в смысле характера воздействия гендерного сектора общества на традиционные этносы Северного Кавказа стала значимая диссипация традиционного мира народов региона в рамках секторального гендерного пространства, проявившая себя и закрепившаяся в базовых гендерных комплексах. Этот процесс детерминировался политическими, социальными и экономическими факторами, сформировавшими

фон полной неудовлетворенности основной массы населения результатами своей жизнедеятельности.

Для женской части населения маргинального плана Северного Кавказа неудовлетворенность социального плана означала дальнейшее увеличение количества альтернативных форм поведения, перехода их в демонстративные и жесткие формы. Их поведенческие нормалы на фоне латентной маргинализации этносов Северного Кавказа и, главное – перманентного процесса замещения традиционных патерналистских систем этноидентификации гендерными способствовали дальнейшему расширению секторального гендерного пространства.

Как результат – в орбиту последнего были вовлечены и такие важнейшие и определяющие функции, как сохранение и выживаемость этносов, а также определение парадигмы маркерных черт этнической идентификации. Это было неизбежно в силу некоторых особенностей женской психики в целом: «Принято говорить, что женщины более обидчивы, чем мужчины, при прочих равных условиях; но это и означает, что они часто ощущают нападение на какую-либо отдельную черту как направленное на всю их личность – именно потому, что они обладают единой натурой, в которой часть не отделилась для самостоятельной жизни от целого» [39, с. 239].

В условиях видимого угасания систем этнических ценностей гендерное сознание неизбежно экстраполировало любые потери экономической, социальной, культурной традиции как атаку на целое – на этнос, для женского коллективного сознания, приобретшего к этому моменту качество наивысшей в смысле обобщественности сферы бытования в рамках национального миробытия. Свойственная женской натуре необъективность в оценках ситуации [40, с. 101] также играла свою роль в масштабировании этого явления.

Ощущение недееспособности традиционных векторов приложения сил инициирует альтернативные (с точки зрения этнического поведения женщин) формы активности. Помимо формирования политических партий (см. выше), это

выражается в резком увеличении количества верующих женщин с ярко выраженными признаками демонстративного религиозного поведения.

В городских условиях подобный тип поведения можно считать противоречащим, или несовпадающим с общепринятыми стандартами, т.е. одной из форм проявления женской социальной активности, оппозиционной существующей на сегодняшний день среде. Формирование данной группы женщин началось в 1995-1996 годах, но уже на сегодняшний день только в Нальчике, по разным данным, их доля достигла 6-10,5 % от общей массы кабардинок и балкарок, проживающих в городе, и что представляется особенно характерным – процент молодых девушек в возрасте до 18 лет растет особенно быстрыми темпами – количество слушательниц Исламского университета в только за один переломный с нашей точки зрения год - 1998-1999 - возросло с 12 человек до 37 [41].

Не беря на себя смелость предсказывать дальнейшие эволюционные моменты развития конфессиональных групп, мы лишь отметим, что в условиях некорректной подачи основных положений ислама, часто имеющих место в условиях современной Кабардино-Балкарии, консолидированная и достаточно радикальная группа женщин-мусульманок может представлять из себя значительную социальную и политическую силу. С учетом динамики роста количества верующих мусульман (людей, придерживающихся ортодоксальных требований религии) и нынешнего их количества, оцениваемого разными источниками в пределах 140 тысяч человек, мы можем предположить, что уже в ближайшее время этот сектор реализации женской социальной активности, как странно не звучало бы это, может оказаться доминирующим во всем пространстве женского движения Кабардино-Балкарской Республики и, думается, всего Северного Кавказа.

В общем и целом, даже краткий и беглый обзор истории возникновения и работы женских движений и аттрактивных женских групп КБР на современном этапе позволяет сделать один очень существенный вывод: в переходный период

крайне важен выбор социальных приоритетов, которые должны взять на себя государство и другие социальные институты. Опыт показывает, что спонтанное аутоэргонимическое формирование женских движений и форм женской социально-политической активности отягощены различными негативными моментами, корни которых лежат в крайне неблагоприятной политической и социально-экономической, а в последнее время – и информационной среде.

Развитие регионального женского движения и стратегия его корректного формирования в переходный период не могут обуславливаться содержанием и темпом реформ, это дело государственного контроля. Много зависит и от готовности женского сознания к периодической корректировке социальной стратегии, разработке нескольких моделей, которые можно использовать в зависимости от хода реформ и с учетом национальных особенностей региона.

Особое значение приобретает в наших глазах тот факт, что в постперестроечный период общий характер материальных внутрисемейных отношений претерпел значительные изменения. Вторая половина 80-х годов ознаменовалась резким повышением внутрисемейного статуса женщины, прежде всего, в национальных семьях, что, вне всякого сомнения, объясняется реальными, часто негативными, подвижками социально-экономической среды.

Изменения внутрисемейного статуса женщин закономерным образом повлекли за собой и трансформацию стереотипов политического и социального поведения женщин.

Исследования показали, что в течение 1995-1999 годов неуклонно повышалась доля студентов-девушек КБГУ, обучающихся на традиционно «мужских» факультетах, в том числе физико-математическом, СИУ, учетно-экономическом.

К концу 90-х годов, невзирая на возросший уровень национального самосознания, начали возрастать показатели межнациональных браков, в начале десятилетия упавшие почти до нуля.

Весьма значительна доля женщин в так называемых группах альтернативной социальной активности – религиозного толка и других.

За 1991-1998 годы Министерством юстиции КБР было зарегистрировано более 20 женских общественных организаций, четверть из них занималась в основном политической деятельностью [42].

Показательны и данные по составу различных выборных институтов на территории КБР. Социологический опрос, проведенный в конце 1998 года в сельских населенных пунктах КБР, подтвердил возросший потенциал женской социальной активности – из 300 респондентов женского пола на вопрос «Хотели бы Вы видеть своим депутатом в Госдуме РФ женщину?» положительный ответ дали 184 человека (61%) при условии, что предполагаемый кандидат достаточно известен и, главное – обладает высоким социальным статусом [43].

Таким образом, в настоящее время ресурсы политической и социальной дееспособности женщин Кабардино-Балкарии обладают огромным общественным и политическим потенциалом. Реализации его препятствует лишь отсутствие ярко выраженного лидера-женщины, обладающего достаточным харизматическим качеством. Любое значимое колебание политической и социально-экономической ситуации в целом по стране и в республике может привести как к появлению подобного лидера, так и к трансформации системы гендерных взаимоотношений на всех уровнях их реализации.

Зачастую эти изменения в области поведенческих стереотипов приобретают откровенно неприемлемый характер. Так, в течение 1990-1999 годов опасные масштабы приобрела заболеваемость алкоголизмом - рост на 27,9%, в том числе абсолютный рост женского алкоголизма составил 46%. На 10,3% увеличилась общая численность больных наркоманией и токсикоманией, и здесь также крайне неблагоприятно выглядела динамика роста этих явлений в женском секторе [44].

В условиях тотальной деструкции систем народнохозяйственного комплекса и зачастую неконтролируемой дестабилизации общества роль и функциональное значение структур женского движения естественным образом

меняется.

В идеале они должны выступать как неотъемлемая часть общего социоуправленческого механизма, работающего под строгим контролем государства. «Социальная стратегия государства должна, на наш взгляд, включать долгосрочные и краткосрочные цели: первые связаны с поиском оптимального соотношения социально-политической стабильности и экономического роста, вторые зависят от конкретного состояния общества (сложившееся оно или формирующееся) и характера экономических связей (стабильны они или нарушены)...» [45, с. 120] - мысль абсолютно верная, так же как и очевидно то, что в условиях современной России основной акцент должен быть сделан на деятельность по поддержанию стабильности, а в регионах Северного Кавказа по поддержанию политической стабильности в первую очередь.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. Самохвалова, В.И. Масскульт и маленький человек [Текст] / В.И. Самохвалова//Философские науки. - 2001. - № 1. - С.55-66.
2. Розов, Н.С. Национальная идея как императив разума [Текст] / Н.С. Розов//Вопросы философии. - 1997. - № 10. – С. 13-28.
3. См. Лазарев, Ф. В. Методология конструктивизма [Текст] / Ф.В. Лазарев//Разум в постнеклассическую эпоху: антропологические перспективы: Материалы Международного симпозиума. ТНУ им. В. И. Вернадского. Симферополь 21 – 24 мая, 2003. – Симферополь: ТНУ им. В. И. Вернадского. 2003. - С. 36-40. Лебедев, С.А. Методологический кластер классической, неклассической и постнеклассической (постмодернистской) науки/С.А. Лебедев Материалы Международного симпозиума. ТНУ им. В. И. Вернадского. Симферополь 21 – 24 мая, 2003. – Симферополь: Изд. ТНУ им. В. И. Вернадского, 2003. – С. 42-46.
4. Вейнингер, О. Пол и характер[Текст] / О. Вейнингер. – М.: Мысль, 1991. – 192 с.
5. Маркузе, Г. Одномерный человек [Текст] / Г. Маркузе. – М.: REFL –book, 1994. – 367 с.
6. Здравомыслова, Е. А. Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии [Текст] / Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина// Социологические исследования. – 2000. -№11. – С. 15-23.
7. Жибайтис, Р. Нравственная культура: общение и личность [Текст] / Р. Жибайтис//Нравственность и общение. – Каунас: Issa, 1989. – 250 с.
8. Жеребкина, И. Страсть. Женское тело и женская сексуальность в России [Текст] / И. Жиребкина. – СПб.: Алетея, 2001. – 335 с.
9. Гомелко, О. Метафизика телесности: концепт тела в философском дискурсе [Текст] / О. Гомелко. – Киев: Наукова думка, 2001. – 230 с.

10. Барчунова, Т. А. Эксклюзия и инклюзия сообщества гендерных исследователей [Текст] / Т.А. Барчунова//Преодоление. – Новосибирск: Сибново-центр, 2000. – С. 216-226.
11. См. Здравомыслова, Е. А. Социальное конструирование гендера [Текст] / Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина//Социологический журнал. - 1998. -№3/4. - С. 171-182.
12. Клецина, И. С. Психология гендерных отношений: Теория и практика [Текст] / И.С. Клецина. – СПб.: Алетея, 2004. – 363 с.
13. Берн, Ш. Гендерная психология [Текст] / Ш. Берн. – СПб.: Прайм–Евроснак, 2004. – 320 с.
14. Силласте, Г. Г. Гендерная социология как частная социологическая теория [Текст] / Г.Г. Силласте//Социологические исследования. - 2000. - №11. - С. 5-15.
15. Жаров, Л.В. «Третий» пол? [Текст] / Л.В. Жаров//Человек. - 2005. - №3. - С. 130 -136.
16. Берн, Ш. Указ.соч.
17. Боно, Э. Латеральное мышление [Текст] / Э. де Боно. - СПб.: Питер Паблишинг, 1997. - 348 с.
18. См. Отчет по результатам анкетирования на тему: «Политизация гендерных отношений в процессе преобразования российского общества (на материале Северного Кавказа)».
19. Кабардино-Балкарская правда. – 2005. - 17, 24 октября.
20. См. Отчет по результатам анкетирования на тему: «Политизация гендерных отношений в процессе преобразования российского общества (на материале Северного Кавказа)».
21. Информатор Байказиев О. (1928 г.р., Яникой)
22. Данные ДУМ КБР.
23. Документы Государственного комитета по делам национальностей Кабардино-Балкарской Республики.

24. Информатор Чочаев Ш. (1960 г.р., Белая Речка).
25. Информация ДУМ КБР.
26. Там же.
27. Зиммель, Г. Созерцание жизни. Избранное [Текст] / Г. Зиммель. - М.: Юристъ, Т. 2. - 1996. – 603 с.
28. Цуциев, А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774-2004) [Текст] / А. Цуциев. - М.: Европа, 2006. – 128 с.
29. См. Гамзатов, Г. Формирование многонациональной литературной системы в дореволюционном Дагестане [Текст] / Г. Гамзатов. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1978. – 420 с.
30. Тамазов, М.С. Либеральная российская модернизация второй половины XIX века на Северном Кавказе и кризис кавказской идентичности [Текст] / М.С. Тамазов//Актуальные проблемы гуманитарных наук: Материалы VII Международной научно-практической конференции.- Часть II. - М.: Бизнес – Наука - Общество, 2008. - С. 247 - 253.
31. Волкова, Н. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века [Текст] / Н. Волкова. - М.: Мысль, 1974. – 167 с.
32. Информаторы Цирхов А. (1961 г.р., В. Курп), Гижгиев Ш. (1920 г.р., Хушто-Сырт).
33. См. Шаожева, Н.А. Эволюционные формы женской социально-политической активности в Кабардино-Балкарии [Текст] / Н.А. Шаожева. – Нальчик: КБНЦ РАН, 2010. – 119 с.
34. История Кабардино-Балкарской АССР [Текст] - М.: Наука, 1967. – 323 с.
35. Осипов, Г. В. Теория и практика социологических исследований в СССР [Текст] / Г.В. Осипов. – М.: Наука, - 276 с.
36. Данные Управления ЗАГС Кабардино-Балкарской Республики.
37. Там же.
38. Данные полевых исследований автора.
39. Зиммель, Г. Указ.соч.

40. Бутенко, И. Анкетный опрос как общение социолога с респондентами [Текст] / И. Бутенко. - М.: Высшая школа, 1989. – 176 с.
41. Данные Исламского университета г. Нальчика.
42. Архив Государственного комитета по делам национальностей Кабардино-Балкарской Республики.
43. См. Отчет по результатам анкетирования на тему: «Политизация гендерных отношений в процессе преобразования российского общества (на материале Северного Кавказа)».
44. Данные Министерства здравоохранения Кабардино-Балкарской Республики.
45. Савченко, П.К. Проблемы разработки социальной стратегии в России [Текст] / П.К. Савченко, М.Ф. Федорова//Проблемы теории и практики управления. - 1994. - № 6.- С. 114-132.

Глава V. Альтернативные формы женской социально-политической активности на современном этапе

П.5.1. Трансформация общественных процессов в контексте эволюции женской социально-политической активности

Смена этноидентификационных механизмов, происходящая, так сказать, в ламинарной среде, как правило, сопровождается взаимной адаптацией последних, когда речь идет о многонациональных сообществах [1]. В этом смысле стабильность политической, правовой, социальной обстановки, постоянство целевых устремлений государства в области национальной политики способствуют сохранению традиционного тона взаимного межэтнического притяжения-отталкивания, одновременно генерируя здоровый консерватизм эволюции сферы межэтнических отношений [2, с. 36-41].

Этнический радикализм возникает в стохастической среде, когда ни внутренняя политика государства, ни экономические факторы не могут быть предсказуемы. Если административные структуры в результате неточной оценки ситуации усложняют существующие системы межэтнического сосуществования социально-политических, этнических, юридических, экономических тенденций, процесс накопления и разрешение конфликтных ситуаций в обществе может приобрести не поддающийся контролю характер.

В этом аспекте развитие ситуации на Северном Кавказе, с конца 80-х годов XX века представляет пример не всегда правильного вмешательства

управленческих структур федерального Центра в полиэтничный и многоконфессиональный конгломерат регионального сообщества.

На общий ход развития дел влияли различные группы сил и интересов. Для понимания процессов эволюционирования форм женской активности, изменения гендерной компоненты в этнополитической и конфессиональной динамике и, главное – причин этих изменений необходимо, по всей видимости, хотя бы схематически представлять базовые детерминанты развития ситуации на протяжении последнего десятилетия прошлого века и характер агрегатирования факторов воздействия на женское сознание на конкретных этапах развития гео-, этнополитического и конфессионального контекста региона.

Генезис социально-политических процессов, который привел национальные субъекты Северного Кавказа к текущей ситуации, видимым истоком имеет развитие в сфере научных и культурных интересов интеллигенции коренных народов региона, связанных с глобальными изменениями в стране, которые начались после 1985 года. Ассоциации по интересам, которые сложились в верхушке интеллектуальной и творческой элиты Кабардино-Балкарии еще до перестройки во второй половине 80-х годов получили официальную регистрацию в форме нескольких культурно-национальных организаций.

Спокойное, ламинарное существование советского общества, тем не менее, потенциально оказалось насыщенным разнообразными конфликтами в самых различных социальных слоях, что и проявилось в живейшем интересе и со стороны населения, и со стороны управленческой верхушки к деятельности национальных организаций. Сегодня трудно предполагать, какого рода напряжения накапливались в чиновничьей среде – лишь в определенной временной дистанции, уже в начале 90-х, прозвучали фразы взаимного недовольства кадровыми соотношениями по национальному признаку; определенно можно сказать лишь одно – персональный состав руководящей верхушки КБР за редким исключением активно заигрывал с национальными обществами с момента самого их появления.

Что касается населения республики в целом – его интерес, в основном был обусловлен проблематикой культурного и исторического плана, так как в советские времена эти сектора этнического сознания кабардинцев и балкарцев были абсолютно не восполненными. Учитывая роль национальных движений в дальнейшем разворачивании событий, их проявившийся политический потенциал, именно общая идеология государства и политика секуляризации исторического и культурного наследия народов Северного Кавказа явились главным фактором интереса к деятельности национальных движений со стороны населения, мы можем констатировать, что, применительно к Кабардино-Балкарии абсолютно точно – что пробелы в учебниках по истории и этногенезу адыгов и карачаево-балкарцев привели в качестве первичного катализатора, в конце концов, к серьезным последствиям общерегионального масштаба, а в составе всего комплекса проблем Северного Кавказа – к обоснованным сомнениям в сохранности и государственной состоятельности Российской Федерации.

Изначально деятельность национальных объединений была ограничена только вопросами общегуманитарного характера, и, забегая вперед, мы должны отметить, что их вклад в этническую сохранность народов КБР, в открытие новых перспектив дальнейшего существования в своем аутентичном (хотя бы относительно) качестве в условиях воследовавшего вскоре хаоса воистину неоценим. Даже бытовое функционирование языков КБР в середине 80-х вызывало вопросы; многие представители коренных этносов, живших в столице республики, попросту не владели родной речью. Сегодня таковых практически не имеется. Даже молодые люди, не знавшие своего родного языка (нынешнее поколение 30-40-летних), освоили его хотя бы на уровне общеупотребляемых расхожих выражений. Молодежь же города Нальчика нового тысячелетия в подавляющем своем большинстве паритетно билингвистична (родной - русский).

Но уже на рубеже 80-х – 90-х годов XX века содержание деятельности национальных организаций начало претерпевать существенные изменения. Во-первых, выявились первые конфликты в сфере национальных интересов

кабардического и балкарского народов. Они не лежали в сфере обеспечения институтов существования этносов, а, поэтому, по нашему мнению, были искусственно введены в общественную практику. Здесь речь идет о первом и самом серьезном противоречии в стремлениях кабардинцев и балкарцев, зарегистрированных в оппозиции "Хасз" и «Тёре» по земельному вопросу.

Необходимо констатировать, что в условиях безвозвратной потери исторических территорий Кабардой, в условиях перенасыщенности народонаселения на нынешней территории республики территориальное размежевание по национальному принципу невозможно и получит перспективы лишь в случае серьезнейших революционных подвижек в технологии использования жизненного пространства.

Территория компактного расселения кабардинцев в пределах нынешней Кабардино-Балкарии и земля в горной части республики никогда не могли прокормить массы населения более 80-100 и 25-30 тысяч человек соответственно, если судить по показателям численности населения, зафиксированных С.Броневсим – и того меньше [3, с. 71, 213-215, 226]. Очевидно, что эти цифры и являются продуктивным пределом в рамках современных систем хозяйствования. Для республики, чье население приближается к миллиону, нынешнее ее жизненное пространство не может служить реальным предметом споров.

Политизация деятельности, и «Хасэ», и «Тёре» была вызвана влиянием деловой элиты Кабардино-Балкарии, а, в свою очередь, ее интерес к национальным движениям был определен изменением общей социально-политической и, главное, избирательной ситуации в стране.

Следует сразу сказать, что тот, уже далекий этап накопления первичного капитала еще не был плотно связан с властными возможностями субъекта накопления. История бизнеса Кабардино-Балкарии, как история становления деловых кругов СССР начиналась с людей, быть может и обладавших определенными возможностями в силу своего социального положения, но достигших успеха, прежде всего, за счет личных качеств, причем, во многом

вопреки властным амбициям чиновничества и партократии – не случайна, а совершенно закономерна.

Противодействие новой элите общества со стороны властных структур, традиционной для СССР, привело сформированные деловые круги к осознанию необходимости обладания законной властью. Тем более, что социально-политическая ситуация в стране вполне располагала к этому.

В конце 80-х – начале 90-х годов XX века в Кабардино-Балкарской Республике появился определенный круг людей, который обладал самым мощным экономическим ресурсом. При выраженном ослаблении влияния местных властей, начальных процессах распада государства, фактической неспособности вертикали всесоюзной государственности держать самое себя, созданная оппозиция полагалась на национальные движения в условиях официально заявленной демократии.

Организационная и текущая документация как «Хасэ», так и «Тёре» сохранилась на сегодняшний день только фрагментарно. Мы не можем восстановить полную картину процессов принятия тех или иных решений руководством этих организаций. Тем более – сегодня совершенно невозможно выяснить инициированные мотивы и механизмы формирования стратегии и тактики национальных обществ, применительно к той или иной конкретной обстановке. Поэтому с более или менее достаточной степенью вероятности мы можем восстановить лишь основную канву тех событий.

Москве было не до мелких, на ее взгляд, движений в периферийной республике, на Северном Кавказе ее интересовало, прежде всего, развитие событий в тогда еще единой Чечено-Ингушетии. Позиция властных органов на местах была точным проектированием соответствующих структур Москвы в политических процессах, которые были обрисованы в общих чертах в Кабардино-Балкарии. В связи с чем, возник момент консолидации общественных движений из-за временного совпадения интересов. Полагаем, что определенный контингент участников национальных движений действительно считал, что с изменением

структуры управленческих органов общая социально - политическая ситуация и в республиках Северного Кавказа изменится.

Эта часть включала в себя также те группы кабардинской и балкарской творческой элиты, которая стояла у истоков национального движения. Политические амбиции некоторой части членов национальных организаций, с которыми был непосредственно связан негласный лидер оппозиции, простирались до гарантированных мест в будущей структуре высших органов власти.

Даже в единственном вопросе, который и представлял собой краеугольный камень противоречий кабардинцев и балкарцев – земельном, – был достигнут временный консенсус – вероятно, под непосредственным влиянием будущего предполагаемого главы республики. В конце 80-х – самом начале 90-х годов XX века идея раздела республики по национальному признаку не оформилась в качестве обязательной политической цели, но уже вызывала конкретные опасения у кабардинской части населения. Раздел автоматически предполагал размежевание земель, а с середины XIX века территория компактного проживания балкарцев существенно увеличилась, по мнению кабардинских историков, за счет обобществленных в свое время земель кабардинских дворянских сословий.

Требования балкарской стороны о восстановлении административных районов КБАССР по состоянию на 8 марта 1944 года – день депортации – расценивались кабардинской стороной как прелюдия к государственному отделению Балкарии от Кабарды, естественно, в границах современного компактного проживания. Поэтому этот вопрос вызывал сильнейшую негативную реакцию у представителей адыгских национальных обществ.

Тем не менее, в нескольких выступлениях лидеров «Хасэ» в течение 1990 – 1991 годов прозвучали мотивы согласия с восстановлением балкарских районов – с обязательной и жесткой оговоркой о восстановлении их в качестве сугубо административных.

В течение этих лет национальные движения Кабардино-Балкарии, если не принять во внимание некоторые декларативные выпады друг на друга, работали вполне синхронно и координированно, это в свою очередь обеспечивалось идеологическим воздействием и финансовыми вливаниями. Дело доходило до совместных политических акций, имевших массовый характер и приближавшихся в своем качестве к допустимой границе ненаказуемого законами поведения.

Но радикальные этнические стремления некоторой части лидеров балкарского национального движения не были тайной ни для кого. Эта часть деятелей надеялась, что будут крупномасштабные изменения в руководстве высших органов власти и управления.

Надо признать, что в составе «Тёре» были аналитики, которые обоснованно предвидели резкое ослабление властного потенциала госструктур Кабардино-Балкарии в случае ухода высшего руководства – в субъекте с высокоразвитой системой клановой организации всех общественных институтов, включая и высшие органы управления, это было неизбежно. Расчет был сделан на то, что в последующем на общем фоне ослабления общей системы государственности Кабардино-Балкарии удастся реализовать идею о создании отдельного балкарского субъекта. Этого сценария придерживались радикальные лидеры балкарского национального движения до определенного момента и соблюдали негласные правила политической интриги, навязанные им так называемой «демократической» оппозицией республики.

Но ситуация быстро изменилась и уже, во многом, в соответствии с предложениями кабардинской стороны, в этот момент, активно занятой регулированием внутрорегиональных связей с национальными движениями всего Северного Кавказа. Идеи формирования "Северокавказской Федерации" (в вариантах – "Конфедерации") впервые обозначились еще в конце 80-х годов и активными пропагандистами данной политической линии являлись деятели кабардинского движения а, в целом, адыгейского национального движение. В

1991 году, после принятия Грузией новой Конституции, выявились центробежные тенденции в Абхазии.

Мы не можем знать, каково было участие официальных государственных структур России в воследовавших событиях, однако некоторые факты сами собой выстраиваются в логическую цепь. Россия – с большой долей вероятности – предполагала невозможность удержания Грузией своей автономной республики. После Беловежских соглашений и распада СССР Грузия была уже стратегическим оппонентом России на Кавказе и, что более существенно – самым вероятным конкурентом страны в деле контроля огромных объемов азербайджанских и азиатских энергоносителей, которые в ближайшем времени должны были начать транспортироваться на Запад.

Предотвращать предсказуемую государственную дестабилизацию Грузии России в новых геополитических условиях и учитывая падение экономики, это было просто невыгодно. В то же время идеи Северокавказской Конфедерации потребовали принятия определенных мер по обеспечению собственной целостности, поскольку перспектива появления объединенной группы этносов Северного Кавказа, соединенной общей территорией проживания и в границах этой территории, примыкающей к Абхазии действительно, могла казаться угрожающей – по крайней мере, в долгосрочной перспективе.

И уже весной 1991 года был принят Федеральный Закон о реабилитации репрессированных народов. Механизмы реализации этого документа, источники финансирования и все остальное государственное сопровождение представлены не были, де факто Закон реализован быть не мог, но, как видится сегодня, его цель была совершенно иной и она была достигнута в полной мере.

Даже поверхностная оценка этого документа свидетельствует о том, что в пределах Российской Федерации это было сделано в отношении Северного Кавказа, где в подавляющем большинстве живут этносы, депортированные когда-то.

И объединительные политические тенденции всего региона были полностью дестабилизированы. Таким образом, территориальные требования народов Северного Кавказа друг другу приобрели регулятивную основу, центры напряженности и конфликтов – в Дагестане, это была область проживания чеченцев-аккинцев, а для ингушей – территория Пригородного района в Северной Осетии, в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии ликвидировали проблему возможной координации действий этносов региона в целом.

Наряду с этим, Российская Федерация предприняла активные сепаратистские тенденции на уровне субъектов. В Кабардино-Балкарии была публично представлена идея формирования республики Болкария – между прочим, впервые после сорокалетнего застоя в деле полной реабилитации народа, ибо, невзирая на недоработанность федерального закона о репрессированных народах, это был все же серьезный шаг, позволявший ожидать дальнейших действий со стороны Москвы.

Связь радикального крыла балкарского национального движения с высшими государственными структурами федерального центра и «срежиссированность» их действий сегодня сомнений не вызывает. Связь эта осуществлялась путем личных контактов группы деятелей балкарского национального движения с кругами, близкими высшим чиновникам администрации Президента России, и курировалась непосредственно С.Шахраем – уроженцем Кабардино-Балкарии, народным депутатом Верховного Совета РФ, с января 1993 года – министром по делам национальной политики и регионов. Позже, после раскола «Тёре» и образования политической партии «Лига возрождения Балкарии», все «лигисты» в полном составе вошли в качестве республиканского отделения в организованную С. Шахраем «Партию Российского единства и согласия».

Во второй половине 1992 года военный конфликт Абхазии и Грузии стал свершившимся фактом, Однако еще до этого высшее руководство Кабардино-Балкарии удивительно легко произвело легитимизацию объявленной осенью 1991

года декларации об образовании республики Балкария, принятой на Съезде народа. Еще более удивительную картину можно было наблюдать ввиду упорнейшего противодействия, которое было оказано в ходе проведения обсуждения по вопросам восстановления административных районов республики по состоянию на март 1944 года – в соответствии с положениями Закона о реабилитации репрессированных народов.

Объяснить этот факт можно, лишь сделав некоторые допущения. Закон о репрессированных народах в любом случае воспринимался кабардинскими национальными движениями (а в конце 1991 года в политическую игру на региональном уровне вступила новая фигура - Ю.Х.Калмыков, бывший великолепным аналитиком и прогнозистом, в недалеком будущем – министр юстиции РФ) как первоначальный шаг к окончательному изъятию части территории, воспринимавшейся как исконно кабардинская.

Одновременно с этим, учитывая крайне напряженные отношения легитимных органов власти КБР с национальными движениями, можно с большой долей уверенности предполагать, что команда на признание декларации о республике Балкария руководителю субъекта поступила непосредственно из Москвы. Не будь этот акт выполнением требования федерального центра, думается, что В.М.Коков – один из руководителей, открыто поддержавший ГКЧП и проблемно вернувшийся во власть, не вошел бы в течение очень короткого времени в число ближайшего окружения Б.Н.Ельцина и в число наиболее влиятельных политиков государства.

Вне всякого сомнения, В.М. Кокова и Б.Н.Ельцина связывали дружеские отношения, сложившиеся уже к середине 90-х годов прошлого века, что, собственно говоря, они не раз публично демонстрировали. Однако рост статуса Президента Кабардино-Балкарии на федеральном уровне имел и сугубо геополитическую подоплеку.

По всей видимости, ни одна из республик Северного Кавказа не играла такой значительной роли в расчетах и действиях федеральных структур в деле

сохранения государственной целостности РФ и, одновременно, все более и более ощутимой поддержки Абхазии, как Кабардино-Балкария. Решения этих двух задач, с точки зрения обеспечения целостности и безопасности юга России, находились в положении взаимного исключения. Лоббирование интересов абхазских сторонников независимости означало фактическое формирование на юге России территории компактного проживания родственных адыго-абхазских народов, северная часть которых уже заявила о своей готовности образовать независимое государство.

С другой стороны, потенциально подверженная и приветствующая ислам, уже заявивший о себе на ее территории, Кабардино-Балкария территориально окаймляла христианскую Осетию с запада, через КБР шла львиная часть транспортных потоков на этот регион, всегда бывший стеновой опорой российской государственности.

В - третьих, Кабардино-Балкария выступала как выраженный политический лидер среди субъектов, титульными народами которых были адыги, – Карачаево-Черкесии и Адыгеи. Ввиду даже этих трех факторов интереса России к КБР консенсусное разрешение геополитических целей Москвы внутри республики было весьма трудной задачей.

Специфической страховкой Москвы на случае нежелательного разворачивания событий был Закон о реабилитации репрессированных народов, но в условиях юридической асимметрии закона та часть, которая должна была быть реализована на практике оказалась несостоятельной. Реабилитация репрессированных народов, по крайней мере, должна была проходить параллельно восстановлению систем хозяйствования и обеспечения додепартационного уровня жизненной безопасности тем народам, которые не подвергались выселению. Например, в некоторых случаях были присоединены территории выселенных этносов в связи с изъятием их исторических земель; после возвращения, высланного населения в конце 50-х XX века им не были возвращены первоначально забранные территории.

В случае юридических коллизий при реальной попытке разделения части народов от России Закон о реабилитации мог быть нефункциональным. Понимая это, структуры федерального центра, ответственного за целостность и безопасность государства, начали проводить в жизнь, по крайней мере, еще два пакета нормативных документов, которые еще более расчленили политическую карту Северного Кавказа - законы о возрождении казачества и о местном самоуправлении.

Отвлекаясь от их правовой, хозяйственной, этической и прочей семантики, мы должны констатировать, что в геополитическом плане оба они были ориентированы на денонсацию суверенности национальных субъектов региона и на разрушение вертикали власти на местах. Суть законов о казачестве в этом свете – образование единых структур федерального подчинения (со всем необходимым обрамлением, в том числе и с правом бессрочного пользования землей) на территориях нескольких субъектов. Что касается законов о местном самоуправлении, их политическая идеология также вполне прозрачна: местные муниципальные органы власти практически выводятся из состояния безусловной подчиненности руководству субъектов.

Невзирая на все эти мероприятия в законодательной сфере, высшее руководство страны остро нуждалось в политике, достаточно авторитетном, в то же время контролируемом, гибком и лояльном по отношению к Российской Федерации именно в Кабардино-Балкарии. В.М.Коков полностью отвечал этим требованиям, и именно ему было суждено на долгие годы законсервировать в республике ситуацию политической стагнации, так как другой разумной альтернативы у Москвы, стремившейся сразу к нескольким диаметрально противоположным целям, попросту не было.

Перед В.Коковым стояла архисложная задача. В условиях фактически ратифицированного раздела республики на два мононациональных субъекта он должен был сохранить этническое лицо перед собственным народом, составлявшим большинство населения Кабардино-Балкарии, не допустить

усиления сепаратистских тенденций со стороны балкарского национального движения, одновременно – перевести признание самостоятельности Кабарды и Балкарии в разряд полулегитимных деклараций, не имеющих юридической силы, так как Москве всегда было достаточно самого прецедента официально состоявшегося раздела КБР – в случае реанимации идеи отделения Северного Кавказа от России факт признания мононациональных образований Верховным Советом республики также получил бы новый смысл.

Параллельно со всем этим Кабардино-Балкария должна была играть роль основного посредника в уже фактически межгосударственных взаимоотношениях с Абхазией; в условиях полностью сформировавшегося института тесного взаимодействия с адыгской диаспорой за рубежом – Международной черкесской ассоциацией – это воспринималось в качестве подогревающего сепаратизм части деятелей этой организации обстоятельства. А это было абсолютно недопустимо с точки зрения сохранения добрых взаимоотношений с федеральным центром.

Необходимо признать, что первый Президент КБР проявил себя в высшей степени искусственным политиком. Его существование на властном Олимпе Кабардино-Балкарии было постоянным лавированием между социальными и политическими областями потенциальной конфликтности, постоянным маневрированием между значимыми интересами этнических и социальных группировок и вечным восстановлением то и дело рушившегося хрупкого баланса сил, стремившихся разорвать Кабардино-Балкарию.

И он не просто сумел сделать все это. Президент КБР, в конечном итоге, привел ситуацию в весьма сложном и противоречивом субъекте в состояние полной политической стагнации. Уже к концу 90-х годов прошлого века политическая активность национальных движений практически нивелировалась, набранный за годы его руководства потенциал властных возможностей госструктур позволил в явочном порядке просто-напросто «прикрыть» деятельность национальных движений, спокойно и уверенно прибегая в некоторых случаях к элементарным силовым запретам.

Кредит доверия руководству республики со стороны населения возрос до той степени, которая в конце концов позволила в весьма жесткой форме произвести вытеснение самой старой национальной организации кабардинского народа – «Адыге Хасэ», заменив ее одноименной организацией, полностью подотчетной и контролируемой властными органами.

Кабардино-Балкария второй половины 90-х – начала нынешнего века совершенно заслуженно пользовалась репутацией самого стабильного национального субъекта Северного Кавказа. Однако плата за эту стабильность оказалась непомерно высока.

К сожалению, нужно отметить, что превентивные меры государства, которые призваны были предотвратить центробежные стремления национальных субъектов региона во многих положениях проистекали из неправильных посылов. Беспокоясь в отношении иллюзорной объединительной тенденции народов Северного Кавказа в их предположительно сепаратистских попытках, государственные структуры сосредоточили свое внимание на создании систем нетрадиционного оппозиционирования этносов. Угроза отделения южных республик от Российской Федерации сохраняла теоретическую перспективу – однако, на уровне этнических целевых установок, но она была не настолько значительной. А, вот, степень радикализованности самых активных групп населения достигла нежелательных масштабов.

П.5.2. Влияние гендерного фактора на развитие и политизацию этнокультурного сепаратизма

Как уже говорилось ранее, в условиях деградации традиционных систем патерналистской этноидентификации формируются их сублимативные формы, основанные на гендерных системах [4]. Как именно это происходит в деталях – тема отдельного серьезного исследования, но главные черты этого процесса очевидны и заметны невооруженному глазу.

Существование нормативно-правового пространства западно-цивилизационного типа, несомненно, приводит к вырождению и исчезновению классических стандартов поведения, характерных для военных этнических традиционных систем. При их полноценном существовании в соответствующей государственной среде базовые потребности членов общества экзистенциального плана, так или иначе: материальная обеспеченность семьи, поддержание экономической культуры, гарантия безопасности людей, и т.д. – удовлетворены системами традиционного военного поведения.

В наиболее «чистом», гипертрофированном виде это проявлялось в институте «наездничества», в той или иной степени свойственном в прошлом всем народам Северного Кавказа [5, с. 25-26]. Запрет на любые виды деятельности, кроме военных, естественно, не мог быть полным, на протяжении длительного исторического промежутка в воинских сообществах развивались его усеченные формы, когда нобилитет абсолютно воплощает в себе черты мужчины-воина. Однако серверная социальная эффективность маскулинных систем была весьма высокой – достаточно упомянуть, что, невзирая на внедренные сегодня в среднестатистическое сознание стереотипы и клише, патерналистские системы этноактуализации обеспечивали, например, безопасность членов общества на

высшем уровне. Так, за два года позапрошлого столетия – 1891-1892 – на территории всей Терской области случилось всего два изнасилования и три убийства[6]. Причем лишь одно из них произошло в этнической среде и, имея скорее характер акта гражданского неповиновения, вызвало широчайший общественный резонанс – настолько мощный, что об этом событии была сложена народная песня («Песня об Алихане Каширгове»).

В любом случае – гражданское общество современного типа, естественно, не может существовать, реализуя свои основные серверные функции посредством традиционных патерналистских систем этноактуализации и этноидентификации. При вытеснении стандартов воинского мужского поведения из главных сфер человеческого общежития возникает дисбаланс между средовыми требованиями социального и нормативного плана и инерционными концептами патернализма, нежизнеспособными в новой среде [7].

Относительная социальная индифферентность женских стандартов, их сравнительная обособленность позволяют на протяжении достаточно длительного времени культивировать в рамках базисных гендерных комплексов данные инерционные концепты. Например – возвращение плачущего сына после конфликта со сверстниками. Подавляющее большинство женщин реагируют однозначно – требованием вернуться и отомстить обидчику. Это свойственно женщинам России вообще, женщинам Северного Кавказа – в особенности.

Данные проведенных в Нальчике в 2000-м и 2008 годах опросов свидетельствуют, что свыше 90% женщин в возрасте старше 60-ти лет именно подобную свою реакцию на указанные обстоятельства признают естественной для себя (альтернативой являлся вариант правового характера: «Если тебя обижают, пожалуйся старшим»). Этот показатель, будучи общим для женщин разных национальностей (кабардинки, балкарки, русские), несколько снижается с уменьшением возраста опрашиваемых, достигает минимума в возрастной категории 30-35 лет, затем вновь начинает возрастать, с уже видимым разбросом по национальному признаку – молодые русскоязычные мамы предпочитают

«правовое» разрешение конфликта, кабардинки и балкарки - в основном традиционное силовое, причем второй пик предпочтений воинского поведения своего ребенка принадлежит самой низковозрастной категории – это женщины кабардинской и балкарской национальности до 25 лет (82,3% и 87,4% соответственно) [8].

Проникновение в область обычного ожидаемого поведения современных стандартов, давление новых эталонов этико-эстетического плана – вплоть до изменения антропологических канонов красоты – воспринимается традиционными гендерными системами как культурная агрессия, в ряде случаев не дающая даже потенциальной возможности консенсусного сосуществования. Например, в оценке женской красоты для Северного Кавказа полностью отсутствовала шкала статуирования красоты женских ног и груди: «Горскую красавицу портил только обычай бедняков зашивать стан еще девочки в баранью шкуру. Черкешенка росла в ней. У нее развивалось все, кроме груди и талии, которые таким образом оставались детскими. Богатые черкешенки, княжны и дворянки, носили под рубашкой так называемый пша-кафтан. Пша (девичий) кафтан был, собственно, корсетом из плотной материи и шнуровался спереди, причем в него вставляли две гибкие дощечки, сжимавшие грудь» [9, с. 67].

Национальная одежда не давала возможности оценки некоторых частей женского тела. Соответственно, отсутствовал и поколенный отбор по этим параметрам. С этой точки зрения, укороченные женские юбки представляются не просто объектом, противоречащим поведенческим нормам традиционных сообществ региона, но в значительном количестве случаев являются неприемлемым нововведением с точки зрения антропологии и норм сексуальной привлекательности.

Это лишь один пример, частный случай в общем комплексе явлений, который в целом можно охарактеризовать как несовместимость гендерных стандартов, причем несовместимость объективного с точки зрения женщины плана. То же самое можно сказать о визуальной степени готовности женщины к

сексуальным контактам (кавказские женщины, как правило, очень белокожи и обладают приглушенной окраской губ), к видимым проявлениям этой готовности, о выявленных не столь давно и имеющих глубокое физиологическое обоснование соотношения окружности груди, бедер и талии, о многом другом [10].

Таким образом, несколько периодов резкого изменения социума и поведенческих стандартов традиционных сообществ с гендерной точки зрения можно оценивать не только как культурно-диффузионный процесс. По отношению к традиционным гендерным системам это была культурная агрессия, агрессия во многом безальтернативного плана.

С точки зрения традиционного женского сознания в жизнь внедрялось не столько новое, сколько «иное», что задевало женщину в одной из базовых составляющих ее миробытия – перспектив репродуктивного характера, так как основанием и генерирующей детерминантой успешной репродукции является сексуальная привлекательность [11, с. 13-18]. В этой же области, помимо поведенческих стандартов, способных меняться и адаптироваться, существовали некоторые моменты объективного плана.

Таким образом, мы можем вычлениить, по крайней мере, два последовательных фактора внутренних гендерных корреляций, наблюдаемых на данной стадии развития северокавказских традиционных сообществ. Во-первых, это - соревнование гендерных парадигм различного происхождения, имеющего конечную цель, реализацию репродуктивных отношений между полами.

Во – вторых, в условиях давления новых гендерных систем, при их существовании физиологически и генетически выявленных преимуществах в областях возможных сексуальных контактов, традиционные гендерные системы могут быть защищены только одним способом – инициирование существования патерналистских сообществ [12]. Это является политической и социальной основой возрождения и восстановления традиционных этноидентификационных парадигм.

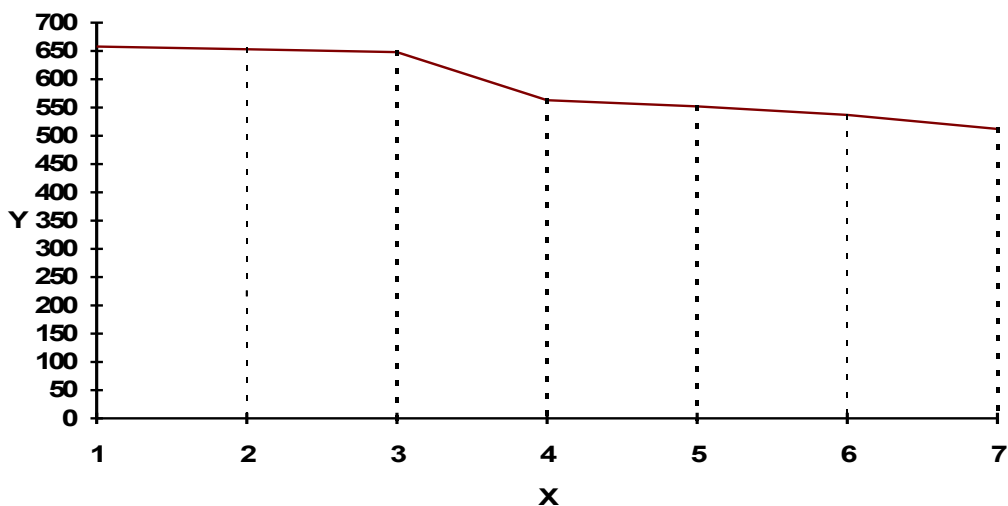
Де-факто в положении агрессивного контакта гендерных систем механизмы генерации этнического самоидентификационного сосредотачиваются в пределах этих систем – первоначально это происходит в границах субстратных форм женской социально-политической активности и актуализируется в основных гендерных комплексах.

Для перевода женской этнической активности от скрытых уровней в видимые и, кроме того, в радикальные, требуется определенный период начального накопления потенциала радикализма. Главное содержание этого периода в аспекте, интересном для нас – это процесс маргинализации женской части населения вывода его из границ области традиционного этнического сознания в суррогатное псевдоэтническое, так как для реального традиционного поведения женщин патерналистских сообществ, другие формы активности, кроме субстратных, немислимы.

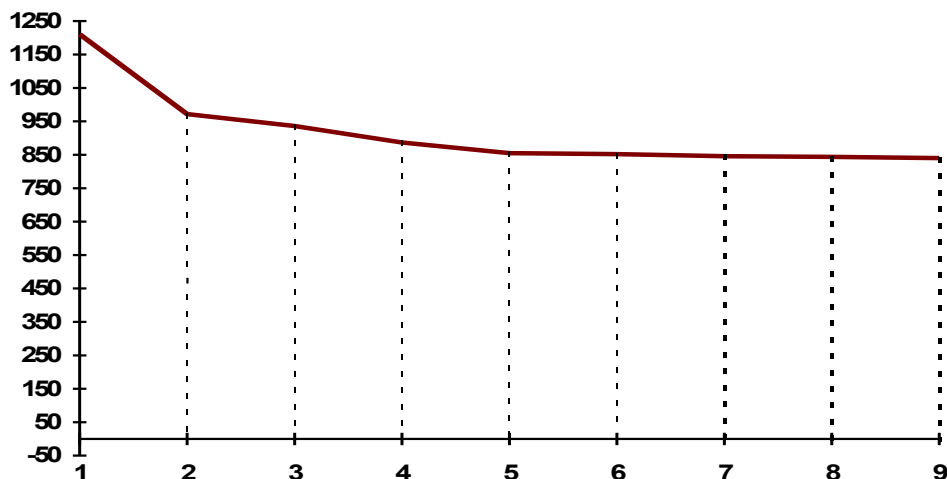
Первыми признаками подобной маргинализации можно, по всей видимости, считать, проявления консолидации женщин вне семейных границ. Как уже говорилось, электоральная активность высших уровней несвойственна традиционным сообществам, но вот данные выборов в местные советы весьма показательны.

При сравнении списков депутатов сельских советов и количества набранных ими голосов (выбор населенных пунктов КБР проводился по случайному принципу) была выявлена определенная разница между национальными селами и селами с русскоязычным населением.

Так, например, разброс количества набранных голосов среди семи депутатов Янтарненского поселкового совета (Прохладненский район) лежит в границах от 658 до 512, причем график падения этого показателя лишен резких перепадов: 658 – 653 – 648 – 563 – 552 – 537 – 512. Участие в голосовании при этом приняло 1250 человек (здесь и далее использованы электоральные графики выборов в местные советы населенных пунктов КБР, полученные в результате полевых экспедиций автора в 1998-2005 годах):

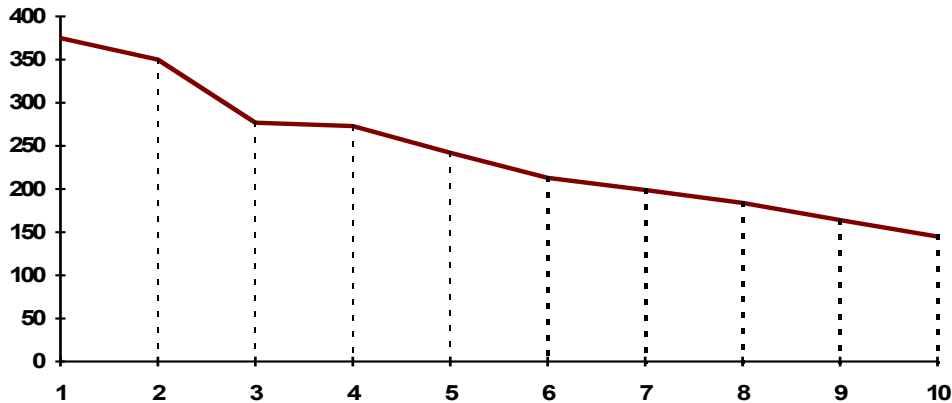
Сходная картина в Александровском станичном совете: девять депутатов «уложились» в границах 1211 – 840:

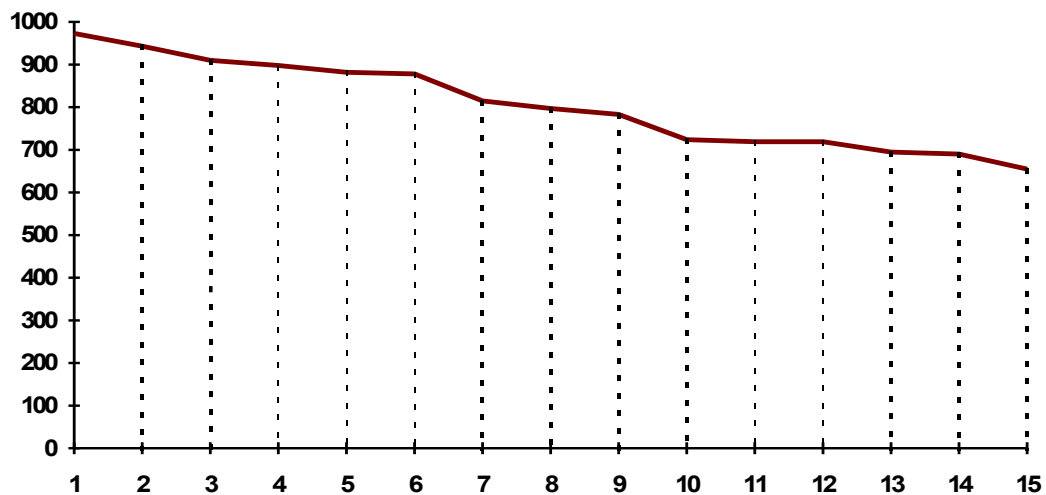
Распределение голосов от набравшего наибольшее количество до наименьшего 1211 – 972 – 936 – 887 – 855 – 852 – 846 – 844 – 840, причем если не считать показатель в 1211 голосов несколько «выбивающимся» из общего ряда, то можно сказать, что 2010 жителей станицы Александровской, пришедшие на избирательные пункты, весьма ровно оценили своих будущих депутатов.

Как правило, графики ряда убывания голосов кандидатов в русских селах представляют из себя либо одну плавную линию, либо линию с одним резким спадом, вне которого сохраняется некоторая монотонность убывания, причем весьма малого (в пределах 10 %):

Октябрьский сельсовет (Майский район) – 375 – 350 - падение, далее – 277 – 273 – 242 – 213 – 199 – 184 – 164 – 145:

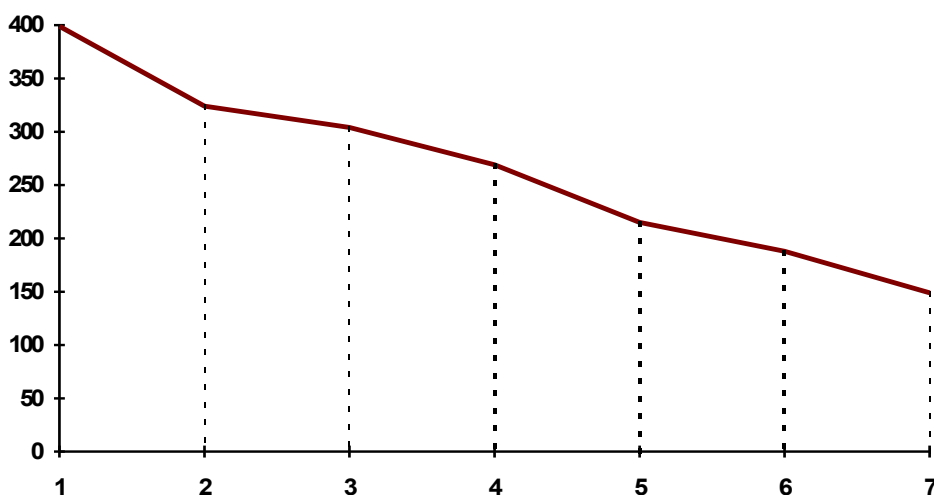

Прималкинский сельсовет (Прохладненский район) – 973 – 943 – 910 – 898 – 882 – 878 – 815 – 797 – 783 – 724 – 719 – 719 – 695 – 690 – 655:

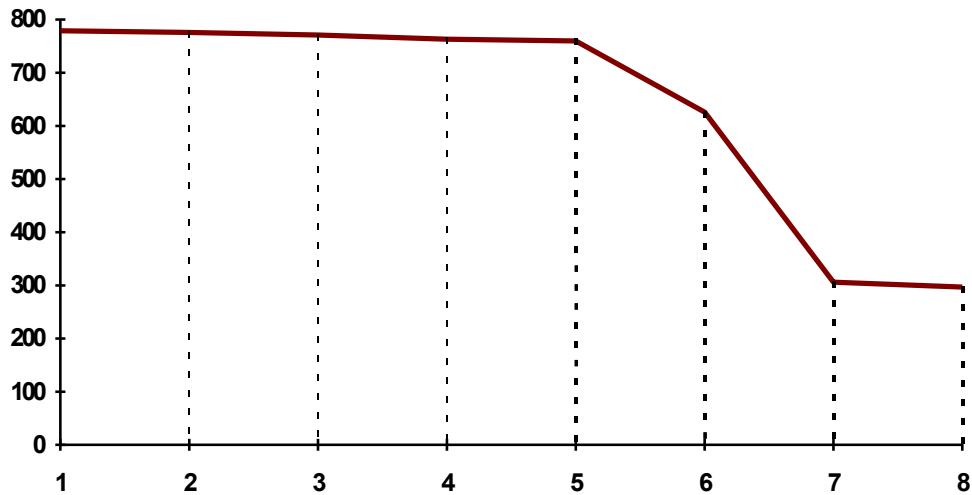

Эта тенденция наиболее четко выявляется в крупных селах с количеством избирателей, превышающим 1500 человек (что имеет, по всей видимости, чисто математическое объяснение), но она очевидна и в небольших русскоязычных населенных пунктах. Обзор электоральных показателей в кабардинских и балкарских селах в большинстве случаев дает несколько иную картину. Конечно, имеются села, вполне «вписывающиеся» в обрисованную нами схему, например Лечинкай – 9 депутатов, распределение голосов - 1560 – 1545 – 1497 – 1481 – 1446 - 1403 – 1314 – 1281 – 1149. Однако, в целом, электоральные показатели характеризуются значительной неравномерностью. Так, количество максимально

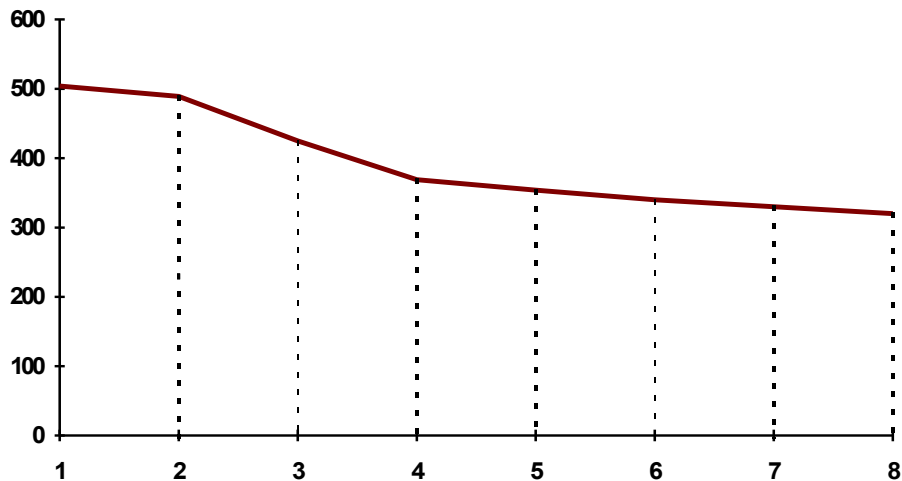
и минимально набранных депутатами сельского совета голосов колеблется в Верхнем Чегеме от 654 до 383 (голосовали 681 избирателей), в Верхнем Курпе – от 779 до 297 (937 избирателей), Хушто-Сырт – от 399 до 149 (489 голосовавших) и так далее. При этом частые перепады в графике падения набранных голосов – повсеместное явление. Как минимум, линия снижения данного показателя имеет два и более разрыва (около 15 - 20 %): Хушто-Сырт – 399 – 324 – 304 – падение – 269 – падение – 215 – 188 – падение – 149:

Понятно, что частично это явление можно объяснить чисто математическим ожиданием увеличения разрывов при уменьшении количества попыток – в данном случае количества голосующих. Однако, как мы можем видеть, вне зон разрывов снижение количества голосов происходит постепенно, даже без увеличения «пошаговой» дистанции между показателями соседствующих депутатов. Верхний Курп – 779 – 776 – 771 – 763 – 760 – разрыв – 626 – разрыв – 306 – 297:

Былым – 504 – 489 – разрыв – 425 – разрыв – 369 – 354 – 340 – 330 – 320:

В общем и целом, даже в случаях сохранения тенденции постепенного и незначительного падения количества набранных голосов указанные графики для национальных сел отмечены заметно большей амплитудой колебания, нежели для русских, что наблюдается как при сравнении электоральных параметров небольших населенных пунктов, так и достаточно крупных.

Попытки объяснить этот факт выявили недвусмысленную зависимость электоральных показателей от уровня локальной структурированности контингента избирателей в каждом конкретном случае. Попросту говоря, характер падения количества набранных голосов связан, по всей видимости, с

наличием более-менее монолитных групп избирателей в каждом конкретном населенном пункте. И эти монолитные группы избирателей в селах с русскоязычным населением являются, как показывают послевыборные опросы, стохастическими временными электоральными объединениями женщин, выбор которых в большинстве случаев продиктован неким коллективным женским сознанием и ориентирован в том же большинстве случаев на предпочтения по половому признаку – подавляющее большинство депутатов местных советов, уложившихся в графики постепенного «ровного» снижения количества набранных голосов, женщины, а в некоторых населенных пунктах КБР все депутаты поселковых советов второго после принятия пакета законодательных актов о местном самоуправлении созыва (приводятся данные этого созыва – конца 90-х годов прошлого века), например в поселке Янтарном, были женщинами.

Уже на следующих выборах в начале нового столетия эти процессы сполна проявились в национальных селах республики. И хотя традиционно представительство мужчин в местных советах национальных населенных пунктов было преимущественным, послевыборные опросы подтвердили высокий уровень совпадений женских предпочтений и поименных списков депутатов, т.е. и здесь мы наблюдаем спонтанное проявление консолидированной воли женщин, вышедших за рамки традиционного этнического поведения.

По всей видимости, этот феномен имел место и раньше, а результаты электоральных кампаний просто зафиксировали факт перехода процессов маргинализации из латентной фазы в открытую. Во всяком случае, необходимые факторы перехода гендерных систем в качество этнорекреационных структур – наличие ядра явных маргиналок и прослойки радикальных этноцентристок – наблюдались уже в середине 90-х годов XX века.

Так, радикальный женский этноцентризм, ярко выраженный маргинализм и агрессивный феминизм, по нашему мнению, являются частными проявлениями того же самого политического процесса разрушения традиционных гендерных

систем. Четко обозначенные группы маргиналок в условиях традиционного общества сформированы посредством остаточного принципа и достигают конечной фазы. Это могут быть закрытые женские клубы и ассоциации, объединенные в силу каких-либо интересов, группы с ненормативным поведением, которые основаны на личном контакте их участников, люмпинизированные ассоциации и даже сообщества, деятельность которых реализуется в преступной среде. В зависимости от социальной выраженности социально-политической активности женщин в подобных сообществах, они могут или оставаться равнодушными относительно политических подвижек общества или представлять ресурс самых отрицательных процессов.

У второго варианта развития девиантных настроений в традиционных патерналистских сообществах наблюдается иной сценарий. Потенциал женской социально-политической активности, остающийся в пределах поведенческих нормативов, полностью сосредоточен на восстановлении этнокультурных ценностей и формальном реабилитировании стандартов общежития общего права, характерного для народов северокавказского региона. Женский радикальный этноцентризм проявляется в условиях дискомфортного контакта с иными системами гендерных взаимоотношений. Для Северного Кавказа вообще, для Кабардино-Балкарии в частности протяженность этого контакта достаточно велика, исходной точкой можно, по всей видимости, считать середину - конец позапрошлого века, однако переход в агрессивную фазу начался с установлением советской власти.

Вплоть до начала перестройки деструкция традиционных систем гендера на Северном Кавказе имела характер адаптации к прессингу внешних условий. Маргинализация женщин имела латентный характер и к проявлениям девиантного социального поведения не приводила, исключая, естественно, случаи крайней люмпенизации и криминализации. Но в перестроечный и постперестроечный периоды ситуация изменилась. Этот вопрос мы достаточно подробно осветили в предыдущих главах, сейчас мы лишь констатируем, что

первые оформленные группы радикальных этноцентристов, занятых активной деятельностью в составе национальных обществ и политических партий, сложились на Северном Кавказе уже к концу 80-х годов прошлого века.

Первоначально женщины участвовали в работе общественных организаций без структурного вычленения из их состава. Так, по различным подсчетам, общее количество активных участников кабардинской организации «Ашамаз» на рубеже 80-х-90-х годов XX века достигало порядка 700-800 человек (активных участников – граждан, на постоянной основе напрямую задействованных в мероприятиях организации), из них женщин – не более 40-50 человек [13]. В балкарской общественной организации «Ныггыш», функционировавшей в эти же годы, число активных членов можно определить в 200-250 человек, из которых женщин насчитывалось не более 30.

Но уже в начале 90-х годов, после окончательного структурного оформления национального движения кабардинцев и балкарцев, организации Конгресса кабардинского народа (ККН) и Национального совета балкарского народа (НСБН), появившихся в своем первоначальном варианте не в качестве национальных организаций, а претендовавших, по сути дела, на функции временных руководящих органов провозглашенных республик Кабарда и Балкария, женская составляющая национальных движений также организуется в виде самостоятельных структур.

Радикализация женской части национальных движений, готовность ее к автономному структурированному существованию проявилась, впрочем, еще раньше. Еще в конце 80-х годов, практически одновременно в кабардинских и балкарских национальных движениях при составлении ряда документов программного характера, выяснилось, что наиболее радикальные предложения для внесения в тексты этих документов всецело поддерживаются именно женщинами [14].

В дальнейшем женщины-активистки кабардинской и балкарской национальности приняли участие в голодовке перед Домом Правительства КБР.

Факт сам по себе весьма показательный, а с учетом того обстоятельства, что голодающим приходилось жить в палатках, без всяких удобств и изолированного личного пространства на протяжении двух недель, в постоянном окружении сочувствующих, зрителей и просто любопытствующих – общее количество голодающих не превышало 60 человек, а количество граждан, постоянно находившихся в контакте с ними, даже глубокой ночью, не падало ниже отметки в 200 человек. С учетом всего этого голодовка женщин свидетельствовала о полном пренебрежении традиционными поведенческими нормами, причем пренебрежении демонстративном, ориентированным на публику.

Политической действительностью является то, что за период 1991-1995 годы в Кабардино-Балкарии было полностью сформировалось устойчивое ядро радикального женского этноцентризма. Это было выражено, в первую очередь, в непосредственном участии женщин в деятельности национальных общественных движений. Что было особенно примечательным – в открытую женские секции национальных движений не проявляли недовольства «умеренными» шагами «мужских» организаций, однако основной причиной их структурного вычленения в виде автономных организаций было именно недовольство нерешительностью и половинчатостью (по мнению женщин) шагов руководства и ККН, и НСБН. И хотя в документах женских национальных организаций этот факт, естественно, отражения не нашел, информация, полученная в личных беседах, и дальнейшие шаги женских структур подтвердили их большой радикализм.

Так, например, единственная балкарская женская организация – «Женщины Балкарии» (постоянный и бессменный руководитель – М.Ч. Шаваева) [15] с середины 90-х годов фактически бойкотировала руководство НСБН, мотивируя свою позицию именно переводом деятельности Национального совета в более спокойное и лояльное по отношению к официальным властям, нежели это было в начале десятилетия, русло. Ранее, после раскола в 1991 году балкарского национального движения и образования альтернативной обществу «Тёре» (Балкарский форум) партии «Лига возрождения Балкарии», практически все

женщины-активистки балкарской национальности свели контакты с «Тёре» к минимуму, больше тяготая к «Лиге»; радикализм устремлений последней был очевиден с самого начала даже в том, как она статуировала себя – «Тёре» декларировалось как национально-культурное общество, «Лига» же изначально заявила о партийно-политическом характере своей деятельности.

Структуризация кабардинского женского движения, характер проявления его радикализма имел несколько иной рисунок. Во-первых, кабардинское женское движение не было монолитным. Помимо двух зарегистрированных Минюстом КБР организаций («Адиюх» - руководитель Афаунова Р.К, и «Сатаней» - Бичоева Х.А.) [16], национальные движения «Ашамаз», «Адыге Хасе», чуть позже – Конгресс кабардинского народа и партию «Адыгский национальный конгресс» постоянно эскортировали два, а то и три женских общества. Кадровый состав их был текуч, юридического оформления большинство из них не получило в силу некоторой эфемерности, однако многие из них находились на грани окончательной самоорганизации [17]. Одно объединяло их так же неоспоримо, как и женщин-активисток балкарского национального движения, несомненный радикализм устремлений, о чем свидетельствует сам характер активизации и пассивации сотрудничества с «мужскими» национальными организациями. Если в работе общества «Ашамаз» занятом в основном, вопросами культурного плана, участие женщин было спорадическим, роль их в деятельности «Адыге Хасе» была более заметной, а с образованием обществ «Кабарда», и «Адыгский национальный Конгресс» контакты выделенных женских групп с этими организациями стали регулярными. Стоит при этом отметить, что позиции руководства и «Кабарды» и «Конгресса» отличались явным радикализмом и заметной долей агрессивности по отношению к госструктурам и федеральному центру.

Показательным фактом, доказывающим значительную степень радикализованности женской составляющей кабардинского национального движения, можно считать и ситуацию, сложившуюся с публикацией в газете

«Республика» (на момент ввода грузинских войск на территорию Абхазии «Республика» была, по сути, единственным печатным органом ККН) приказа Ю.Шанибова об объявлении всеобщей мобилизации войск Конфедерации народов Северного Кавказа – организации, активно заявившей о себе в 1992 году в связи с грузино-абхазским конфликтом. Текст сообщения для публикации содержал выраженные нападки на Российскую Федерацию. Материал необходимо было опубликовать – ввиду сильного и активного давления, причем осуществляемого женским сегментом активистов ККН [18].

Нужно отметить, что середине 90-х годов прошлого века общий уровень социально-политической активизации женщин на Северном Кавказе поднялся до уровня, который не позволяет говорить о значительной сохранности традиционных стандартов поведения. Это само по себе, возможно, и не плохо, но в условиях первоначально маскулинных сообществ такое положение вещей говорит не о положительной динамике социально-политической деятельности женщин, а о крупных процессах изоляции, о вхождении гендерных систем на тот уровень эволюционного развития, который характеризуется вариативностью дальнейших перспектив их проявления, включая самые нежелательные последствия для общества, в целом.

Уже к середине 90-х годов женское коллективное сознание полностью отказалось от концепта введомой стороны и если даже открыто не манифестировало свое функциональное равноправие с мужчинами, то вполне определенно проявилось это в реально вычлняемых подвижках поведения.

Прежде всего, это касается сферы межполовых отношений. Судя по материалам служб знакомств таких периодических изданий Кабардино-Балкарской Республики, как «Северный Кавказ», «Наше дело», «Газета Юга», «Из рук в руки», других, уже к середине 90-х годов количество запросов по контактам с лицами противоположного пола, поступивших от женщин, превысило количество заявок от мужчин (в 1995 году в указанных четырех изданиях 362 женские заявки против 280 мужских). Тогда же изменилась национальная

структура общего массива заявок – впервые количество публикаций от женщин коренных национальностей превысило соответствующий показатель от русскоязычных.

К сожалению, в республиках Северного Кавказа в 90-х годах не проводилось опросов гендерного характера, поэтому мы не имеем актуальных данных по тому периоду. Однако сегодня опросы выявляют следующую картину. На вопрос «Вам двадцать лет. Незнакомый мужчина пытается познакомиться с вами на улице, скажете ли Вы ему свое имя?» (опрос проводился среди жительниц города Нальчика) процент давших положительный ответ среди женщин коренных национальностей старше 50-ти лет стремится к нулю (1 из 112 опрошенных – менее 1 %).

В возрастной категории 40-50 лет этот показатель несущественно выше – 1,4 %, разница, может быть, обусловлена колебаниями математического плана ввиду малого количества вероятностных попыток (опрошено 54 женщины этого возраста).

Однако, начиная с возрастного порога в 40 лет и ниже, количество респонденток, давших положительный ответ, начинает лавинообразно нарастать: до 40 лет – 24 %, до 35 лет – 36 %, до 30 лет – 52 %. Но наиболее показательным в интересующем нас плане является то, что, вопрос об отношении к возможному знакомству подобным же образом дочери респондента доля положительных реакций была качественно иной. Для женщин 40-50-ти лет положительная или неагрессивная реакция («А что, сейчас все так знакомятся», «Время такое, ничего страшного», «Был бы человек нормальный») характерна для трети ответов (31%). В более младших категориях этот показатель возрастает (максимум – 64,2% у женщин до 35 лет) и ограничивается лишь соображениями, относящимися к личной безопасности ребенка.

Существуют и другие объективные признаки изменения гендерных стереотипов Кабардино-Балкарии. К середине 90-х годов резко повысилось количество студенток КБГУ на сугубо «мужских» факультетах: системотехника и

управление, физико-математический, физкультура и спорт. Тогда же до 10-15, а в отдельных случаях до 30 % от общего количества тренирующихся повысилось количество девочек - подростков и девушек кабардинок и балкарок, занимающихся в секциях единоборств – карате-кёкушинкай, ашихара-карате, таэквондо и др. В течение 1995-2005 годов из 28 чемпионов мира по различным версиям культивируемых в республике видов единоборств почти половина – девушки (12) [19].

Данные по участницам секций боевых единоборств, с нашей точки зрения, имеют особый интерес. Традиционные виды единоборств, распространенных в северокавказском регионе у представительниц коренных народов особым успехом не пользуются. Женщин практически нет в секциях классического бокса, греко-римской и вольной борьбы, нет их также в секциях давно культивируемого в субъектах региона дзю - до и самбо.

Концентрация тренирующихся представительниц прекрасного пола в секциях у-шу, таэквондо, кунг-фу, различных видах карате оценивается нами однозначно. Оно свидетельствует о маргинализации женщин коренных национальностей, или, если угодно, о раскрепощении их внутреннего «Я» с одновременным стремлением сохранить основные стандарты поведенческого плана, свойственные традиционным нормам Северного Кавказа, по принципу «что не запрещено – то разрешено». Отказ от занятий традиционными для региона «мужскими» видами спорта можно в данном случае расценивать как попытку сохранения общих квазикультурных постулатов стереотипного поведения горянки.

В общем и целом, можно утверждать, что уже к середине 90-х годов XX века значительная доля женского населения КБР (думается, что в равной мере это относится и к другим субъектам Северного Кавказа) оказалась в ином, нежели традиционное этно-патерналистское поле актуализации внутренних ресурсов социальной активности. База – количественная и качественная – женского этноцентризма была окончательно сформирована. Однако в реальной

деятельности лишь единицы (несколько десятков активисток национальных движений можно не принимать в расчет), связывали свои перспективы с политикой, тем более – с политической работой, направленной на деструкцию существовавших систем государственной власти местного и федерального уровней.

Таким образом, этнический радикализм женщин принял в республике форму этнокультурного сепаратизма. Отторжение от политических устремлений «мужских» организаций имело, конечно же, биосоциальные основания. Отсутствие реального сепаратизма в отношении Российской Федерации было обусловлено и аргументировано прямой опасностью таковых с точки зрения адаптивных составляющих гендерного сознания, и в этом плане женщины КБР выполнили извечную женскую функцию в условиях неравновесного состояния общества, представ естественным стабилизатором межнациональных отношений, способствуя предотвращению перехода их из стадии напряженности в фазу открытого конфликта.

Этнокультурный женский сепаратизм, как одна из ипостасей этноцентрического радикализма, как уже говорилось, был реакцией на конкурентоспособное вмешательство в репродуктивную сферу других систем гендерных отношений – с одной стороны, а с другой – результатом попытки сублимативной замены патерналистских моделей этноидентификации на феминные, при номинальном сохранении парадигмы традиционного этнического. Фактически это одно из проявлений диссипации социально-упорядоченных схем жизненного позиционирования и смены их индивидуально-личностными оценками возможных вариантов адаптации [20, с. 246-247].

Внешние проявления женского этноцентризма и этнокультурного сепаратизма стали очевидными приблизительно с конца 90-х годов XX века, причем они получили явную поддержку республиканских структур управления. Во-первых, резко возросло количество декларативных акций, ориентированных на пропаганду аутентичной этнической культуры народов КБР на страницах

местной печати и на телевидении. Продвижение в сознание среднестатистического гражданина визуальных образов национального плана привело, например, к тому, что к началу нового столетия приблизительно каждая третья национальная свадьба предполагала национальное платье для невесты [21]. Более того, судя по результатам проведенных нами опросов, среди женской части молодежи республики, начиная с середины-конца 90-х годов, наблюдалось возрождение интереса к ритуальным поведенческим моментам. Во всяком случае, около половины опрошенных (47%) жительниц города Нальчика в возрасте до 20 лет заявили, что предпочли бы выйти замуж в соответствии со всеми традиционными нормами проведения подобных торжеств, это с учетом того, что в условиях современной жизни проведение классической адыгской или балкарской свадьбы весьма затруднительно – и не только в материальном плане.

Возрождение интереса к национальной ритуалистике наблюдается и на свадебных торжествах и в поминальных мероприятиях; что особенно важно – подавляющее большинство опрошенных (72,3%) городских девушек коренных национальностей не имеют представления о рациональной подоплеке тех или иных обычаев, об их коммуникативно-адаптивных качествах. Интерес проявляется, прежде всего, к внешним, формальным проявлениям этницизма, например, к таким деталям, как способы подачи сосуда с жидкостью мужчине, стандартам мимического общения, моментам словесных и поведенческих табу в семейной жизни.

На первый взгляд, это явление затрагивает только сферу презентативной культуры – из общественно и социально значимых, – однако с учетом реальной степени маргинализованности женской части населения КБР оно приобретает совершенно особый смысл.

Во всем этом мы видим, прежде всего, явление перехода классических систем гендерного взаимодействия в новое функциональное качество. Этническая рекреативность традиционного гендера, как новая роль женщины в современном социуме – с одной стороны, деструктурированное состояние нормативных

поведенческих стандартов, мотивационных и аксиологических комплексов – с другой, делает невозможным дальнейшее эволюционирование женских поведенческих моделей в сторону их «европеизации».

Всё это приводит к диспропорции между выросшим потенциалом женской социальной активности презентативного плана и ограничениями, накладываемыми существующими де-факто светскими (традиционными этническими) нормами самореализации. Выход из этой ситуации для многих женщин видится лишь один – смена образа жизни, уход от светских стереотипов поведения и вхождение в мир религии вообще, ислама в особенности, так как, существуя на протяжении последних четырехсот - трехсот лет в пределах северокавказского ареала, нормы шариата в значительной мере интегрировались в общественное сознание народов региона и на Северном Кавказе никоим образом не воспринимаются как нечто чужеродное.

П.5.3. Политические аспекты гендерной парадигмы в конфессиональном пространстве

Ислам, который не один век является традиционной религией большей части этносов, населяющих Северный Кавказ, а для определенных представителей дворянства – начиная времен с Золотой Орды [22, с. 278], в годы советской модернизации практически потерял значительный идеологический статус в общественной жизни. Достаточно указать на то обстоятельство, что, например, в Кабардино-Балкарии до начала с 90-х годов прошлого века не функционировала ни одна мечеть – по крайней мере, официально [23]. В республиках восточной части Северного Кавказа – Чечено - Ингушетии и Дагестане - исламское сообщество не находилось под таким жестким влиянием государства, но и там также потребности населения для реализации религиозных обрядов не были фактически обеспечены.

В то же время положение православия весьма иллюстративно подчеркивалось конфессиональным предпочтением государства, невзирая на постулируемую отделенность церкви. К примеру, на территории КБАССР находилось более десятка действующих церквей и один монастырь. Позже этот факт сыграл свою роль в качестве негативного отношения к христианству, но, как бы, то, ни было, мы можем констатировать, что единого конфессионального пространства в Кабардино-Балкарии в конце 80-х – начале 90-х все, же не существовало. Мусульманского – ввиду полного отсутствия инфраструктуры и негласного, но вполне ощутимого давления государства, христианского – по причине проживания большей части русскоязычного населения в городах и, соответственно, большей степени его маргинализованности и воздействия светских институтов пропаганды.

Разрушение общей вертикали идеогических институтов, которые дали о себе знать уже в конце 80-х годов XX века, и финальная деидеологизация социума в 90-х годах привели к формированию крупномасштабных пробелов в области политических, социально-экономических, моральных и этических концептуальных доктрин, определяющих поведение общества.

Первоначально, это свободное пространство было заполнено религиозными доктринами, абсолютно нетипичными для Северного Кавказа. В этом смысле, нетрадиционную активность показали "Свидетели Иеговы", которые к середине 90-годов прошлого века по разным данным имели в своем составе от 200 до 1000 новообращенных членов кабардинской и балкарской национальности [24]. Таким образом, к первой половине 90-х годов XX века конфессиональная карта Кабардино-Балкарии представляла собой поливариативную систему в сфере духовных стремлений граждан республики. С этой связи приведем известные факты того, что главой баптистов, вторым лицом в "Свидетелях Иеговы", вторым лицом адвентистов республики, священником в крупнейшей православной церкви на протяжении 1989 - 1993 годов являлись представители титульных этносов Кабардино-Балкарии. Кроме того, у представителей кабардинской и балкарской национальностей к середине 90-х годов XX века не было ясных конфессиональных предпочтений, определяя в числе религий, заслуживающих большого внимания даже такие экзотические для Северного Кавказа, как буддизм (почти 35% от общего количества респондентов) [25].

Для нас важным обстоятельство является то, что нетрадиционные религиозные доктрины были вообще непривлекательны для женской части коренных народов. Но женщины, и кабардинки, и балкарки, которые перешли в немусульманскую веру, часто входили в конфликт со своими семьями, и в большинстве случаев этот конфликт приобретал маргинальный оттенок. В половине случаев в семьях представителей титульных национальностей, где имеют место нетрадиционные религиозные предпочтения, родители находятся в

ситуации перманентного конфликта с дочерьми, которые ведут вызывающе свободный образ жизни. [26].

Необходимо сказать, что доля женщин кабардинской и балкарской национальностей в общем количестве новообращенных "Свидетелей Иеговы", адвентистов, кришнаитов, баптистов за 1987-1993 годы была незначительна и не превышала 2% [27]. Это показательный факт и свидетельствует он о том, что первоначально религиозные предпочтения были восприняты как социокультурные, и любые инновационные преобразования считались недопустимыми для гендерного сознания, которое к этому времени уже взяло не себя этнореакционные функции.

Изначально внешнее влияние было акцентировано на особенностях этнической карты Северного Кавказа. Интрузии в этой специфической области были достаточно успешны для заинтересованных сил и привели к созданию нескольких очагов межэтнической напряженности, одному локальному конфликту и длительной двухэтапной военной кампании.

Потенциал влияния внешних сил по данному направлению был огромен. На рубеже двух столетий руководство республик Северного Кавказа сталкивалось с явными попытками внедрения в межэтнические взаимоотношения, попытками, проводимыми на самом высоком идеологическом и управленческом уровне: «...уровень неприязни друг к другу двух народов достиг критической точки, причем, надо признать, процесс этот никем, на наш взгляд, не режиссируется. И неприязнь эта родилась не вчера. Она не является следствием выборов, безработицы или низкого уровня жизни»; «...возникла идея отделения... На наш взгляд, идея эта не совсем абсурдна... Согласно действующей Конституции это должно регулироваться соответствующим законом, который пока не принят. Но такой документ уже стоит в календарном плане палаты... в этом документе образование нового субъекта Федерации путем дробления уже существующих не допускается. Поэтому развести противоборствующие стороны ... путем формирования нового отдельного субъекта РФ (типа Черкесской республики) или

образования – автономной области в составе соседнего края - нельзя»; «...попытка поиска такого варианта разделения, который не вел бы к дроблению и который бы удовлетворил все стороны, на мой взгляд, не безнадежна...» - это цитаты из выступления в газете «Труд» от 13 октября 2000 года вице-спикера ГосДумы РФ М.Юрьева. Насколько серьезными являются эти декларации, можно судить по уровню владения реальной ситуацией в регионе, о чем говорится в том же материале: «... На Кавказе в основном живут две группы народов. Это тюркская группа и адыгская. Карачаевцы – тюрки, как... многие дагестанские народы».

Поддержка идей деструкции и диспергизации юга России проводилась и на уровне концептуально методологическом. Максимы некоторых управленцев и политиков аргументировались учеными. Те же самые мысли мы видим в книге «Тюркский мир в центре Северного Кавказа: парадоксы этнической мобилизации» С.Червонной, подготовленной к печати Центром по изучению межнациональных отношений РАН, и статье «Конфликтный потенциал «двухсубъектных» республик (опыт Кабардино-Балкарии)» А.Язьковой, опубликованной в журнале «Конфликт – диалог – сотрудничество». Так, С.Червонная в главе «Балкарский синдром», пишет: «...в Балкарии... завязан сегодня самый сложный узел политических противоречий центрального региона Северного Кавказа. Там, осознанная и элитой (прежде всего творческой интеллигенцией), и массами невозможность, невыносимость дальнейшего существования балкарского этноса в рамках Кабардино-Балкарской государственности толкает людей на крайние, решительные меры и легальной, и подпольной политической борьбы...» – и далее – «...в ходе экспедиции в Балкарии в 1998 году буквально в каждом районе, на каждой заранее запланированной или стихийно возникающей встрече с балкарцами разного возраста, разного социального и образовательного статуса – от пастухов в далеких горах до известнейших художников, писателей, журналистов в Нальчике – нам говорили одно и то же – о невозможности, о противоестественности, о

безнадежности самого существования балкарского народа «под кабардинским диктатом»...». Чуть менее категорично, но приблизительно в том же духе высказывается и А.Язькова.

Но главное здесь то, что Северный Кавказ никогда не знал серьезных межэтнических конфликтов. Народы, проживающие здесь, выработали механизмы локализации и гашения межнациональных столкновений, в той или иной мере эти механизмы и по сей день играют определенную роль в общежитии коренных народов. Факты говорят, что серьезного расчета на сепаративное отделение от РФ – так, как это попытались сделать определенные силы в Чечне, – у заинтересованных сторон не было и быть не могло. Отчленение Северного Кавказа от России могло (и может) быть лишь консолидированным, общим и синхронным. Народы же региона, невзирая на всю их культурную, ментальную, социально-установочную близость, единого цементирующего начала не имели.

Нагнетание межэтнической обстановки, по всей видимости, было масштабным отвлекающим маневром (по крайней мере, таковым оно начало восприниматься после определенных шагов федерального центра, которые сделали перспективы политической консолидации Северного Кавказа если не невозможными, то, во всяком случае, крайне маловероятными). Речь идет о принятии Москвой ряда законов, главными из которых были Закон о реабилитации репрессированных народов, Закон о реабилитации жертв политических репрессий и пакет документов по возрождению казачества.

Эти акты полностью диспергировали поле политических перспектив и устремлений народов Северного Кавказа, создав четко выраженную ситуацию оппозиции интересов этносов и этнических сообществ. Примером последней явилось (в Кабардино-Балкарии) отношение кабардинских и балкарских национальных движений к грузино-абхазскому конфликту. Первые, безусловно, и безоговорочно, поддержали идею независимости Абхазии, приняли активное участие в формировании добровольческих сил и сыграли заметную роль в самом ходе военных действий. Национальный же совет балкарского народа, вкупе с

«Тёре» и «Женщинами Балкарии» официально заявили о своем неучастии в конфликте [28].

Заинтересованные структуры за рубежами Российской Федерации и ангажированные ими силы внутри страны не могли делать серьезной ставки на этническую карту. И надо сказать, что, хотя определенное и достаточно заметное влияние на деятельность национальных движений Северного Кавказа на идеологическом уровне оспорить нельзя, материальной подпитки они не получали.

Зато, уже в самом начале последнего десятилетия XX века в регион зачастили представители различных международных организаций, начали создаваться региональные и межгосударственные структуры, заявлявшие о миротворческом, общегуманитарном, культурном характере своей деятельности. Поток посетителей из-за рубежа нарастал до самой середины 90-х годов, значительная доля их напрямую интересовалась вопросами религиозного развития Северного Кавказа. Так, в 1994-1995 годах только в Кабардино-Балкарию официально по линии ЮНЕСКО приезжали четыре представителя, причем все они были этнологами и специалистами-религиоведами [29].

Хаос и бессилие государства позволяли им совершенно открыто заниматься сбором интересующей их информации – иногда с привлечением и помощью официальных государственных структур. Так, единственной заявленной целью недельного пребывания в КБР в 1994 году представителя ЮНЕСКО Г.Манигучи был подсчет действующих мечетей на территории Кабардино-Балкарии, при этом, согласно распоряжению Правительства РФ, республиканские органы власти были вынуждены выделить в его постоянное распоряжение машину и сопровождающего.

Можно сказать, что заинтересованные структуры за рубежом успешно воплотили в жизнь опыт советских государственных органов управления периода 20-х-начала 30-х годов XX века. Тогда, будучи не в силах видоизменить родственно-клановую структуру патерналистских этнических обществ Северного

Кавказа интервенциями в презентативных сферах культуры и структурах социальной коммуникации, руководство страны перенесло акцент воздействия на системы гендерных взаимоотношений. Результаты, как мы помним, не заставили себя ждать: уже к середине 30-х годов этносы Кабардино-Балкарии были реально задействованы в системах общежития вненационального тоталитарного государства, значительная нивелировка ментальности, поведенческих и мотивационных стандартов кабардинцев и балкарцев позволила властям достаточно спокойно реализовывать те или иные шаги, вплоть до актов массового террора по отношению к населению. К слову, массовое раскулачивание в середине 30-х годов (в Узбекистан и Туркмению было выселено около 19 тысяч кабардинцев и 4 тысячи балкарцев – приблизительно по 10% от общего этнического состава) [30] не привело ни к каким значительным волнениям среди населения. Это, прежде всего, говорит о том, что кабардинцам и балкарцам свойственна этническая форма общежития в виде близкородственных патронимий, при которых взаимная защита и приоритет решения старших над правовыми нормами государства сохранялись вплоть до конца 20-х годов XX века.

Ранее мы указывали, что эффективность традиционных форм этнического существования во многих смыслах зависит от сохранения традиционных систем гендерных отношений. С середины 90-х годов прошлого века совокупность мировоззренческих предпочтений в женской среде коренных этносов Кабардино-Балкарии стало кардинально изменяться.

Постоянный состав верующих женщин, имел место в сельской местности. Как правило, это были представительницы возрастной категории от 50 лет и старше, поведенческие и коммуникационные нормы не выделяли их из этнической среды вообще. Но с конца прошлого века в старших классах школ столицы Кабардино-Балкарской Республики появились девочки, которые стали новообращенными членами мусульманской уммы.

Этот процесс начался с двух городских школ одного из промышленных районов города, большинство населения которого в советский период, являлось рабочими предприятий ВПК и крупного завода легкой промышленности [31]. Уже к середине 90-х годов район был поражен тотальной безработицей и как следствие, распространением криминальных тенденций. И в этой связи, необходимо указать на то, что среди основных факторов, способствующих распространению ислама, существуют два, сыгравшие важную роль в утверждении религиозных структур на территории республики.

Первый – экономический. Мусульманские уммы предоставляют своим членам поддержку практически по всем видам жизненного функционирования: бесплатное, за счет добровольных и традиционных пожертвований, обеспечение едой и одеждой самых неимущих, удешевленное распределение пищевых продуктов за счет неприятия исламом практики посреднических наценок и т.д. Поэтому важно подчеркнуть, что религиозные стандарты жизни более доступны в экономическом плане.

Второй – обеспечение безопасности членам мусульманской уммы. Коран запрещает насилие по отношению к единоверцам, в особенности в отношении отправления религиозных обрядов. На практике это означает, что любая попытка неправомерного воздействия в отношении члена мусульманской уммы, лишаящая его средств к существованию и ограждающая его жизненные возможности, воспринимается верующим человеком как ограничение его в отпращивании религиозных обязанностей. Мусульманская умма попросту защищает своих членов от всех видов криминального давления. Можно сказать, что в 90-х годах прошлого века (и сегодня такая тенденция имеет место) исламские структуры вынуждены брать на себя часть фундаментальных функций государства, почти полностью исключившего из круга своих обязанностей безопасность и экономическое обеспечение своих граждан – особенно на Северном Кавказе.

Школы упомянутого района города Нальчика в этом смысле имели наиболее благоприятные условия для распределения ислама. И если в 1995 году, согласно данным полевых исследований, проводимых среди старших классов, число верующих мусульман - юношей было незначительно (менее 1 % из числа опрошенных - два из 256 учеников 14 лет и старше), а число верующих девочек стремилось к нулю (это не показано среди 220 ответчиков), однако к 1998 году ситуация изменилась.

Экспресс- опрос, который проводился в апреле 1998 года в 14 школах столицы республики, показал следующую картину: от общего количества респондентов (опрашивались только ученики старших классов) – 200 юношей и 100 девочек – 16 учеников объявили, что совершают ежедневную пятикратную мусульманскую молитву, 11 готовились принять исламский образ жизни в обозримом будущем. В одной из школ упомянутого района – две девочки уже носили хиджаб. Самое показательное то, что из тех, кто совещал намаз – 5 юношей и 3 девочки были этническими русскими. Явления религиозного преобразования (включая показатели женщин) активно начали проявляться в 2000-х годах [32].

Стало ясным в результате проводимых исследований, что на сегодняшний средний возраст в половине случаев обращения к исламу в городе Нальчике находится в границах от 14 до 23 лет. Есть небольшой возрастной промежуток – пики новообращений приходятся на категории 14-15 лет и 20-23. Это означает, что результаты экспресс-опроса (фактически пошаговое, с коррекцией по числу анкетирования по трем пунктам – "Ваше отношение к исламу?", "Делаете ли Вы намаз?", «Собираетесь ли Вы начать делать намаз?») не полностью выявили картину распространения ислама среди учеников [33].

Уровень радикализации новообращенных представителей мусульманских умм в 90-х годах в Кабардино-Балкарии остается не до конца изученным, так как до начала XX века каких-либо инцидентов на религиозной почве в школах республики не наблюдалось. Но в 2000 году имело место два случая

вмешательства несовершеннолетних мусульман в действиях государственной школы – были прерваны праздничные дискотеки. Мотивация беспорядков, устроенных мусульманами, была проста – массовые совместные танцы молодых людей и девочек, неподобающим образом одетых, по их соображениям, были недопустимы. Оба случая имели место в районе, упомянутом нами выше.

События 13 октября 2005, несмотря на огромный общественный резонанс, вызванный нападением участников незаконных формирований на силовые республики, показали, что в этот момент радикальное крыло мусульман, готовых к активному вмешательству в функционирование общества, было минимальным. Вопрос в том, что к этому времени число верующих мусульман Кабардино-Балкарской Республики приблизилось к весьма значительным показателям: по различным оценкам от 40 до 140 тысяч человек (мы считаем более презентативной верхнюю цифру, более того, даже не уверены в ее полноте). Во всей закрытости следственных и судебных действий на событиях 2005 мы можем оценить общее количество заинтересованных лиц в данном случае – не более 300 человек, из которых приблизительно сотня были непосредственно вовлечены в действие. Это говорит о том, что наиболее радикальные настроения нельзя рассматривать доминирующими среди общей массы мусульман республики. Женщины – мусульманки, попавших в поле зрения правоохранительных органов по этому делу – случайные фигуры. В целом нужно отметить, что мусульманские общины (джамааты), которые приняли участие в нападении, являлись в мусульманской среде республики своего рода изолянтами и не были органической частью исламского сообщества. Все они в категорической форме отрицали не только ту или ту степень участия в этом инциденте (что ясно и ожидаемо), но также и целесообразность и потребность открытого конфликта в условиях, которые действительно развились на территории республики.

Таким образом, события 2005 года показали, что в Кабардино-Балкарии не распространено влияние структур, ответственных за распространение радикально-экстремистских настроений, работающих под покровом ислама, а в

данном контексте - для психологической обработки женской части населения. Это означает, что радикальная идеология не проникла в женскую среду мусульманского населения республики вообще. Опрос начала 2006 года, (360 респондентов) проводимый нами среди девочек в возрасте от 16 до 25 лет, проживающих в пригородных районах города Нальчика выявил этот факт. Скрытого сочувствия в отношении данного террористического акта не было выявлено. Градация проблемы на три вопроса («Ущемляются ли Ваши права как верующей в республике?», «Знаете ли Вы о притеснениях мусульман со стороны милиции?», «Могло ли ущемление со стороны государства и действия силовых органов послужить главной причиной нападения?») дали отрицательный результат. Только две респондентки ответили положительно на последний вопрос - это меньше чем 0,6%.

Лояльность контингента мусульман женского пола КБР определена даже визуально. Степень распределения демонстративных исламских стандартов поведения может служить довольно точным индикатором. С этой точки зрения особый интерес представляют числовые данные по приходящим в пятницу мусульманам в соборную мечеть города Нальчика. Это количество колеблется (20 случаев наблюдения) от 1200 до 1600 человек, таким образом, при чем, число женщин не превысило 300 человек, из которых большая часть – в возрасте до тридцати лет. Необходимо понимать, что посещение религиозных общественных мероприятий женщинами в исламе не поощряется. Таким образом, молодые женщины, посещающие в пятницу мечеть для совершения намаза – это тот контингент верующих мусульманок, для которых демонстративные формы поведения обычны и которые являются наиболее радикализированными из них. По неофициальным данным (но довольно надежным) этой группы женщин, устойчивый круг мусульманок, которые систематически приходят в соборную мечеть не превышает 70-80 человек, и в основном это пожилые женщины, достигшие 60-летнего возраста.

Карта моделей религиозного поведения женщин Кабардино-Балкарии уточняется данными из сельских мечетей. В национальных сельских населенных пунктах республики пятничную молитву посещают только женщины-мусульманки преклонного возраста, появление же прихожанок до 60 лет – чрезвычайно редкое явление. Кроме того, буквально в течение прошлых 3-4 лет религиозная и образовательная работа, которая выполнялась исламскими учреждениями на территории республики, дала определенный результат. Нежелание участия женщин в общественных действиях, скорее всего, доведена до исламских умм, и число женщин, посещающих пятничную молитву в сельских мечетях, резко уменьшилось [34].

Поэтому, общий количественный потенциал радикального демонстративного поведения мусульманства женской среды Кабардино-Балкарской Республики может быть ограничен порогом, который не превышает 70-100 человек, мы имеем в виду только молодых женщин. Именно это тот слой, который в случае определенного слияния объективных обстоятельств и целенаправленного влияния субъективных факторов можно теоретически рассмотреть как потенциальную базу для формирования структуры женского исламского экстремизма. Здравый смысл указывает на то, что с учетом общего количество лояльных мусульман в республике это невозможно сегодня – по крайней мере, в форме регенерации и самовосстановления данного механизма.

Отсутствуют факторы и объективного плана, вызывающие данную ситуацию в Северном Кавказе. Это экономическая несостоятельность, уязвимость, отсутствие социальных перспектив, то есть весь набор, который традиционно связан с последствиями кризиса СССР и наблюдаемых фактов перехода к отношениям рынка. Считается, что только человек, очень поверхностно знакомый с общими идеологическими и моральными доктринами ислама, может непосредственно указывать на формирование институтов женского экстремизма, исходя из аргументации этого комплекса.

Ислам не принимает поведенческих приоритетов иррационального и нецелесообразного плана. Мусульманин не может пожертвовать жизнью в случаях отсутствия прямой угрозы ему, его религиозному "эго", жизням его родственников, братьев по вере и так далее. В целом мир верующего мусульманина полностью теоцентричен, таким образом, человек, который является рабом Аллаха, выполняет все серверные функции обеспечения теоцентричности. Главное же предназначение женщины – репродукция. Только лишение женщины возможности достижения репродуктивной цели оправдывает ее переход на путь шахиды в глазах Всевышнего.

Другими словами, основным фактором формирования шахидок и радикально-экстремистских женщин-мусульманок Северного Кавказа являются элементы изменения гендерных позиций женщин. В результате войны в Чечне, был сформирован слой женщин, потерявших (или полагающих, что они потеряли их), репродуктивные перспективы. Они после соответствующей обработки становятся на путь открытой борьбы с государством, и не случайно, во многом шахидки – это однажды и более раза овдовевшие спутницы убитых боевиков. Суммируя вышеупомянутое, мы утверждаем, что единственное объективное условие зарождения и развития женского исламского экстремизма - ситуация массовой изоляции верующих женщин от перспектив реализации репродуктивных функций.

Надо сказать, что Кабардино-Балкария в этом отношении более чем благополучна. Политически особенно важно представлена динамика роста процента верующих женщин относительно процента мужчин - мусульман.

В середине 90-х годов прошлого века в возрастной категории до 40 лет приблизительная доля новообращенных женщин не достигала уровня в 10% (1995 г.). Через два года, в 1997 году, этот индикатор достиг уровня 30%. В начале нового века число женщин-мусульманок достигло больше половины от числа мужчин, практикующих ислам. Сегодня количество женщин и мужчин – мусульман практически сравнялось [35].

Мы видим в данном факте насущные проблемы государства, которое должно изучить тенденцию исламизации в Северном Кавказе как противоречащую действительность в ее дифференцированном восприятии. Во-первых, мы обращаем внимание на динамику роста числа верующих мусульман. Даже в условиях относительной экономической стабильности прошлого десятилетия, процесс напоминает развитие 90-х годов, когда рост потенциала мусульман Северного Кавказа в значимой степени был организован заинтересованными структурами, находящимися за пределами Российской Федерации. Это очевидно для нас, поскольку идеологическая, методологическая, возможно, финансовая подпитка процесса имела место со стороны определенных структур.

Второе и главное. Определенные изменения в гендерном поведении женщин этнических сообществ Северного Кавказа привели к изменению функциональных нагрузок женщин в системах политической и этнической идентификации. Вместе с устойчивым религиозным положением, изменением ценностных стандартов и мотивации трансформация гендерного поведения уже сегодня привела к ситуации, когда значительная масса женщин-мусульманок не чувствует своей локализации в пределах нормативно-правового пространства Российской Федерации, они только живут в этой области, используя ее возможности для восстановления теперь не чисто этнического, а религиозно-этнического мироустройства.

На данном этапе значительная масса молодых мусульманок не придерживается ортодоксальных взглядов на отношение к светскому государству, не чурается обустройства своих жизненных перспектив в его рамках. Среди них достаточно много занимающихся бизнесом в самых современных его формах (например, в сфере информационных технологий), проходящих обучение в вузах Москвы и Санкт-Петербурга.

Однако вопрос, имеющий фатальный характер, крайне прост: когда основная функция женщины-мусульманки, (а она, вне всякого сомнения,

однозначно связана с репродуктивной ролью женщины) обретет достаточные гарантии и возможности реализации внутри исламского сообщества? Чисто количественные условия этого положения уже достигнуты. Достаточно ли будет влияние контингента верующих женщин, продуцируемого – чего греха таить – материально обеспеченными слоями и уже сейчас неразрывно связанного с институтами светского государства, для интеграции конфессионального социума в социум федеральный?

Нынешняя ситуация чревата, возможно, тяжелыми социальными последствиями – не ближайшего, но вполне обозримого будущего. Процессы конфессионального изоляционизма развиваются форсированными темпами. Экспресс - анкетирование (всего два вопроса – «Сколько детей вы хотели бы иметь?» и «Возможно ли, что Ваш супруг не будет мусульманином?»), проведенное в конце 2009 года (600 респонденток) среди незамужних девушек-мусульманок – жительниц Нальчика и пригородов в возрасте до 23 лет, выдал весьма показательные результаты. 432 девушки (72%) рассчитывают иметь трех и более детей. 96% из общего количества опрошенных (576 респондентов) не видят в роли своего мужа никого, кроме приверженца ислама. Элементарный демографический прогноз говорит нам, что данная тенденция исламизации будет нарастать. Каким образом Российская Федерация собирается удержать их в сфере влияния институтов светского управления и власти важнейшая проблема нашего общества.

Происходящие негативные процессы требуют особого внимания на государственном уровне. Очевидно, что некоторые мероприятия государства должны быть направлены по двум основным векторам. Во-первых – всемерная экономическая поддержка традиционных для Северного Кавказа видов хозяйствования. Необходимо попросту исключить любые возможности торможения развития частных товарных производств – прежде всего сельскохозяйственных – как естественной ниши реабилитации патерналистских основ традиционного общежития. Единственным направлением возможного

вмешательства государства и чиновников в данном вопросе может быть маркетинговая поддержка. Народы Северного Кавказа не знали реальных форм общинной собственности, подобных тем, что бытовали у российского крестьянства. Самодостаточность и понимание самодостаточности других членов общества и являлись основой традиционных норм поведения и оценки личности мужчины. Можно надеяться, что изменение экономического статуса частных хозяйств при налаженном сбыте их продукции будет способствовать возрождению и укреплению традиционных гендерных систем народов региона. Этот вопрос, относящийся к области экономической состоятельности современного мужчины и требует специфического изучения именно экономических реалий, соответственно – формирования специальных государственных либо региональных программ в данной области.

Во - вторых, меры по адаптации и интеграции конфессионального женского сообщества в современную систему государственности Российской Федерации. На сегодняшний день женское сообщество Северного Кавказа существует в двух ипостасях. Часть его, подвергаясь значительным маргинальным изменениям, так или иначе, задействована в общегосударственных институтах социализации. Верующие же находятся в фактически обособленном и изолированном от остального корпуса государства пространстве. Мы должны воспринимать это как сложившуюся данность, исключая любые ограничительные и запретительные меры.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. Полякова, Т.М. Менталитет полиэтничного общества (Опыт России) [Текст] / Т.М. Поляков/ред. М.Н. Губогло. - М.: Деловой мир, 1998. – 278 с.
2. Дробижева, Л.М. Психологические аспекты национальных отношений [Текст] / Л.М. Дробижева//Социальное и национальное. - М.: Наука, 1973. – 289 с.
3. Броневский, С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе [Текст] / С. Броневский. - М., 1823. – Т. 2 (Переиздание Нальчик) - 385 с.
4. См. Шаожева, Н.А. Эволюционные формы женской социально-политической активности в Кабардино-Балкарии [Текст] / Н.А. Шаожева. – Нальчик: КБНЦ РАН, 2010. – 119 с.
5. Хан-Гирей. Записки о Черкесии [Текст] / Хан-Гирей. – Нальчик: Эльбрус, 1989. – 85 с.
6. Криминальная хроника газеты «Северный Кавказ». - 1991-1993 гг.
7. См. Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности [Текст] / Э. Фромм. - М.: Республика, 1993.- 415 с.
8. См. Отчет по результатам анкетирования на тему: «Политизация гендерных отношений в процессе преобразования российского общества (на материале Северного Кавказа)».
9. Немирович-Данченко, В. Рыцари гор [Текст] / В. Немирович-Данченко. - СПб., 1914. – 198 с.
10. См. Жеребкина, И. Страсть. Женское тело и женская сексуальность в России [Текст] / И. Жеребкина. – СПб.: Алетея, 2001. – 335 с.

11. Абубекирова, Н. «Ниже пола не упасть» или что такое гендер [Текст] / Н. Абубекирова//От первородного греха к высоким технологиям. Своевременные мысли на женские темы. – СПб.: «Бояныч», 1996. - С. 8-19.
12. См. Соколовский, С.В. Этничность как память: Парадигма этнологического знания [Текст] / С.В. Соколовский//Этнокогнитология. Вып.1. Подходы к изучению этнической идентичности. - М.: Прогресс, 1994. - С. 9-36.
13. Архив Государственного комитета по делам национальностей Кабардино-Балкарской Республики.
14. Информатор Этезов Б. (1940 н.р. Нальчик).
15. См. Аккиева, С.И. КБР: модель этнологического мониторинга [Текст] / С.И. Аккиева. – М.: РАН, 1998. – 88 с.; она же: Развитие этнополитической ситуации в Кабардино-Балкарской республике (постсоветский период) [Текст] / С.И. Аккиева. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2002. – 441 с.; Аккиева, С.И. Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии [Текст] / С.И. Аккиева//Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – М.: РАН, 2004. – 235 с.
16. Архив Государственного комитета по делам национальностей Кабардино-Балкарской Республики.
17. Информатор Хоконов З. (1970 г.р., Чегем).
18. Информатор Толгуров Т. (1964 г.р., Нальчик)
19. Данные Федерации Восточных единоборств Кабардино-Балкарской Республики.
20. Ионин, Л.Г. Социология культуры [Текст] / Л.Г. Ионин. - М.: Логос, 1996. – 280 с.
21. Информация Управления ЗАГС Кабардино-Балкарской Республики.
22. Мустакимов, И. Еще раз к вопросу о предках «Мамая-царя» [Текст] / И. Мустакимов//Тюркологический сборник 2007-2008. - М.: Восточная литература, 2009. – 273 с.
23. Информация ДУМ КБР.

24. Информатор Уянов С.(1965 г.р., Хасанья).
25. См. Аккиева, С.И. КБР: модель этнологического мониторинга [Текст] / С.И. Аккиева. – М.: РАН, 1998. – 88 с.
26. Информатор Яропольский Г. (1959 г.р., Нальчик)
27. Информатор Шен А. (1954 г.р., Нальчик)
28. Протокол расширенного заседания актива НСБН «Ситуация в Абхазии». Личный архив Кучмезова М.
29. Архив Министерства внешнеэкономических связей Кабардино-Балкарской Республики.
30. См. Сабанчиев, Х.М. Были сосланы навечно. Депортация и реабилитация балкарского народа [Текст] / Х.М. Сабанчиев. – Нальчик: Эль-фа, 2004. – 234 с.
31. Информация Министерства народного образования Кабардино-Балкарской Республики.
32. Прасолов, Д.Н. Исламский фундаментализм и проблема смены религиозной идентичности [Текст] / Д.А. Прасолов//Исторический вестник: VII выпуск. – Нальчик: Издательство М.В. Котляровых, 2008. – С. 230-256.
33. См. Отчет по результатам анкетирования на тему: «Политический потенциал гендерных отношений в процессе преобразования традиционного общества (XX-XXI вв.) (на материале Северного Кавказа)».
34. Информаторы Маремшаов М. (1970 г.р., Малка) и Кульчаев Б. (1978 г.р., Былым).
35. Материалы полевых исследований автора проведенных в 1996-2005 г.г. См. Мукожев, А.Х. Внутриконфессиональный конфликт и проблемы исламского радикализма в современной Кабардино-Балкарии [Текст] / А.Х. Мукожев//Исторический вестник: VIII выпуск. – Нальчик: Институт гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН, 2009. – С. 303-321.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя основные итоги всему вышеизложенному, считаем необходимым особо подчеркнуть несколько положений диссертационного исследования, имеющих, на наш взгляд, принципиальное, концептуальное значение.

Во-первых, разрушение вертикали власти и единого правового пространства РФ в условиях Северного Кавказа реализуется в форме образования диссипативных систем функционирования общества различного уровня – от этнических до биосоциальных. Неравномерность социальной и политической эволюции подобных систем обуславливает наличие у них разнонаправленных жизненных интересов, вступающих как во взаимные конфликты, так и становящиеся в оппозицию ослабленному государству.

Во-вторых, традиционные институты межнационального общения в условиях правового и властного вакуума и формирования самостоятельных этнических зон функционирования общества теряют свое влияние в идеологическом пространстве региона, что позволяет определенным консолидированным группам лавинообразно распространять свое влияние на население и в ряде случаев вынуждает государство идти на дальнейшую фрагментацию зон функционирования общества, с фактическим переходом к образованию во многом автономных социально-идеологических сообществ. (Законы о местном самоуправлении, возрождении казачества и некоторые другие).

Трансформация политических, экономических и социальных условий жизнедеятельности населения существенно повлияла на состояние гендерных отношений и сопровождается их политизацией.

Надо сказать, что социально-политическая и идеологическая устойчивость подобных сообществ настолько невелика, что доминирующее влияние в них захватывают уже мелкие хартийные группы, а это уже, как правило, в условиях некорректности управления, неадекватности идеологической среды,

экономической недееспособности государства ведет к резкой активизации радикальной составляющей этносов, в частности – радикализации женской части населения в его открыто или скрыто маргинализированных составляющих.

Наличие взаимоисключающих или даже слабоконфликтных интересов различных социальных и этнических групп в подобной ситуации и при ослаблении стабилизирующего влияния традиционных гендерных систем чревато развитием открытого конфликта, в условиях Северного Кавказа получающего, либо этническую, политическую, либо конфессиональную окраску.

Сопутствующими и, иногда, генерирующими факторами назревания конфликта для Северного Кавказа являются трансформации в сублимативных и альтернативных зонах жизненной реализации, в которых актуализируется потенциал изначальных биосоциальных структур общества – гендер, патри- и матримониальные системы функционирования человеческого общежития в его этноопределенных формах.

Для традиционных этнических сообществ Северного Кавказа характерным является распространение женского влияния на социум в скрытых, внешне не вычлененных формах. Не выходя за рамки поведенческих стандартов патерналистского общества, женщины региона оказывают воздействие на него посредством особенного института, складывающегося в условиях инерционного влияния этико-эстетических систем своих этносов – секторального гендерного пространства, формирование которого возможно в условиях фактической деструкции систем патерналистского общежития и обусловлено переходом функций этнической рекреации от мужчин к женщинам.

Секторальное гендерное пространство также берет на себя продуцирование особых архетипов мотивации и социального поведения в сознании подрастающего поколения – базовых гендерных комплексов, предназначенных для полноценной социализации индивидуума в условиях разрушения традиционных ценностей, что получает все большую политическую акцентировку.

Остаточное, но, как правило, весьма значительное влияние традиционных

этнических установок в среде деструктурированных патерналистских сообществ приводит новое национальное сознание, понимаемое как результат воздействия секторального гендерного пространства, к различным формам изоляционизма – прежде всего презентативно-этнического. Возникает и укрепляется ментальная дихотомия «свой-чужой», имеющая четко выраженную национальную, а не моральную семантику.

Политически значимо, что при доминировании национального подхода в оценке контактирующих этносов инонациональное влияние воспринимается как культурная агрессия, направленная на уничтожение традиционных систем общежития.

Изменение моделей сексуального поведения гендерные системы традиционных этносов воспринимают как прямую угрозу базовой целеполагающей роли женщины – репродуктивной.

Этническая среда народов Северного Кавказа реагирует на все эти явления однозначно – политической и этнической радикализацией и формированием альтернативных социальных пространств, в которых новационные нормы поведения невозможны в принципе (исламизация населения). Гендерные системы при этом выполняют функции механизма инициации указанных процессов.

Таким образом, происходящие негативные политические и этнические процессы требуют немедленного и массированного вмешательства на государственном уровне. Быть может, точка возврата уже преодолена и в обозримом будущем страна столкнется с трудностями фатального масштаба. Мы предполагаем, что новое поколение матерей, выпестованное в годы экономического хаоса и этической оккупации социума Российской Федерации западными стереотипами, совершенно не озабочено хотя бы лояльностью своих детей по отношению к государству.

Тем не менее, очевидно, что некоторые шаги являются необходимыми в любом случае. Мероприятия государства должны быть направлены по двум

основным векторам. Во-первых – всемерная экономическая поддержка традиционных для Северного Кавказа видов хозяйствования. Необходимо попросту исключить любые возможности торможения развития частных товарных производств – прежде всего, сельскохозяйственных – как естественной ниши реабилитации патерналистских основ традиционного общежития. Единственным направлением возможного вмешательства государства и чиновников в данном вопросе может быть маркетинговая поддержка. Народы Северного Кавказа не знали реальных форм общинной собственности, подобных тем, что бытовали у российского крестьянства. Самодостаточность и понимание самодостаточности других членов общества и являлись основой традиционных норм поведения и оценки личности мужчины. Можно надеяться, что изменение экономического статуса частных хозяйств, при налаженном сбыте их продукции будет способствовать возрождению и укреплению традиционных гендерных систем народов региона. Этот вопрос, хочется надеяться, относится к области экономической состоятельности современного мужчины и требует специфического изучения именно экономических реалий, соответственно – формирования специальных государственных либо региональных программ в данной области.

К ним мы можем отнести меры по адаптации и интеграции конфессионального женского сообщества в современную систему государственности Российской Федерации. На сегодняшний день женское сообщество Северного Кавказа существует в двух ипостасях. Часть его, подвергшаяся значительным маргинальным изменениям, так или иначе, задействована в общегосударственных институтах социализации. Верующие же находятся в фактически обособленном и изолированном от остального корпуса государства пространстве. Мы должны воспринимать это как сложившуюся данность, исключая любые ограничительные и запретительные меры.

Лишь создание механизмов перспективного социального роста, включая возможности получения светского образования на местах и в крупных научных

центрах, возможности управленческой, творческой и бизнес-карьеры вернет исламскую часть женского населения национальных республик и областей Российской Федерации в русло нормального неконфликтного бытия в рамках существующей системы государственности страны.

И последнее – сколь фантастическим бы не выглядело это предложение – необходимо так или иначе упорядочить и оптимизировать сферу поведенческих стандартов и допустимых моделей публичного статуирования женщин. Ситуация, когда сексуальная доступность и двусмысленность поступков женщин фактически рекламируется как одно из средств социального успеха, недопустима. Сколь бы одиозен и труден не выглядел бы вопрос в свете современных представлений, он должен быть решен – сначала на нормативно-правовом уровне, затем на всех остальных ярусах функционирования российского общества.

Использованные источники и материалы

Архивные материалы

Библиотека Российской академия государственной службы

1. Ф. – 16. - Д. 32. - Лл. 12-56.

Центр документации новейшей истории Кабардино-Балкарской Республики (ЦДНИ КБР)

1. Выступление Махова на областном совещании сельского актива. - ЦДНИ КБР. - Ф. - Р-1. - Оп.1. - Д. 43. - Л. 28.
2. Доклад Балятинской о трехдневнике охраны материнства и младенчества. - ЦДНИ КБР. - Ф. - Р-1. - Оп.1. - Д. 41. - Лл. 4-7.
3. Доклад Голубева на X Урванской партконференции 18 ноября 1950 года. - ЦДНИ КБР. - Ф. - Р-34. - Оп. 1. - Д. 140. - Л.50.
4. Доклад первого секретаря обкома КПСС Т.К. Мальбахова на 29-й конференции областной парторганизации 11 февраля 1966 года. - ЦДНИ КБР. - Ф. - Р-1. - Оп. 2. - Д. 1940. - Т.1. Лл.4-17.
5. Заявление прокурору Кабардино-Балкарской АССР Кабардинского областного комитета Союза финансово-банковских работников от 24 марта 1950 года. - ЦДНИ КБР. - Ф. - Р-1. - Оп. 1. - Д. 2492. - Л. 19.
6. Заявление прокурору Кабардино-Балкарской АССР Кабардинского областного комитета Союза финансово-банковских работников от 6 апреля 1950 года. - ЦДНИ КБР. - Ф. - Р-1. - Оп. 1. - Д. 2492. - Лл. 19-26.

7. Материалы собрания актива областной комсомольской организации 24-26 февраля 1956 года. - ЦДНИ КБР. - Ф. - Р-773. - Оп.1. - Д. 6. - Л. 14.
8. О возросшей активности горянок. Протокол заседания бюро обкома партии. - ЦДНИ КБР. - Ф. - Р-1. - Оп. 1. - Д. 49. - Лл. 70,71.
9. Отчет Галкина на областном совещании актива области.- ЦДНИ КБР. - Ф. - Р – 1. - Оп.1. - Д. 43. - Л. 21.
10. Отчет Дмитриева на областном совещании актива области. - ЦДНИ КБР. - Ф. - Р-1. - Оп.1. - Д. 43. - Лл. 12-16.
11. Отчет Слизарова на областном совещании актива области. ЦДНИ КБР. - Ф. - Р-1. - Оп. 1. - Д. 43. - Л. 20.
12. Отчет о работе Урванского РК ВКП(б) за период с октября 1949 - го по ноябрь 1950 года. - ЦДНИ КБР. - Ф. - Р-34. - Оп. 1. - Д. 140. - Л. 48.
13. Отчетный доклад секретаря Нальчикского РК КПСС за период с августа 1953-го по сентябрь 1954 года. - ЦДНИ КБР. - Ф. - Р-27. - Оп. 1. - Д. 179. - Лл. 57, 58.
14. Письмо Председателя ЦК профсоюзов работников местной промышленности Кабардинскому областному комитету ВКП(б). -ЦДНИ КБР. - Ф. - Р-1. - Оп. 1. - Д. 2492. - Л. 55.
15. Постановление секретариата Кабардино-Балкарского обкома о формировании списков делегатов. - ЦДНИ КБР. - Ф. - Р-1 . - Оп. 1. - Д. 38. - Лл. 14, 15.
16. Приложение № 1 к протоколу Нальчикского районного отчетно-выборного партийного собрания от 4-5 сентября 1954 года. - ЦДНИ КБР. - Ф. - Р-27. - Оп. 1. - Д. 19. - Лл. 60-62.
17. Протокол заседания бюро Кабардино-Балкарского обкома от 13.06.1928 года. - ЦДНИ КБР. - Ф. - Р-1. - Оп 1. - Д. 72. - Л. 84.
18. Протокол заседания секретариата Кабардино-Балкарского обкома РКП(б) от 24.12.1925 г. - ЦДНИ КБР. - Ф. - Р-1. - Оп 1. - Д. 41. - Л.7.

19. Протокол заседания секретариата Кабардино-Балкарского обкома РКП(б) от 24.01.1925 по 26.01.1925 г. - ЦДНИ КБР. - Ф. - Р-1. - Оп. 1. - Д. 41. - Л.10.
20. Протокол заседания бюро Кабардино-Балкарского обкома КПСС от 25 сентября 1957 года. - ЦДНИ КБР. - Ф. - Р-1. - Оп. 2. - Д. 797. - Л.17.
21. Протокол № 13 заседания бюро Лескенского райкома ВКП(б) от 17 декабря 1949 года. - ЦДНИ КБР. - Ф. - Р-879. - Оп.1. - Д. 70. - Л. 122.
22. Протокол 29-й конференции областной парторганизации от 11-12 февраля 1966 года. - ЦДНИ КБР. - Ф. - Р-1. - Оп 2. - Д. 1940. - Лл. 19, 20.
23. Протокол № 33 заседания бюро Кубинского РК ВКП(б) от 23 мая 1950 года. - ЦДНИ КБР. - Ф. - Р - 9. - Оп. 1. - Д. 88. - Л. 63.
24. Протокол заседания бюро Кубинского РК ВКП(б) от 13 июня 1950 года. - ЦДНИ КБР. - Ф. - Р - 9. - Оп. 1. - Д. 88. - Лл. 35 - 37.
25. Протокол собрания областного партийного актива Кабардино-Балкарской партийной организации от 7 января 1958 года. - ЦДНИ КБР. Ф. Р-1, оп. 2, д. № 1004, л. 1, 2, 12.
26. Протоколы заседаний областных комитетов профсоюзов за период с 02.04.1950-го по 09.06.1950 года. - ЦДНИ КБР. - Ф. - Р-1. - Оп.1. - Д. 2492. - Лл.19-65.
27. Протоколы заседания секретариата Кабардино-Балкарского обкома РКП(б) от 12.01.1925-го по 26.01. 1925 г. - ЦДНИ КБР. - Ф. - Р-1. - Оп 1. - Д. 41. - Лл. 38- 43.
28. Протоколы 10 Урванской партконференции от 18-19 ноября 1950 года. - ЦДНИ КБР. - Ф. - Р-34. - Оп.1. - Д. 140. - Л. 28.
29. Резолюция заседания секретариата обкома « Об использовании коммунарок на работе среди женщин». - ЦДНИ КБР. - Ф. - Р-1. - Оп. 1. - Д. 38. - Л. 34.

30. Речь Калмыкова Б.Э. на областной конференции актива республики. - ЦДНИ КБР. - Ф. - Р-1. - Оп. 1. - Д. 43. - Л. 6.
31. Справка о работе Эльбрусского райкома ВКП(б) по руководству профсоюзными организациями. - ЦДНИ КБР. - Ф. - Р-1. - Оп. 1. - Д. 2492. - Л. 62.
32. Списки активистов окружных комитетов от 01.01.1935-го по 12.01.1935 г. - ЦДНИ КБР. - Ф. - Р-1. - Оп.1. - Д. 110. - Лл. 105-175.
33. Списки делегатов 14-й Областной партконференции. - ЦДНИ КБР. - Ф. - Р-1. - Оп.1. - Д. 135. - Л. 1.
34. Списки делегатов 16-й Областной партконференции. - ЦДНИ КБР. - Ф. - Р-1. - Оп.1. - Д. 156. - Л. 70.
35. Списки сельских активистов Нагорного округа. - ЦДНИ КБР. - Ф. - Р-1. - Оп.1. - Д. 43. - Л. 27.

**Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской
Республики (ЦГА КБР)**

1. Донесение о переходе в магометанскую веру девицы Колесниковой. - ЦГА КБР. - Ф. - Р-6. - Оп. 1. - Д. 766. - Л. 174.
2. Материалы слета жен ИТР от 24.01.1935 г. - ЦГА КБР. - Ф. - Р-1. - Оп.1. - Д. 398. - Лл.12-20.
3. О посещении слободы Нальчик проезжими лицами... - ЦГА КБР. - Ф. - Р-6. - Оп 1. - Д. 321. Т.1.
4. Письма начальника ЛУГа от 16.03.1925 г. По 24.05.1925 г. - ЦГА КБР. - Ф. - Р-2. - Оп. 1. - Д. 288. - Т. 1. - Лл. 130-137.
5. Письмо Абаева... - ЦГА КБР. - Ф. - И-6. - Оп.1. - Д. 197. - Лл. 185, 186.

6. Письмо начальника ЛУГа секретарям окружкомов. - ЦГА КБР. - Ф. - Р-2. - Оп.1. - Д. 253. - Т. 1. - Л. 107.
7. Письмо начальника Нальчикского округа... - ЦГА КБР. - Ф. - И- 6. - Оп. 1. - Д. 49. - Л. 24.
8. « Председателю ЦИК КБАО». Письмо начальника ЛУГа от 13.12.1925 года. - ЦГА КБР. - Ф. - Р-2. - Оп.1. - Д. 25. - Т. 1. - Л. 16.
9. Приказ о зачислении в число курсантов ЛУГа от 03.11.1925 г. - ЦГА КБР. - Ф. - Р-1. - Оп. 1. - Д. 288. - Л. 7.
10. Протокол дознания по прошению Мурзабека Лиева...- ЦГА КБР. - Ф. - И- 6. - Оп. 1. - Д. 49. - Лл. 83-85.
11. Протокол обыска У.В. Скороходова. - ЦГА КБР. - Ф. - Р-6. - Оп.1. - Д. 321. - Т.1. - Л.148.
12. Протоколы общих сходов сел КБАО. - ЦГА КБР. - Ф. - Р-2. - Оп. 1. - Д. 288. - Лл. 10-134.
13. Рапорт начальника Нальчикского округа о попытке увоза дочери...- ЦГА КБР. - Ф. - И- 6. - Оп. 1. - Д. 49. - Л. 40.
14. Рапорт старшины селения Касаево. - ЦГА КБР. - Ф. - Р-6. - Оп. 1. - Д. 766. - Лл. 63-64.
15. Рапорты начальника Нальчикского округа о деятельности толстовцев... - ЦГА КБР. - Ф. - И- 6. - Оп. 1. - Д. 321. - Т. 1. - Лл. 28, 140, 148.
16. Сводная справка ЦСУ КБАССР по составу руководящих работников колхозов республики по состоянию на 1 апреля 1980 г. -ЦГА КБР. - Ф. - Р-499. - Оп. 14. - Д. 317. - Лл. 2,2а.
17. Сообщение Хужокова Ж.К. - ЦГА КБР. - Ф. - Р-2. - Оп. 1. - Д. 288. - Л. 34.
18. Сообщение канцелярии начальника Нальчикского округа о разрешении любительского спектакля... - ЦГА КБР. - Ф. - Р-6. - Оп.1. - Д. 715. - Лл. 1, 35.

19. Сообщение Таубиева Т.Р. - ЦГА КБР. - Ф. - Р-2. - Оп. 1. - Д. 288. - Л. 37а.
20. Сообщения курсантов ЛУГа (анкеты сельских населенных пунктов области). - ЦГА КБР. - Ф. - Р-2. - Оп. 1. - Д. 288. - Лл. 31-70.
21. Списки отчисленных курсантов ЛУГа на 04.01.1925 года. - ЦГА КБР. - Ф. - Р-2. - Оп.1. - Д. 258. - Т.2. – Лл. 285, 287, 287а.
22. Списки членов Нальчикского общества Красного креста. - ЦГА КБР. - Ф. - И-6. - Оп.1. - Д. 879. - Л. 26.
23. Списки членов Нальчикского общества Красного креста. - ЦГА КБР. - Ф. - И-6. - Оп.1. - Д. 879. - Л. 24.
24. Список дел, назначенных к слушанию... - ЦГА КБР. - Ф. - Р-2. - Оп.1. - Д. 282. - Л. 3а.
25. Список курсантов ЛУГа на 01.03.1926 г. - ЦГА КБР. - Ф. - Р-2. - Оп. 1. - Д. 288. - Д. 71.
26. Список курсантов ЛУГа на 01.03.1926 г. - ЦГА КБР. - Ф. - Р-2. - Оп. 1. - Д. 288. - Л. 25.
27. Список принятых на работу в ЛУГ от 05.03. 1925 г. - ЦГА КБР. - Ф. - Р-2. - Оп.1. - Д. 288. - Л.18.

Текущие архивные материалы министерств и ведомств

Кабардино-Балкарской Республики

1. Документы Государственного комитета по делам национальностей Кабардино-Балкарской Республики.
2. Данные ДУМ КБР.
3. Данные Исламского университета КБР.
4. Данные Федеральной налоговой службы КБР по г. Нальчик.
5. Данные Парламента КБР.

6. Данные Министерства финансов КБР.
7. Данные Министерства юстиции КБР.
8. Данные Управления ЗАГС Кабардино-Балкарской Республики.
9. Текущий архив Государственного комитета по статистике КБР.
10. Текущий архив Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН.
11. Текущий архив Министерства внутренних дел КБР.
12. Текущий архив Министерства здравоохранения КБР.
13. Текущий архив Министерства труда и социального развития КБР.
14. Текущий архив Министерства экономики КБР.

Нормативно-правовые акты

1. Республиканская целевая программа «Развитие и поддержка малого предпринимательства в Кабардино-Балкарской Республике на 2007-2011 годы [Электронный ресурс] В редакции Закона Кабардино-Балкарской Республики от 24.12.2007 года № 93-РЗ / Режим доступа: www.gosbook.ru.

Сборники документов и исследования отечественных и зарубежных специалистов

1. Абигаиль, А. Письма. Феминизм: Проза, мемуары, письма [Текст] / А. Абигаиль. - М.: Ракстниекс, 1992.- 480 с.
2. Агеев, В.С. Межгрупповое взаимодействие. Социально-психологические проблемы [Текст] / В.С. Агеев. - М.: Изд-во Моск. Универ-т, 1990.- 240 с.

3. Адиебян, Н.О. Эмансипационный процесс в России в первой трети XX века: от центра к периферии [Текст] / Н.О. Адиебян. – Пятигорск: Институт управления, бизнеса и права, 2004. – 168 с.
4. Айвазова, С.Г. Женщины и общество. Гендерное измерение политического процесса в России [Текст] / С.Г. Айвазова. - М.: ИСПИ РАН, 1997. – 321 с.
5. Аккиева, С.И. КБР: модель этнологического мониторинга [Текст] / С.И. Аккиева. – М.: РАН, 1998. – 88 с.
6. Аккиева, С.И. Развитие этнополитической ситуации в Кабардино-Балкарской Республике (постсоветский период) [Текст] / С.И. Аккиева. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2002. – 441 с.
7. Араловец, Н.Д. Женский труд в промышленности СССР [Текст] / Н.Д. Араловец. - М.: Политиздат, 1954.- 203 с.
8. Арутюнян, А.Е. Женщина и культурная революция в СССР [Текст] / А.Е. Арутюнян. - Ереван: Арарат, 1965.- 148 с.
9. Афанасьев, В.Г. Общество: системность, познание и управление [Текст] / В.Г. Афанасьев. - М.: Политиздат, 1981.- 432 с.
10. Баллаева, Е.А. Гендерный анализ глобализации, ее движущих сил и структурных факторов [Текст] / Е.А. Баллаева. – М.: МЦГИ, 2008. - 28 с.
11. Баскакова, М.Е. Гендерное неравенство в современной России сквозь призму статистики [Текст] / М.Е. Баскакова. – М.: Букинист, 2004. – 336 с.
12. Баширов, Л. А. Ислам в контексте этнополитических процессов в современной России [Текст] /Л.А. Баширов. – М., РАГС, 2008. – 246 с.

13. Башлоев, М.Л. Из истории комсомола Кабардино-Балкарии [Текст] / М.Л. Башлоев, А.И. Исмаилов. - Нальчик: Эльбрус, 1969.- 174 с.
14. Бербеков, Х.М. Образование и развитие кабардинской социалистической нации [Текст] / Х.М. Барбеков. - Нальчик: Эльбрус, 1958.- 238 с.
15. Берн, Ш. М. Гендерная психология [Текст] / Ш. М. Берн. – СПб.: Прайм–Евроснак, 2004. – 320 с.
16. Бесс, Ж - Ш. Путешествие в Крым, на Кавказ, в Грузию, Армению, Малую Азию и в Константинополь [Текст] / Ж.-Ш. Бесс//Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. – Нальчик: Эльбрус, 1974.- 548 с.
17. Бестужев-Лада, И.В. Прогнозное обоснование социальных нововведений [Текст] / И.В. Бестужев-Лада. - М.: Букинист, 1993.- 221 с.
18. Бестужев-Лада, И.В. В лабиринтах женской эмансипации: женщина как социальная проблема [Текст] / И.В. Бестужев-Лада, О.В. Захарова. – М.: Academia, 2000. – 208 с.
19. Бларамберг, И.Ф. Историческое, топографическое, статистическое этнографическое и военное описание Кавказа [Текст] / И.Ф. Бларамберг//Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. – Нальчик: Эльбрус, 1974.- 548 с.
20. Боно, Э. Латеральное мышление [Текст] / Э. Боно. – СПб.: Питер Паблишинг, 1997. – 348 с.
21. Брайдотти, Р. Половое различие как политический проект номадизма [Текст] / Р. Брайдотти//Хрестоматия феминистских текстов/ пер. с итал./ред. Е. А. Здравомыслова и А. А. Темкина. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. – 304 с.

22. Брайсон, В. Политическая теория феминизма [Текст] / В. Брайсон. – М.: Идея-Пресс, 2001. – 304 с.
23. Броневский, С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе [Текст] / С. Броневский. - М., 1823. – Т.2 (Переиздание Нальчик). – 385 с.
24. Бурдые, П. Практический смысл [Текст] / П. Бурдые. – СПб.: Алетейя, М.: «Институт экспериментальной социологии», 2001. – 562 с.
25. Бутаева, М.А. Социальные проблемы женщины в этнокультуре : монография [Текст] / М. А. Бутаева. - Махачкала: Издат. Дом Народы Дагестана, 2008. - 140 с.
26. Бутаева, М.А. Инновационный потенциал как фактор социально-политической трансформации: гендерный аспект (на примере Республики Дагестан) [Текст] / М.А. Бутаева. – Москва: Изд-во РГСУ, 2012. - 250 с.
27. Бутенко, И. Анкетный опрос как общение социолога с респондентами [Текст] / И. Бутенко. - М.: Высшая школа, 1989. – 176 с.
28. Вахромеева, О.Б. Женщина и семья в Европейской России на рубеже XIX – XX веков [Текст] / О.Б. Вахромеева//Знаменитые университеты. – СПб: Нева, 2008. – 231 с.
29. Вебер, М. Избранное. Образ общества. Теория степеней и направлений религиозного неприятия [Текст] / М. Вебер/ Пер. М.И. Левиновой. – М.: Юрист, 1994. - 704 с.
30. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма. Избранные произведения [Текст] / М. Вебер/Пер. с нем./Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайденко. — М.: Прогресс, 1990. - 808 с.
31. Великий Октябрь и раскрепощение женщин Северного Кавказа и Закавказья (1917-1936 гг.) [Текст] - М.: Мысль, 1979.- 349 с.

32. Вейнингер, О. Пол и характер. Мужчина и женщина в мире страстей и эротики [Текст] / О. Вейнингер. – М.: Форум, 1991. – 192 с.
33. Введение в гендерные исследования [Текст] / Ч.1. Учебн. пособие/ Под ред. И.А. Жеребкиной. – Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетея, 2001. – 708 с.
34. Волкова, Н. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века [Текст] / Н. Волкова. - М.: Наука, 1974. – 167 с.
35. Гагиева, М.А. Сталинская Конституция и женщины Северной Осетии [Текст] / М.А. Гагиева. - Дзауджикау: Севозгиз, 1953.- 33 с.
36. Гаджиев, С.Ш. Женщины Советского Дагестана [Текст] / С.Ш. Гаджиев.- Махачкала: Дагкнигоиздат, 1960. - 169 с.
37. Гаджиев, К.С. Геополитика Кавказа [Текст] / К.С. Гаджиев. – М.: Международные отношения, 2001. – 464 с.
38. Гаджиев, К.С. Этнонациональная и геополитическая идентичность Кавказа [Текст] / К.С. Гаджиев. – Lambert Academic Publishing. 2011. – 531 с.
39. Гайденко, П.П. История и рациональность (социология Макса Вебера и веберовский ренессанс) [Текст] / П.П. Гайденко, Ю.Н. Давыдов. – М.: Политиздат, 1991. – 367 с.
40. Гамзатов, Г. Х. Формирование многонациональной литературной системы в дореволюционном Дагестане [Текст] / Г.Х. Гамзатов. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1978. – 420 с.
41. Гамзатов, Г. Х. Литература народов Дагестана дооктябрьского периода: Типология и своеобразие художественного опыта [Текст] / Г.Х. Гамзатов. - М.: Наука, 1982. – 327 с.

42. Гегель, В.Ф. Основания философии права [Текст] / В.Ф. Гегель. – М.: Наука, 2000. – 174 с.
43. Гендер и власть: семья, общество, государство [Текст] / отв. ред. Н.А. Крылова, Н.А. Ксенофонтова. – М.: URSS, 2008. – 430 с.
44. Гендер и глобализация: теория и практика международного женского движения [Текст] / под общей редакцией Е. Баллаевой.- М.: Мысль. 2003. – 267 с.
45. Гендерное неравенство в современной России сквозь призму статистики [Текст] / отв. ред. М.Е. Баскакова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 336 с.
46. Гендерные стереотипы в меняющемся обществе. Опыт комплексного социального исследования [Текст] / ред.-сост. Н.М. Римашевская, Л.Г. Луныкова. - М.: Наука. 2009. – 272 с.
47. Гидденс, Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь [Текст] / Э. Гидденс. – М.: Весь мир, 2004. – 330 с.
48. Гоббс, Т. Левиафан [Текст] / Т. Гоббс. – М.: Мысль, 2001. – 480 с.
49. Гозман, Л.Я. Политическая психология [Текст] / Л.Я. Гозман, Е.Б. Шестопап. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. – 445 с.
50. Гофман, А.Б. Семь лекций по истории социологии. Учебное пособие для вузов – 5-е изд. [Текст] / А.Б. Гофман. - М.: Книжный дом «Университет», 2001. – 216 с.
51. Гомелко, О. Метафизика телесности: концепт тела в философском дискурсе [Текст] / О. Гомелко. – Киев: Наукова думка, 2001. – 230 с.
52. Горошко, Е.И. Языковое сознание: гендерная парадигма [Текст] / Е.И. Горошко. – Харьков: ИД “ИНЖЕК”, 2003. – 437 с.
53. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь [Текст] / Л.Н. Гумилев.- М.: Наука, 1998.- 307 с.

54. Гутов, А. Этюды о кавказском этикете [Текст] / А. Гутов. – Нальчик: Эльбрус, 1998. – 124 с.
55. Даль, А.И. Роль женщины в истории Советского общества [Текст] / А.И. Даль. - М.: Мысль, 1966.- 130 с.
56. Дамения, О. Н. Кавказская культурная общность: миф или реальность? [Текст] / О. Н. Дамения. - Краснодар, Кубань, 2001. – 113 с.
57. Дарендорф, Р. Современный социальный конфликт. Очерки политики свободы [Текст] / Р.Дарендорф/Пер. Пантина Л.Ю. – М.: РОССПЭН, 2002. – 288 с.
58. Дзуцев, Х.В. Социальная адаптация населения республик ЮФО РФ: этносоциологический анализ [Текст] / Х.В. Дзуцев. В 5 книгах. – М.: ИСПИ РАН, 2008. Кн. 1. – 139 с.
59. Досина, Н.В. Политическое участие граждан России на рубеже XX - XXI веков: гендерная стратегия: дис... док. политич. наук: 23.00.02. - Москва, 2004. - Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/politicheskoe-uchastie-grazhdan-rossii-na-rubezhe-xx-xxi-vekov-gendernaya-strategiya>.
60. Дробижева, Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России [Текст] / Л.М. Дробижева. – М.: Мысль, 2003. – 376 с.
61. Дробижева, Л. М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет [Текст] / Л.М. Дробижева. - М.: Новый хронограф, 2013. - 336 с.
62. Думанов, Х.М. Обычное имущественное право кабардинцев (вторая половина XIX – начала XX вв. [Текст] / Х.М. Думанов. – Нальчик: Эльбрус, 1976. – 139 с.
63. Дюмон, Л. Эссе об индивидуализме [Текст] / Л. Дюмон. – Дубна: Иц «Феникс», 1997. – 304 с.

64. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. Метод социологии [Текст] / Э.О. Дюркгейм. – М.: Наука, 1991. – 576 с.
65. Егорова Л.С. Гендерный подход в менеджменте [Текст] / Л.С. Егорова, С.М. Степанова. – Иваново, Центр «Юнона», 2002. – 100 с.
66. Евсева, Л.В. Потенциал женского начала и проблемы социокультурного статуса женщины [Текст] / Л.В. Евсева. – Ростов н/Д: ЮФУ, 2008. – 290 с.
67. Ерофеев, В. Мужчины [Текст] / В. Ерофеев. – М.: Подкова, 1997. – 152 с.
68. Жанимов, Р.М. Этнополитические процессы на Северном Кавказе в динамике полиэтничного общества [Текст] / Р.М. Жанимов. – М.: Изд-во Национального института бизнеса, 2007. – 136 с.
69. Женщины в меняющемся мире [Текст] / отв.ред. Н.М. Римашевская. - М.: Наука, 1992. – 213 с.
70. Жеребкина, И.К. Женское политическое бессознательное [Текст] / И.К. Жеребкина. - Харьков: МИСИ, 1997.- 201 с.
71. Жеребкина, И.К. Страсть. Женское тело и женская сексуальность в России [Текст] / И.К. Жеребкина. – СПб: Алетейя, 2001. – 335 с.
72. Западноевропейская социология XIX века: О. Конт, Д. С. Милль, Г. Спенсер [Текст] /Под ред. В.И. Добренькова. - М.: Букинист, 1996. – 352 с.
73. Заславская, Т.И. Социетальная трансформация российского общества [Текст] / Т.И. Заславская. – М.: Дело, 2002. – 568 с.
74. Зиммель, Г. Избранное. [Текст]; в 2 томах / Г. Зиммель. – М.: Юристъ, 1996. – Т. 1. – 607 с., Т.2. – 603 с.

75. Иванов, В.Н. Социальные технологии в современном мире [Текст] / В.Н. Иванов. – М. -Н. Новгород: Изд-во Волго-Вят. Гос. службы, 1996.- 194 с.
76. Идеино-политическая борьба и некоторые проблемы женского движения [Текст] / Отв. ред. Н.А. Ковальский. - М.: Мысль, 1981.- 254 с.
77. Из истории развития культуры социалистической Кабардино-Балкарии [Текст] - Нальчик: Эльбрус, 1981.- 203 с.
78. Ильин, М.В. Альтернативы концептуализации гражданского общества - В поисках гражданского общества [Текст] / М.В. Ильин. - Великий Новгород: НовГУ, 2008. – 400 с.
79. Ильин, И.А. Собрание сочинений [Текст] / И. А. Ильин. – М.: Русская книга, 2001. – 354 с.
80. История Кабардино-Балкарской АССР [Текст] - М.: Наука, 1967. –323 с.
81. Ионин, Л.Г. Социология культуры [Текст] / Л.Г. Ионин. - М.: Логос, 1996. – 280 с.
82. Кажаров, В.Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце –XVIII - первой половине XIX века [Текст] / В.Х. Кажаров. – Нальчик: Эльбрус, 1994. – 865 с.
83. Калабихина, И.Н. Социальный пол и проблемы населения [Текст] / И.Н. Калабихина. - М.: «Менеджер», 1995.- 149 с.
84. Калмыков, Б.Э. Статьи и речи [Текст] / Б.Э. Калмыков. – Нальчик: Эльбрус, 1983.- 115 с.
85. Карадже, Т.В. Политическая философия [Текст] / Т.В. Карадже. – М.: Мысль, 2007. – 234 с.
86. Карр, Э. История советской России[Текст] / Э. Карр. – М.: Прогресс, 1990. – Кн. 1. – 768 с. Кн. 2. - 754 с.

87. Карамзин, Н.М. История государства Российского [Текст] в 12 томах. Т. 2-3 / Н.М. Карамзин /под ред. А.Н. Сахарова. - М.: Наука, 1991.- 832 с.
88. Кара-Мурза, С.Г. Европоцентризм – эдипов комплекс интеллигенции [Текст] / С.Г. Кара-Мурза. – М.: Эксмо, 2002. – 256 с.
89. Кешева, Е.Т. Дочери горного края/Е.Т. Кешева. - Нальчик: Эльбрус, 1981.- 184 с.
90. Киселев, С.Р. Основные направления социальной политики государства в условиях реформирования общественно-экономической жизни России [Текст] / С.Р. Киселев. - М.: Правда, 1995.- 191 с.
91. Киселева, Н.А. Международное женское движение в борьбе за мир, равноправие и социальный прогресс [Текст] / Н.А. Киселева. - М.: Политиздат, 1991.- 239 с.
92. Клецина, И. С. Психология гендерных отношений: Теория и практика [Текст] / И.С. Клецина. – СПб.: Алетейя, 2004. – 363 с.
93. Клименкова, Т.Г. Женщина как феномен культуры. Взгляд из России [Текст] / Т.Г. Клименкова. - М.: Преображение, 1996.- 155 с.
94. Коллонтай, А. Социальные основы женского вопроса [Текст] / А. Коллонтай. - СПб., 1909. - 312 с.
95. Кон, И.С. Мужчина в меняющемся мире [Текст] / Кон И.С. - М.: Время, 2009. – 1015 с.
96. Котовская, М.Г. Гендерные очерки: история, современность, факты [Текст] / М.Г. Котовская. – М.: ИЭА РАН, 2004. – 358 с.
97. Коэн, Дж. Гражданское общество и политическая теория [Текст] /Дж. Коэн, А. Арато. - М.: Весь мир, 2003. - 784 с.

98. Кудрявцев, М. Кастовая система в Индии [Текст] / М. Кудрявцев - М.: Наука, 1992. – 267 с.
99. Краткий статистический справочник Кабардино-Балкарской автономной области [Текст] - Нальчик, 1925.- 227 с.
100. Култыгин, В.П. Феминизм в современной мировой социологической теории [Текст] / В.П. Култыгин. – М.: ИСПИ РАН, 2005. – 187 с.
101. Куропятник, М.С. Коренные народы в процессе социальных изменений [Текст] / М.С. Куропятник. – СПб: Изд-во С-Петербурб. Гос. универ-т, 2005. - 240 с.
102. Лапинский, Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Описание очевидца Теофила Лапинского (Теффик-бея) полковника и командира польского отряда в стране независимых горцев [Текст] / Т. Лапинский. – Нальчик: Эль-Фа, 1995. – 462 с.
103. Ларченко, С.Г. Межкультурные взаимодействия в историческом процессе [Текст] / С.Г. Ларченко, С.Н. Еремин. – Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1991. – 174 с.
104. Лебедева, М.М. Мировая политика [Текст] / М.М. Лебедева. – М.: Аспект Пресс, 2007. – 365 с.
105. Левашов, В.К. Устойчивое развитие общества: парадигма, модели, стратегии [Текст] / В.К. Левашов. – М.: Academia, 2001. – 174 с.
106. Левашов, В.К. Социополитическая динамика российского общества. 2000 – 2005 [Текст] / В.К. Левашов. – М.: Academia, 2007. – 514 с.
107. Ленин, В.И. Международный социалистический конгресс в Штутгарте [Текст] / В.И. Ленин//ПСС. – 5-е изд. - М.: Политиздат, 1973. - Т. 16. – С. 67-74.

108. Ленин, В.И. Письмо А.М. Коллонтай от 11.07.1915 г. [Текст] / В.И. Ленин//ПСС. - 5-е изд.- М.: Политиздат, 1970. - Т.49 – С. 94-95.
109. Ленин, В.И. Письмо к И. Арманд от 17.01.1915 г. [Текст] / В.И. Ленин // ППС. – 5-е изд.- М.: Политиздат, 1970. - Т. 49. – С. 51-52.
110. Ленин, В.И. Редакции «Нашего слова». Берн. 1915 г. [Текст] / В.И. Ленин//ПСС. – 5-е изд.- М.: Политиздат, 1970. - Т. 49. – С. 60-63.
111. Ленин, В.И. Задачи союзов молодежи: Речь на III Всенроссийском съезде Российского Коммунистического Союза молодежи 2 октября 1920 г. [Текст] / В.И. Ленин//ПСС. – 5-е изд. - М.: Политиздат, 1981. - Т. 41.- 298-318.
112. Ленинский учебный городок - коммунистическая кузница кадров Кабардино-Балкарии: сборник воспоминаний и документов [Текст] / Сост. Е.Т. Хакушев. - Нальчик, Эльбрус, 1964. – 132 с.
113. Мамбетов, Г.Х. Традиционная культура кабардинцев и балкарцев [Текст] / Г.Х. Мамбетов. - Нальчик: Эльбрус, 1994.- 253 с.
114. Мангейм, К. Идеология и утопия [Текст] / К. Мангейм//Диагноз нашего времени. – М.: Юристъ, 1995. – 700 с.
115. Маркс, К. Немецкая идеология [Текст] / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - Изд. 2. - Т.3. – 544 с.
116. Масаев, Ш.Я. Профсоюзы Кабардино-Балкарии в период борьбы за победу социализма в СССР (1920-1937 гг.) [Текст] /Ш.Я. Масаев. - Нальчик: Эльбрус. 1975.- 231 с.
117. Маркузе, Г. Одномерный человек [Текст] / Г. Маркузе. – М.: REFL –book, 1994. – 367 с.
118. Масионис, Дж. Социология [Текст] / Дж. Масионис. - 9-е издание. – СПб.: Питер, 2004. – 752 с.

119. Мафедзев, С.Х. Межпоколенческая трансмиссия традиционной культуры адыгов в XIX - начала XX вв. (этнографические исследования) [Текст] / С.Х. Мафедзев. – Нальчик: Эльбрус, 1991. – 255 с.
120. Медоуз, Д.Х. Пределы роста [Текст] / Д.Х. Медоуз, И. Рендерс, В. Беренс.- М.: МГУ, 1991.- 208 с.
121. Мельников, В.П. История социальной работы в России [Текст] / В.П. Мельников, Е.И. Холостова. - М.: «Дашков и К», 1998.- 334 с.
122. Мельникова, Т.А. Женское движение в России: традиции и инновации [Текст] / Т.А. Мельникова. – М.: Мысль, 2000. – 186 с.
123. Менеджмент социальной работы: Учебное пособие [Текст] / ред. Е.И. Комаров, Ю.А. Войтенко.- М.: Гуманит. изд. Центр «Владос». 1998.- 288 с.
124. Меретуков, М. А. Семья и брак у адыгских народов [Текст] / М.А. Меретуков. - Майкоп, Адыг. отделение Краснодар, книжн. издательства, 1987. - 368 с.
125. Миллет, К. Сексуальна политика [Текст] / К. Миллет. - Киев: ИНФО, 1998. – 207 с.
126. Миль, С. О подчинении женщин [Текст] / С. Миль. - СПб., 1882. – 290 с.
127. Михайлов, С.В. Социологические проблемы развитого социализма [Текст] /С.В. Михайлов. - М.: Мысль, 1985.- 441 с.
128. Моисеев, Н.Н. Человек. Среда. Общество. Проблемы формализованного описания [Текст] / Н.Н. Моисеев. – М., Политиздат, 1982.- 240 с.
129. Мостовая, И.В. Российское общество: социальная стратификация и мобильность [Текст] / И.В. Мостовая. – Ростов н/Д: Дон, 1995. – 134 с.

130. Нагоев, М.Б. Общественно-политическая мысль адыгов в первой половине XIX века: исследования и материалы [Текст] / М.Б. Нагоев. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. – 412 с.
131. Нарты: Адыгский героический эпос [Текст] / Составители тома: А.И. Алиева, А.М. Гадагатль, З.П. Карангуашев. - М., Главная редакция научной литературы. 1974. – 376 с.
132. Наулко, В.И. Развитие межэтнических связей на Украине (историко-этнографический очерк) [Текст] / В.И. Наулко. – Киев: «Наукова Думка», 1975.- 276 с.
133. Национальные проекты и реформы 2000-х годов: модернизация социальной политики [Текст] / под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой, М. Ворона. - М.: Вариант, ЦСПГИ, 2009. – 224 с.
134. Немирович-Данченко, В. Рыцарь гор [Текст] / В. Немирович-Данченко. - СПб., 1914. – 198 с.
135. Ницше, Ф. Воля к власти. Опыт переоценки ценностей [Текст] / Ф. Ницше/ пер. с нем. Е. Герцык и др. – М.: Культурная революция, 2005. – 880 с.
136. Овчарова, О.Г. Гендерная асимметрия и политика [Текст] / О.Г. Овчарова. – Саратов: Саратовская государственная академия права, 2007. – 279 с.
137. Осипов, Г.В. Социология и социализм [Текст] / Г.В. Осипов. – М.: Наука, 1990. – 339 с.
138. Осипов, Г. В. Теория и практика социологических исследований в СССР [Текст] / Г.В. Осипов. - М.: Наука, 1979. – 276 с.
139. Очерки истории Кабардино-Балкарской организации КПСС [Текст] - Нальчик: Эльбрус, 1971.- 395 с.
140. Партия в борьбе за восстановление народного хозяйства (1921-1925 гг.) [Текст] - М.: Политиздат, 1961.- 619 с.

141. Парсонс, Т. Система современных обществ [Текст] / Т. Парсонс. – М.: Наука, 1998. – 270 с.
142. Перевалова, Е.С. Женщины Северной Осетии в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. [Текст] / Е.С. Перевалова. – Владикавказ: Ир, 1992.- 151 с.
143. Плиева, О.И. Женщины Юго – Осетии [Текст] / О.И. Плиева. - Цхинвали: Рухс, 1956.- 189 с.
144. Полякова, Т.М. Менталитет полиэтничного общества (Опыт России) [Текст] / Т.М. Полякова/ред. М.Н. Губогло. - М.: Деловой мир, 1998. – 278 с.
145. Попер, К. Открытое общество и его враги в 2 т. [Текст] / К Попер. - М.: Феникс, 1992.- Т. 1. - 485 с. Т. 2. – 528 с.
146. Поршнева, Б.Ф. Социальная психология и история [Текст] / Б.Ф. Поршнева. – М.: Наука, 1979. – 235 с.
147. Постановления VII областного съезда КБАО [Текст] – Нальчик, 1929. – 221 с.
148. Попова, С.М. Измерения прогресса [Текст] / С.М. Попова, С.М. Шахрай, А.А. Яник. – М.: Наука, 2010.- 342 с.
149. Парето, В. Компендиум по общей социологии [Текст] / В. Парето. - М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. – 515 с.
150. Права женщин и институты гендерного равенства в регионах России [Текст] / Отв. ред. Н.М. Римашевская, О.А. Воронина, Е.А. Баллаева. – М.: МАКС Пресс, 2010. – 421 с.
151. Предпринимательство и женщины коренных малочисленных народов Севера через призму гендерного образования. (Школа предпринимательства) [Текст] / Отв. ред. Н.М. Шведова. - М.: ООО «Центр информационных технологий в природопользовании», 2007. – 258 с.

152. Примо, Н. Гендерные проблемы в информационном обществе [Текст] / Н. Примо. - СПб.: Российская национальная библиотека, 2004. – 102 с.
153. Психология и культура [Текст] / ред. Д. Мацумото. – СПб.: Питер, 2003. – 718 с.
154. Пушкарева, Н.Л. Женщина в русской семье: динамика социокультурных изменений (X-начала XIX вв.) [Текст] / Н.Л. Пушкарева. - М.: Мысль, 1997.- 232 с.
155. Пушкарева, Н.Л. Историческая феминология и гендерный подход в исторических исследованиях [Текст] / Н.Л. Пушкарева. - М.: Деловой мир, 2001.- 88 с.
156. Пушкарева, Н.Л. Частная жизнь русской женщины в доиндустриальной России: невеста, жена, любовница [Текст] / Н.Л. Пушкарева. - М.: Ладомир, 1997.- 386 с.
157. Разорвать круг молчания...О насилии в отношении женщин [Текст] / под ред. и предисл. Н.М. Римашевской. – М.: КомКнига, 2005. – 353 с.
158. Резолюции XIII съезда РКП(б) [Текст] // СССР в период восстановления народного хозяйства (1921-1925 гг.).- М.: Молодая гвардия, 1955.- 271 с.
159. Репина, Л.П. Женщины и мужчины в истории: Новая картина мира европейского прошлого [Текст] / Л.П. Репина. - М.: РОССПЭН, 2002. - 352 с.
160. Ржаницина, Л.С. Концепция женской занятости [Текст] / ВТК под руководством Л. С. Ржаницыной / Институт экономики РАН. М.: Институт экономики РАН, 1994. – 341 с.
161. Римашевская, Н. М. Женщины в обществе: реалии, проблемы, прогнозы [Текст] / Н.М. Римашевская. - М.: Наука, 1991. – 127 с.

162. Россия и Кавказ. История. Религия. Культура [Текст] – СПб.: Довлатовский фонд, 2003. – 192 с.
163. Российское общество и радикальные реформы: Мониторинг социальных и политических индикаторов [Текст] / Под общ. ред. Левашова В.К. – М.: Academia, 2001. – 234 с.
164. Россия: Социальная ситуация и межнациональные отношения в регионах [Текст] / Авт.: Иванов В.Н.; Ладодо И.В. и Семигин Г.Ю.; Академия социальных наук. — М.: Academia, 1996. — 294 с.
165. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии [Текст] / С. Рубинштейн. - СПб.: Питер, 2000. – 712 с.
166. Рыбаковский, Л.Л. Демографическое будущее России [Текст] / Л.Л. Рыбаковский. - М.: Права человека, 2000. – 51 с.
167. Рыбаковский, Л.Л. Стабилизация численности населения России (возможности и направления демографической политики) [Текст] / Л.Л. Рыбаковский – М.: Изд-во ЦСПИ, 2001. – 262 с.
168. Рыбаковский, Л.Л. Стратегия демографического развития России [Текст] / Л.Л. Рыбаковский. - М.: Стратегия, 2005. – 154 с.
169. Рыбаковский, Л.Л. Демографическое развитие России в XXI веке [Текст] / Л.Л. Рыбаковский. - М.: Наука, 2009. – 231 с.
170. Рябов, О.В. Матушка-Русь: Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии [Текст] / О.В. Рябов. – М.: Ладомир, 2001. – 202 с.
171. Рябова, Т.Б. Пол власти: гендерные стереотипы в российской политике [Текст] / Т.Б. Рябова. – Иваново, Иван. гос. ун.-т, 2008. – 246 с.
172. Сабанчиев, Х.М. Были сосланы навечно. Депортация и реабилитация балкарского народа [Текст] / Х.М. Сабанчиев. – Нальчик: Эль-фа, 2004. – 234 с.

173. Сабанчива , Л.Х. Гендерный аспект обычного права кабардинцев (вторая половина XVI - 60-е годы XIX века) [Текст] / Л.Х. Сабанчивеа. - Нальчик, 2002. - 80 с.
174. Сабанчиева, Л.Х. Гендерный фактор традиционной культуры (вторая половина XVI - 60-е годы XIX века) [Текст] /Л.Х. Сабанчива. - Нальчик: Эль-Фа, 2005. - 245с.
175. Сажина, Л.В. Гендерные и сексокультурные практики: коммуникативно-диалогический аспект [Текст] / Л.В. Сажина. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ ПИ, 2007.– 158 с.
176. Северный Кавказ в национальной стратегии России [Текст] /под ред. В.А. Тишкова. – М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2008. – 264 с.
177. Семенов, Е.И. Женщины в Великой Отечественной войне [Текст] / Е.И. Семенов. - М.: Молодая гвардия, 1967.- 238 с.
178. Силласте, Г.Г. Гендерная социология и российская реальность [Текст] / Г.Г. Силласте. – М.: «Альфа-М», 2012. – 285 с.
179. Словарь гендерных терминов [Текст] / Под. ред. А.А. Денисовой. - М.: Информация – XXI век, 2002. – 78 с.
180. Смирнова, Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа [Текст] / Я.С. Смирнова. – М.: Наука, 1983.- 265 с.
181. Социология: Энциклопедия [Текст] / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко и др. – Мн.: Книжный Дом, 2003. – 1312 с.
182. Сперлинг, В. Женское движение в современной России. Гендерный взгляд на переходный период [Текст] / В. Сперлинг. - Объединенное Королевство: Кэмбридж Юниверсити Пресс, 1999. -303 с.
183. Сюллеро, Э. История и социология женского труда [Текст] / Э. Сюллеро. - М.: Прогресс, 1973.- 291 с.

184. Тарасова, М.В. Гендерные стереотипы на рынке труда на рубеже веков: социологический анализ [Текст] / М.В. Тарасова. – Ростов н/Д: ВНИИЭИН, 2008. – 194 с.
185. Тартаковская, И. Н. Гендерная социология [Текст] / И.Н. Тартаковская. – М.: ООО «Вариант» при участии ООО «Невский простор», 2005. – 368 с.
186. Текуева, М.А. Мужчина и женщина в адыгской культуре: традиции и современность [Текст] / М.А. Текуева. – Нальчик, Эльбрус, 2006. - 284 с.
187. Тенденции социокультурного развития России. 1960-1990 гг. [Текст] – М.: Российский институт культурологии МК РФ и РАН, 1996. – 520 с.
188. Теория и методология социальной работы: Учебное пособие [Текст] / Под ред. С. И. Григорьева.- М.: Наука, 1994.- 185 с.
189. Тишков, В.А. Очерки теории и политики этничности в России [Текст] / В.А. Тишков. – М.: «Русский мир», 1997. – 532 с.
190. Тойнби, А. Дж. Цивилизация перед судом истории [Текст] / А. Дж. Тойнби.– М.: Айрис Пресс, 2003. – 589 с.
191. Токарев, С.А. Ранние формы религии [Текст] / С.А. Токарев. – М.: Политиздат, 1990. – 622 с.
192. Феминизм. Проза, мемуары, письма [Текст] - М.: Ракстниекс, 1992.- 480 с.
193. Фирсов, М.В. Введение в теоретические основы социальной работы [Текст] / М.В. Фирсов. - Москва: Институт практической психологии; Воронеж: Модэк, 1997. – 192 с
194. Фоули, Р. Еще один неповторимый вид. Экологические аспекты эволюции человека [Текст] / Р. Фоули. - М.: Мир, 1990. - 367 с.
195. Фромм, Э. Психоанализ и этика [Текст] / Э. Фромм. - М.: Республика, 1993. – 415 с.

196. Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: Работы разных лет [Текст] / М. Фуко. – М.: Касталь, 1996. – 448 с.
197. Хабермас, Ю. Вовлечение другого: Очерки политической теории [Текст] / Пер. с нем. Ю. С. Медведева; под ред. Д. А. Скляднева. — М.: Наука, 2001. — 417 с.
198. Хабермас, Ю. Демократия. Разум. Нравственность [Текст] / Ю. Хабермас. – М.: Наука, 1992. – 176 с.
199. Хабермас, Ю. Диалектика секуляризации. О разуме и религии [Текст] / Ю. Хабермас. – М.: Библейско-Богословский институт св. Апостола Андрея, 2006. - 112 с.
200. Хайек, Ф.А. Пагубная самонадеянность/Ф.А. Хайек. - М.: «Новости», 1992.- 304 с.
201. Хан-Гирей. Черкесские предания [Текст] / Хан-Гирей. - Нальчик: Эльбрус, 1989. – 85 с.
202. Хантингтон, С. Политический порядок в меняющихся обществах [Текст] / С. Хантингтон. - М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 480 с.
203. Харрисон, Дж. Биология человека [Текст] / Дж. Харрисон, Дж. Уайнер, Дж. Тэнер, Н. Барникот, В. Рейнолдс. - М.: Мир, 1979. – 613 с.
204. Хасбулатова, О. А. Опыт и традиции женского движения в России (1860-1917) [Текст] / О.А. Хасбулатова. - Иваново: Иван.гос.ун-т, 1994. – 136 с.
205. Холостова, Е.Н. Генезис социальной работы в России [Текст] / Е.Н. Холостова – М.: «Дашков и К», 2012.- 232 с.
206. Хорн, К. Женская психология [Текст] / К. Хорн. - СПб.: НЕВА, 1993. - 231 с.

207. Хутуев, Х.И. Становление и развитие социалистической культуры Кабардино-Балкарии [Текст] / Х.И. Хутуев. – Нальчик: Эльбрус, 1984.- 452 с.
208. Череватенко, В.И. Трансформация гендерных стереотипов в чеченском обществе в период вооруженного конфликта [Текст] / В.И. Череватенко. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2007 - 33 с.
209. Цуладзе, А. Политическая мифология [Текст] / А. Цуладзе. – М.: Эксмо, 2003. – 384 с.
210. Цуциев, А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774-2004) [Текст] / А. Цуциев. - М.: Европа, 2006. – 128 с.
211. Шаожева, Н.А. Эволюционные формы женской социально-политической активности в Кабардино-Балкарии [Текст] / Н.А. Шаожева. – Нальчик: КБНЦ РАН, 2010. – 119 с.
212. Шаожева, Н.А. Гендерные процессы в этнополитическом и социокультурном пространстве Северного Кавказа [Текст] / Н.А.Шаожева. Нальчик: КБНЦ РАН, 2011. – 255 с.
213. Шаожева, Н.А. Трансформация гендерных стереотипов в 90-х гг. XX – начала XXI вв.: Социально-экономический и правовой контекст [Текст] / Н.А. Шаожева. Нальчик: КБНЦ РАН, 2012. – 130 с.
214. Шведова, Н.А. Просто о сложном: гендерное просвещение [Электронный ресурс] / Н.А.Шведова. - Режим доступа: <http://www.owl.ru/win/books/easygender/shved.htm>.
215. Шинелева, Л.Т. Женщина и общество [Текст] / Л.Т. Шинелева. - М.: Политиздат, 1990.-175 с.
216. Шпенглер, О. Закат Европы. Образ и действительность. Т. 1. Очерки мифологии мировой истории. Т. 2 [Текст] / О. Шпенглер//Пер. с нем. под ред. А. А. Франковского. – Новосибирск: ВО "Наука"Сибирская издательская фирма. – 1993. – 592 с.

217. Элиаде, М. История веры и религиозных идей. В трех томах [Текст] / М. Элиаде/Пер. с фр. - М.: Критерион, 2002. - Т. I – 464 с. Т. II – 512 с. Т. III – 352 с.

218. Энгельс, Ф. Положение рабочего класса в Англии. Сочинения: в 39 томах [Текст] // К. Маркс и Ф. Энгельс. - М.: Политиздат, 1955. Т.2. – С. 231-517.

219. Энгельс, Ф. Положение рабочего класса в Англии. Сочинения: 2-й изд.; в 39 томах [Текст] // К. Маркс и Ф. Энгельс. - М.: Политиздат, 1978. - Т.2. – С. 523 с.

220. Энгельс, Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Сочинения; 2-ое изд.; в 39 томах [Текст] / Маркс К., Энгельс Ф.– М.: Политиздат, 1978. Т.21. – 531 с.

221. Юнг, К. О психологии восточных религий и философий [Текст] / Составитель В. Бакусев. - М.: Медиум, 1994. - 129 с.

Литература на иностранных языках

1. Foucault M. The History of Sexuality: Volume I. An Introduction [Text] / M. Foucault. - New York: Vintage Books, 1990. - P. 301.

2. Gubbels, R. Le Travail au Feminin [Text] / Robert Gubbels. - Bruxelles, 1967 - 321 p.

3. Parsons T. Social Structure and the Development of Personality: Freuds Contribution to the Integration of Psychology and Sociology [Text] / T. Parsons // Social Structure and Personality. - N. Y: The Free Press, 1964. - P. 342.

Статьи из научных журналов и сборников, газетные статьи

1. Абаев, И.М. Очерки кустарных промыслов Балкарии [Текст] / И.М. Абаев Карачаево-Балкарские деятели культуры конца XIX-начала XX вв. В 2-х томах / сост. Т.Ш. Биттирова. - Нальчик.: Эльбрус, 1993. – Т. 1 - 520 с.
2. Абубикирова, Н. «Ниже пола не упасть», или что такое гендер [Текст] / Н. Абубикирова//От первородного греха к высоким технологиям. Своевременные мысли на женские темы. – СПб: «Бояныч», 1996. – С. 8-19.
3. Агеев, В.С. Психологические и социальные функции полоролевых стереотипов [Текст] / В.С. Агеев//Вопросы психологии. -1987. - № 2. – С. 95-101.
4. Айвазова, С.Г. Женское движение России: опыт типологического анализа [Текст] / С.Г. Айвазова//Мужчина и женщина в современном мире: меняющиеся роли и образы. – М.: Правда, 1999. - Т. 1. - С. 143-156.
5. Айвазова, С.Г. Женское движение в России: традиции и современность [Текст] / С.Г. Айвазова //Общественные науки и современность. - 1995. - № 2. - С. 121-130.
6. Айвазова, С.Г. Идеиные истоки женского движения в России [Текст] / С.Г. Айвазова//Общественные науки и современность. - 1991. - № 4. С. 125-133.
7. Айвазова, С. Г. «Игра в гендер» на поле российской политики: возможности институциональных изменений [Текст] // С.Г. Айвазова/Россия реформирующаяся. Ежегодник/Отв. ред. М.К. Горшков. - Вып.6. - М.: Институт социологии РАН, 2007. - С. 319-331.
8. Аккиева, С.И. Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии [Текст] / С.И. Аккиева//Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – М.: РАН, 2004. – 235 с.

9. Артемов, В.А. Изменения условий и образа жизни в Сибири (1972–1993) [Текст] / В.А.Артемонов//Социологические исследования. - 1995. - № 1. - С. 73–83.
10. Ахметова, Г.Ф. Башкирская женщина в условиях современного города [Текст] / Г.Ф. Ахметова//Гендерные проблемы в этнографии. - М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1998.- С. 46-59.
11. Барчунова, Т. А. Эксклюзия и инклюзия сообщества гендерных исследователей [Текст] / Т.А. Барчунова// Преодоление. - Новосибирск: Сиб-ново-центр, 2000. – 216-226 с.
12. Бежан-Волк, Ю. Особенности сельских гендерных моделей (На материалах Республики Молдова) [Текст] / Ю. Бежан-Волк//Социологические исследования. - 2003.- № 8. - С. 126 - 130.
13. Белова, Т.Е. Американка конца 80-х [Текст] / Т.Е. Белова//США.-1989.- №3.- С.37- 42.
14. Беридзе, И.Б. Вести из Осетии [Текст] / И.Б. Беридзе //Кавказ. - 1855. - № 17//Цит по сб.: Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. - Цхинвал, Иристон, 1991. – 231 с.
15. Биттирова, Т.Ш. Судьба Фатимы Абаевой [Текст] / Т.Ш. Биттирова// Минги Тау.- 1990. - № 2.- С.11 - 15.
16. Бороденко, М. Феномен гетерогенности пола [Текст] / М. А. Бороденко, М.В. Колесникова, В.А. Петровский//Мир психологии. - 2001. - №4. - С. 179-190.
17. Брандт, Г. Человек на обочине, или «место» женщины в истории европейской философии [Текст] / Г. Брандт//Адам и Ева. Альманах гендерной истории.- М.: ИВИ РАН, 2002. - № 4. – С. 7-33.
18. Бувиник, М. Содействие гендерному равенству [Текст] / М. Бувиник// Международный журнал социальных наук. – 2000. - № 29. – С. 169-177.

19. Булок Ф.Р. Материнство как метафора сплошной коллективизации [Текст] / Ф.Р. Булок//Женщина. Гендер. Культура. – М.: ИСЭПН, 1992.- С. 312 - 320.
20. Бутовская, М.А. Мужчина и женщина современной Калмыкии: традиционные гендерные стереотипы и реальность [Текст] / М.А. Бутовская, Э.Б. Гучинова//Гендерные проблемы в этнографии. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1998. – С. 60-76.
21. Бутовская, М. А. Выбор постоянного полового партнера в среде современного московского студенчества: эволюционный анализ [Текст] / М.А. Бутовская, О.В. Смирнов //Этнографическое обозрение. - 2003. - № 1. - С. 124-146.
22. Вигманн, Г. Таджикские женщины и социальные изменения: взгляд с западной стороны [Текст] / Г. Вигманн//Гендер: традиции и современность. Сборник статей по гендерным исследованиям/ ред. С.Р. Касимова.- Душанбе, 2005. – С. 162-176.
23. Волкова, Э. В. Природные и культурные факторы формирования гендерных различий [Текст] / Э. В. Волкова//Семья, гендер, культура. – М.: РГГУ, 1997. – С. 250-256.
24. Воронина, О. Введение в гендерные исследования [Текст] / О. Воронина//Материалы I Российской летней школы по женским и гендерным исследованиям «Валдай-96». - М.: МЦГИ, 1997. – С. 29-34.
25. Воронина, О. А. Категории пол/гендер в философии феминизма [Текст] / О. Воронина//Философские исследования. – 1995. - № 4. – С. 80-98.
26. Галямов, Р.Р. Политические элиты российских республик: особенности трансформации в постсоветский период [Текст] / Р.Р. Галямов//Политические исследования. - 1998. - № 2. – 56-71.

27. Гельман, В.Я. Постсоветские политические трансформации. Наброски к теории [Текст] / В.Я. Гельман//Политические исследования. – __Тсs1 2001. - № 1. - С. 15-29.
28. Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период [Текст] / под ред. Здравомысловой Е., Тёмкиной А. //Сб. научных статей. - СПб.: ЦНСИ, 1996. - Вып. 4. - 96 с.
29. Дарендорф, Р. Элементы теории социального конфликта [Текст] / Р. Дарендорф//Социологические исследования. - 1994. - № 5. - С. 142-147.
30. Делокаров, К. Женщина и ценности западноевропейской индустриальной цивилизации [Текст] / К. Делокаров//Общественные науки и современность. – 2000. - № 4. – С. 24-35.
31. Дробижева, Л.М. Психологические аспекты национальных отношений [Текст] / Л.М. Дробижева//Социальное и национальное. - М.: Наука, 1973. – 289 с.
32. Дробижева Л. М. Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость [Текст] // Л.М. Дробижева/ Россия реформирующаяся/Под редакцией Л. М. Дробижевой. – М.: Academia, 2002. - С. 213—244.
33. Елкин, И.О. О работе женщин в парторганизациях [Текст] / И.О. Елкин//Революция и горец. - 1933. - № 2.
34. Ершова, Е.Н. Женщина в современной Америке [Текст] / Е.Н. Ершова //США. - 1979. - №3. - С. 32-41.
35. Жаров, Л.В. «Третий» пол? [Текст] / Л.В. Жаров// Человек. - 2005. - №3. - С. 130 -136.
36. Жеребкина, И. Подчиниться или погибнуть: парадоксы женской субъективации в русской культуре конца XIX века [Текст] / И. Жеребкина//Общественные науки и современность. - 2002. - №. 3. - С.164 - 171 .

37. Жибайтис, Р. Нравственная культура: общение и личность [Текст] / Р. Жибайтис//Нравственность и общение. – Каунас: Issa, 1989. – 250 с.
38. Журженко, Т. Анализ положения женщин в переходной экономике: в поисках феминистской эпистемологии [Текст] / Т. Журженко//Женщина. Гендер. Культура. – М.: ИСЭПН РАН, 1999. – С.181-173.
39. Здравомыслова-Стоюнина, Я. Общество сквозь призму гендерных представлений [Текст] / Я. Здравомыслова-Стоюнина//Женщина. Гендер. Культура. – М.: ИСЭПН РАН, 1999. – С. 184-193.
40. Здравомыслова, Е. А. Социальное конструирование гендера [Текст] / Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина//Социологический журнал. - 1998. - №3/4. - С. 171-182.
41. Здравомыслова, Е. А. Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии [Текст] / Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина// Социологические исследования. – 2000. - №11. – С. 15 - 23.
42. Здравомыслова, Е.А. Институционализация гендерных исследований в России [Текст] / Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина // Гендерный калейдоскоп. - М., 2002. – С.118-131.
43. Игнатенко, А. А. Эпистемология исламского радикализма [Текст] / А. Игнатенко//Религия и глобализация на пространствах Евразии. – М.: Прогресс, 2005. – С. 273 -288.
44. Ислам и политика: взаимодействие ислама и политики в странах Ближнего Востока, на Кавказе и в Центральной Азии [Текст] //Сб. статей. – М.: Эксмо, 2001. – 354 с.
45. Каменчук, О.Н. Благотворительная и меценатская деятельность россиянок конца XIX-начала XX вв. [Текст] / О.Н. Каменчук// Женщина. Гендер. Культура.- М.: ИСЭПН РАН, 1999.- С. 261 - 269.
46. Кабардино-Балкарская Правда. - 15, 17, 24 октября. - 2005 года.

47. Караханова, Т. М. Ценностные ориентации работающих женщин и использование времени [Текст] / Т. Караханова//Социологические исследования. - 2003. - № 3. - С. 74-81.
48. Карачаево-Балкарские деятели культуры конца XIX-начала XX вв. В 2-х томах [Текст] / сост. Т.Ш. Биттирова. - Нальчик.: Эльбрус, 1993. – Т. 1 - 520 с.
49. Каргинов, С. Война и осетинки [Текст] / С. Каргинов // Кавказское слово. – 1914. - №38. Цит. по сб.: Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. - Цхинвали: Иристон, 1982. – Кн. 2. – 372 с.
50. Карпов, Ю.Ю. Женский лик Кавказа [Текст] / Ю.Ю. Карпов//Россия и Кавказ (история, религия, культура).- СПб.: Довлатовский фонд, 2003. – С. 64-84.
51. Кисриев, Э. Ф. Ислам и социальные конфликты на Северном Кавказе [Текст] / Э. Ф. Кисриев // Религия и конфликт/ Под ред.: А. Малашенко и С. Филатова. - М.: Росспэн, 2007. – 560 с.
52. Ковалева, Т.Э. Женщины: ресурсы политического поведения [Текст] / Т.Э. Ковалева, Н.В. Иванчук//Социологические исследования. - 1995. - №7. - С. 68-77.
53. Колосов, В.А. Тенденции постсоветского развития массового сознания и политическая культура Юга России [Текст] / В.А. Колосов, А.Д. Криндач – Полис. - 1994. - №6. - С. 120-133.
54. Кон, И. Этнография и проблемы пола [Текст] / И. Кон//Советская этнография. – 1983. - № 3. - С. 25-34.
55. Котовская, М.Г. Мужские и женские модели поведения в традиционном обществе [Текст] / М.Г. Котовская//Гендерные проблемы в этнографии. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1998. – С. 94-108.
56. Красная Кабарда. – 1923. - 4 июля.

57. Культурное строительство в Кабардино-Балкарии в прошлом и теперь [Текст] //Революция и горец. – 1931. - № 9.
58. Магомедова, М.З. Исламский образ жизни в сложном этноконфессиональном обществе [Текст] / М.З. Магомедова//Этнополитические исследования на Северном Кавказе: состояние, проблемы, перспективы. – Махачкала: Региональный центр этнополитических исследований Дагестанского научного центра РАН, 2005. – С. 358-361.
59. Малышева, М.М. Занятость женщин в общественном и общественном производстве: опыт анализа национально-территориальных различий [Текст] / М.М. Малышева// Социальные исследования. – 1983. - №1. - С. 118-124.
60. Мамсиров, Х.Б. Деятельность культурно-просветительных учреждений в Кабардино-Балкарии в годы первой пятилетки [Текст] / Х.Б. Мамсиров, М.З. Соблиров//Из истории развития культуры социалистической Кабардино-Балкарии.- Нальчик: Эльбрус, 1981.- 157 с.
61. Маремшаова, И.И. Штрихи к портрету северокавказской женщины [Текст] / И.И. Маремшаова/Центральная Азия и Кавказ. – 2003. - № 1. – 111-129.
62. Мафедзев, С.Х. Статус женщины в системе адыгэ хабзэ [Текст] / С.Х. Мафедзев// Эльбрус. – 1999. - № 2 (11). - С. 197- 225.
63. Мележик, И. Н. Понятие, происхождение и природа государства в политическом учении Т. Гоббса [Текст] / И.Н. Мележик//Актуальные проблемы истории политических и правовых учений. — М.: Мысль 1990. — С. 104—122.
64. Михельс, Р. Демократическая аристократия и аристократическая демократия (первая глава «К социологии...») [Текст] / Р. Михельс// Социологические исследования. 2000. № 1. - С. 107-113.

65. Моска, Г. Правящий класс [Текст] / Г. Моска//Социологические исследования. 1994. № 10. - С. 187— 198.
66. Мукожев, А.Х. Внутриконфессиональный конфликт и проблемы исламского радикализма в современной Кабардино-Балкарии [Текст] / А.Х. Мукожев//Исторический вестник: VIII выпуск. – Нальчик: Институт гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН, 2009. – С. 303-321.
67. Мустакимов, И. А. Еще раз к вопросу о предках «Мамая-царя» [Текст] / И. А. Мустакимов//Тюркологический сборник 2007-2008. - М.: Восточная литература, 2009. – 273 с.
68. Нечаева, Н. Патриархальная и феминистская картина мира: анализ структуры массового сознания [Текст] / Н. Нечаева//Гендерные тетради. Вып. 1.– СПб.: СПб филиал СИ РАН, 1997. с. 17 –44.
69. Новикова, И.И. T/RUS не играет в хоккей, или Как сжечь флаг, когда кончились памятники? [Текст] / И.И. Новикова//О муже(N)ственности. М.: Мысль, 2002. – С. 123-156.
70. Оллпорт Г. Природа предубеждения [Текст] / Г. Оллпорт//Век толерантности. - 2003. - № 5. - С.34- 53.
71. Перепелкин, Л.С. Опыт сравнительного изучения этнокультурных стереотипов трудового поведения [Текст] / Л.С. Перепелкин, О.И. Шкаратан //НТР и национальные процессы.- М.: Наука, 1987.- 440 с.
72. Поляков, Л. Женская эмансипация и теология пола в России XIX в. [Текст] / Л. Поляков//Феминизм. Восток. Запад. Россия. - М.: Наука, Издательская фирма "Восточная литература", 1993. – С. 157-175.
73. Поляков, С. С. Социально-экономическая ситуация в Северокавказском регионе [Текст] / С. С. Поляков, В. И. Бушков//Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – М.: Прогресс, 1997. – С. 6-8.

74. Потто, А. Кавказско-горское ополчение в 1812 году [Текст] / А. Потто//Кавказская война. - В 5-ти т. – Краснодар: Изд. Д. Екатеринодар. 1993. – Т. 1. – 563 с.
75. Прасолов, Д.Н. Исламский фундаментализм и проблема смены религиозной идентичности[Текст] / Д.Н. Прасолов//Исторический вестник: VII выпуск. – Нальчик: Издательство М.В. Котляровых, 2008. – С. 230-256.
76. Пупар, П. Роль христианства в культурной идентичности европейских народов [Текст] / П. Пупар//Политические исследования. - 1996. - № 2. - С. 136-143.
77. Пчелинцева, Н.Д. Дифференциация материнских и отцовских ролей в семье народов Кавказа: традиции и современность [Текст] / Н.Д. Пчелинцева, Л.Т. Соловьева//Женщины и свобода: пути выбора в мире традиций и перемен. – М.: Наука. 1994. – С. 185 – 198.
78. Ремизова, М. С. Вагинетика, или женские стратегии в получении грантов [Текст] / М. С. Ремизова//Новый Мир. – 2002. - №4. – С.35-43.
79. Римашевская, Н.М. Гендерные стереотипы и логика социальных отношений [Текст] / Отв. ред. И.Б. Назарова, Е.В. Лобза//Гендерные стереотипы с современной России/ – М.: Наука, 2007. – 306 с.
80. Розов, Н.С. Национальная идея как императив разума [Текст] / Н.С. Розов//Вопросы философии. - 1997. - №10. – 13-28.
81. Рябова, Т.Б. Стереотипы и стереотипизация как проблема гендерных исследований [Текст] / Т.Б. Рябова//Личность. Культура. Общество. – М., Т.5. Вып. 1-2 (15-16): ИФВЭ, 2003. – С 120-139.
82. Савченко, П.К. Проблемы разработки социальной стратегии в России [Текст] / П.К. Савченко, М.Ф. Федорова//Проблемы теории и практики управления. – 1994. - № 4. – С. 114-132.

83. Салагаев, А.Л. Насилие в молодежных группировках как способ конструирования маскулинности [Текст] / А.Л. Салагаев, А.В. Шишкин//Журнал социологии и социальной антропологии. – Т. V. - №1. - 2002. – С. 151-160.
84. Самохвалова, В.И. Маскульт и маленький человек [Текст] / В.И. Самохвалова//Философские науки. – 2001. - № 1. - С.55-66.
85. Силласте, Г.Г. Социогендерные отношения в период социальной трансформации России [Текст] / Г.Г. Силласте//Социологические исследования. -1994. -№3.- С. 25-32.
86. Силласте, Г.Г. Эволюция социальных позиций женщин в меняющемся российском обществе [Текст] / Г.Г. Силласте//Социологические исследования. 1995. - №4. — С. 58-65.
87. Силласте, Г. Г. Гендерная социология как частная социологическая теория [Текст] / Г.Г Силласте//Социологические исследования. – 2000. - №11. - С. 5-15.
88. Смирнова, Я.С. Трудовые роли и статусы женщины в традиционных обществах народов Кавказа [Текст] / Я.С. Смирнова//Этнографическое обозрение. – 1997. - № 4 – С. 48-60.
89. Соколовский, С.В. Этничность как память: Парадигма этнологического знания [Текст] / С.В. Соколовский// Этнокогнитология. Вып.1. Подходы к изучению этнической идентичности. - М.: Прогресс, 1994. – С. 9-36.
90. Суковатая, В. Феминистская теология и гендерные исследования в религии: перспективы новой духовности [Текст] / В. Суковатая//Общественные науки и современность. - 2002.- № 4. - С. 183-192.
91. Темкина, А. А. Советские гендерных контракты и их трансформация в современной России [Текст] / А. А. Темкина, А. П. Ротрих//Социологические исследования. - 2002. - №11. - С. 7-15.

92. Уолстонкрафт, М. В защиту прав женщин [Текст] / М. Уолстонкрафт// Феминизм: Проза, мемуары, письма.- М.: Ракстниекс, 1992. - 197 с.
93. Ушакин, С. Поле пола: в центре и по краям [Текст] / С. Ушакин//Вопросы философии. - 1999. - № 5. - С. 71-74.
94. Хасбулатова, О. А. Эволюция российской государственной политики в отношении женщин: обзор исторического опыта дореволюционного периода [Текст] / О.А. Хасбулатова/Гендерная реконструкция политических систем/Редакторы-составители сборника: Степанова Н.М., д.и.н., Кириченко М.М., к.с.н., Кочкина Е.В. -СПб.: ИСПГ-Алетейя, 2004. - С. 329-355.
95. Черных, А. «Крылатый Эрос» и промфинплан [Текст] / А. Черных//Социологические исследования. - 1993. - № 8. - С. 105-113.
96. Чеснов, Я.В. Женщина и этика жизни в менталитете чеченцев [Текст] / Я.В. Чеснов//Этнографическое обозрение. – 1994. - № 5. – С. 32-48.
97. Чупров, В.И. Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления [Текст] / В.И. Чупров, Ю.А. Зубок//Социологические исследования. - 2008.- № 5. С. 34-51.
98. Чурланова, П.К. К вопросу об исследовании этноконфессиональных проблем в Дагестане [Текст] / П.К. Чурланова//Этнополитические исследования: состояние, проблемы, перспективы. – Махачкала: Региональный центр этнополитических исследований Дагестанского научного центра РАН, 2005. – С. 161 -168.
99. Шабурова, О. В. Мужик не суетится, или пиво с характером [Текст] / О.В. Шабурова//О муже(Н)ственности/Сост А. Ушакин. – М.: НЛЮ, 2002. – С. 23-78.

100. Шелохаев, В. В. Русский либерализм как историографическая и историософская проблема [Текст] / В.В. Шелохаев// Вопросы истории. – 1998. - №4. - С. 26-40.

101. Шведова, Н.А. Гендерное равенство в России в XXI веке в контексте международных обязательств: прогресс или упущенные возможности [Текст] / Н.А. Шведова // Женщина в российском обществе. Российский научный журнал. 2011. - № 3. – С. 54-72.

102. Шведова, Н.А. Партнерство женщин и мужчин - основа безопасности в национальном доме и в мире [Текст] / Н.А. Шведова/В сборнике «Переходный период: гражданское общество и вопросы построения демократии». Ассоциация женщин с университетским образованием, Ереван: Асогик, 2006. – 342 с.

103. Шведова, Н.А. Политические аспекты необходимости гендерной стратегии в России [Электронный ресурс] / Н.А. Шведова// В сборнике "Интеграция гендерного подхода в социальную политику региона". - ЖОО "ФЕМИНА", Набережные Челны, 2006. – Режим доступа: <http://ig.femin.ru/ig001.htm>.

104. Шведова, Н.А. Экономическое и политическое положение американских женщин [Текст] / Н.А. Шведова//США и Канада: экономика, политика, культура. - 2007.- № 11. – С. 43-56.

105. Шведова, Н.А. Столетний юбилей проблем. Почему в России так медленно идет процесс достижения гендерного равенства? [Электронный ресурс] / Н.А. Шведова // ["Гражданский диалог"](#). – 2009. - №2(6). – Режим доступа: <http://www.inpgo.ru/magazins/509/>.

106. Шмитт, К. Понятие политического [Текст] / К. Шмитт//Вопросы социологии. – 1992. - № 1. - С. 37-67.

107. Шмиттер, Ф. Неокорпоративизм [Текст] / Ф. Шмиттер// Политические исследования. - 1997. - №2. - С. 14—22.

108. Юрлова, Е. Женщина в индийской семье [Текст] / Е. Юрлова//Этнографическое обозрение. - 1999. - № 1. - С. 101 - 112.

109. Ярская-Смирнова, Е. Р. Советская социальная политика и повседневность, 1940 – 1980-е [Текст] / Е. Р. Ярская-Смирнова, П. А. Романов, Н. В. Лебина//Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940 – 1985 гг.- М.: Наука, 2007. – 124-167.

110. Ярышкин, В. Ноосферное общество и личность [Текст] / В. Ярышкин//Социально-политический журнал. - 1997. - № 1. - С. 223 - 230.

Материалы конференций

1. Антонов, А. Социология и общество [Текст] / А. Антонов // Общество и социология: новые реалии и новые идеи: тезисы I всероссийского конгресса - СПб.: Скифия, 2000. – 265 с.

2. Воронина, О. Введение в гендерные исследования [Текст] / О. Воронина//Материалы Первой Российской летней школы по женским и гендерным исследованиям «Валдай-96». М.: МЦГИ. 1997.- С. 31-34.

3. Гурко, Т.А. Семья и родительство в России на фоне постиндустриальных обществ [Текст] / Гурко Т.А.//Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие [Электронный ресурс]: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ. — М.: РОС, 2012.

4. Лазарев, Ф. В. Методология конструктивизма [Текст] / Ф.В. Лазарев//Разум в постнеклассическую эпоху: антропологические перспективы: Материалы Международного симпозиума. ТНУ им. В. И. Вернадского. Симферополь 21 – 24 мая, 2003. – Симферополь: Изд. ТНУ им. В. И. Вернадского, 2003. - С. 36-40.

5. Лебедев, С.А. Методологический кластер классической, неклассической и постнеклассической (постмодернистской) науки/С.А. Лебедев Материалы Международного симпозиума. ТНУ им. В. И. Вернадского. Симферополь 21 – 24 мая, 2003. – Симферополь: Изд. ТНУ им. В. И. Вернадского, 2003. – С. 42-46.

6. Тамазов, М.С. Либеральная российская модернизация второй половины XIX века на Северном Кавказе и кризис кавказской идентичности [Текст] / М.С. Тамазов//Актуальные проблемы гуманитарных наук: Материалы VII Международной научно-практической конференции.- М.: Бизнес – Наука- Общество, 2008. - Часть II. - С. 247 - 253.

7. Шведова, Н. А. Выборы 1995: женщины в политике России [Текст] / Н.А. Шведова, Е.В. Израелян//Доклад. Сравнительный анализ итогов выборов в Государственную Думу с представительством женщин в высших законодательных органах США и Канады). - М.: Изд-во ИСКРАН, 1997.

8. Шведова, Н.А. Политическое представительство женщин [Текст] / Н.А. Шведова//Юбилейные чтения. Женское движение в контексте российской истории. Материалы конференции. Москва. 9-10 декабря 1998 года. М.: ИСКРАН, 1999. – 276 с.

9. Шведова, Н.А. Женское движение в России: проблемы современного этапа [Текст] / Н.А. Шведова//Женское движение в России: вчера, сегодня, завтра//Материалы конференции/отв. ред. Г.М. Михалева – Москва, 26 февраля 2010 г. - М.: РОДП «Яблоко», «КМК», 2010. – С. 35-49.

10. Шведова, Н.А. Слабые и сильные стороны женского движения в современной России [Электронный ресурс] / Н.А. Шведова//Проект: Женские голоса, женский выбор – 100-летие Международному женскому дню. - Март, 2011. – Режим доступа: <http://www.gwi-boell.de/web/democracy-100-years-womens-day-shvedova-movement-3111.html>.

11. Юрьев, А.И. Опыт политической психологии в России: теория, методы, результаты [Текст] / А.И. Юрьев//Материалы международной научной конференции, посвященной 20-тилетию кафедры политической психологии СПбГУ, Санкт-Петербург, 23-24 октября 2009 г. / Под научной редакцией А.И. Юрьева. - СПб.: Издательство Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2009. - 452 с.

Приложение № 2

Индекс диссертации ИГО – 2015

Отчет

по результатам анкетирования на тему:

**«Политизация гендерных отношений в процессе преобразования
российского общества
(на материале Северного Кавказа)»**Цель и задачи исследования.

Настоящее исследование обусловлено слабой обеспеченностью изучаемого предмета статистической и документальной информацией.

В результате сбора социологических данных осуществлен перевод теоретического уровня исследования проблемы на уровень эмпирического описания и анализа.

Проведенные конкретные социологические исследования имеют практическую направленность (эмпирический характер) и подчинены сформулированным в диссертации научным целям и задачам.

Письменные опросы и устные интервью проводились по месту работы и месту жительства респондентов:

- городском округе Нальчик;
- в административных и муниципальных округах Кабардино-Балкарской Республики;
- в сельских населенных пунктах Кабардино-Балкарской Республики.

Объект исследования.

В исследовании принимали участие 2500 респондентов разных возрастных групп, профессий, разного пола.

Предмет исследования.

1. Влияние трансформационных процессов российского общества на гендерные взаимоотношения в традиционном обществе.

2. Степень адаптированности гендерных систем в условиях экономического кризиса.
3. Уровень электоральной активности женщин Кабардино-Балкарской Республики.
4. Гендерная парадигма в конфессиональном пространстве (политический контекст).

Инструментарий исследования.

В качестве инструмента сбора информации использовались социологические анкеты, в которых содержится структурно-организованный набор вопросов, каждый из которых отражает программные и процедурные задачи исследования. Получена информация по 50 показателям, основанным на результатах конкретных социологических опросов населения, носящих репрезентативный характер.

Проведенные программно-тематические опросы, дали следующие результаты.

Анкета № 1. «Выявление уровня электоральной активности женщин КБР».

Исследования показали, что заинтересованность женщин политикой невелика – всего 13 % в целом по республике.

На вопрос: «Назовите наиболее видных политиков РФ и КБР» (опрошено 526 женщин):

кабардинки	балкарки	русские
5,3%	4,7 %	11,1 %

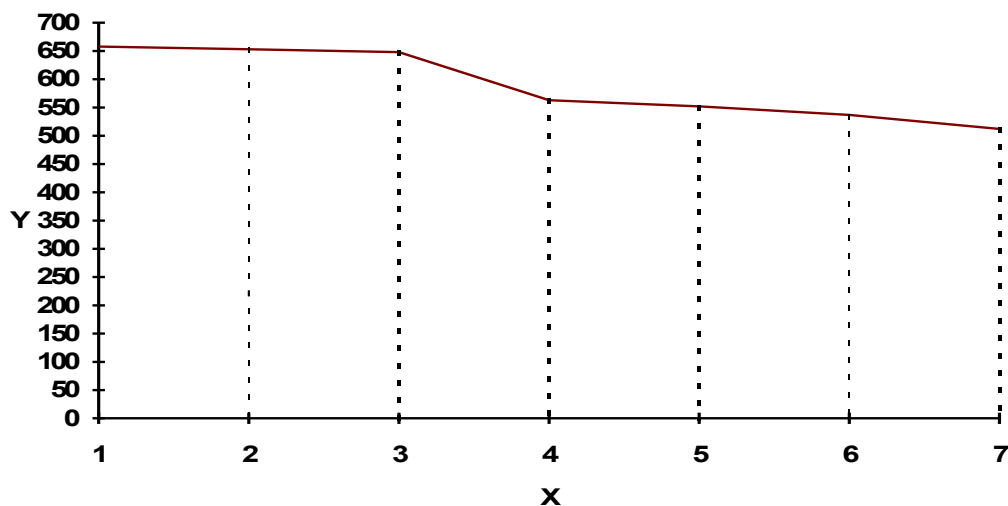
При рассмотрении уровня женской политической активности в общинах второго порядка в селах мы не можем не отметить положительную динамику, присущую второй половине 90-х. Мы изучили материалы выборных кампаний в местные советы первого и второго созывов – по 17 сел для каждого цикла. И в том и в другом случае выборка населенных пунктов была случайной.

	Кабардинские села	Балкарские села	Русские села
1995	13,5 %	4,5 %	41 %
2000	14,2 %	9,8 %	45,7 – 57 %

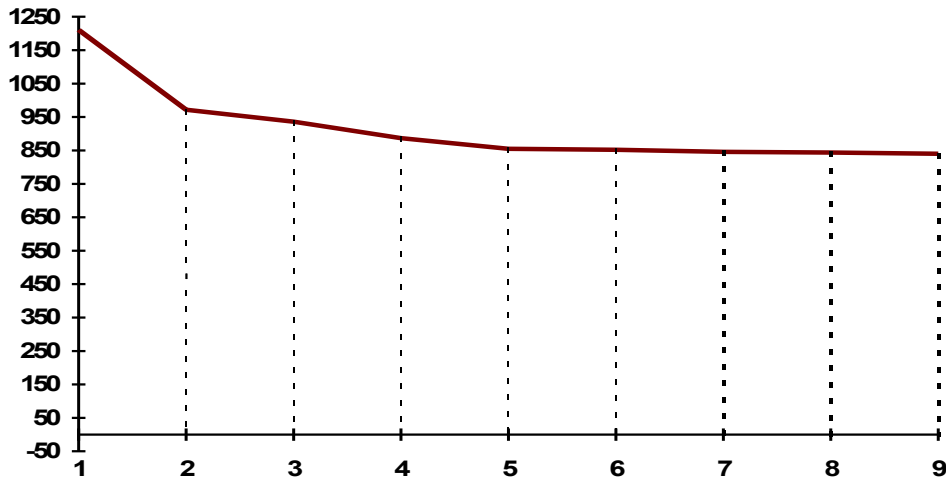
Данные сравнения списков депутатов сельских советов и количества набранных ими голосов (выбор населенных пунктов КБР проводился по случайному принципу).

Выявлена определенная разница между национальными селами и селами с русскоязычным населением.

Разброс количества набранных голосов среди семи депутатов Янтарненского поселкового совета (Прохладненский район) лежит в границах от 658 до 512, причем график падения этого показателя лишен резких перепадов: 658 – 653 – 648 – 563 – 552 – 537 – 512. Участие в голосовании при этом приняло 1250 человек.

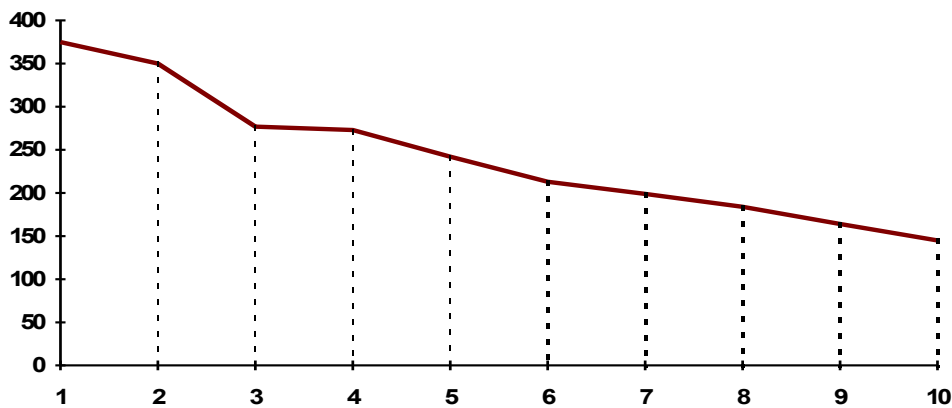

В Александровском станичном совете: девять депутатов «уложились» в границах 1211 – 840:

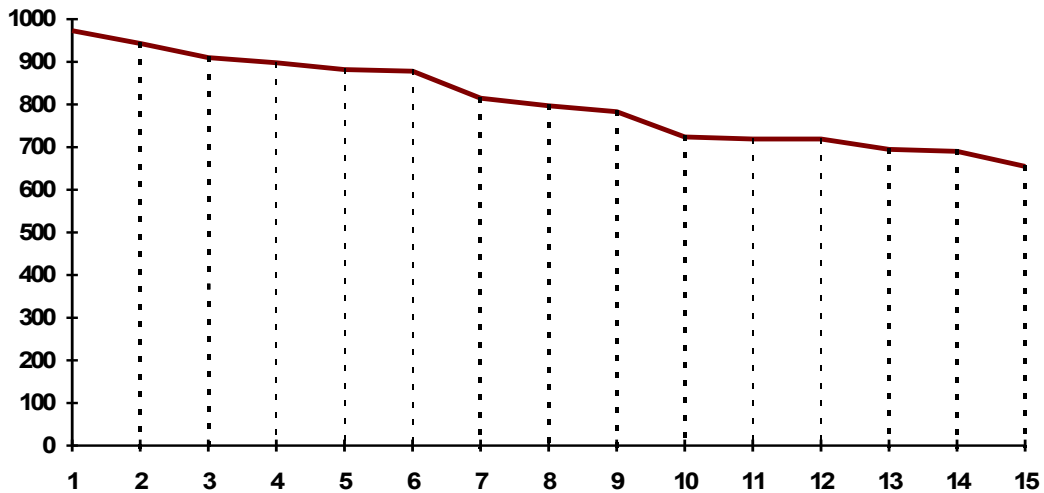

Распределение голосов от набравшего наибольшее количество до наименьшего 1211 – 972 – 936 – 887 – 855 – 852 – 846 – 844 – 840, причем если не считать показатель в 1211 голосов несколько «выбивающимся» из общего ряда.

Октябрьский сельсовет (Майский район) – 375 – 350 - падение, далее – 277 – 273 – 242 – 213 – 199 – 184 – 164 – 145:

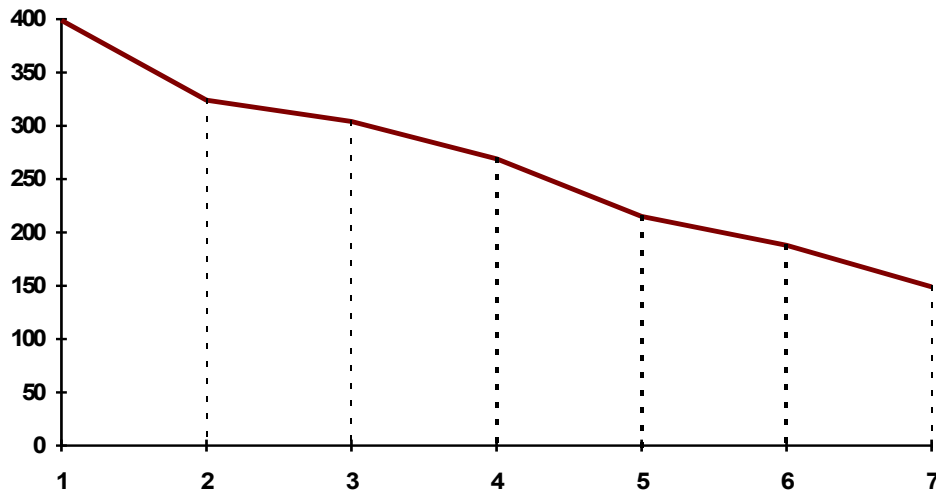

Прималкинский сельсовет (Прохладненский район) – 973 – 943 – 910 – 898 – 882 – 878 – 815 – 797 – 783 – 724 – 719 – 719 – 695 – 690 – 655:

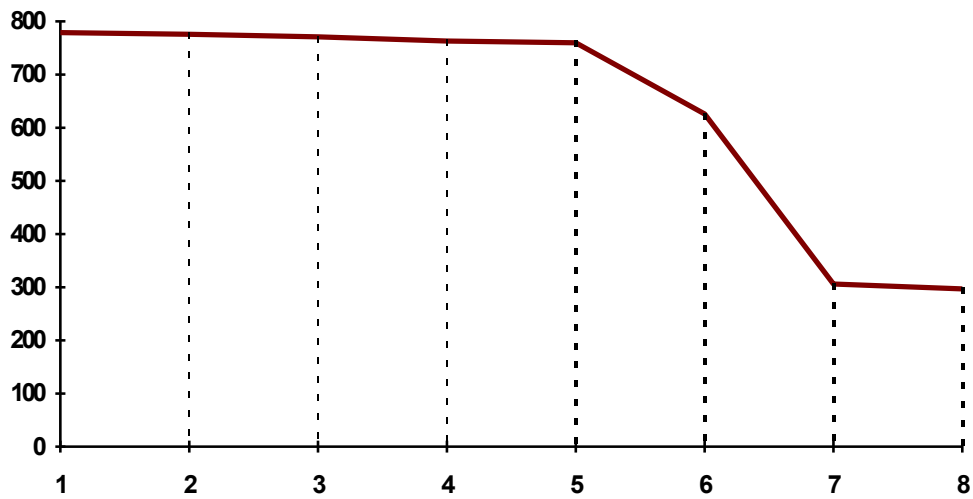

Эта тенденция наиболее четко выявляется в крупных селах с количеством избирателей, превышающим 1500 человек (что имеет, по всей видимости, чисто математическое объяснение), но она очевидна и в небольших русскоязычных населенных пунктах.

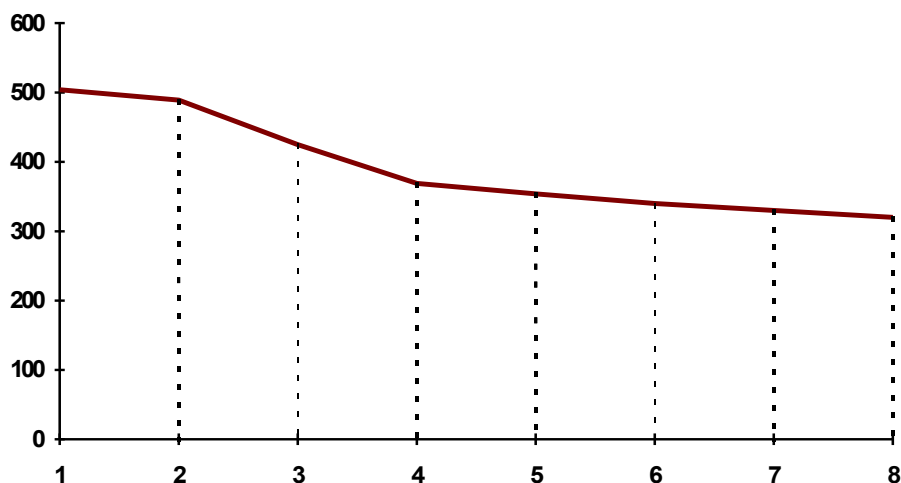
Обзор электоральных показателей в кабардинских и балкарских селах в большинстве случаев дает несколько иную картину. Лечинкай – 9 депутатов, распределение голосов - 1560 – 1545 – 1497 – 1481 – 1446 - 1403 – 1314 – 1281 – 1149, Верхний Чегем от 654 до 383 (голосовали 681 избирателей), в Верхнем Курпе – от 779 до 297 (937 избирателей), Хушто-Сырт – от 399 до 149 (489 голосовавших) и так далее. При этом частые перепады в графике падения набранных голосов – повсеместное явление. Как минимум, линия снижения данного показателя имеет два и более разрыва (около 15 - 20 %): Хушто-Сырт – 399 – 324 – 304 – падение – 269 – падение – 215 – 188 – падение – 149:

Верхний Курп – 779 – 776 – 771 – 763 – 760 – разрыв – 626 – разрыв – 306 – 297:

Былым – 504 – 489 – разрыв – 425 – разрыв – 369 – 354 – 340 – 330 – 320:

Анкета 2. Трансформация гендерных взаимоотношений и ценностного сознания гендерных систем в процессе модернизации традиционного общества на Северном Кавказе.

На вопрос: Кто является главным кормильцем в семье, выявились следующие показатели (% от опрошенных):

Кто является основным добытчиком в семье %	Кабардинцы		Балкарцы		Русские	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Муж (жена)	26	28	36	21	32	29
Я сам (сама)	46	58	46	58	43	54

На вопрос: «За счет чего формируется доходная часть семейного бюджета»:

		мужчины	женщины	
			кабардинки	балкарки
	За счет продаж вязанных вручную шерстяных и полушерстяных изделий и синтетического трикотажа		30,27 %	69,73 %
	За счет челночного бизнеса		36,2 %	63,8 %
	Удовлетворены ли Вы своим материальным положением	64 %	52,1 %	47,9 %

На вопрос: «Какая форма семейного бюджета для Вас подходит?»:

	мужчины	женщины
Семейным бюджетом должны распоряжаться обо супруга	52,2 %	57,8 %
Предпочли бы, чтобы деньги семьи находились в руках мужчины	20,3 %	11 %
Отдают привилегии жене	27,5 %	31,2 %

Представления мужчин и женщин коренных национальностей Кабардино-Балкарской Республики о своей социальной идентификации (% от опрошенных)

Социальная идентификация	кабардинцы		балкарцы		русские	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Высший слой	3	3	5	4	-	-
Средний слой	79	65	81	73	57	44

Низший слой	18	32	14	23	43	56
-------------	----	----	----	----	----	----

Показатели готовности женщин улучшить свое материальное положение (% от опрошенных)

Ответы на вопрос «Что Вы готовы сделать, чтобы улучшить свое материальное положение?»	кабардинки	балкарки	русские
Изменить род деятельности	62	38	25
Искать новую работу	53	24	57
Искать подработку	54	48	36
Начать свое дело	43	67	10
Уехать за пределы республики, чтобы иметь возможность заработка	46	35	62

В блоке вопросов, касающихся анализа реальных практик распределения семейных обязанностей, выявилась следующая картина (%):

	Покупка продуктов	Приготовление пищи	Стирка, уборка	Воспитание детей	Работа на приусадебном участке
Занимается жена	69	83	89,4	34,5	15
Занимается муж	5,8	1,4	-	1,2	18,4
Занимаются вместе	25,2	15,6	10,6	64,3	66,7

Как видно, распространена практика традиционного распределения семейных обязанностей, но наметилась тенденция к повышению уровня совместного ведения домашнего хозяйства.

При изучении аксиологических критериев сознания членов гендерных групп (исключая этническое содержание) выявилась следующая картина:

- здоровье
- семейное благополучие
- благосостояние
- личная свобода
- внутрисемейные взаимоотношения.

На вопрос: «Вам двадцать лет. Незнакомый мужчина пытается познакомиться с вами на улице, скажете ли Вы ему свое имя?» (опрос проводился среди жительниц города Нальчика, 166 опрошенных):

	Да	Нет
50 лет и ниже	1%	99%
40-50 лет	1,4 %	98,6 %
40 лет	24 %	76 %
40-35 лет	36 %	64 %
35 – 30 лет	52 %	48 %

На вопрос об отношении к возможному знакомству подобным образом своих детей: «А что, сейчас все так знакомятся?», «Время такое, ничего страшного?», «Был бы человек нормальный?»:

	Да	Нет
40-50 лет	31 %	69 %
40-35 лет	64,2 %	35,8 %

	и бо ле е				бо ле е	ле т	ле т		и бо ле е		т	
Требование: вернуться и отомстить обидчику. (1 пик)	92, 3	81, 1	74,3	-	90, 4	81, 6	75, 6	63	89, 8	73, 2	43	8,2
Если тебя обижают, пожалуйста старшим.	0, 4	0,5	1,2	1,2	-	0,2	-	0,3	0, 5	0,4	0,2	0,2
«Правовое» разрешение конфликта	7, 3	18, 4	24,5	14,5	9,6	18, 2	24, 4	36, 7	9, 7	26, 4	56, 8	80,6
Предпочтени е воинского поведения своего ребенка (2 пик)	-	-	-	82,3	-	-	-	87, 4	-	-	-	11

Анкета 3. Процесс исламизации в Кабардино-Балкарской Республики: формирование новой идентичности.

Опрос проведен с учетом квот по полу, возрасту, национальной принадлежности, месту жительства (400 человек: 17, 4% - русские, 82,6% - кабардинцы и балкарцы.

На вопрос: «Что Вы считаете основным признаком принадлежности к нации:

	кабардинцы	балкарцы	русские
Знание языка	31,9	31	11,4
Знание обычаев	7,4	7,6	0,9
Религиозная принадлежность	3,5	3,5	2,8

Выделены ряд вопросов, связанных с отправлением религиозных обязанностей и знанием конфессиональной ритуалистики:

- 25% опрошенных проявляют высокую степень безразличия к ходу религиозных отправлений.

- 75% питают к ним живой интерес.

- 35,4 % - городские респонденты, демонстрирующие более высокое знание подобных моментов.

На вопрос: «Какое количество утренних молитв или вечерних поминальных во время похорон можно считать правильным»:

- 20,4% респондентов сельской местности дали категоричные ответы,

- 70,9% продемонстрировали лояльное отношение к моментам расхождения ритуала в различных селах;

- 70% жителей г. Нальчика высказали свое неприятие альтернативного мнения. Именно горожане демонстрируют желание быть точнее и ближе к каноническим требованиям ислама и шариата.

Экспресс-опрос, проведенный в апреле 1998 года в 14 школах столицы республики, выявил следующую картину: из общего количества респондентов (опрашивались только ученики последнего года обучения) – 200 юношей и 100 девушек – 16 учеников заявили, что совершают ежедневный пятикратный намаз, еще 11 предполагали обратиться к исламу в ближайшем обозримом будущем. Среди учениц 9 уже делали намаз, столько же готовились к переходу к исламским нормам жизни. В одной из школ – именно упоминавшегося района – две девушки уже носили хеджаб. Самым показательным при этом было то, что из совершавших намаз – 5 юношей и 3 девушки были этническими русскими.

Пики новообращений приходятся на категории 14-15 лет и 20-23. Это означает, что результаты экспресс-опроса (фактически пошаговое, с коррекцией по численности анкетирование по трем пунктам – «Ваше отношение к исламу?», «Делаете ли Вы намаз?», «Собираетесь ли Вы начать делать намаз в ближайшее

время?») не полностью вскрывали картину распространения ислама среди учащихся.

Доля новообращенных женщин до 40 лет:

1995 г. – 10% от численности мужчин.

1999 г. – 30%.

2000 – 2010 – доля женщин от численности мужчин практически сравнялась – 58%.

Исследуя процессы конфессионального изоляционизма, экспресс - анкетирование (два вопроса «Сколько детей вы хотели бы иметь?» и «Возможно ли, что Ваш супруг не будет мусульманином?»), проведенного в конце 2009 года (600 респонденток) среди незамужних девушек-мусульманок – жительниц Нальчика и пригородов в возрасте до 23 лет, выдало весьма показательные результаты. 432 девушки (72%) рассчитывают иметь трех и более детей. 96% из общего количества опрошенных (576 респондентов) не видят в роли своего мужа никого, кроме приверженца ислама.

Анкета 4. Выявление мотивационных и целевых установок современного студенчества.

Приоритетные ценности среди студенческой молодежи:

- семья – 18,8 %
- хорошее образование – 23,8 %
- хорошая работа – 57,4%

На вопрос: «Каковы Ваши семейные материально-бытовые условия»:

- к обеспеченным слоям себя отнесли – 60% (учащиеся престижных и особо престижных факультетов).

На вопрос: «Допускаете ли Вы для себя помимо учебы дополнительную занятость»:

- Да -70 % обеспеченных студентов;
- 43 % - из малообеспеченных слоев населения даже не задумываются о возможности дополнительного заработка.